Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/proiskhozhdenie1v3miat

The Institute of Mediaeval Studies
LIBRARY
Toronto, Ontario

LIBRARY

Просвѣтительныя чтенія по исторіи Русской страны, примѣненныя къ широкой возможности пояснять ихъ картинами для волшебнаго фонаря, соотвѣтственно съ наиболѣе яркими мѣстами чтеній, но составляющія и помимо такого рода картинъ общедоступную книгу обо всемъ прошломъ нашего дорогого отечества.

Часть I.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ САМОБЫТНОЙ РУССКОЙ НАРОДНОСТИ

и

РОССІЯ ВЪ СТАРОДАВНІЯ ВРЕМЕНА ДО ОБРАЗОВАНІЯ РУССКАГО ГОСУДАРСТВА.

Выпускъ I.

Составлено П. П. Мятлевой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Сунодальная Типографія.
1911.

Въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Богъ.

Оно было въ началѣ у Бога.

Все произошло чрезъ Него, и безъ Него ничего не было, что̀ есть.

(Евангеліе отъ Іоанна, глава I).

MAY 13 1974

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прежде, чѣмъ читатель раскроетъ послѣдующія страницы мной издаваемой книги: «Исторія Русской Страны и Самобытной Русской Народности», снабженной во всей ея полнотѣ соотвѣтствующими тексту свѣтовыми картинами, я считаю не лишнимъ пояснить каждому,--что эта общедоступная, какъ я надѣюсь, по своему изложенію, книга, однако, необходимо строго-научна по содержанію, а оттого сразу, во всемъ объемѣ своемъ, не можетъ самостоятельно быть усвоена еще дѣтскимъ или, вообще, по развитію своему недостаточно подготовленнымъ для нея умомъ. Она предназначается мною не исключительно для дѣтей школьнаго возраста, какъ это, весьма вѣроятно, многимъ придетъ на мысль, въ виду прилагаемыхъ къ ней картинъ волшебнаго фонаря; но, имѣя широкой цѣлью ознакомленіе съ судьбами Родины, вообще, всѣхъ русскихъ людей, до глубины низшихъ слоевъ простого народа, при явныхъ стремленіяхъ къ всестороннему знанію его современной, рвущейся въ учебныя заведенія молодежи, я беру масштабомъ моей задачи учениковъ отъ 13—14 лѣтъ, до, городомъ или заводомъ въ извѣстной степени развитыхъ умственно, простолюдиновъ, отъ 17-ти лѣтъ и старше. Предоставляю я книгу мою преимущественно не

дѣтямъ, а ихъ учителямъ; не столько учащимся, сколько учащимъ; скорѣй читающимъ на народныхъ чтеніяхъ, чѣмъ школьно еще крайне скудно образованному народу, однако, какъ я сказала, громко требующему для себя теперь такого образованія. И, на мой взглядъ, желательна при обученіи его обстановка, которая, по возможности, не выбивала бы крестьянскую молодежь на голодъ и гибель изъ всего склада условій ея ежедневной трудовой жизни; не вырывала бы изъ-подъ ногъ ея твердой почвы и не бросала бы ее, такъ сказать, за бортъ родного домашняго очага: отъ сохи и топора прямо въ среднее или высшее учебное заведеніе, безъ опредѣленной будущности,—часто безъ вѣрнаго куска хлѣба. Я питаю близкую моему сердцу надежду, что трудъ мой, кромѣ того что явится не лишенною нѣкоторой занимательности и значенія книгой въ рукахъ отдѣльнаго читателя,—дастъ повсюду на полкахъ школьныхъ книгохранилищъ и народныхъ читаленъ, въ распоряженіе учителей и чтецовъ при туманныхъ картинахъ, цѣнное руководство по всей исторіи русской страны, съ рѣдко богатыми для одной книги данными, какія только могли для нея доставить лучшіе наши историки,—такъ какъ я, при изложеніи хода и смысла событій, своего не осмѣливалась почти ничего прибавить такого, въ чемъ бы не опиралась на ихъ авторитетныя сочиненія. Дорогія открытія ихъ многолѣтнихъ научныхъ изслѣдованій, сокровища отечествовѣдѣнія, какія они внесли своими трудами въ Исторію нашей Родины,—пусть, какъ полныя, добрыя сѣмена, получатъ теперь возможность разсѣяться въ мысляхъ и представленіи народа по всей Россіи! Они дадутъ драгоцѣнный всходъ ясна-

го пониманія имъ самого себя, своихъ достоинствъ и недостатковъ, при возрожденномъ стремленіи поддержать эти достоинства всѣми силами такъ же, какъ преодолѣть недостатки. Приэтомъ не можетъ не вспыхнуть въ русскихъ сердцахъ исполненная благоговѣйнаго почитанія любовь къ ожившимъ вдругъ, передъ умственными очами молодыхъ поколѣній, образамъ великихъ людей сѣдой старины: князей бояръ, духовныхъ лицъ и простыхъ гражданъ, создавшихъ русскую землю своими подвигами, ее спасавшихъ и защищавшихъ своею грудью, бывшихъ борцами за правду, друзьями нищихъ и угнетенныхъ. Не можетъ въ народѣ не возрасти сознаніе духовной, коренной связи его съ русской землей; чувство того, насколько она близка его душѣ, и что народное общее дѣло свою отчизну украсить,—какъ украшается все сердцемъ любимое и ему дорогое,—чистою, лучезарной славой, черезъ посредство гражданскихъ доблестей,—славой высокихъ самоотверженныхъ подвиговъ, по примѣру многихъ выдающихся дѣятелей самыхъ лучшихъ страницъ русской исторіи,—ради блага и счастья Родины.

Происхожденіе самобытной русской народности и Россія въ стародавнія времена до образованія Русскаго государства *).

ВСТУПЛЕНІЕ

и

предварительный историческій очеркъ.

Когда то – въ очень далекія отъ насъ времена––русскій народъ, какъ и всѣ окружающіе его народы, напримѣръ: шведы, французы, нѣмцы, теперь живущіе самой высокой, роскошной и образованной человѣческой жизнью,––были такими же дикарями, какихъ въ наше время мы можемъ встрѣтить только въ глухихъ, мало еще заселенныхъ краяхъ Сѣверной Азіи или пустынной Африки, среди негровъ или монголо-татарскихъ племенъ Сибири. Но въ наше столѣтіе, уже 20-е послѣ Рождества Христова, когда обра-

*) Матеріалъ собранъ въ трудахъ И. Е. Забѣлина, Д. И. Иловайскаго, П. Полевого, Н. Кондакова съ графомъ И. Толстымъ и профессора І. А. Хойновскаго, а также отчасти въ «Семейномъ Университетѣ» Комарскаго и книжкѣ Рубакина: «Откуда пошла Русская Земля». Мѣстами сдѣланы почти прямыя выписки изъ сочиненій вышеназванныхъ авторовъ, приведенныя лишь въ послѣдовательную связь, согласно ходу здѣсь выдвигаемыхъ, основныхъ событій и постепенно въ нихъ развивающейся исторіи русской народности.

зованность разлилась широкой волной по всей землѣ, дикари эти окружены примѣромъ умственно-развитыхъ народовъ, какими давно уже стали тѣ же французы, нѣмцы, русскіе и др. Они легко подпадаютъ подъ власть образованныхъ государствъ, послѣ чего обучаются у нихъ скоро всѣмъ мастерствамъ, изобрѣтеніямъ и познаніямъ современнаго человѣка. За нѣсколько же сотъ лѣтъ до Рождества Христова дѣло обстояло иначе. Тогда дикари бродили несмѣтными ордами по огромнымъ, пустымъ пространствамъ мало еще заселенной Европы,—ища для себя удобныхъ и плодородныхъ мѣстъ: прежде всего вдоль судоходныхъ рѣкъ и на морскихъ берегахъ. Образованныя народности нашего «куска» земли, называемаго Европой,—въ тѣ времена: греки и римляне,—были очень немногочисленны по сравненію съ полчищами дикарей, все прибывавшихъ, неудержимо какъ саранча, черезъ южно-русскія степи, изъ степей Азіи. Они вели съ ними частыя войны и долго ихъ побѣждали силой военнаго своего искусства, а также твердостью духа отважныхъ, мудрыхъ своихъ вождей,—покуда дикихъ племенъ жило еще немного въ пустынныхъ земляхъ, сосѣднихъ съ ними и имъ подвластныхъ,—или же неизвѣстныхъ имъ. Сначала въ древней Европѣ преобладала Грецiя, на страницахъ своей исторіи отпечатлѣвшая всѣмъ знакомое имя великаго завоевателя Александра Македонскаго. А потомъ Римское государство во времена своей громкой, всемірной славы за 200 лѣтъ до Рождества Христова непобѣдимо хозяйничало повсюду, и всѣ другіе народы, тогда сложившіеся на землѣ, не только въ Европѣ, но даже въ Азіи и Африкѣ, со-

единило вокругъ безграничной власти одной надменной, пышной столицы Италіи. Греція тогда потеряла свою независимость и составляла только восточную половину Римскаго государства. Но послѣ Рождества Христова римскій Императоръ Константинъ Равноапостольный, принявъ христіанство, покинулъ развратный, языческій Римъ, уже утратившій въ распутствѣ праздной, роскошной жизни былую доблесть и несокрушимую свою силу. Онъ перенесъ столицу Римскаго государства въ прежнюю Грецію, на тотъ Балканскій полуостровъ, гдѣ въ наше время господствуетъ Турція. Здѣсь, на берегу Чернаго моря, былъ построенъ греками, еще за нѣсколько сотъ лѣтъ до Рождества Христова, городокъ Византія. Онъ занималъ крайне выгодное положеніе для торговли и славился красотой окружающей его мѣстности. Константинъ избралъ этотъ городъ своею новой столицей, почему стали его называть Константинополемъ. Подъ этимъ именемъ онъ позже сдѣлался главнымъ городомъ турокъ и намъ извѣстенъ нынѣ. Тогда же вся восточная половина Римскаго государства—Греція переименовалась, по мѣсту пребыванія Императора, въ Византію.

Между тѣмъ за 100 лѣтъ до Рождества Христова пришли въ движеніе дикія племена, жившія по всей Европѣ внѣ римскихъ владѣній. Они накидывались на римлянъ—свирѣпые и безобразные. Римляне вели съ ними ожесточенныя войны и покоряли ихъ своей власти. Нынѣшняя Германія, Франція и Испанія незадолго до Рождества Христова принадлежали римлянамъ, благодаря побѣдамъ ихъ полководцевъ. Но вотъ противъ владычества Римскаго государства возсталъ одинъ

умный и сильный царь на берегу Чернаго моря. Море по гречески называется «Понтъ», а потому и царство этого государя называлось Понтійскимъ. Я думаю—всѣмъ извѣстно, что Черное море омываетъ южныя земли нашей Россіи: Крымъ, Херсонскую губернію, области Донскую и Кубанскую. По этимъ землямъ греки еще за 500 лѣтъ до Рождества Христова основали свои выселки и торговые городки, такіе же какъ Византія. Они скоро окрѣпли, разбогатѣли и ко времени Рождества Христова сами представляли изъ себя маленькія государства, имѣвшія во главѣ то царей съ неограниченною властью, то народное управленіе. На нихъ часто нападали и заставляли ихъ откупаться богатой данью тѣ дикія племена, что жили до Рождества Христова на югѣ нашей Россіи, въ ея степяхъ и лѣсахъ, по берегамъ Днѣстра, Днѣпра и Дона, вокругъ Азовскаго моря,—тогда называвшагося Меотійскимъ,—и до самой Волги. Понтійскій царь, по имени Митридатъ, говорившій на 22-хъ иноземныхъ языкахъ, разгромилъ и подчинилъ своей власти этихъ далекихъ предковъ русской народности. Онъ взялъ подъ свое покровительство всѣ приморскія владѣнія грековъ, но ихъ заставилъ, такъ же какъ покоренныхъ имъ дикарей, носившихъ названіе скиѳовъ и савроматовъ, идти войною на «волчье гнѣздо» по его выраженію,—то есть на гордый, могучій Римъ. Собственно скиѳами назывались кочевники, то есть бродившія по степямъ племена, между устьями Буга и Дона, а савроматы жили отъ устьевъ Дона до Волги. Они составляли, въ извѣстной долѣ, зачатокъ той, широко распространившейся позже во всей восточной половинѣ Европы, сла-

вянской народности, что потѣснила, въ общемъ своемъ сліяніи племенъ мѣстныхъ съ пришлыми изъ далекой Азіи,—германскую расу, или породу людей иного, германскаго склада,—дальше на западъ, т. е. въ нынѣшнюю Германію. Славяне же съ незапамятныхъ временъ осѣли по берегамъ Дуная, гдѣ живутъ сейчасъ наши братья по общему родовому корню: болгары, сербы и черногорцы,—въ горахъ Карпатскихъ и въ прежней Червонной Руси, отошедшей къ Австріи. Римляне собрали всѣ свои силы и на голову разбили царя Понтійскаго въ 84 году до Рождества Христова, послѣ чего заставили его очистить отъ своихъ войскъ римскія провинціи и уплатить военныя издержки Риму. Митридатъ не угомонился, и продолжалъ воевать съ ними, пока наконецъ римскій полководецъ Помпей не разбилъ его въ Малой Азіи окончательно въ 66 году до Рождества Христова. Дикіе скиѳы, соприкасавшіеся до сихъ поръ только съ греками и заставлявшіе, какъ мы сказали, ихъ богатые выселки уплачивать себѣ дань,—благодаря Митридату столкнулись въ первый разъ съ римлянами. Римскія войска заняли лучшіе города грековъ, и Римское государство простерло свои владѣнія до самыхъ устьевъ Дона. Въ то время скиѳы уже теряли свои особенности и самостоятельность своей народности. Ихъ знаменитый царь Скилуръ, разбитый войсками Митридата, былъ старъ и дряхлъ, а сыновья его между собою ссорились. Тогда савроматскія племена, какъ мы увидимъ ниже, надвинулись изъ-за Дона и покорили сродниковъ своихъ, скиѳовъ. То, что̀ не могъ сдѣлать Митридатъ, то сдѣлали савроматы. Они побѣждали римлянъ въ

своемъ движеніи по южно-русскимъ степямъ къ Дунаю, такъ что тѣ, наконецъ, стали платить имъ дань—уже 100 лѣтъ спустя послѣ Рождества Христова, а Императоръ римскій Траянъ велѣлъ соорудить большіе земляные валы, укрѣпленные затѣмъ его войсками, между Дунаемъ и Днѣстромъ,—чтобы оградить отъ нападенія савроматовъ (или сарматоьъ)—владѣнія римскія на востокѣ. Римское государство къ этому времени, 200 лѣтъ спустя послѣ Рождества Христова, клонилось уже къ упадку, среди непомѣрной роскоши богачей и нищеты народа, привыкшаго къ буйной праздности и, при даровой раздачѣ голоднымъ хлѣба, жаждавшаго однихъ кровавыхъ зрѣлищъ римскаго цирка. Солдаты дѣлали, что хотѣли, смѣняя грубой силою Императоровъ. Прежняя любовь къ родинѣ, соединенная съ строгостью чистыхъ нравовъ и неподкупнымъ самопожертвованіемъ, совсѣмъ исчезла. Золото стало идоломъ, всемогущей силой; а честолюбіе замѣнило честность. Христіанъ звѣрски мучили за ихъ проповѣдь милосердія съ равенствомъ всѣхъ людей передъ Богомъ и стойкость въ истинной вѣрѣ. Въ Имперіи появилось нѣсколько Императоровъ, такъ какъ она волей-неволей, вслѣдствіе своей громадности, должна была раздѣлиться подъ властью нѣсколькихъ лицъ изъ царской семьи. Они, конечно, ссорились и воевали другъ съ другомъ. Послѣ великаго Константина, положившаго основаніе самостоятельной Византійской Имперіи, можно отмѣтить какъ замѣчательныхъ Государей: Юліана, правившаго единолично всею Имперіей и прозваннаго «Отступникомъ» за приверженность свою къ язычеству; а потомъ Ѳеодосія, наоборотъ утвер-

дившаго снова прочно христіанскую Церковь и получившаго отъ потомства титулъ «Великаго».

Въ это время въ степяхъ Черноморскихъ—бывшихъ областяхъ скиѳовъ и савроматовъ—царило германское племя готовъ, на нихъ обрушившись съ сѣверо-запада, съ нижняго теченія Вислы и съ береговъ далекаго Балтійскаго моря. Готы нападали на римлянъ и уводили ихъ въ плѣнъ. Предшественникъ Ѳеодосія, Императоръ восточной части Римской Имперіи—Валентъ погибъ въ сраженіи съ ними въ 378 году. По смерти же Ѳеодосія, готы, подъ предводительствомъ замѣчательнаго своего полководца Алариха, напали на западную Римскую Имперію и разграбили Римъ въ 410 году (картину этого разграбленія мы увидимъ дальше). Между тѣмъ, на него съ востока надвинулась новая грозная туча, собственно гнавшая готовъ къ западу, въ земли Рима, и поражавшая ихъ на своемъ пути. Это были несмѣтныя полчища дикихъ гунновъ—народа славянской крови, предковъ Дунайскихъ болгаръ, двинувшихся за Донъ съ предгорій Кавказскихъ, изъ-за болотъ Азовскаго моря. О нихъ тоже рѣчь будетъ впереди. Скажемъ пока, что вслѣдъ за готами въ Италію вторгались гунны, предводимые великимъ вождемъ своимъ грознымъ, несокрушимымъ Атилой. Съ большими потерями римляне отразили однако его нашествіе, благодаря послѣднему изъ своихъ славныхъ, доблестныхъ полководцевъ Аэцію (есть картина). Римское государство пало въ 476 году отъ руки германскихъ наемныхъ войскъ. Все это время, со смерти Валента въ 378 году, извѣстно въ исторіи подъ названіемъ *Великаго переселенія народовъ*, когда готы и

гунны, германцы и славяне, смѣшанные съ племенами тюркскими и финскими на востокѣ, бродили съ мѣста на мѣсто, ища осѣдлости и выбирая себѣ въ Европѣ свободныя земли для поселенія. Эти дикія племена тогда сломили собой и стерли съ лица земли уже сложившіеся народы древняго міра, сосредоточенные во власти побѣдоноснаго Рима. Подъ ихъ наплывомъ погибла вся образованность греческая и римская. Она до поры до времени, но уже измѣненная христіанствомъ, себѣ нашла пріютъ въ отдѣлившейся Византійской Имперіи, пережившей языческій Римъ на 1000 лѣтъ. Гунны въ Россіи слились съ осѣдлыми славянскими племенами, сначала покоренными ими, и растворились въ нихъ. Послѣ смерти Атилы ихъ грозная сила вдругъ улеглась, такъ что о нихъ больше не упоминаютъ въ исторіи подъ особымъ именемъ гунновъ.

Вотъ краткій перечень тѣхъ событій, что привели къ уничтоженію языческой образованности и первыхъ сильныхъ, вполнѣ развившихся человѣческихъ государствъ, какими въ Европѣ были просуществовавшія среди громкой славы, въ теченіе 700 лѣтъ до Рождества Христова, Грэція и Римъ. Какъ было мной уже сказано, большая часть Европы въ то время была очень рѣдко заселена. Много въ ней находилось непроходимыхъ лѣсовъ, гдѣ жили привольно только хищные звѣри,—и мѣстъ свободныхъ для поселенія новыхъ пришельцевъ. Люди искали, во-первыхъ, странъ теплыхъ и плодородныхъ по берегамъ рѣкъ или морей, и только такіе благословенные Богомъ края населялись сначала. Потому югъ Европы породилъ первый цвѣтъ человѣческой умственной и духов-

ной жизни, когда она начала выражаться не только въ одной заботѣ о насыщеніи тѣла и объ устройствѣ для себя крова,—но шла все дальше и дальше отъ состоянія звѣря. Простое логовище, какъ жилье въ пещерѣ или землянкѣ, мало-по-малу стало роскошнѣйшими мраморными дворцами. Желаніе придать извѣстную красоту необходимымъ предметамъ домашней утвари, труда, войны и охоты,—дало толчекъ тонкому мастерству и работѣ не только ради прямой нужды или пользы, но съ цѣлью создать, помимо того, изящную, дорогую вещь. Служеніе языческимъ богамъ природы, отъ самаго грубаго представленія о добрыхъ и злыхъ ихъ силахъ—отъ безобразныхъ идоловъ,—дошло до великолѣпныхъ греческихъ храмовъ; переродилось въ богатыя мыслей и содержаніемъ, «божественныя» какъ будто, сказки, полныя яркой, причудливой игрою воображенія; создало, неподражаемыя теперь по своему изяществу и совершенству работы,—мраморныя и бронзовыя изваянья боговъ. Такъ появились на землѣ первые ваятели, художники и сочинители, сначала пѣвшіе, а не писавшіе произведенія своего ума,—подобно нашимъ гуслярамъ много вѣковъ спустя.

Но повторяю: кромѣ Рима и Греціи въ тѣ времена вся Европа на большинствѣ своего пространства была совсѣмъ дика и пустынна.

Въ Азіи же,—колыбели народовъ,—наоборотъ, не хватало мѣста для постояннаго передвиженія громадныхъ ордъ дикихъ кочевниковъ, искавшихъ все новыхъ пастбищъ для своего многочисленнаго скота и для своихъ стоянокъ въ повозкахъ-шатрахъ (картины послѣдуютъ). Они тѣснили другъ друга и шли степями неудержимо къ пре-

дѣламъ Россіи въ Европу на постоянное жительство. Въ движеньи своемъ на Западъ новыя орды толкали передъ собою осѣвшіе на ихъ пути, опередившіе ихъ народы и, наконецъ, собою заполнили всю Европу, могучимъ потокомъ своимъ уничтоживъ,—какъ мы только что видѣли,—время свое отжившій и ослабѣвшій отъ внутреннихъ раздоровъ Римъ.

Савроматы сначала въ себѣ поглотили скиѳовъ. Германское племя готовъ съ сѣверо-запада пришло царить надъ ними. Позже пришедшіе гунны столкнули готовъ, раздѣлившихся на восточныхъ и западныхъ, въ Византійскую часть Римскаго государства, причемъ готы западные ушли съ Балканскаго полуострова дальше въ Римъ; побѣдили его впервые въ 410 году,—но потомъ снова ушли въ Испанію и на югъ Франціи. Восточные готы по слѣдамъ гуновъ докончили покореніе Рима подъ предводительствомъ своего знаменитаго короля Теодорика Великаго (картина слѣдуетъ дальше). Теодорикъ убилъ вождя германскихъ наемныхъ войскъ, возложившаго на себя Императорскую корону, и основалъ на развалинахъ Рима новое, уже христіанское, «восточно-готское» королевство.

Тѣмъ временемъ въ обширной и еще очень мало извѣстной южнымъ народамъ въ сѣверной своей части странѣ нынѣшняго Русскаго государства, послѣ нашествія гунновъ, начало выдѣляться и первенствовать среди мелкихъ славянскихъ племенъ—племя «Полянъ», обитавшее по берегамъ рѣки Днѣпра, выше его пороговъ, между полями и пашнями. Въ древнія времена славянъ этихъ, такъ какъ они занимались трудомъ

земледѣльческимъ,—греки звали: «скиѳами-пахарями».

Поляне, жившіе вдоль одного небольшого притока Днѣпра: рѣчки Рось,—сохранили имя ея, а князь этого племени, самый сильный, началъ соединять подъ свою власть другія сосѣднія племена. Славяне жили и далеко на сѣверо-западъ у береговъ Балтійскаго моря, въ сѣверной части нынѣшней Пруссіи, въ земляхъ позднѣйшей Польши. Но главный притокъ ихъ къ себѣ привлекалъ, мало-по-малу,—по мѣрѣ развитія всесторонней ихъ жизни,—торговый путь отъ озера Ильменя по рѣкѣ Волхову, а затѣмъ дальше внизъ по Днѣпру до Чернаго моря, до Византіи и устьевъ Дуная. Это былъ такъ называемый «Великій путь въ Греки». Черезъ него проникли къ намъ и европейская образованность, и христіанство, и всѣ богатства торговыхъ сношеній съ Греціей.

Нашъ сѣверо-востокъ и сѣверный край отъ Днѣпра долго считались необитаемыми, или про нихъ разсказывали греческіе историки и путешественники разныя страшныя небылицы,—напримѣръ: что тамъ живутъ свирѣпые людоѣды; одноглазые великаны; народы, спящіе шесть мѣсяцевъ въ году, и чудовища съ полу-птичьимъ, полу-звѣринымъ обликомъ, стерегущія золото. Какъ видно, правда тутъ перемѣшивалась съ чистымъ вымысломъ, такъ какъ на Сѣверѣ ночь дѣйствительно длится шесть мѣсяцевъ, смѣняясь столь же продолжительнымъ днемъ. Однако это не значитъ, что люди бодрствуютъ или спятъ все это время, какъ мы не проводимъ безъ сна петербургскія бѣлыя, майскія ночи. Дѣло въ томъ, что путешественники-купцы, проникая съ большими трудно-

стями до Уральскихъ горъ и до Алтая, дѣйствительно очень богатыхъ золотомъ, не хотѣли, чтобы по ихъ слѣдамъ шли дѣлить съ ними выгоды отдаленной торговли другіе промышленники, а потому старались ихъ напугать страшными сказками. Въ преданьяхъ и на рисункахъ древнихъ южнорусскихъ народностей, такъ же какъ въ греческихъ изображеніяхъ на оружіи, украшеніяхъ и сосудахъ, мы постоянно встрѣчаемъ крылатыхъ животныхъ съ туловищемъ льва и орлиною головой, извѣстныхъ подъ названіемъ «грифоновъ». Позже они служили прообразомъ всякой охраны: отъ злыхъ духовъ и отъ вражескихъ нападеній. Оттого древніе мастера охотно изображали ихъ и на щитахъ, и на домашней утвари, и на стѣнахъ жилищъ. Въ Сѣверо-Западномъ краѣ на берегахъ Балтійскаго моря и въ Пруссіи—добывался янтарь, цѣнимый древними выше золота; естественно, что купцы и эти мѣста старались всячески оградить отъ вторженья соперниковъ разными баснями, ими пугая болѣе робкихъ.

Картина: Грифонъ.

Вслѣдствіе этихъ темныхъ преданій и недостатка письменнаго свидѣтельства, мы русскіе очень долго, почти до самаго настоящаго времени, ничего не знали о нашихъ предкахъ одного съ нами славянскаго коренного рода и о всѣхъ древнихъ племенахъ вообще, привитыхъ исторіей къ тому же корню,—мало-по-малу вошедшихъ плотью и кровью въ составъ славянства. Для насъ было покрыто густою тьмой происхожденіе русскаго государства, и обитатели нашей страны въ древнія времена,—не только до Рождества Христова, но и въ теченіе восьми столѣтій спустя,—остава-

лись намъ вполнѣ неизвѣстными. Такимъ образомъ вся исторія Россіи являлась могучимъ, вѣтвистымъ и пышнымъ деревомъ,—будто безъ корня. Это нелѣпо. Чтобъ дать какое-нибудь начало нашему несомнѣнному существованію, мы придумали полусказочное преданіе о призваніи русскимъ народомъ трехъ братьевъ, будто бы шведовъ или норманновъ, для управленія нами, такъ какъ мы сами, славяне, себѣ не умѣли, дескать, устроить прочнаго государства. А вмѣстѣ съ тѣмъ на почвѣ этой сказки выросло государство не скандинавское, а чисто русское. Вѣдь это все равно, какъ если бы мы, не видя корней прекраснаго, густолиственнаго растенія, далеко спрятанныхъ въ земной глубинѣ,—сочли бы его цвѣтущимъ и разростающимся безъ корня. Такъ же невѣроятно думать, что русскій народъ окрѣпъ и выросъ, какъ бы сказать, сверхъ почвы,—благодаря норманошведской прививкѣ. Больно, обидно и странно—упорствовать въ такомъ мнѣніи, опровергаемомъ теперь достопочтенными, глубоко освѣдомленными историками: Забѣлинымъ и Иловайскимъ. Изъ нихъ: Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ основывалъ свои разслѣдованія на самоличныхъ раскопкахъ древнихъ могилъ южной Россіи, а Дмитрій Ивановичъ Иловайскій, на своихъ учебникахъ воспитавшій не одно поколѣніе русскихъ дѣтей, хорошо ознакомился съ нашею древнею монастырскою лѣтописью, а также съ памятниками древнихъ записей арабскихъ писателей,—вѣрнѣй путешественниковъ и купцовъ, посѣтившихъ нашу страну до ея крайняго Сѣвера. Попробуемъ же взглянуть на родину нашу ихъ прозорливыми, стойко, разумно любящими глазами и погрузимся сначала въ тьму

далекихъ вѣковъ по ихъ указаніямъ. Каждая многоводная, то тихо и плавно, то бурно текущая вдаль, рѣка имѣетъ свой подземный источникъ и, во-первыхъ, ему обязана своимъ теченіемъ. Каждое дерево держится на могучихъ своихъ корняхъ,—иначе рухнетъ. Итакъ: гдѣ корни? гдѣ первоисточникъ нашей могучей и самобытной русской народности? Ученые насъ ведутъ къ нему своими раскопками древнихъ тысячелѣтнихъ пластовъ земли и языческихъ могилъ нашихъ далекихъ предковъ. Въ эти могилы язычники клали съ покойникомъ все, что̀ употреблялось ими въ земной ежедневной жизни. Они не могли представить себѣ иного, безплотнаго существованія внѣ земли,—а потому въ разрытыхъ нынѣ могильныхъ насыпяхъ мы находимъ скрытую въ землѣ жизнь этихъ древнихъ народовъ, во всѣхъ ея подробностяхъ. Мы читаемъ по грубымъ туземнымъ, или искусно тонкимъ рисункамъ греческимъ, про ихъ обычаи и занятія, про религіозные ихъ обряды или домашнюю обстановку. Чего вѣрнѣе?

Могилы эти разсыпаны въ видѣ большихъ кургановъ на всемъ скиѳо-сарматскомъ югѣ Россіи, но кромѣ того онѣ встрѣчаются всюду, на всемъ ея протяженіи: и въ Перми, и въ Вяткѣ, и въ Новгородской губерніи, и во Владимірской; всюду разоблачаютъ намъ тайны древней исторіи разныхъ народовъ, жившихъ когда-то, на нашей родинѣ, даже тысячелѣтія до Рождества Христова. Взглянемъ внимательно на эти картины мертваго прошлаго, чтобы живая дѣйствительность озарилась для насъ свѣтомъ новой правды до самыхъ глубокихъ корней зарожденья и постепеннаго образованія Русскаго государства.

Понятно, что человѣкъ не могъ сразу научиться окружать себя предметами роскоши и удобства. Онъ только о томъ сначала заботился, какъ бы ему охранить свое существованіе на землѣ, защититься отъ хищнаго звѣря, укрыться отъ непогоды и раздобыться пищей. Не даромъ Господь, создавшій по образу Своему человѣка, послѣ созданія рыбъ, птицъ и звѣрей,—ему сказалъ, изгоняя его изъ рая: «въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ твой». По ограниченному разумѣнію своему мы представляемъ себѣ рай чуднымъ, сказочнымъ садомъ, полнымъ всякихъ земныхъ плодовъ и утѣхъ. Преданіе обозначило даже для него мѣсто, на берегу рѣки Евфрата, въ Месопотаміи. Но азіатская эта рѣка, Евфратъ, съ которой мы первымъ дѣломъ знакомимся въ Библіи,—почитаясь началомъ земного міра и человѣчества, какъ бы указываетъ на то, что Азія есть источникъ и колыбель всѣхъ земныхъ народовъ, что они оттуда распространились по всей землѣ.

2) Картина: Изгнаніе первыхъ людей изъ рая.

Рай надо намъ понимать иначе: не тѣломъ, а духомъ,—когда-то чистымъ, божественнымъ и блаженнымъ, теперь же скорбящимъ, падшимъ и угнетеннымъ грѣхомъ. Библія учитъ насъ, что благой, великій замыселъ Бога Отца, когда Онъ вывелъ вселенную изъ мертваго состоянія мрака и безпорядка,—премудро создавъ Своею творческой всемогущей силой стройный, прекрасный міръ,—былъ: увѣнчать Свое созданіе божественносовершеннымъ и разумѣющимъ славу Творца природы, во всѣхъ ея проявленьяхъ, свободнымъ волею человѣкомъ. Господь Богъ создалъ во всей природѣ начало мужеское и женское для неразрывнаго единенія, счастливой жизни и непороч-

ной, благословляемой Имъ любви людей между собою. Человѣку предназначено было воплотить въ себѣ высшее существо на землѣ, владѣющее разумно всѣми ея дарами и всѣми другими живущими на ней тварями. Онъ одинъ могъ съ разумною, полною ясностью сознавать въ окружающемъ его мірѣ премудрость Божію, долженъ былъ непрестанно благодарить Бога за свое собственное безмятежное, радостное существованіе. Но силы зла стерегли счастье человѣка. Онѣ искусили свободную его волю подъ видомъ змія и побудили нарушить дерзко завѣтъ, ему данный Богомъ, въ томъ, что касалось древа познанія добра и зла. Первые люди Адамъ и Ева рѣшили извѣдать зло вопреки запрещенію Господа Бога, ихъ оберегавшаго отъ грѣха. Забывъ всю милость Его— неблагодарные, соблазненные, они вкусили грѣховный плодъ, познали зло и отъ зла этого погибли. Тогда злой духъ восторжествовалъ. Люди же, заливаясь слезами раскаянья, были обречены на борьбу со зломъ и, лишившись своего свѣтлаго совершенства, изъ жизни божественно-чистой, возвышенной и безмятежно-счастливой низверглись въ темную бездну зла, искушеній, пороковъ, горестей и болѣзней. Господь оставилъ однако людямъ высшій ихъ разумъ и свободную волю, чтобы они могли собственными усиліями загладить свою вину, начать стремиться снова къ прежнему совершенству, пока ими утраченному на вѣки. Онъ благословилъ ихъ тяжелую участь въ мірѣ и по безконечной благости Своей, видя раскаянье ихъ, имъ позволилъ надѣяться въ будущемъ заслужить прощенье. Тутъ же Богъ далъ согрѣшившему въ лицѣ своихъ праотцевъ и тѣмъ обрекшему себя

3) Картина: Грѣхопаденіе Адама и Евы подъ злымъ вліяніемъ дьявола въ образѣ змія.

на страданіе, человѣчеству великое милосердное обѣщаніе: послать на землю Спасителя,—Своего Сына, Который «сотретъ главу змія» и приметъ на Себя искупленье грѣха людского. Въ наказаніе Богъ предназначилъ женщинѣ всѣ заботы и мученія материнства; мужчинѣ же, черезъ Адама, велѣлъ трудиться въ потѣ лица, чтобы ѣсть хлѣбъ свой. Вотъ почему трудъ, до нашихъ дней, народъ величаетъ: «святымъ трудомъ». «Трудящійся достоинъ пропитанія»,—позже сказалъ Христосъ: человѣкъ праздный падаетъ еще ниже въ темную пропасть духовной гибели. Этимъ опасно земное богатство, располагающее къ угожденію плоти и къ сытой лѣни. Оно не къ добру ведетъ слабаго человѣка, но часто мѣшаетъ ему тѣснымъ путемъ труда и скорби достичь спасенія своей души.

Такъ человѣкъ съ незапамятныхъ временъ началъ тяжелый жизненный путь, стремясь къ утраченному блаженству.

Въ Библіи говорится, что Господь Богъ въ шесть дней создалъ міръ. Вѣрнѣе будетъ принять эти шесть дней за прообразъ (болѣе доступный для пониманія народа)—шести раздѣленій отдѣльныхъ областей мірового творчества Бога. Сначала небо, потомъ земля, потомъ вода вошла въ свои берега,—и такъ дальше. Представимъ себѣ, что у Создателя нашего тысяча лѣтъ проходитъ какъ одинъ день нашей жизни—мгновенной по сравненію съ вѣчностью. Наша минута—можетъ быть годъ для букашки, живущей всего одинъ день. При такомъ широкомъ воззрѣніи на преданья до насъ дошедшихъ Священныхъ Писаній, по многу разъ переведенныхъ съ чужихъ, не

всегда вполнѣ понятныхъ для переводчиковъ, языковъ—мы избѣгаемъ сразу того мнимаго разногласія съ точной наукой, что въ насъ колеблетъ вѣру въ ученіе Церкви. Не мертвая буква писаннаго закона необходима нашей душѣ, а его главный смыслъ и вѣчная правда. Потому не смущайтесь уловками многихъ ученыхъ, старающихся,—лишь внѣшнимъ, повѣрьте, противорѣчьемъ науки съ религіей православной,—вырвать изъ вашей души святую надежду будущей жизни, внѣ узъ тѣлесныхъ. Вслѣдствіе жалкаго самомнѣнія и заблуждающейся гордыни, они не хотятъ признать міровыхъ, божественныхъ тайнъ бытія, пока непонятныхъ для разума человѣка. Нашему зрѣнью и грубому осязанью доступны лишь внѣшнія проявленья неисчислимыхъ внутреннихъ силъ природы. Мы изучить можемъ – относительно только немногіе ихъ законы, въ ихъ обособленномъ, намъ доступномъ видѣ, и воспринимаемъ тѣлеснымъ мозгомъ лишь слѣдствія вѣковѣчныхъ, скрытыхъ отъ насъ причинъ; между тѣмъ какъ всѣ эти великія, произвольно не измѣняющіяся, причины сводятся къ одному стройному цѣлому, къ первой причинѣ всего: то есть—къ Богу,—само собою разумѣется, необъятному, непостижимому для насъ, падшихъ, слабыхъ созданій Божіихъ. Самымъ мудрымъ изреченіемъ одного греческаго мыслителя было: «я знаю, что ничего не знаю». А мы хотимъ спорить съ Богомъ,—носясь съ нашей шаткой скудной наукой; Его изгоняемъ изъ своей души! Не мудры мы, а безумны, дѣлая это. Не къ свѣту идемъ, а къ тьмѣ!

Будемъ же пользоваться съ благочестіемъ и радостью, трудолюбиво, на благо ближнему, вели-

кимъ даромъ, намъ Богомъ даннымъ—разумомъ человѣческимъ! И разумъ нашъ, просвѣщенный горячей вѣрою въ Бога, духовнымъ смиреніемъ, нравственной чистотой,— подтверждать будетъ намъ ежеминутно о существованіи великой, всѣмъ управляющей, неисчерпаемо-милосердной и совершенной Силы Божіей, пребывающей всегда надъ нами, руководящей судьбами нашей скорбной земной планеты,—несомнѣнно въ заранѣе опредѣленныхъ общихъ премудрыхъ цѣляхъ. Вѣдь ни кто же иной, какъ Самъ Господь Богъ, насъ создавъ разумными существами, намъ далъ возможность изучать силы природы, жизнь человѣка съ первыхъ вѣковъ его появленія на землѣ и міровую исторію земного шара. Мы поучаемся и успѣваемъ въ духовномъ развитіи нашемъ, заглядывая безпристрастно въ минувшія времена всегда намъ близкой жизни людей.

Но особенно дорога намъ жизнь нашей родины, какъ второй матери. Мы должны ее защищать отъ всякаго зла, любить и беречь, какъ братья и сестры стоять другъ за друга и помогать другъ другу въ средѣ нашего народа. Родная страна породила насъ такими, какъ мы есть. Въ своихъ, ей свойственныхъ по мѣстоположенію и природѣ, условіяхъ—она взлелѣяла и воспитала насъ,—цѣлый народъ свой, вскормила, вспоила своею грудью; въ свои объятія заключила наши дѣтство и юность. Вотъ почему мы невольно любимъ свою страну всей душой; прикрѣплены къ ней, какъ вѣтки къ одному дереву, и всю жизнь отдаемъ охотно ради ея защиты, пока наше сердце доблестно и душа способна къ самоотверженнымъ подвигамъ, ставя тѣлесную жизнь ниже

смѣлыхъ, хорошихъ чувствъ и честныхъ широкихъ мыслей.

Конечно, мы должны знать, во-первыхъ, то, *что̀* мы любимъ и *за что̀* лучшіе изъ насъ жертвуютъ съ такою радостью своей личной жизнью.

Мы—народъ русскій, происхожденія славянскаго, то есть, мы вѣтвь одной общей славянской народности, какъ есть народность германская, литовская и романская (итальянцы, французы). Посмотримъ же, каковъ нашъ стволъ? Каковы корни? Мы, изучая ихъ, встрѣтимъ много намъ до сихъ поръ неизвѣстнаго, поучительно-занимательнаго и достойнаго самаго напряженнаго, сосредоточеннаго вниманья.

ЧТЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Древнѣйшіе люди и племена въ нашей родной странѣ. Складъ ихъ первоначальной жизни и постепенное умственное развитіе.

Глава I.

Каменный вѣкъ въ Россіи.

Крестьяне часто выпахиваютъ изъ земли заостренные и зазубренные камешки, ими прозванные «громовыми стрѣлками», какъ послѣдствіе будто бы ударовъ молніи. Но это есть ни что иное, какъ уцѣлѣвшіе отъ далекихъ вѣковъ жизни первыхъ людей кремневые наконечники стрѣлъ.

Съ начала сотворенія Богомъ земного міра, смертные, изгнанные изъ духовнаго рая, люди предоставлены были собственнымъ силамъ для борьбы за свое существованіе на землѣ и, конечно, въ теченіе многихъ вѣковъ не имѣли рѣшительно ничего изъ тѣхъ всестороннихъ благъ облагороженной и доведенной до высокой степени, хотя бы только внѣшняго, совершенства человѣческой ежедневной жизни, какими мы сейчасъ обладаемъ. Въ страшномъ сосѣдствѣ съ хищными, надѣленными несравненно большей тѣлес-

4) Картина: Страшная встрѣча.

ной мощью, громадными въ прежнія времена, звѣрями, человѣкъ жилъ, почти безъ всякихъ средствъ обороны протихъ ихъ нападенія, самъ не лучше лѣсного звѣря,—вооруженный для превосходства надъ нимъ и для постепеннаго торжества надъ всѣми преградами окружающей его природы только своимъ сознательнымъ, волей Создателя обожествленнымъ, разумомъ. Работой собственныхъ рукъ и этимъ, столь чудесно устроеннымъ, развивающимся постепенно изъ поколѣнія въ поколѣніе головнымъ мозгомъ, человѣкъ прокладывалъ себѣ ровный, широкій путь земной жизни, ее отвоевывая шагъ за шагомъ у слѣпыхъ, часто ему враждебныхъ, могучихъ силъ неистощимо богатой въ произведеніяхъ своихъ природы. Онъ мало-по-малу ее приспособлялъ къ своимъ человѣческихъ нуждамъ и, всюду встрѣчаясь на первыхъ порахъ съ опасностями ему еще непонятыхъ явленій ея, угрожаемый ежеминутно гибелью отъ нападенія врага въ образѣ звѣря, или же болѣе сильнаго своего собрата, перенося лишенія голода, холода и всякихъ бѣдствій,—не вымиралъ, но, порождая себѣ подобныхъ, пріобрѣталъ горькимъ опытомъ съ каждымъ вѣкомъ все больше свѣдѣній объ окружающей его жизни и всячески примѣнялся къ ней.

5) Нападеніе нѣсколькихъ пещерныхъ медвѣдей на становище древнихъ людей.

Болѣе чѣмъ любопытно, необходимо и поучительно прослѣдить съ самыхъ первыхъ, до-историческихъ дней,—развитіе человѣка и постепенное приближеніе его къ болѣе совершенной жизненной обстановкѣ, такъ далеко отошедшей теперь отъ жизни звѣря. Сначала люди питались кореньями нѣкоторыхъ растеній, вырывая ихъ изъ земли просто руками; дикими лѣсными плодами и содержимымъ прибережныхъ ракушекъ. Они дѣлали себѣ, надо предполагать, небольшіе запасы этой неприхотливой пищи и съ мѣ-

ста на мѣсто переходили по истощеніи ихъ, въ естественно неизбѣжныхъ поискахъ новаго корма. Тѣло свое прикрывали они, какъ могли, древесными листьями, а въ шалашахъ изъ древесныхъ вѣтвей спасались отъ непогоды, если не находили уже готовыхъ пещеръ въ ущельяхъ горъ и высокихъ скалъ, чтобы тамъ устроить для себя временное жилище. Въ Библіи сказано, что Господь, изгоняя Адама и Еву изъ рая, гдѣ они до тѣхъ поръ не имѣли никакихъ тѣлесныхъ нуждъ, снабдилъ ихъ кожаною одеждой. Такое преданіе вполнѣ объясняется тѣмъ, что мы въ научномъ своемъ обозрѣніи дальнихъ вѣковъ человѣческой жизни застаемъ нашихъ предковъ въ одеждахъ изъ звѣриныхъ шкуръ, когда они уже обзавелись оружіемъ для борьбы со звѣремъ и, убивая хищника, пользовались, какъ удобной для себя теплой одеждой, ихъ густымъ мѣхомъ на прочной кожѣ. Первый твердый предметъ, попавшійся на глаза человѣку въ помощь его невооруженной рукѣ, помимо дерева, былъ конечно камень, и человѣкъ принялся сейчасъ же усердно его обрабатывать для различныхъ потребностей своей первобытной жизни. Это древнѣйшее время тяжелаго существованія человѣка, когда онъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи для выдѣлки разныхъ, жизненно необходимыхъ ему, предметовъ ничего больше, какъ дерево, звѣриную или рыбью кость, оленьи рога да камень; когда топоры, молотки, ножи, пилки, наконечники стрѣлъ и копій, т. е. всѣ орудія рубящія, стругающія и колющія у него были исключительно каменныя,—исторія въ своемъ обозрѣніи человѣческой жизни на всемъ громадномъ, невообразимомъ ея протяженіи, изъ глубины вѣковъ до нашихъ временъ называетъ «каменнымъ вѣкомъ». Вниманіе русской науки было впервые об-

6) Картина: Первобытный человѣкъ.

ращено на разсмотрѣніе остатковъ каменнаго вѣка у насъ, въ Россіи *), въ 1850 году, когда нѣкій Бутеновъ случайно собралъ въ Олонецкой губерніи въ весьма неглубокомъ слоѣ земной поверхности до 240 орудій изъ камня, грубой, первобытной работы. Съ тѣхъ поръ каменныя орудія находились учеными, посвятившими себя розысканію русскихъ древностей, почти во всѣхъ концахъ Россіи: и на Дону, и въ губерніяхъ Вятской, Архангельской, Вологодской, и вдоль по всему теченію Волги, не говоря уже о губерніяхъ на Днѣпрѣ. Кромѣ грубо отесанныхъ каменныхъ издѣлій, подъ землею встрѣчались остатки то каменнаго очага, то валовъ, сложенныхъ безъ цемента, то черепки плохо вылѣпленныхъ изъ глины сосудовъ. Вмѣстѣ съ орудіями, при рытьѣ, находили иногда расколотыми на куски кости, такъ называемыхъ, «допотопныхъ», громадныхъ животныхъ, нынѣ не существующихъ, напримѣръ, «мамонтовъ» *). Мамонты были гораздо больше размѣромъ, чѣмъ современные намъ слоны. Остатки ихъ были найдены, между прочимъ, графомъ Уваровымъ по берегамъ рѣки Оки въ Муромскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи. Рядомъ съ ними валялось множество копій, стрѣлъ изъ кремня и различныхъ каменныхъ необходимыхъ орудій. Во Владимірской же губерніи, въ имѣніи князя Голицына, близъ Премиловскихъ горъ изслѣдователи напали на такъ называемые кухонные остатки, т. е. очагъ съ углями, черепки и донышки глиняной домашней посуды и тоже на безчисленное количество тѣхъ же каменныхъ, самодѣльныхъ орудій. Все это несомнѣнно свидѣтельствуетъ о первобытной жизненной обстановкѣ вымершихъ поколѣній древняго человѣка и обнаруживаетъ мѣсто его оставлен-

7) Картина: Мамонтъ.

8) Картина: Древнія орудія, найденныя во Владимірской губ. и другихъ мѣстностяхъ Россіи.

*) Полевой.

ныхъ поселеній, долго заваленныхъ нѣсколькими слоями ихъ похоронившей въ себѣ земли. Между орудіями указываемой находки въ имѣніи князя Голицына наблюдаются орудія разныхъ временъ: отъ самыхъ совершенныхъ, прекрасно отдѣланныхъ, просверленныхъ молотковъ, до самыхъ грубыхъ, скверной и неумѣлой работы. Такъ же одни горшки плохо обожены и гладки; другіе же разукрашены затѣйливыми узорами *).

Изслѣдуя въ разныхъ мѣстахъ подобныя сейчасъ упомянутымъ замѣчательныя находки и принимая въ соображеніе жизнь современныхъ намъ дикарей, далеко отставшихъ въ своемъ развитіи отъ большинства современныхъ народовъ, ученые пришли къ выводу, что вѣроятно раньше тщательной выдѣлки каменныхъ топоровъ и молотковъ, копій, ножей и т. п. орудій, люди имѣли въ своемъ распоряженіи только палки и, чтобы ихъ сдѣлать острѣе, привязывали къ нимъ на концѣ кость или камень. Такой родъ копья кидали они въ стаи рыбъ, кишѣвшихъ тогда по всѣмъ рѣкамъ и рѣчкамъ, тоже питаясь ими, но въ сыромъ видѣ. Первымъ оружіемъ, замѣнявшимъ мечъ, была челюсть съ страшнымъ клыкомъ «медвѣдя-великана» былыхъ временъ, называемаго «пещернымъ» потому, что люди въ то время, не имѣя еще домовъ, жили въ пещерахъ. Мало-по-малу палка да камень, крѣпко на крѣпко связанные вмѣстѣ лыкомъ, образовали въ рукахъ перваго человѣка топоръ, копье, стрѣлы и молотокъ. Первичный топоръ представлялъ изъ себя просто удобный для захвата рукою камень, обладающій одной острой, ударною стороной. Затѣмъ стали такіе камни подготовлять искусственною обивкой неровностей ихъ и утолщеній

9) Картина: Нападеніе пещернаго медвѣдя на жилище древнихъ людей. (Вдали мамонтъ).

10) Пещерный медвѣдь у себя въ берлогѣ.

*) Полевой.

кускомъ другого камня. Они учеными названы при раскопкахъ древнихъ орудій «кулачными топорами». Стремленіе совершенно сгладить эти неровности, мѣшающія желаемой остротѣ и удобству рубящаго орудія, привело людей къ прямолинейному тренію одного камня о другой, чтобы его совершенно сгладить, т. е. къ «шлифованію». При добываніи огня изъ двухъ кусковъ дерева, точно такимъ же треніемъ, люди замѣтили, что оно уничтожаетъ на перетираемыхъ сторонахъ всякія шероховатости, и убѣдились затѣмъ, что нѣкоторыя, болѣе мягкія породы камня тоже способны поддаться такому сглаживанію. Тогда человѣкъ началъ, во-первыхъ, шлифовать лезвіе топора, чтобы оно было острѣе. Далѣе шлифованіе вмѣстѣ съ повторной, болѣе тщательною обивкой, дало людямъ возможность изготовлять топоры меньшаго размѣра, предназначаемые для вколачиванія потомъ въ рукоятку, т. е. въ топорище. Въ томъ что касается скребковъ для очищенія внутренней стороны звѣриныхъ шкуръ, — похожихъ на человѣческій палецъ, такъ какъ сначала люди выскребывали обратную сторону шкуры просто ногтями,—пилокъ, ножей и наконечниковъ копій; то человѣкъ ихъ приготовлялъ исключительно изъ кремня повторной обивкой. Кремень не поддавался по своей твердости шлифованію, но зато легче всѣхъ другихъ камней расщеплялся на тонкіе осколки, съ длинными, равномѣрно заостренными краями. Человѣкъ скоро понялъ, что болѣе мягкая порода камня, поддающаяся шлифовкѣ, совсѣмъ непригодна для требующихъ особой твердости, колющихъ или рѣжущихъ, не ударныхъ орудій.

11) Кулачные топоры.

12) Шлифованіе и сверленіе первобытными людьми камня.

13) Изображеніе: Кремневое копье и кинжалъ. Скребки.

Значитъ, чтобы сдѣлать природный камень годнымъ къ употребленію, во-первыхъ, отъ него отби-

вали лишнія части другимъ твердымъ камнемъ, а во-вторыхъ, его утончали на остромъ его краю и сглаживали прямолинейнымъ треніемъ двухъ камней, насыпая между ними песокъ, т. е. шлифовали долго и терпѣливо. Чѣмъ больше труда прилагалъ человѣкъ къ изготовленію необходимыхъ ему орудій, тѣмъ болѣе онъ берегъ и хранилъ ихъ всегда при себѣ, не бросая ихъ на мѣстѣ работы безъ сожалѣнія, для быстрой всегда замѣны новыми, какъ это дѣлалъ онъ, напримѣръ, съ кулачными, только грубо обитыми топорами безъ рукоятки. Въ виду наступившаго бережливаго отношенія къ своимъ издѣліямъ и необходимости ихъ имѣть всегда подъ рукой, человѣку понадобилось на нихъ приспособленіе для привязи, сначала выраженное простой зарубкой, но затѣмъ достигшее совершенства просверленнаго отверстія, не только въ деревѣ, рогѣ, кости, но даже въ камнѣ. На мысль о сверленіи твердыхъ предметовъ навело дикаря опять то же высѣканіе огня при посредствѣ долгаго непрерывнаго тренія одного куска дерева о другой, послѣ того, какъ онъ усмотрѣлъ причину лѣсныхъ пожаровъ въ тѣсномъ соприкосновеніи между собой сухихъ сучьевъ деревьевъ. Треніе это, сначала прямолинейное, по всей поверхности, породило, какъ было сказано выше, искусство шлифованія камня. Потомъ, стараясь все увеличить его быстроту и невольно уменьшая для этой цѣли розмахъ, человѣкъ безотчетно пришелъ къ круговращательному движенію для скорѣйшаго полученія огня, ему впервые доставленнаго лѣснымъ пожаромъ. Треніе круговращательное указало ясно возможность путемъ его получить отверстіе. Человѣкъ замѣтилъ, что отъ такого тренія, кромѣ скорѣйшей и очень яркой вспышки огня, кусокъ дерева перетирается до того,

14) Картина: Приготовленіе первой деревянной посуды посредствомъ выжиганія.

что на его поверхности получается углубленіе. Онъ сейчасъ же воспользовался этимъ важнымъ открытіемъ и послѣ болѣе мягкихъ веществъ попробовалъ сверлить камень. Его терпѣніе и непомѣрный трудъ увѣнчались успѣхомъ.

Къ поверхности просверливаемаго предмета древніе люди въ одной избранной точкѣ прилаживали на палкѣ острый осколокъ камня или кусокъ полой трубчатой кости, для бо́льшей правильности сверленія. Палку эту они сначала просто вращали возможно быстрѣе между ладонями, причемъ къ концу острія подсыпали мокрый песокъ, такъ какъ замѣтили, что когда, при нагрѣваніи камня, его приходилось смачивать по временамъ водой, — мелкій каменный порошекъ, скоплявшійся подъ сверломъ,—подмоченный, помогалъ дальнѣйшему ходу работы, содѣйствуя усиленію тренія. Потомъ надумали для удобства вращенія вставлять сверло въ простой станокъ, изображенный на этой картинѣ, обматывали его веревкой, а концы ея прикрѣпляли къ суку, изогнутому на подобіе лука. Этимъ сукомъ водили изъ стороны въ сторону, заставляя сверло вертѣться на одномъ мѣстѣ. Это былъ первый, грубый видъ бурава. Послѣ его изобрѣтенія люди получили возможность «насаживать» топоры и молоты на рукоятку вмѣсто того, чтобы вбивать орудіе въ ея расщепъ и перевязывать потомъ сверху лыкомъ, ремнями изъ шкуръ убитыхъ животныхъ, или ихъ жилами. Вслѣдствіе этого, не только самъ топоръ, но и топорище тоже стало гораздо легче, удобнѣе для ношенія при себѣ топора; тогда какъ раньше, при хрупкости камня, необходимо толстая его тулья требовала соотвѣтственной толщины, громоздкой рукоятки, чтобы при вбивкѣ она могла противостать расколу.

15) Первый станокъ для сверленія камня.

16) Картины топоровъ различнаго времени. Наконечники копій и стрѣлъ.

Насаживаемые на рукоятку изъ оленьяго рога топоры получили даже красивый видъ, а ножи изъ кремня стали такими острыми, что до сихъ поръ можно ими чинить карандаши. Явились кремневые же кинжалы, длинные, тонкіе наконечники копій. На концахъ стрѣлъ для намазыванія ихъ ядомъ стали выдалбливаться желобки и ямочки. Среди этихъ предметовъ находятъ теперь въ землѣ кремневыя пилки съ сильно зазубренными краями, мотыки, долота и другія орудія для работы. Первымъ оружіемъ нападенія и защиты въ рукахъ человѣка явилось само собою, какъ мы сказали уже, копье; сначала, повторимъ, простая палка съ воткнутымъ въ ея расщепъ наконечникомъ изъ острой кости или осколка камня, причемъ расщепъ туго перевязывался ремнемъ, т. е. узкой полоской звѣриной шкуры, сухой жилой животнаго, или лыкомъ. Но не всегда случалось близко, грудь съ грудью, встрѣтить врага, или добычу, да и безопаснѣй, удобнѣй было ихъ поразить кровавой раной издалека. Ни бѣгущаго звѣря, ни летящую птицу, конечно, нельзя было никакъ достать ручнымъ копьемъ, и вотъ человѣкъ началъ дѣлать себѣ по возможности легкія, короткія копья, чтобы ихъ метать на нѣкоторомъ разстояніи въ намѣченную имъ жертву и вслѣдъ бѣгущему звѣрю. Такое копье получило названіе бывшаго и гораздо позже въ большомъ употребленіи—«дротика». Послѣ него уже появилась стрѣла: когда человѣкъ замѣтилъ, что гибкій, согнутый древесный сукъ при разгибаніи съ большей силой отбрасываетъ предметъ, чѣмъ человѣческая рука, онъ началъ съ того, что сталъ, слегка прикрѣпляя дротикъ къ согнутому сучку, устраивать въ лѣсу засаду на выслѣживаемаго звѣря. При быстромъ разгибаніи древеснаго сука, дротикъ съ него

17) Картина: Древній человѣкъ въ первобытномъ лѣсу.

18) Охота древнихъ людей на оленя.

срывался и летѣлъ въ мимо бѣгущую жертву. Потомъ дротикъ стали метать не простымъ разгибомъ самаго сука отъ руки, а приближая другъ къ другу крутымъ полукругомъ упругіе его концы съ помощью соединяющей ихъ между собою льняной веревки или ремня — иначе тетивы. Когда ее, достаточно притянувъ къ себѣ, чтобы напряженно сблизить концы сука, выпускали снова изъ рукъ, дротикъ, прилаженный къ ней, летѣлъ уже въ прямомъ направленіи съ большой силой и мѣткостью. Такимъ образомъ получился лукъ, а къ нему до возможной степени облегченное и укороченное копье-дротикъ, или стрѣла. Одновременно со стрѣлою въ силу необходимости, между орудіями человѣческаго труда, появились маленькіе топорики-долота, съ продольными жолобками, требующими надъ камнемъ долгой и тяжелой работы. Но дѣло въ томъ, что стрѣла, а также дротикъ, летятъ тѣмъ съ большей быстротой и тѣмъ вѣрнѣй достигаютъ цѣли, чѣмъ древко ихъ болѣе равномѣрно округлено. Для этого округленія человѣкъ началъ, во-первыхъ, пользоваться ему давно служившею, полой трубчатой костью, расколотой пополамъ, оттачивая ея края. Естественный жолобъ кости онъ перенесъ на выдѣлку своихъ позднѣйшихъ орудій изъ мягкаго камня, создавая въ каменныхъ долотахъ жолобъ искусственно, посредствомъ упорнаго, терпѣливаго тренія.

19) Первыя долота.

Убѣдившись на опытѣ въ преимуществѣ лезвія тщательно отшлифованнаго предъ лезвіемъ заостреннымъ простой обивкой, человѣкъ сталъ подбирать для выдѣлки топора не первый попавшійся ему подъ руку камень, какъ дѣлалъ прежде, грубо его обивая съ одной ударной его стороны, но искалъ камень такой породы, чтобы онъ легче поддавался шлифовкѣ.

Подобный мягкій камень не такъ легко было найти. Значитъ, каждымъ его кускомъ долженъ былъ дорожить человѣкъ. Иногда небольшого куска хватало на одно лезвіе, что̀ заставило человѣка замѣнить рукояткой изъ дерева, или оленьяго рога, недостающій размѣръ самаго камня для захвата его рукой. Эта необходимость собственно и дала начало, послѣ кулачнаго топора, топорищу. Силу тяжести его люди разумно замѣнили мало-по-малу длиной его и увеличенной силой розмаха. На берегу озера Ильменя, при истокахъ Волхова, въ Новгородской губерніи было открыто учеными въ 1888 году громадное поселеніе первой стадіи умственнаго развитія человѣка, т. е. вѣка каменнаго, судя по найденнымъ, въ числѣ 60 тысячъ, предметамъ быта его обитателей, вымершихъ тысячелѣтія тому назадъ. Поселеніе это, открытое близъ села Коломецъ, названо Коломецкимъ могильникомъ. Между предметами его есть уже каменные топорики съ рукоятками, наконечники не только копій, но также дротиковъ и стрѣлъ, указывающихъ на существованіе лука. Среди кремневыхъ подѣлокъ коломецкихъ остатковъ найденъ первый зачатокъ пилы, и на нѣкоторыхъ костяхъ замѣтны сдѣланные ею надпилы. Повторной, т. е. многократной, обивкою человѣкъ дошелъ до тщательной выдѣлки крѣпкаго, остраго кремневаго ножа. А пользованіе такимъ ножемъ, при попыткѣ рѣзать кость, указало, что этого можно достигнуть скорѣе, употребляя ножъ съ зазубринами по краямъ. Множество рыбьихъ костей, найденныхъ въ древней почвѣ Коломецъ, указываютъ на то, что человѣкъ того времени употреблялъ въ пищу рыбу и что онъ пользовался ею уже не случайно и, слѣдовательно, рѣдко, какъ это должно было быть до изобрѣтенія соотвѣтственныхъ орудій лова,

20) Коломецкія находки: топорища изъ оленьяго рога; рыболовные крючки; пилки и т. п.

а умѣлъ самъ добывать ее. Тутъ же найденныя рыболовныя принадлежности подтверждаютъ вполнѣ эту догадку. Одинъ костяной крючекъ снабженъ шейкой для привязи, а на другомъ по зарубкамъ привязывалось подъ угломъ каменное остріе. Человѣкъ въ Коломцахъ уже знакомъ былъ съ сверленіемъ и замѣнялъ, для подвѣшиванія дорогихъ для него предметовъ, зарубку—отверстіемъ. Но мы не встрѣчаемъ здѣсь усовершенствованныхъ, правильно круглыхъ сверлинъ, проверченныхъ вставленной въ станокъ трубчатой полой (т. е. пустой внутри) костью. Въ Коломцахъ найдено было съ десятокъ шлифованныхъ небольшихъ желобчатыхъ долотъ, а топоры всѣ выдѣланы изъ сланца, добытаго, вѣроятно, издалека, за неимѣніемъ его въ этой мѣстности. Само собой разумѣется, что такой топоръ изъ себя представлялъ для первыхъ людей большую цѣнность.

21) Картина: Выдѣлка предметовъ изъ кости.

Вмѣстѣ съ указанными издѣліями въ Коломецкомъ могильникѣ сохранились глиняные горшки первобытной ручной работы. Они, конечно, тоже вошли въ употребленіе у людей не сразу. Люди сначала не жарили, не варили добытое ими мясо животнаго или рыбы; иногда лишь они бросали камни въ костеръ, и когда онъ догоралъ, то зарывали на нихъ въ золу сырую пищу, золою пользуясь вмѣсто соли. А то распарывали у звѣря брюхо, въ него наливали воду, а въ эту воду кидали раскаленные камни. Такимъ образомъ звѣрь цѣликомъ варился въ крутомъ кипяткѣ. Первой посудою для питья были, какъ то ни странно сказать, черепа, очищенные отъ мяса, не только звѣрей, но и человѣческихъ головъ. Снять первымъ дѣломъ съ убитаго врага черепъ, чтобы потомъ пить изъ него, было самой большой гордостью дикаря и въ позднѣйшее время, особенно среди пу-

22) Картина: Звѣрская варка мяса.

стынныхъ равнинъ и лѣсовъ Россіи. Жителямъ жаркихъ странъ сама природа давала естественные сосуды—въ скорлупѣ большихъ твердыхъ орѣховъ или крупныхъ яицъ большихъ южныхъ птицъ. Намъ же додуматься до глинянаго горшка помогла пустая тыква. Ее внутри для прочности смазывали мягкой глиной; увидѣвъ на опытѣ, что, пройдя черезъ огонь, глина становится твердой, сообразили, что если такую тыкву подержать на огнѣ, то хотя она сама и сгоритъ, но зато обожженная, плотно приставшая къ ея стѣнкамъ, глина, оставшись твердой, сама по себѣ образуетъ сосудъ, удобный для употребленія. Затѣмъ такой глиняный, обожженный горшокъ, вылѣпливаемый уже отъ руки, начали украшать рисунками, конечно, сначала крайне простыми, извѣстными подъ названіемъ «пальцевыхъ», такъ какъ они были ни что иное, какъ преднамѣренно распредѣляемые на поверхности еще мягкой глины отпечатки человѣческихъ пальцевъ. Замѣтивъ, что случайные знаки прикосновенія ихъ сохраняются прочно послѣ обжига глинянаго сосуда, человѣкъ, постоянно стремясь, кромѣ пользы и выгоды, къ красотѣ, сталъ налагать на свои сосуды, нажимомъ пальцевъ, заранѣе имъ обдуманные узоры, ставшіе скоро болѣе сложными,—причемъ онъ перешелъ отъ нажима пальцами къ костяному долоту и нажиму трубчатой костью. Затѣмъ простой нажимъ уступилъ мѣсто передвиженію кости по глинѣ, т. е. появилась уже черта. А отъ черточекъ дѣло быстро дошло до изображенія на горшкахъ животныхъ и человѣка. Такія изображенія, сперва разумѣется очень грубыя и неумѣлыя, развились позже въ дивный рисунокъ греческихъ урнъ, или изящныхъ, художественно исполненныхъ, драгоцѣнныхъ глиняныхъ вазъ. Множество ихъ откопано было въ южно-русскихъ

23) Картина: Ѣда первобытныхъ людей.

24) Первые глиняные горшки.

25) Картина: Приготовленіе глиняной посуды древнимъ человѣкомъ.

могильныхъ насыпяхъ. Простые горшки, отлѣпившіеся на тыквѣ или же получившіе видъ орѣховой скорлупы, конечно, дѣлались людьми все удобнѣй, красивѣе и совершеннѣй. Они придумали «гончарный станокъ», т. е. такое приспособленіе, что, посредствомъ вращательнаго движенія глины, при помощи круга съ прямою палкой, продѣтою сквозь него, получалась совершенно правильная шарообразность стѣнокъ горшка, вылѣпляемаго руками. Для подвѣшиванья горшковъ, по краямъ ихъ сначала дѣлались простыя скважины, но потомъ онѣ замѣнились ушками. Ушки дали начало «ручкамъ», т. е. придатку, удобному для захвата горшка рукою, причемъ изъ простого горшка выработался болѣе стройный, высокій и узкій кувшинъ для воды. Что касается до остатковъ гончарнаго производства въ Коломцахъ, то они, вылѣпленные отъ руки, безъ помощи станка, украшены всѣ узорами изъ всевозможныхъ прямыхъ и кривыхъ углубленій на мягкой глинѣ, еще посредствомъ одного только нажима ногтями и пальцами, оставлявшими неизбѣжно поверхъ ея царапины и бороздки, какъ мы сейчасъ сказали, использованныя человѣкомъ для украшенія своей посуды. Однако, въ числѣ коломецкихъ находокъ встрѣчаются также рисунки, уже нанесенные костянымъ долотомъ, тутъ между другими вещами найденнымъ, и трубчатой костью. Кромѣ простого оттиска, нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ отпечатокъ черты, т. е. передвиженія нажимаемаго орудія. Такіе зачатки рисунка для украшенія находятся между предметами первой половины каменнаго вѣка только лишь на остаткахъ гончарныхъ произведеній и въ небольшомъ количествѣ: на кости, рогѣ и камнѣ. Но вотъ въ Коломцахъ нашли на обломкѣ костяной пластинки изображеніе головы

26) Картина: Варка пищи въ горшкахъ.

птицы и мамонта. Глазъ птицы переданъ сквознымъ отверстіемъ. Помимо очертанія человѣкъ умѣлъ уже передавать выпукло, т. е. изваяніемъ, самый видъ предмета и оставилъ, на почвѣ Коломцевъ, изваянное изъ кости лицо человѣка. Добытые въ томъ же почвенномъ слоѣ человѣческіе черепа указываютъ, что лицо сдѣлано совершенно правильно по виду жившихъ тогда людей. Находки въ древнихъ наслоеніяхъ почвы подобныхъ памятниковъ первобытнаго человѣческаго искусства, служившихъ только для украшенія жизненной обстановки первыхъ людей, ясно доказываютъ намъ, что улучшеніе орудій борьбы за существованіе само собой облегчило эту борьбу, т. е. на ту же работу требовалось уже меньше затраты времени и труда,—чрезъ что получался у человѣка досугъ. Онъ уже не былъ такъ поглощенъ одною заботой о поддержаніи своей жизни, и часть своихъ свободныхъ часовъ употреблялъ на трудъ, не имѣющій настоящаго отношенія къ такой заботѣ.

27) Картина: Сдираніе шкуры съ убитаго оленя.

Одежда первыхъ людей состояла сначала изъ однихъ звѣриныхъ шкуръ, выскобленныхъ съ внутренней стороны, прежде просто ногтями, а послѣ особымъ, острымъ скребкомъ и накидываемыхъ прямо на голое тѣло, причемъ дикари, какъ и теперь, для красоты себя раскрашивали красной охрой, бѣлой известкой и черной сажей. Позже они научились дѣлать грубыя льняныя ткани, начавъ съ плетенія рогожекъ по образцу своихъ плетеныхъ оградъ и шалашей изъ перевитыхъ между собой древесныхъ вѣтокъ. Такими плетнями и шалашами люди кое-какъ защищались отъ ледяного вѣтра, разводя тутъ же рядомъ съ ними костры. Замѣнивъ сучья лыкомъ они стали плести корзины. Для рогожекъ пришлось драть лыко, крутить его. Тогда естественно людямъ при-

шли на мысль болѣе тонкія льняныя нитки. Палки дали начало станку, и появилась пряжа. Разумъ во всемъ помогалъ человѣку, черезъ упорный трудъ его подвигая, согласно благой волѣ Создателя, все впередъ къ лучшей и болѣе совершенной жизни. Скручивая между собою тонкія нитки дикаго льна и тѣсно переплетая ихъ, человѣкъ создалъ изъ такого плетенья одну плотную ткань. Каменныя, круглыя плитки съ отверстіемъ по серединѣ для высучиванія и наматыванія нитокъ съ веретена, при вращательномъ его движеніи, находятся подъ землею тоже въ большомъ количествѣ, вмѣстѣ съ каменными орудіями и черепками горшковъ. Онѣ извѣстны подъ названіемъ «пряслицъ». Нуждаясь въ болѣе гибкой, мягкой и удобной одеждѣ, чѣмъ звѣриныя шкуры, люди, раздобывъ себѣ нитки веретеномъ, какъ только что было сказано, скоро стали выдѣлывать изъ нихъ плотную ткань и для этой цѣли приладили особый ткацкій станокъ, т. е. деревянную раму для натягиванія на нее основныхъ первыхъ нитокъ, а затѣмъ ихъ дальнѣйшаго приведенія въ тѣсную связь, при посредствѣ, такъ называемаго, челнока. Хотя остатки тканей древнихъ людей до нашего времени сохранились, но они всѣ истлѣли и разсыпаются отъ неосторожныхъ прикосновеній. На нѣкоторыхъ старыхъ памятникахъ встрѣчаются изображенія «ткущаго древняго человѣка».

28) Изображеніе пряслицъ.

29) Изображеніе: Ткацкій станокъ и ткущій человѣкъ.

Изъ шалаша, почти не укрывавшаго древняго человѣка отъ холода и непогоды, первобытный житель русскихъ равнинъ перешелъ въ землянки. Въ глухомъ лѣсу, или среди чистаго поля, тамъ, гдѣ не находилось естественныхъ горныхъ и мѣловыхъ пещеръ, онъ выкапывалъ себѣ яму, обносилъ ее по краямъ камнями, а камни покрывалъ бревнами, все вмѣстѣ засыпая землей, въ видѣ высокаго вала. Однако, ни

эти землянки, ни вырываемыя другъ около друга по берегамъ рѣкъ, гдѣ позволяла почва, пещеры не составляли для нашихъ далекихъ предковъ убѣжища, вполнѣ безопаснаго отъ нападенія хищныхъ звѣрей и разбоя сосѣдей, переходившихъ съ мѣста на мѣсто въ поискахъ пищи, существовавшихъ еще исключительно грабежомъ и охотой,—между тѣмъ какъ значительная уже часть первыхъ людей, населившихъ Европу, умственно опередила другихъ, отставшихъ въ своемъ духовномъ развитіи и разныхъ мастерствахъ. Она почувствовала стремленіе болѣе прочно осѣсть на какомъ-нибудь мѣстѣ, удобномъ для поселенія, и начать новую жизнь, не по звѣриному, но по образу и достоинству человѣка. Такимъ людямъ пришлось, во-первыхъ, тѣсно сплотиться вблизи другъ друга, сначала семьями и отдѣльными родами, а позже обществами соединенныхъ родовъ, т. е. племенами. Съ давнихъ поръ самой простой и грубой, почти звѣриной жизни своей, человѣкъ все же стремился всегда обезпечить себѣ достаточное количество случайной своей добычи, хотя небольшими ея запасами. А когда жизнь людей, съ пріобрѣтеніемъ ими умѣнія создать себѣ лучшую обстановку, начала осѣдать мало-по-малу въ мѣстахъ, горячѣе согрѣтыхъ солнцемъ и наиболѣе богатыхъ пищей, тогда волей-неволей, ради взаимной защиты и поддержки, она приняла укладъ общественной, въ обширныхъ поселеніяхъ, причемъ запасы пищи стали еще необходимѣй. Нравы смягчались въ работѣ ума. Пробудилось желаніе спокойнаго труда; являлась потребность художества, красоты и обмѣна мыслей посредствомъ письменныхъ знаковъ, получившихъ свое начало отъ изображенія рисункомъ всего окружающаго. Охота и война безъ перерыва нравились только еще не вышедшимъ изъ состоянія ди-

кости, не основавшимъ себѣ пристанища и грозно скитавшимся по степнымъ пространствамъ свирѣпымъ людямъ. Между тѣмъ, если нѣтъ при домѣ обильнаго запаса мяса, злаковъ, плодовъ и овощей, то нельзя иначе ихъ раздобыть, какъ или отнявъ вооруженнымъ насиліемъ собственность у сосѣда, успѣвшаго ранѣе для себя собрать кое-какую пищу работой рукъ своихъ, или проводя цѣлые дни вдали отъ жилья, въ лѣсу и полѣ, вырывая изъ земли разные дикіе съѣдобные злаки и стрѣляя звѣря, еще неизвѣстно гдѣ, сегодня здѣсь, а завтра тамъ. Хорошо, если стрѣла или дротикъ скоро настигнутъ лѣсную дичь. Да еще надо животное притащить въ семью, къ домашнему очагу, содрать съ него свѣжую шкуру и разрубить на части. Хорошо, если уже другіе люди не обобрали кругомъ всего природнаго урожая дикаго ячменя или пшеницы, созрѣвшаго коегдѣ въ благопріятной для хлѣбныхъ сѣмянъ окрестной мѣстности. Не посчастливится, такъ иди грабить и убивать къ чужимъ очагамъ, или голодай. И вотъ мирный человѣкъ началъ ловить въ лѣсу западнями нужныхъ ему животныхъ, не поражая ихъ на смерть стрѣлой изъ лука, но приводя къ своему жилью для размноженія, попарно. Онъ приручалъ ихъ къ себѣ уходомъ и кормомъ, послѣ чего уже всегда имѣлъ подъ рукою вѣрный кусокъ ихъ мяса. Съѣдая лишь часть приплода, онъ оставлялъ на племя, по выбору своему, самыхъ желаемыхъ въ будущихъ поколѣніяхъ. Дѣтеныши отъ прирученныхъ человѣкомъ, имъ выведенныхъ изъ лѣсного дикаго состоянія породъ разныхъ животныхъ, рождались вблизи человѣка уже измѣненными по своимъ свойствамъ и внѣшности, т. е. изъ дикихъ звѣрей превращались въ ручныхъ, домашнихъ животныхъ, вполнѣ покорныхъ

30) Картина: Поселеніе осѣдлаго древняго человѣка.

потребностямъ и желаніямъ человѣка, по предначертанію Божьему, «царя природы». Такъ появились при людскомъ жильѣ: овцы, свиньи, собаки и рогатый скотъ. Такъ человѣкъ завелъ себѣ сотни головъ скота, пасъ ихъ въ степяхъ и гналъ вслѣдъ за собою во всѣхъ своихъ передвиженіяхъ. Обезпечивъ себя, во-первыхъ, помимо охоты, запасомъ мяса, люди подумали и о запасахъ хлѣба, т. е. тогда еще по просту хлѣбныхъ зеренъ. Ихъ поджаривали на огнѣ, раздавливали потомъ между двумя камнями и, подмачивая слегка водою, ѣли. Изъ нихъ необходимо было тоже составить себѣ запасъ на зимнее время. Но какъ же это сдѣлать? Дикихъ хлѣбныхъ колосьевъ такъ много не найти, и всѣ ихъ собираютъ въ образовавшихся кое-гдѣ, хотя еще не постоянныхъ, но многолюдныхъ все-таки поселеніяхъ. Человѣкъ замѣтилъ, что зерна, оброненныя имъ недалеко отъ его жилья, среди полей, собранныя имъ, конечно, въ мѣстахъ теплыхъ и плодородныхъ, выросли снова въ такой же колосъ, полный имъ однородныхъ зеренъ, и стали люди нарочно сѣять хлѣбныя сѣмена пшеницы и ячменя тамъ, гдѣ поселялись, разводить ленъ и коноплю для своихъ одеждъ, ими сшиваемыхъ костяными иглами. Тогда льняныя ткани собой замѣнили звѣриныя шкуры. А изъ перетертыхъ между двумя камнями сырыхъ хлѣбныхъ зеренъ люди начали печь на раскаленныхъ камняхъ небольшіе хлѣбцы. Дикіе яблоки, груши, орѣхи и вишни, собранные въ свое время, тоже припрятывались людьми на зиму.

Человѣкъ дальше замѣтилъ, что чѣмъ почва рыхлѣй и мягче, тѣмъ изъ нея выходитъ пышнѣе зеленымъ всходомъ сѣмя,—и это его заставило разрыхлять искусственно землю, сначала острой палкой, а потомъ мотыкой. Мотыка—это камень, насаженный

31) Картина: Начало осѣдлой жизни, скотоводства и земледѣлія.

на палку, обтесанный и заостренный,—первое земледѣльческое орудіе до появленія сохи и бороны. Когда хлѣбъ созрѣвалъ, его не собирали весь, а оставляли часть для посѣва. Земледѣліе достигло значительнаго развитія уже не въ каменный вѣкъ, а позже, съ открытіемъ человѣкомъ мѣди и бронзы, о чемъ мы разскажемъ въ слѣдующей главѣ. Однако, такую худо ли, хорошо ли, но личнымъ его трудомъ воздѣланную для себя ниву человѣкъ сталъ сразу считать своею собственностью наравнѣ съ имъ прирученными къ себѣ животными, и сборъ съ нея хлѣбныхъ созрѣвшихъ зеренъ былъ ему такимъ образомъ обезпеченъ изъ года въ годъ. Онъ сторожилъ ее и берёгъ отъ нападенія грабителей, не отходилъ отъ нея никуда въ другое мѣсто, да и не могъ уйти, чтобы не лишиться сбора имъ посѣяннаго зерна. Мы видимъ, что не осѣдлость сама по себѣ положила начало земледѣлію, но земледѣліе побуждало людей, оставивъ бродячую, кочевую жизнь, укрѣпиться съ своимъ хозяйствомъ на одномъ мѣстѣ, и землепашцы первые оцѣнили прелесть спокойной, трудовой жизни, предпочли скоро топоръ и мотыку копью и стрѣламъ. Запасы *) скота и пищи до появленія денегъ начали составлять богатство, скопляемое для себя человѣкомъ въ бо́льшемъ или меньшемъ количествѣ. Каждый готовъ былъ его защищать какъ самого себя, но эти богатства въ свою очередь возбуждали зависть и неправый захватъ ихъ вооруженной рукой бездомными дикарями. Запасы пищи необходимо было предохранить отъ разграбленія. Люди каменнаго вѣка, какъ рыболовы, во-первыхъ, по преимуществу, уже умѣли, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее его время, выдалбливать себѣ изъ дерева челноки. Частыя ихъ ночевки и ѣда

32) Картина: Первобытное жилищеосѣдлаго древняго человѣка на берегу съ причаленнымъ плотомъ—первымъ суднома.

33) Картина: Выдалбливаніе челнока при помощи выжиганія.

*) П. Полевой (до конца главы).

на днѣ такихъ челноковъ или на плотахъ среди рѣкъ и озеръ, при опасности выйти на незнакомый берегъ, породили, должно быть, въ осѣдлыхъ людяхъ нѣкоторыхъ частей Европы первую мысль о возможности устроить хижины на водѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ суши, гдѣ мирнымъ жителямъ угрожало всегда нападеніе кочевниковъ. Футахъ въ 200-хъ или болѣе отъ твердой почвы люди стали вбивать въ дно рѣкъ, озеръ, а также лѣсныхъ болотъ цѣлые ряды свай и на верхушкахъ ихъ настилали изъ бревенъ помосты, гдѣ ставились ими хижины, построенныя изъ плетня и досокъ, обмазанныхъ густо глиной. Онѣ имѣли скорѣй назначеніе амбаровъ, чѣмъ жилыхъ помѣщеній, такъ какъ тамъ находился складъ зимнихъ запасовъ каждаго домохозяина, водой огражденный отъ расхищенія бродячими, воинственными дикарями и сообщенный съ берегомъ въ мирное время подвижными мостками. Мостки эти по желанію разбирались и наводились. Свайные жители тоже на челнокахъ поддерживали сообщеніе съ сушей. Множество рыбъ всегда собиралось вокругъ свайныхъ жилищъ на приманку всякихъ остатковъ ѣды, бросаемой людьми въ воду. Тогда они употребляли уже для ловли ея, кромѣ простой, метаемой на угадъ палки съ костянымъ остріемъ, костяные, хорошо сдѣланные крючки съ привязаннымъ заостреннымъ камнемъ. На Западѣ, заграницей, въ швейцарскихъ многочисленныхъ озерахъ насчитываютъ очень большое число свайныхъ построекъ. Находили тамъ до 100 тысячъ свай, вбитыхъ на одномъ мѣстѣ. Разсказывая о нихъ, говорятъ, что тамъ въ полу хижинъ, стоявшихъ на помостахъ надъ водой, была устроена подъемная дверь. Изъ этой двери на веревкѣ опускали въ кишащую рыбой воду плетеную корзинку и по-

34) Картина: Рыбная ловля въ глубокой древности.

Картину см. назади, стр. 12.

35) Картина свайныхъ построекъ.

томъ вынимали ее наполненною добычей. На днѣ этихъ озеръ находятъ кости всякихъ животныхъ. Люди раскалывали ихъ и лакомились содержащимся въ полостяхъ ихъ мозгомъ. Постройки свайныя держались повидимому цѣлый рядъ столѣтій, такъ какъ между предметами домашняго употребленія ихъ обитателей находятъ издѣлія не только каменныя, но и дальнѣйшихъ временъ, вплоть до желѣзныхъ. При такомъ способѣ поселенія среди лѣсовъ избѣгалась свайными жителями болотная сырость. Съ тѣхъ поръ огромные лѣса выросли одинъ за другимъ сверхъ помянутыхъ болотныхъ свай. Деревянные эти амбары со-временемъ были истреблены пожаромъ, на что указываютъ обугленные остатки свай. Хлѣбныя зерна и лепешки, кое-какъ изъ нихъ испеченныя, т. е. комки изжаренныхъ, раздавленныхъ между двумя камнями и смоченныхъ водою зеренъ, черные какъ уголь, найдены въ илу, на днѣ озеръ и рѣкъ, гдѣ сохранились сваи. Когда свайное поселеніе вдругъ истреблялось пожаромъ, то впечатлѣніе получалось отъ несчастья такое: будто оно (поселеніе) провалилось внезапно въ водяную пучину, оставивъ послѣ себя гладкую поверхность озера или рѣки. Можно предположить, что именно на этомъ явленіи основались народныя сказанія о провалившихся городахъ, о томъ, что на мѣстѣ ихъ выступили изъ земли и разлились, покрывъ ихъ, большія озера. У насъ, въ Россіи, пока остатки свай были найдены только въ Польшѣ и въ Червонной Руси по сосѣдству съ нею—въ нынѣшней Австрійской Галиціи.

Глава II.

Вѣкъ мѣдно-бронзовый и желѣзный. Начало письменности *).

Мѣдь и золото часто встрѣчаются на поверхности земли самородками въ чистомъ видѣ, какъ исключеніе между другими металлами; причемъ мѣдь, конечно, гораздо чаще, чѣмъ золото, могла попасться на глаза людямъ, уже искавшимъ иного лучшаго вещества въ природѣ для выдѣлки своего оружія и орудій необходимаго ему труда. Камень имѣлъ много недостатковъ, какъ бы человѣкъ, наученный опытомъ и побуждаемый своимъ вѣчнымъ стремленіемъ къ совершенству, ни выбиралъ его изъ породъ самыхъ лучшихъ, самыхъ удобныхъ для обработки. Камень былъ твердъ и хрупокъ. Мѣдь отличилась рѣзко отъ камня, какъ только человѣкъ въ первый разъ приступилъ къ изслѣдованію своего радостнаго открытія, пробуя ея свойства подъ ударами молота. Она не дала осколковъ подобно камню, но сплющилась. Повторяя свои удары, чтобъ уяснить себѣ это явленіе, человѣкъ понялъ значеніе ковки. Онъ сразу оцѣнилъ мѣдь, такъ же какъ золото, еще болѣе драгоцѣнное вслѣдствіе рѣдкости своего нахожденія,— и ревностно принялся за ея обработку. Явились мѣдные топоры, кинжалы, наконечники копій и стрѣлъ. Времени тратилось на работу надъ ними гораздо меньше. Соотвѣтственно основнымъ свойствамъ новаго матерьяла создался нѣсколько иной видъ мѣднаго топора, съ утонченной тульей, позволявшей вернуться къ старому способу ея забиванія въ топорище вслѣдствіе трудности сверлить камень для насаживанія его на рукоятку черезъ отверстіе. Тон-

*) «Семейный Университетъ» Комарскаго и «Исторія Русской земли» Рубакина до стр. 32.

кость тульи, допускаемая прочностью мѣди, позволяла при этомъ пользоваться не слишкомъ большимъ топорищемъ, чѣмъ устранялась необходимость сверленья. Большинство изъ неимѣвшихъ скважины топоровъ, какъ каменныхъ, такъ и мѣдныхъ, — вбивалось въ топорище по его длинѣ. Ими скорѣе били и ударяли, нежели рубили. Лишь плоскіе топоры, служившіе для разработки дерева и для выдалбливанія челноковъ, укрѣплялись поперекъ рукоятки привязью на крючковатомъ сукѣ поверхъ крюка, съ особой, сдѣланной на немъ, зарубкой, препятствовавшей топору уходить назадъ при ударѣ. Такой топоръ былъ похожъ на мотыгу. А вотъ на холстѣ передъ вами изображеніе болѣе совершеннаго прикрѣпленія къ рукояткѣ мѣднаго поперечнаго топора съ утонченной тульей безъ скважины. Такой простѣйшій видъ мѣднаго топора назывался «цельтой». Начали, конечно, съ того, что цельты дѣлали по тяжелому образцу каменныхъ топоровъ, а потомъ уже выковывали ихъ меньше и совершеннѣй. Кромѣ менѣе прочныхъ, отшлифованныхъ орудій изъ камня, мѣдью скоро начали замѣнять и кремень тонкихъ, длинныхъ, а слѣдовательно подверженныхъ бо́льшей ломкѣ предметовъ, какъ наконечники копій, ножи и кинжалы. Клинокъ вбивался въ рукоятку, а иногда еще и заклепывался тамъ при помощи соотвѣтствующихъ отверстій.

36) Изображеніе мѣдныхъ топоровъ—цельтъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ—когда человѣку необходимо было раздробить на куски крупный камень, онъ его бросалъ въ огонь. Тогда камень трескался и распадался на части. Когда же человѣкъ сдѣлалъ то же съ найденнымъ имъ самородкомъ мѣди,—тотъ, совсѣмъ неожиданно для него, изъ твердаго состоянія перешелъ въ жидкое. При охлажденіи же опять сталъ твердымъ. Такое свойство мѣди дало возмож-

37) Картина: Ковка древними людьми мѣдныхъ издѣлій.

Собственность Т. П. Мятлевой.

Скиѳы - братаны въ борьбѣ со львомъ. *(Къ 84 стр.)*

Собственность Т. П. Мятлевой.

Амазонки. *(Къ 101 стр.)*

ность ее ковать подъ вліяніемъ огня въ размягченномъ видѣ до перехода въ жидкое состояніе. Жидкую же, т. е. расплавленную, мѣдь люди, дорожа ею, начали собирать въ сосуды, гдѣ она, охлаждаясь, дѣлалась отпечаткомъ внутреннихъ стѣнокъ вмѣщавшаго ее сосуда. Такъ люди научились мало-по-малу лить изъ металла разныя вещи, выработку его доканчивая холодной ковкой. Кромѣ топоровъ и оружія, изъ мѣди, ради блеска ея, стали еще выдѣлывать украшенія, какъ то—бусы, запястья и бляхи для нашиванія ихъ на одежду.

Самородная мѣдь встрѣчается на земной поверхности относительно въ небольшомъ количествѣ, а потому человѣку, забросившему работы изъ камня для новыхъ мѣдныхъ издѣлій, пришлось скоро разыскивать нужный ему металлъ въ глубинѣ земли. Теперь мы часто встрѣчаемъ на сѣверо и юго-востокѣ Россіи узкіе, темные переходы этихъ старинныхъ копей; ихъ зовутъ «Чудскими копями», такъ какъ на этихъ мѣстахъ когда-то жило финское племя «Чудь», то есть чухны. Рыться въ землѣ для добыванія кремня среди мѣловыхъ отложеній и раньше уже приходилось дикому человѣку. Обломками оленьихъ роговъ вмѣсто заступовъ копалъ онъ ямы, вглубь отъ земной поверхности мѣстъ, гдѣ встрѣчался кремень, предпочитаемый дикарями по нами уже объясненной причинѣ, для производства острыхъ крѣпкихъ орудій. Открытіе мѣди и ея свойства сплющиваться подъ ударами молота, а также плавиться подъ вліяніемъ огня, т. е. переходить въ жидкое состояніе,—произвело цѣлый переворотъ въ жизни древняго человѣка: ее подвинуло на большой шагъ впередъ,—но между тѣмъ отмѣчается въ ней подъ названіемъ вѣка «бронзоваго», а не мѣднаго. Почему же бронзоваго? А

вотъ почему. Когда люди наткнулись на «мѣдную руду» въ своихъ копяхъ, то есть на мѣдь, уже смѣшанную въ землѣ съ другою горной породою,—они по блеску, похожему на самородокъ мѣди, ее сначала приняли за чистую мѣдь,—но увидѣли тотчасъ свою ошибку, когда руда подъ ударами молота ковкѣ не поддалась, а начала крошиться. Попробовали ее бросить въ огонь: и въ огнѣ отдѣлилась отъ рудной примѣси чистая мѣдь. Близко отъ мѣдныхъ рудъ часто находится руда оловянная. Чтобы получить олово въ чистомъ видѣ, люди съ ней поступили такъ же, какъ указалъ имъ опытъ для выдѣленія чистой мѣди. Когда чистое олово и чистая мѣдь случайно попали на огонь вмѣстѣ, — они образовали сплавъ, давшій новый металлъ, то есть бронзу. Бронза съ тѣхъ поръ начала быстро вытѣснять мѣдь, оказавшись тверже ея. Она подвергалась меньше изгибамъ и сплющенью, между тѣмъ какъ недостаткомъ мѣди была ея мягкость. Кромѣ того, бронза скорѣе плавилась. Изъ нея люди впервые начали лить для себя мечи, значительно удлинивъ клинокъ кинжала,—что̀ стало возможнымъ благодаря плавкости или вязкости бронзы, соединенной съ твердостью ея въ охлажденномъ видѣ. До сихъ поръ хрупкость камня и мягкость мѣди не позволяли измѣнять вида и размѣра кинжала. Новый металлъ научилъ удлинить клинокъ, сдѣлавъ его оружіемъ не только колющимъ, какъ кинжалъ, но и рубящимъ, т. е. мечомъ. При этомъ еще, посредствомъ выдѣлки стержня, входящаго въ рукоятку, клинокъ былъ прочно съ нею скрѣпленъ,—что̀ для оружія рубящаго являлось необходимымъ. Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, бронзовые мечи предшествовали желѣзнымъ, — хотя желѣзная руда была открыта почти въ одно время

съ бронзой. Прямые клинки мечей, съуживаясь къ концу, по очертанію своему напоминали ивовый листъ. Дѣлались они не длиннѣй 10-ти вершковъ и замѣчательны были своей отдѣлкой. Ихъ короткія рукоятки иногда были изъ цѣльной бронзы, а иногда обложены деревомъ. Бронзовые поперечные топоры уже загнуты ковкою по краямъ для прикрѣпленія къ рукояткѣ. Этотъ загибъ потомъ, увеличиваясь, переходитъ въ усовершенствованный видъ втулки для наконечника дротиковъ, стрѣлъ и копій, — прежде вбиваемаго въ дерево,—отчего оно распадалось часто при сильномъ ударѣ.

38) Изображеніе бронзовыхъ издѣлій.

Желѣзо распространено на землѣ въ гораздо большемъ количествѣ, нежели мѣдь въ близкомъ сосѣдствѣ съ оловомъ; но оно ржавѣетъ,—а бронза нѣтъ.

Понятно, почему подъ землей, въ слояхъ древней почвы, — памятниковъ мѣдной стадіи человѣческой жизни почти не сохранилось, развѣ лишь коегдѣ, въ небольшомъ количествѣ. Конечно, познавъ лучшія свойства бронзы, люди мало-по-малу сплавили съ оловомъ мѣдныя свои издѣлія, чтобы получить ихъ бронзовыми. Такимъ образомъ вслѣдъ за каменными орудьями, еще долго остававшимися въ употребленіи у людей бѣдныхъ, мы будто сейчасъ встрѣчаемъ бронзовый вѣкъ, бронзовыя орудія. Они сохранились въ современной имъ почвѣ, по переходѣ людей къ желѣзу, не уничтоженными такъ же, какъ каменныя орудія, бросавшіяся иногда гдѣ попало безъ сожалѣнія за непригодностью, — потому что бронза не составляла вѣдь части желѣза, подобно мѣди, входящей въ бронзу. Алтай и Уральскія горы издревле славились богатыми мѣдными рудниками. Тамъ сохранились глубокіе подземные ходы, и въ нихъ нашли мѣдные, бронзовые, а также каменные

молотки и мотыги для разбиванія руды. Желѣзо вытѣснило собой въ ежедневномъ употребленіи бронзу, будучи ея дешевле, какъ въ свое время бронза вытѣснила мѣдь и камень. Желѣзо ковали, бронзу же отливали, благодаря ея твердости въ соединеніи съ плавкостью. Изъ бронзы наравнѣ съ золотомъ долго дѣлали разныя украшенія человѣческаго наряда и конской сбруи, въ наши дни находимыя при богатыхъ покойникахъ въ глубинѣ древнихъ могилъ. Съ давнихъ лѣтъ желаемый видъ предмета изготовляли изъ воска, плотно потомъ обкладывая его очертанія глиной. Глину затѣмъ обжигали, она твердѣла, а воскъ весь вытекалъ, въ ней оставляя необходимыя углубленія для отливки будущей вещи. Когда она была готова изъ затвердѣвшей послѣ высокой плавки, влитой въ полости глины бронзы,—то глиняную оболочку сверхъ нея разбивали. Послѣ открытія мѣди и бронзы, каменныя издѣлія, какъ мы сказали, долго еще оставались въ употребленіи у бѣдныхъ людей. Во-первыхъ, мѣдь, да еще олово по сосѣдству съ ней, далеко не всюду можно найти. Камень же и рога животныхъ распространены повсюду. Металлы всегда зарождаются въ нѣдрахъ горъ, а потому лишь гористыя мѣстности изобилуютъ ими. Въ Сибири по склонамъ Алтайскихъ горныхъ хребтовъ и на Уралѣ въ глубинѣ почвы находятъ множество древнихъ мѣдныхъ и бронзовыхъ предметовъ домашняго обихода: орудій, оружія и украшеній. Между Алтаемъ и Ураломъ мѣстность теперь изъ себя представляетъ, со стороны раскопокъ древностей ея почвы, какъ будто большое кладбище мѣднаго и бронзоваго вѣковъ. Оно продолжается за Ураломъ со стороны Европы до самой Волги. Мы уже говорили объ яв-

39) Картина: Отливка бронзовыхъ издѣлій.

ныхъ слѣдахъ старинной добычи мѣди, а позже и другихъ рудъ по всей сѣверо-восточной части Россіи. На юго-западѣ такія же точно копи встрѣчаются по Днѣпру въ Екатеринославской губерніи. Въ тѣ мѣста, напримѣръ Средней Россіи, гдѣ жители подъ рукой не имѣли мѣдныхъ и оловянныхъ рудъ, бронзовые предметы привозили по рѣкамъ торговцы изъ мѣстъ, богатыхъ мѣдью и бронзой. Съ тѣхъ поръ уже началась торговля, но еще безъ посредства тогда не существовавшихъ денежныхъ знаковъ, а мѣновая, т. е. разныя по мѣстоположенію своему, по климату и естественнымъ произведеніямъ природы, страны обмѣнивались между собою богатствами своей земли. Нашъ сѣверъ былъ въ особенности богатъ въ то время мѣхами пушныхъ звѣрей, при изобиліи тамъ тогда безконечныхъ пространствъ густыхъ, великолѣпныхъ лѣсовъ. Кромѣ того, тамъ очень цѣнилась мамонтовая кость, какъ теперь слоновая и моржевые клыки. Первые на Руси, какъ повсюду, торговцы, въ силу необходимости одновременно были и воинами, и охотниками, и ремесленниками на всѣ руки. Имъ приходилось бороться съ большими опасностями и препятствіями въ ихъ далекихъ странствованіяхъ. Не говоря о топкихъ болотахъ, рѣчныхъ порогахъ и непроходимыхъ дремучихъ лѣсахъ, гдѣ имъ могъ встрѣтиться хищный звѣрь на каждомъ шагу,—люди тогда были не безопаснѣй звѣря: ограбить торговца не считалось среди нихъ запретнымъ поступкомъ. Право сильнаго замѣняло всякій законъ. Долго «своимъ» человѣкомъ считался лишь членъ своей семьи, рода и общины, а остальные сосѣди были людьми чужими и по причинѣ острой, тяжелой тогда, борьбы за существованіе считались обыкновенно врагами. Купецъ всегда долженъ былъ быть готовъ

къ кровавой защитѣ, а потому не разставался съ оружіемъ. Передвигались торговцы съ своимъ товаромъ всегда по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ на самодѣльныхъ лодкахъ, вдоль по рѣкамъ и рѣчкамъ, переходя волокомъ разстояніе между ними, и такимъ образомъ прокладывали пути въ самые отдаленные и никому до тѣхъ поръ, изъ раньше другихъ развившихся государствъ, невѣдомые края. Способъ колеснаго передвиженія не былъ еще тогда извѣстенъ. Странно сказать: но люди раньше придумали оглобли, нежели телѣгу. По бокамъ быковъ и лошадей начали прикрѣплять палки, просто на нихъ нагружая тяжести и заставляя животное волочить ихъ по землѣ. Потомъ снабдили оглобли поперечною палкой, для лучшаго прикрѣпленія груза. Подъ нее стали подкладывать круглый валикъ—катокъ, послѣ чего уже ось заставили самое крутиться, насадивъ на оба ея конца неподвижно по колесу. Скоро замѣтили, что гораздо легче будетъ для передвиженія, если колеса заставить крутиться на неподвижной оси. Такъ додумались до повозки, сначала въ два колеса, а потомъ въ четыре,—и появилась телѣга.

Какъ-никакъ, жажда обогащенія заставляла смѣлыхъ переносителей жизненнаго развитія древнихъ людей и народовъ пренебрегать лишеніями и трудами, грудью встрѣчать опасность. Чтобы отмѣтить, однако, разъ пройденный путь и себѣ устроить на немъ уже заранѣе опредѣленныя мѣста для отдыха, для разбора и склада своихъ товаровъ, торговцы основывали повсюду, гдѣ приходилось имъ торговать, становища, такъ называемые «торжки». Хранили они свои заготовленныя на продажу металлическія издѣлія, просто закапывая ихъ въ землю на потаенномъ мѣстѣ.

Въ такихъ мѣстахъ раскапываютъ теперь, вмѣстѣ съ вещами цѣльными, обломки старыхъ, испорченныхъ, употреблявшихся древними мастерами для передѣлки въ новыя, по мѣрѣ имѣвшихся подъ рукою средствъ и умѣнія. А черепки обожженной глины и сохранившіяся до сихъ поръ формы литыхъ вещей свидѣтельствуютъ о существованіи здѣсь когда-то особыхъ мастерскихъ для отливанія разныхъ предметовъ изъ бронзы. Рядомъ съ бронзовыми находятся и желѣзные.

Научившись, благодаря яркому блеску мѣди, находить мѣдную руду, а затѣмъ въ огнѣ съ древеснымъ углемъ отдѣлять ее отъ примѣсей, люди, лишь руководствуясь тяжелымъ вѣсомъ металла, стали потомъ распознавать и другія руды, какъ оловянную и желѣзную, ихъ выдѣляя одинаковымъ способомъ съ мѣдью. Тутъ люди, въ поискахъ разныхъ, необходимыхъ для нихъ металловъ, увидѣли, что желѣзная руда распространена на землѣ въ наибольшемъ количествѣ, а потому ее добывать и желѣзомъ пользоваться для домашнихъ надобностей всего легче, — слѣдовательно, дешевле. Тогда желѣзо начало вытѣснять бронзу. Оно хорошо поддавалось ковкѣ, не требуя сложнаго труда отливки, и въ бронзовыя рукоятки начали вставлять уже желѣзные клинки мечей и кинжаловъ. Топоры, ножи, долота и другія орудія для ежедневныхъ работъ тоже стали мало-по-малу дѣлаться изъ желѣза. Развитіе земледѣлія среди людей совпадаетъ съ открытіемъ бронзы, и раскопки этого времени заключаютъ въ себѣ рядомъ съ мотыками бронзовые серпы, придуманные для того, чтобы много зерна не высыпалось при обрываніи колосьевъ. Раскопки могилъ и былыхъ складовъ товаровъ, или же просто нижнихъ слоевъ земли,

засыпанной новыми наслоеніями свѣжей почвы, доказываютъ намъ, что вещи бронзовыя часто находятъ на одномъ мѣстѣ съ каменными орудіями, мѣдными и желѣзными въ перемѣшку; что долго всѣ они были въ употребленіи одновременно, такъ что вѣка — каменный, мѣдно-бронзовый и желѣзный — врѣзывались другъ въ друга будто глубокимъ клиномъ, все расширяясь лишь постепенно—въ свою очередь каждый—и вытѣсняя собою мало-по-малу предшествовавшій, менѣе совершенный, видъ необходимыхъ издѣлій. Укажемъ на богатый Ананьевскій могильникъ *) въ Вятской губерніи, Елабужскаго и Глазовскаго уѣздовъ. Онъ знаменитъ, какъ важный памятникъ переходной поры отъ бронзы къ желѣзу. Вблизи деревни Ананьино, на берегу рѣки Камы, весенними ея разливами размывало изъ года въ годъ одинъ небольшой холмъ. Тамъ вдругъ обнаружились человѣческія кости, а также начали подбираться крестьянами различные предметы незнакомаго имъ вида. Въ рукахъ крестьянъ они пропадали безслѣдно, пока мѣстныя власти, по заявленію ученыхъ, не обратили вниманія на вышеупомянутый холмъ и не запретили жителямъ обращать въ свою собственность вещи изъ его нѣдръ. Начали дѣлать тщательныя раскопки Ананьинскаго холма съ научной цѣлью и нашли цѣлые костяки людей, а также ихъ черепа сложенными на особыхъ каменныхъ плитахъ. Кости лошадей и другихъ домашнихъ животныхъ примѣшивались къ костямъ человѣка среди угля и пепла. Мелкія изъ костей были собраны въ грубо вылѣпленные горшки, такъ какъ при погребеніи трупы прежде сжигались. Такихъ горшковъ разной величины много

40) Изображеніе предметовъ Ананьинскаго могильника.

*) Полевой: «Очерки Русской Исторіи въ памятникахъ быта».

стояло вокругъ костяковъ въ могилѣ. Помимо нихъ вырыто было большое количество домашней утвари, украшеній, одеждъ, оружія и принадлежностей конской сбруи. Большая часть вещей сдѣлана была изъ бронзы, меньшая—изъ желѣза. Въ нихъ было замѣтно грубое подражаніе вещамъ бронзовымъ, т. е. время найденныхъ въ землѣ издѣлій обозначалось временемъ переходнымъ отъ преобладающаго, почти исключительнаго, употребленія бронзы къ пользованію открытымъ за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова желѣзомъ. Наконечники стрѣлъ были и изъ желѣза, и изъ кремня; кинжалы и ножи всѣ желѣзные. Украшенія: жгутообразные, шейные обручи, застежки, бляшки для нашиванія на одежду—бронзовыя. Старики между крестьянами разсказывали, что на холмѣ раньше лежали какіе-то странные камни съ изсѣченными на нихъ изображеніями и непонятными знаками. Но ихъ увезъ одинъ изъ Елабужскихъ горожанъ для кладки у себя печи. У Ананьевскихъ крестьянъ было скуплено много вещей, добытыхъ ими изъ могильника, а главнымъ образомъ одному изъ ученыхъ изслѣдователей удалось найти между ними надгробный камень, уже раздробленный на 8 частей, изъ коихъ 7 собрали съ разныхъ концовъ двора, восьмую же не нашли. На этихъ семи кускахъ, сложенныхъ вмѣстѣ, изображенъ человѣкъ: вооруженный, въ остроконечной шапкѣ. У него на шеѣ надѣто кольцеобразное ожерелье, называемое по-русски «гривною». Съ правой стороны къ поясу привѣшенъ короткій мечъ, подобный найденнымъ внутри могильника. Этотъ воинъ видомъ своимъ похожъ на представителя первой кочевой дикой народности, ставшей извѣстной въ исторіи на протяженіи всего юга Россіи и впервые подробно описанной въ записяхъ знаменитаго

41) Изображеніе надгробнаго камня.

греческаго историка Геродота, жившаго за 500 лѣтъ до Рождества Христова.

Мы *) уже говорили о происхожденіи начальныхъ рисунковъ первобытнаго человѣка на обожженной глинѣ, а затѣмъ—рогѣ и кости. Въ этомъ рисункѣ, перешедшемъ отъ сложныхъ узоровъ къ изображенію человѣка и окружающей его природы, зародилась первая письменность, т. е. умѣніе человѣка условными знаками отпечатывать мысли свои,—хотя бы на корѣ дерева, или на камнѣ,—и такимъ способомъ передавать ихъ издалека другому. Чѣмъ больше крѣпли узы семьи и общественной жизни, тѣмъ болѣе человѣкъ нуждался въ обмѣнѣ мыслями со своимъ собратомъ и землякомъ. Слова и тѣлодвиженія при непосредственной близости стали уже недостаточными для обыденныхъ сношеній людей между собою. Ихъ умственный кругозоръ расширялся, а поле дѣятельности становилось все разнообразнѣй. У нихъ явились общія цѣли, стремленія и желанія. На скалахъ лѣваго берега рѣки Енисея въ Сибири открытъ рисунокъ, долженствовавшій предупредить охотниковъ, изъ сородичей, что «здѣсь пасутся козы». Въ 1894 году подробно была изслѣдована въ Азіи Базайская равнина, расположенная на правомъ берегу рѣки Енисея, между его притоками: Маной и Есауловкой. Здѣсь тоже открытъ былъ цѣлый рядъ поселеній, восходящихъ отъ второй половины каменной стадіи до открытія бронзы. Судя по найденнымъ предметамъ, здѣшніе обитатели жили осѣдло, усиленно занимались охотой и земледѣліемъ. Въ видѣ домашнихъ животныхъ имѣли, быть можетъ, быковъ и козъ, но безусловно еще не знали лошади. Изслѣдованіе ученыхъ намъ повѣ-

42) Образный рисунокъ на скалѣ лѣваго берега Енисея и «писанецъ» на берегу рѣки Маны.

*) «Семейный Университетъ» Комарскаго до стр. 40.

ствуетъ, что эти мирные люди въ началѣ бронзовой стадіи человѣческой жизни, были вытѣснены изъ родныхъ мѣстъ долгаго ихъ обитанія кочевымъ племенемъ не земледѣльцевъ, а пастуховъ, употреблявшихъ желѣзо и обладавшихъ уже лошадьми. На скалахъ рѣки Маны былъ найденъ «писанецъ», вполнѣ подтвердившій мнѣніе ученыхъ. На рисункѣ можно разобрать стычку троихъ, вооруженныхъ луками, длинноволосыхъ, пѣшихъ людей съ двумя всадниками. Такъ какъ одинъ изъ всадниковъ уже свалился съ коня, а другой валится со стрѣлою въ груди, то слѣдовательно рисунокъ могъ быть воспроизведенъ лишь пѣшими побѣдителями и смыслъ его таковъ: «Мы трое пѣшихъ встрѣтили здѣсь трехъ конныхъ враговъ, которыхъ и застрѣлили, причемъ одинъ изъ нихъ (человѣкъ въ лежачемъ положеніи, натягивающій лукъ: смотри картину) раненъ». Какъ этотъ «писанецъ» на кускѣ сланца 3-хъ пудовъ вѣсомъ, такъ и другіе предметы раскопокъ вдоль береговъ Енисея хранятся въ Новгородскомъ музеѣ.

Что такіе многозначущіе образные рисунки дѣйствительно замѣняли тогда письмо черезъ буквы, установившееся гораздо позже, а не являлись просто художественной потребностью древнихъ людей создать тутъ или тамъ рисунокъ, доказываетъ намъ то, что подобнымъ рисункамъ надлежало, во-первыхъ, собой покрывать постоянно расписываемые, какъ мы это видѣли, глиняные горшки. А на нихъ именно въ это время ученые не находятъ иного рисунка, кромѣ затѣйливаго и мастерского узора, служившаго украшеніемъ.

Для письма глина не представляла удобства, такъ какъ, во-первыхъ, она не всегда была подъ рукой, а во-вторыхъ, требовала еще обжога, чтобы сохранить

прочно слѣды человѣческихъ начертаній. Отсутствіе на гончарныхъ издѣліяхъ рисунковъ, рядомъ съ ними встрѣчающихся на кости, рогѣ и камнѣ, намъ подтверждаетъ, что они были далеко не всегда выраженіемъ только художественнаго чувства, а исключительно предназначались для передачи мыслей на разстояніи и для ея укрѣпленія видимымъ внѣшнимъ образомъ, причемъ, конечно, полемъ рисунка являлся ближайшій предметъ, наиболѣе подходящій для этой цѣли. Неоспоримымъ доказательствомъ того, что такое образное письмо существовало у древнихъ людей, служитъ, наглядный примѣръ: оно до сихъ поръ сохранилось у многихъ дикихъ племенъ. Вотъ его образецъ на экранѣ: тутъ одно индѣйское племя въ Америкѣ проситъ представителя Американской республики Соединенныхъ Штатовъ ему дозволить владѣть нѣкоторыми озерами № 8 близъ Верхняго озера № 10. У индѣйцевъ, живущихъ кланами, т. е. отдѣльными родами, каждый родъ носитъ прозвище какого-либо животнаго. И вотъ, для большей опредѣленности лицъ просящихъ они изображаются въ видѣ животныхъ, которыхъ названія имъ присущи. Предводитель племени впереди: журавль; за нимъ куницы. № 4 медвѣдь. № 5 маленькая черепаха. № 6 морской человѣкъ. № 7 рыба. Изъ глазъ вождя одна короткая линія направлена впередъ: къ президенту; другая обратно: къ озерамъ. Глаза всѣхъ, слѣдующихъ за нимъ, соединены съ его глазами, чѣмъ выражается единство воззрѣній; а соединенныя сердца указываютъ на единство чувствъ. Вы здѣсь видите, какъ дикарь нашего времени выражаетъ условными линіями и образами невещественныя понятія: желаніе, просьбу и единомысліе. Мало того: мы можемъ показать здѣсь хранящееся въ одномъ Московскомъ

43) Изображеніе образнаго письма дикарей.

44) Изображеніе образнаго письма русскаго крестьянина.

историческомъ обществѣ письмо неграмотнаго русскаго крестьянина, выраженное совсѣмъ такими же письменными рисунками. Вотъ оно на картинѣ, точно загадка. Письмо это было получено въ Петербургѣ солдатомъ Никитою Косинымъ отъ его родственниковъ, крестьянъ Кузнецкаго уѣзда Саратовской губерніи. Братъ Никиты обозначенъ косой: № 1. Ручка косы, гдѣ былъ на подлинникѣ привѣшенъ пропущенный здѣсь военный султанъ, знаменуетъ собой получившаго письмо Никиту. № 2 привязанная лошадь, а № 3 домъ. Т. е. «Никита, твой братъ Ѳедоръ пріѣхалъ домой». № 4 три солнца и № 5 земля означаютъ: «черезъ три дня умеръ». № 9 отсутствіе хлѣба. № 10 деньги на лошадь. Иначе: «трое дѣтей сидятъ голодными. Пришли деньги, чтобы купить лошадь». Затѣмъ № 11 опять женщина въ семьѣ Косиныхъ съ начертаніемъ цапли. № 12 два кольца. № 13 колесо. Т. е.: «племянница твоя—Цапля обручилась съ Колесниковымъ».

Въ приведенныхъ письмахъ мы видимъ условное значеніе цѣлаго изображенія, напримѣръ, что кружки—это монеты и что они, надъ грубыми чертами лошади, означаютъ: «пошли денегъ на лошадь». Частое повтореніе тѣхъ же рисунковъ въ древности при обычномъ распространенномъ пользованіи такимъ письмомъ не только какъ исключеніе, въ видѣ неграмотнаго крестьянина, породило условность знаковъ, замѣняющихъ цѣлое изображеніе и даже нѣсколько ихъ, чтобы выразить для прочтенія, на видномъ мѣстѣ, какое-нибудь опредѣленное чувство или же мысль яснѣй и короче. Такіе знаки много вѣковъ спустя, при огромномъ движеніи впередъ умственнаго развитія человѣка, переродились въ буквы.

Взгляните теперь на слѣдующій рисунокъ. Вы

засмѣетесь, когда услышите, что это двѣ женщины и мужчина. Между тѣмъ такъ изображаютъ письменно оба пола дикіе жители на сѣверо-востокѣ Сибири, въ Якутской области. Одежды якутъ у мужчинъ и женщинъ почти одинаковы, а потому якутка отличается въ письмѣ отъ мужчины лишь рядомъ точекъ съ правой стороны у верхняго конца изображенія, напоминающаго собою зонтикъ. Такія точки какъ бы длинные волосы, присущіе женщинѣ. Но они впрочемъ иногда покрываютъ собою рисунокъ просто какъ украшеніе. Третіе изображеніе: это женщина русская. У нея намѣчена боковыми чертами юбка. Четырехугольная рамка надъ подобными фигурами остальныхъ картинъ означаетъ шатеръ, съ поднятыми или спущенными сторонами. Если полы приподняты, значитъ, хозяинъ шатра или юрты собирается въ путь, какъ мы это видимъ на рисункѣ подъ № 116-мъ. Рядомъ, нѣсколько сосѣднихъ линій, пересѣкающихся надъ головою женщины (смотри точки) означаютъ крестообразно сложенныя на груди, въ знакъ печали, руки. Смыслъ письма таковъ: «ты уходишь на кочевье, и это меня огорчаетъ». У якутъ пишутъ только женщины. Ихъ письмена служатъ выраженіемъ сердечныхъ чувствъ между двумя полами. Мужчина можетъ прочитывать такія чувства, ему выраженныя женщиной, но самъ ей писать по якутскимъ нравамъ не долженъ. Женщина же вырѣзаетъ ножомъ письмена на кускѣ бересты и этотъ кусокъ кладетъ въ юрту своего избраннаго во время его отсутствія. Изогнутыя двойныя линіи (а), проведенныя отъ верхняго края фигуръ, тоже обозначаютъ руки. Если онѣ соединяютъ двѣ фигуры, то это обозначаетъ объятія и любовь, какъ на рисункѣ подъ № 117. Единомысліе выражается нѣсколькими пере-

45) Три изображенья образнаго письма якутъ.

сѣченными и прямыми линіями, соединяющими головы отдѣльныхъ лицъ. Сочувствіе и соединеніе сердецъ выражаются прямою чертой, идущей отъ одного сердца къ другому. Мысли не встрѣчающія согласія, обозначаются, какъ расходящійся безслѣдно по воздуху дымъ, волнообразной черточкой надъ головой фигуры. На рисункѣ 117-мъ письмо якутки читается такъ: «я предлагаю тебѣ сердечную привязанность, единомысліе и любовь въ одной общей юртѣ, т. е. супружество».

Любопытно послѣднее письмо № 118. Оно кажется очень сложнымъ, но его уразумѣть, если вглядѣться въ него, не трудно. Женщина въ юртѣ со спущенными полами, близка мужчинѣ, собирающемуся въ путь, на что указываютъ соединяющія ихъ изогнутыя двойныя линіи (а). Но ея руки крестообразно сложены въ знакъ печали, такъ какъ единомысліе и сердечная привязанность соединяютъ мужчину тоже съ русскою женщиной, находящейся съ нимъ въ его юртѣ. Она протянула до земли руку и отдѣлила ее отъ любящей якутки, заставивъ этимъ мысли ея о немъ разсѣяться какъ дымъ. Но это все ревнивыя подозрѣнія якутской женщины, опасающейся, что возлюбленный встрѣтитъ въ пути такую соперницу ей между русскими женщинами. Она въ своихъ подозрѣніяхъ заходитъ такъ далеко, что уже предвидитъ двоихъ маленькихъ дѣтей, какъ послѣдствіе измѣны милаго, и угрожаетъ ему тѣмъ, что у нея рядомъ съ ея юртой, по другую сторону, тоже есть человѣкъ, мысли котораго, направленныя въ ея сторону, пока не встрѣчаютъ ея сочувствія; но вѣнецъ, или звѣздочка на головѣ якутки подчеркиваетъ возможность того, что въ отсутствіи друга она выйдетъ замужъ за другого якута. Прочесть письмо по однимъ видимымъ знакамъ, не имѣя понятія о томъ, что̀ ими условлено

означать,—было бы мудрено. Но кому извѣстно, какія слова, мысли и чувства принято выражать той или другой чертой, тотъ всегда легко прочтетъ ему привычныя письмена, какъ мы читаемъ теперь по книгѣ.

Глава III.

Памятники Скиѳо-сарматской народности на югѣ Россіи.

Обширныя пространства *) нынѣшней Европейской Россіи, какъ это мы видѣли изъ предыдущаго чтенія, были въ различныхъ мѣстахъ обитаемы еще съ древнѣйшихъ временъ каменной стадіи человѣческой жизни. Мы видѣли также, какіе слѣды оставилъ въ глубокихъ слояхъ древней почвы, а главнымъ образомъ могильныхъ насыпяхъ этотъ вѣкъ каменный, а за нимъ бронзовый и желѣзный. Важнѣйшую долю древнихъ остатковъ, намъ сохранившихъ память о незапамятной старинѣ, находятъ обыкновенно въ курганахъ, тянущихся отчасти по берегамъ рѣкъ на сѣверѣ и востокѣ Россіи и почти сплошь покрывающихъ собой привольныя, черноземныя степи нашего юга. Около нѣкоторыхъ мѣстъ степи замѣчается особенно большое скопленіе подобныхъ могильныхъ насыпей, будто указывающихъ на то, что здѣсь именно собиралось охотно древнее населеніе степи и кочевало въ большомъ количествѣ. Въ подобныхъ мѣстностяхъ мы встрѣчаемъ могилы не одного поколѣнія и даже не одного племени, а цѣлой смѣны народностей, проходившихъ по южнымъ степямъ Россіи и тамъ сливавшихся. Но особенно драгоцѣнны

*) П. Полевой: «Очерки Русской Исторіи». И. Е. Забѣлинъ: «Исторія Русской жизни» до стр. 53.

для изыскателей нашей страны могилы скиѳскихъ царей,—народа, преобладавшаго въ южной части Россіи за 700 лѣтъ до Рождества Христова во времена процвѣтанія первой человѣческой образованности среди грековъ. Выселки ихъ, какъ было уже нами сказано въ предисловіи къ настоящимъ чтеніямъ, покрыли собой плодородные и торговые берега Чернаго моря. Они находились въ постоянныхъ сношеньяхъ,—то дружескихъ, то враждебныхъ,—со скиѳами. Роскошная утварь, оружіе и разныя украшенія, которыми было въ обычаѣ у всѣхъ древнихъ народовъ въ могилахъ окружать трупы знатныхъ людей, тѣмъ болѣе же царя, нерѣдко были прекрасной работы греческихъ мастеровъ. Большая часть кургановъ незначительна по объему: аршинъ 3—4 въ отвѣсъ, причемъ бока они имѣютъ отлогіе. Увеличиваясь со временемъ вслѣдствіе разныхъ природныхъ степныхъ условій, отлогость эта почти приравниваетъ къ земной поверхности нѣкоторыя насыпи, такъ что онѣ постепенно все понижаются. Но между ними бываютъ курганы въ высоту отъ двухъ до четырехъ саженъ и около ста саженей въ окружности. Это считается средней величиной: потому что есть рядомъ съ ними еще гораздо болѣе замѣчательные курганы, извѣстные подъ названіемъ «толстыхъ могилъ». Они имѣютъ до десяти саженъ въ высоту и полутораста въ окружности. Ихъ бока обыкновенно бываютъ подперты снаружи цоколемъ, или обкладкой изъ большихъ каменныхъ плитъ въ 4—5 аршинъ длины, вслѣдствіе чего все сооруженіе оказывается на столько прочнымъ, что вѣроятно даже мало измѣнилось по своей внѣшности въ теченіе для многихъ изъ нихъ не меньше 2000 лѣтъ, пронесшихся надъ ихъ вершинами. Эти курганы-памятники въ себѣ скрываютъ цѣлыя клад-

46) Картина: Курганы южно-русскихъ степей.

бища древнихъ временъ, прикрытыя общей насыпью. Лучше, живѣе печатныхъ книгъ они разсказываютъ намъ, благодаря правильнымъ, тщательнымъ ихъ раскопкамъ, о томъ, что̀ было въ далекія, навсегда минувшія, времена,—и кто жилъ въ нашей южной Россіи до появленія Запорожской Сѣчи на Днѣпровскихъ порогахъ, до начала казачества. Южная степь самой природой своей къ себѣ привлекала всегда людей бродячихъ, бездомныхъ, воинственныхъ смѣлыхъ всадниковъ, покорявшихъ волѣ своей дикихъ коней. Такими людьми, память о жизни которыхъ для насъ сохранила въ нѣдрахъ своихъ земля, были до Рождества Христова скиѳы: первая изъ народностей нынѣ Русскому государству принадлежащей части южной Европы, попавшая на страницы древней исторіи. У кочевыхъ, степныхъ скиѳовъ не было ни городовъ, ни селъ. Единственное ихъ имущество составляли огромныя стада скота, ими перегоняемаго за собой съ мѣста на мѣсто, какъ живой запасъ мясной пищи, этими дикарями употреблявшейся почти въ сыромъ видѣ. Единственно чѣмъ они дорожили, это могилами своихъ предковъ, и въ отвѣтъ безуспѣшно воевавшему съ ними, какъ мы увидимъ ниже, персидскому царю, когда онъ къ нимъ отправилъ пословъ съ тѣмъ, чтобы вызвать ихъ на открытую битву, сказали: «намъ нѣтъ нужды сражаться, мы не оставляемъ за собой ни домовъ, ни обработанныхъ полей, но у насъ есть могилы предковъ; попробуйте оскорбить ихъ и вы увидите, какъ мы сражаемся для ихъ защиты». Въ виду такого горячаго отношенія скиѳовъ къ своимъ могиламъ, начнемъ съ того, что опишемъ обрядъ погребенія ими своихъ покойниковъ.

47) Днѣпровскіе пороги.

За 500 лѣтъ до Рождества Христова правдивый и проницательный историкъ греческій Геродотъ, на-

зываемый «отцомъ исторіи», посѣтилъ сѣверные берега Чернаго моря, побывалъ въ греческихъ выселкахъ, или колоніяхъ, близъ устьевъ Днѣстра и Днѣпра, и оставилъ потомству подробное описаніе Скиѳіи, т. е. быта и нравовъ тогдашняго населенія юга Россіи. Его неоцѣнимый для насъ разсказъ подтверждается всею внутренней обстановкой раскрытыхъ теперь въ курганахъ скиѳскихъ гробницъ. По словамъ Геродота, скиѳы погребеніе обставляли самыми пышными и торжественными обрядами. Даже простыхъ смертныхъ родственники хоронили не сразу, а сначала,—странно, что въ теченіе именно сорока дней,—обвозили по всѣмъ друзьямъ ихъ. Каждый изъ друзей угощалъ провожатыхъ богатымъ пиромъ, предлагая мертвому то же, что и другимъ. Похоронивъ послѣ этого мертвеца, скиѳы себя очищали въ закрытыхъ шалашахъ паромъ отъ бросаемыхъ ими въ воду раскаленныхъ камней. Для погребенія царей существовало особое мѣсто, до котораго можно было свободно плыть вверхъ по Днѣпру, до какихъ поръ онъ былъ судоходенъ. Оно называлось Герры и предполагаютъ, что находилось недалеко отъ Днѣпровскихъ пороговъ, въ нынѣшней Екатеринославской губерніи. Тѣло умершаго царя покрывалось воскомъ и наполнялось по вычищеніи внутренностей ароматными травами, послѣ чего его зашитымъ возили на колесницѣ отъ одного подвластнаго ему племени къ другому. Встрѣчая погребальное шествіе, скиѳы должны были себѣ наносить увѣчье: царапать лицо, прокалывать лѣвую руку стрѣлами, остригать волосы. Въ Геррахъ, на мѣстѣ царскаго погребенія, вырывалась четырехугольная яма—ложница, куда опускали на кровати трупъ царя. Затѣмъ по сторонамъ его водружали копья, на копья клали брусья, а потомъ дѣлали крышу изъ ивовыхъ прутьевъ.

48) Картина: Обрядъ погребенія скиѳскаго царя.

Въ остальномъ пространствѣ ложницы погребали удушенныхъ по случаю его смерти: одну изъ женъ, виночерпія, повара, конюшаго, вѣстоносца и любимыхъ лошадей царя. За одно съ нимъ клали всѣ самые дорогіе предметы всего имущества мертвеца и золотыя чаши. Послѣ того всѣ наперерывъ засыпали обширную могилу землею, стараясь сдѣлать насыпь какъ можно выше на память будущимъ вѣкамъ, такъ какъ издревле каждый человѣкъ по какому то прирожденному ему чувству стремится оставить на землѣ возможно болѣе прочный слѣдъ своей жизни и смерти. Годъ спустя на могилѣ царя лилась снова кровь. Закалывали еще 50 лучшихъ его коней и лучшихъ слугъ. Лошадиные трупы на особыхъ подставкахъ разставляли кругомъ могилы, а тѣла убитыхъ молодыхъ людей, проткнутыя острымъ коломъ, сажали верхомъ на нихъ, причемъ колъ укрѣплялся въ жерди, которою пробивалась насквозь каждая мертвая лошадь. Разставивъ этихъ ужасныхъ всадниковъ, скиѳы спокойно удалялись. Такъ разсказывалъ Геродотъ двѣ съ половиной тысячи лѣтъ тому назадъ. Многіе перестали вѣрить его разсказамъ о жизни скиѳовъ и начали относить ихъ съ глубокомысленнымъ пренебреженіемъ современныхъ, самодовольно ученыхъ къ области бабьихъ сказокъ. И что же? Вдругъ передъ ихъ глазами среди 19-го столѣтія послѣ Рождества Христова открылась въ нѣдрахъ земли лопатою землекопа одна изъ только что здѣсь описанныхъ погребальницъ со всей роскошною обстановкой скиѳскихъ царскихъ могилъ. Весь дикій бытъ древняго населенія нашей южной Россіи, описанный Геродотомъ, со всѣми его богатствами и любопытными для насъ обычаями воскресъ, дѣйствительно на подобіе сказки, въ одномъ изъ могильныхъ кургановъ Крыма, на

берегу Чернаго моря, около нынѣшней Керчи. Тамъ для постройки казармъ въ 1831 году понадобился тёсанный камень,—мѣстными жителями легкомысленно добываемый изъ кургановъ. Они не думали, что разрушаютъ памятники исторіи и что этотъ тёсанный камень—могильныя плиты склеповъ нашихъ далекихъ предшественниковъ въ Россіи. На этотъ разъ судьба выдала людямъ нашего времени тайну давно минувшаго бытія. Жизнь и смерть встрѣтились между собой на одной чертѣ, взглянули прямо въ глаза другъ другу. Костяки скиѳскихъ царей увидѣли передъ собою свѣтъ новой цвѣтущей жизни, а мы жадно заглянули во мракъ вѣковой смерти похороненныхъ здѣсь младенческихъ лѣтъ всегда родного намъ человѣчества. Камень пошли доставать за 6-ть верстъ отъ Керчи, въ еще нетронутомъ для этой цѣли курганѣ, татарами названномъ Куль-Оба, т. е. «земля пепла». При землекопахъ былъ одинъ ученый изслѣдователь исторіи. Когда они наткнулись на склепъ, онъ вошелъ туда и три дня не могъ оторваться отъ найденныхъ тамъ предметовъ. Подъ крышею, на высокомъ ложѣ, въ деревянныхъ гробахъ лежали царь и царица съ митрами, украшенными великолѣпными золотыми повязками на головахъ. На шеѣ царя былъ толстый золотой обручъ (гривна) съ изображеніемъ конныхъ скиѳовъ. Руки его покрывали кольца, тоже изъ золота, и толстыя, золотыя запястья съ фигурами двухъ крылатыхъ женщинъ. Возлѣ лежалъ царскій мечъ съ золотой рукоятью, въ ножнахъ съ художественно исполненнымъ рисункомъ по золотой пластинкѣ; средній кругъ тяжелаго золотого щита и золотое налучье, т. е. вмѣстилище для ношенія лука, столь же прекрасной работы въ рисункѣ по золоту, какъ ножны. Шея и грудь царицы были

49) Изображенье двухъ конныхъ скиѳовъ на концахъ шейнаго царскаго обруча или гривны.

50) Женскій золотой браслетъ и повязка съ царскаго башлыка.

51) Золотая пластина съ ноженъ царскаго меча.

52) Изображенья вещей изъ Куль-Оба: Золотыя ушныя подвѣски.

украшены золотыми шейными обручами и пятью медальонами. По красотѣ своей и изяществу замѣчательна тутъ одна ушная подвѣска.

Гробы окружалъ цѣлый рядъ драгоцѣнныхъ сосудовъ изъ золота и серебра, фигурки изъ сплава,—названнаго «электромъ»,—двухъ этихъ металловъ вмѣстѣ. Тонкіе рисунки изъ греческой и скиѳской жизни на костяныхъ пластинкахъ, очевидно, украшавшія какой-то музыкальный инструментъ и много всякихъ другихъ сокровищъ. Къ сожалѣнію, скоро шайка ночныхъ грабителей разворовала эту замѣчательную могилу, подъ нею найдя второй нижній склепъ, по слухамъ, обставленный еще богаче. Казна скупила за огромныя деньги для Императорскаго музея часть похищенныхъ, по своему историческому значенію не имѣющихъ цѣны, вещей Куль-Обскаго кургана. На одномъ изъ скупленныхъ сосудовъ прекрасно изображены сами скиѳы во всѣхъ подробностяхъ своего вооруженія и одежды. Ихъ внѣшній видъ вполнѣ подтверждаетъ правдивое описаніе Геродота, и не одна Куль-Обская могила служитъ теперь неоспоримымъ живымъ свидѣтельствомъ его словъ.

53) Бронзовое зеркало.

54) Картина: Александропольскій или луговой курганъ.

Въ 50-ти верстахъ отъ Днѣпра, близъ станціи Александрополь, въ 1853 году была раскопана громадная могила, названная Луговой. Она господствовала надъ окружающей степью болѣе, чѣмъ на 25 верстъ. Въ ней подъ громадными каменными глыбами, съ трудомъ поддавшимися для передвиженія ихъ силѣ 15-ти человѣкъ, были открыты обширныя подземелья. Главная могила оказалась при этомъ кѣмъ-то когда-то разграбленной до чиста, но за то въ боковыхъ, гдѣ были зарыты вмѣстѣ съ хозяиномъ по скиѳскому обряду кони его, былъ найденъ полный наборъ верховой сбруи на нѣсколькихъ коней, сдѣланный

55) Каменная гробница.

почти весь изъ золота, при чемъ одинъ недоуздокъ имѣлъ полъ-фунта вѣса. Всѣ эти дорогія, прекрасно сработанныя, вещи скиѳскихъ могилъ были издѣліемъ несомнѣнно греческихъ мастеровъ—сосѣдей скиѳовъ. Внутреннее устройство толстыхъ могилъ оказалось довольно сложнымъ. Большей частью онѣ состоятъ изъ одной средней ямы съ правильно окопанными, выглаженными стѣнами и изъ нѣсколькихъ боковыхъ гробницъ, соединенныхъ между собою подземными ходами. Въ иныхъ могилахъ главная яма соединена особымъ потайнымъ ходомъ съ обширнымъ подземельемъ, находящимся въ сторонѣ отъ всѣхъ прочихъ гробницъ. Среднія гробницы служили усыпальницами для лицъ, въ чью честь насыпались сверхъ нихъ курганы. Въ боковыхъ же гробницахъ погребались убитые на могилѣ покойника кони и его слуги. Кромѣ вышеупомянутой конской сбруи въ Александропольской могилѣ найдены были и украшенія всякаго рода, напримѣръ: одно золотое, сдѣланное на подобіе подковъ съ двумя лошадиными головами; другое, въ видѣ фигурки кабана, изъ листового золота. Всѣ эти вещи снабжены дырочками, и рядомъ найдено много золотыхъ гвоздиковъ, которыми они были прибиты къ истлѣвшимъ предметамъ изъ дерева. Между этими украшеніями помимо золотыхъ найдены бронзовыя на втулкахъ для древка. Такъ: троезубецъ съ тремя птицами на концахъ зубьевъ, въ клювѣ держащими колокольца. Двѣ пары съ прорѣзною квадратною бляхой, причемъ на ней изображено баснословное животное, стерегущее будто бы золото: грифонъ полу-левъ, полу-орелъ, а къ нижнему краю привѣшаны колокольца. 60 пластинокъ, изъ листовой мѣди, собой изображали переднюю половину туловища животныхъ. Множество бляхъ, полу-бубенчи-

56) Изображенье вещей Александропольскаго кургана: Кабанъ и подковка съ двумя лошадиными головами изъ листового золота. Бронзовый троезубецъ на втулкѣ съ тремя птицами, въ клювѣ держащими колокольца. Прорѣзныя бляхи съ разными изображеньями — между прочимъ: грифона. Дутая конская головка съ отверстіемъ для продѣванья ремня.

ковъ, привѣсокъ-колокольчиковъ, какихъ-то бронзовыхъ трубочекъ разной величины, не перечтешь. Замѣтно, что большая часть такого скопленія вещей на одномъ мѣстѣ была на что-либо нашита или наложена, и это даетъ право предположить, по разсмотрѣніи цѣлыхъ сотенъ найденныхъ предметовъ, что тутъ была нарочно надъ могилой разломана и туда кусками спущена вслѣдъ за трупомъ погребальная колесница, разукрашенная вышеописанными предметами по кузову и дышламъ.

Въ виду первыхъ богатыхъ находокъ въ Луговой Александропольской могилѣ раскопки 1853 года были продолжены въ 1855 году не менѣе удачно. Найденъ былъ скелетъ лошади взнузданной и осѣдланной на колѣняхъ съ вытянутой головой, лежащей на каменной приступкѣ. У нея находилась между глазами и ушами дутая конская головка съ отверстіемъ для продѣванія ремня. Во рту у нея были желѣзныя удила. Шея, узда и сѣдло, замѣтно прежде окрашенное въ красный цвѣтъ, были обильно покрыты всякими бляхами, серебряными бусами, бубенцами и полумѣсяцами на цѣпочкахъ. Далѣе полъ подземныхъ ходовъ былъ заваленъ костями лошадей въ перемѣшку съ неисчислимымъ количествомъ золотыхъ вещицъ и конскихъ украшеній. Особенно замѣчательно множество бляшекъ, выбитыхъ изъ листового золота въ видѣ фигуръ различныхъ звѣрей и птицъ, или съ изображеніемъ ихъ. Укажемъ наглядно оленью голову съ кружкомъ, подвѣшаннымъ у нея во рту, и птицу. Затѣмъ въ конскихъ могилахъ найдено было еще четыре цѣльныхъ скелета лошади въ роскошныхъ уздечкахъ и разукрашенныхъ верховыхъ наборахъ съ такими же бляхами: фигурными или рѣзными, разныхъ металловъ, цѣпочками, колокольчиками, бусами и кол-

57) Бляшка изъ листового золота въ видѣ оленьей головы, съ кружкомъ, подвѣшаннымъ у нея во рту; и птица.

58) Изображеніе: Золотая бляха, украшавшая конскую узду.

пачками отъ истлѣвшихъ костей, какія были и на остальныхъ лошадиныхъ трупахъ. Между ними своей работой и цѣнностью выдѣлялись: золотой конскій налобникъ въ видѣ головы лошади, четыре плоскія золотыя бляхи, при желѣзныхъ удилахъ, со скважинами на мѣстѣ прикрѣпленія ремней у рта и ушей, изображающія голову скиѳа, преслѣдующаго зайца.

Дальше въ одной изъ ямъ обширнаго Александропольскаго или Лугового могильника изслѣдователи наткнулись на остатки желѣзомъ окованной колесницы о 6-ти колесахъ, при чемъ среди обломковъ найдены были вещи, служившія очевидно для ея украшенія. Кромѣ этихъ богатыхъ остатковъ сбруи и упряжи, между трупами лошадей кое-гдѣ валялись и человѣческіе черепа по сосѣдству съ множествомъ костяныхъ и бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ, остатками панцыря, покрытаго листовымъ желѣзомъ, кусками расписныхъ вазъ грубой работы и другими предметами древней жизни. Среди украшеній, кромѣ ушныхъ и шейныхъ подвѣсокъ въ золотой оправѣ, встрѣчались звѣриные и птичьи когти. Нашъ знаменитый историкъ Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ, умершій въ началѣ 1909 года 80-ти лѣтъ отъ роду, въ 1859 году самъ производилъ раскопки кургановъ и основалъ на ихъ неоспоримыхъ свидѣтельствахъ историческое прошедшее нашей родной страны. Къ юго-востоку отъ Александропольской могилы, въ 10-ти верстахъ отъ Днѣпра, въ его присутствіи производились работы у Гермесова кургана. Тамъ на полу подземелій между прочими вещами найдена была большая золотая пластинка, крайне грубой работы съ изображеніемъ стычки между собою коннаго и пѣшаго скиѳа. Оба они защищены броней и имѣютъ луки у поясовъ.

59) Изображенье Большой золотой пластины Гермесовскаго кургана, гдѣ выбита стычка коннаго скиѳа съ пѣшимъ.

Вслѣдствіе изобилія сокровищъ, найденныхъ въ Александропольской Луговой могилѣ, Ученая Коммиссія въ томъ же году приступила къ раскопкамъ меньшихъ могильныхъ насыпей, расположенныхъ вокругъ нея. Такіе курганы принято называть «Близницами». Въ нихъ, правда, открыты были цѣлыя кладбища; но безпорядочно разбросанныя гробницы, въ себѣ содержащія иногда по 12-ти человѣческихъ остововъ, оказались нищими. У одного лежало въ головахъ кремневое остріе копья, у другого мѣдное. У иныхъ по глиняному горшку и даже по рѣчной раковинѣ. Должно быть въ средней, большой Луговой могилѣ погребены были останки знатнаго властелина, а въ остальныхъ, кругомъ нея, трупы рабовъ, убитыхъ при его погребеніи. То же явленіе замѣчалось и при раскопкахъ другихъ царскихъ могилъ.

60) Изображенье серебрянаго конскаго нащечника Краснокутскаго кургана.

Въ 1860 году тотъ же Забѣлинъ заглянулъ опять въ темную глубину древнѣйшей исторіи нашей родины, изслѣдуя толстую могилу въ 50-ти верстахъ отъ Краснокутской станціи, версты 4 къ западу отъ Днѣпра. Тамъ были опять найдены кучи обломковъ погребальной колесницы съ желѣзными шинами и полосами для скрѣпленія кузова, колесными втулками и 70-ти штуками перержавившихъ желѣзныхъ удилъ. Далѣе на боку лежали четыре лошади, головами къ средней могилѣ хозяина; всѣ въ уздечкахъ съ серебрянымъ наборомъ. На нихъ любопытны серебряные нащечники, прорѣзные, съ изображеніемъ двухъ лошадиныхъ головъ, смотрящихъ въ разныя стороны. Но самый огромный, богатый по содержанію и знаменитый имъ,—это курганъ Чертымлецкій: 9 саженъ вышиною и 165 въ окружности. Его окаймляютъ тоже нѣсколько другихъ, меньшихъ кургановъ, къ которымъ въ прежнія времена, по свидѣтельству

стариковъ, вела какъ бы дорога изъ нѣсколькихъ рядовъ известковыхъ каменьевъ, какими былъ тоже обложенъ и весь главный курганъ. Забѣлинъ самъ составилъ полное описаніе цѣлаго міра находокъ, скрытыхъ и сохраненныхъ неприкосновенно въ громадномъ количествѣ нѣдрами вѣковой насыпи. Общимъ счетомъ въ ней откопано было за годъ до 2500 штукъ разнообразныхъ и преимущественно драгоцѣнныхъ предметовъ древности. Между ними множество изображеній животныхъ и птицъ, какъ воображаемыхъ, сказочныхъ, такъ и природныхъ,— судя по внѣшнему виду ихъ, предназначались, какъ и подобные же предметы въ другихъ могилахъ, для насаживанія на древко въ видѣ военныхъ значковъ и украшенія шатровъ или колесницъ. Глядя на птицъ съ колокольчикомъ въ клювѣ, на бубенцы и бляхи,— вспомнишь невольно о нашей нарядной троечной упряжѣ и подумаешь, изъ какой сѣдой старины ведетъ начало нашъ «малиновый» звонъ подъ дугой валдайскаго колокольчика. Искусная греческая работа даетъ себя знать на золотыхъ и серебряныхъ ушныхъ подвѣскахъ (серьгахъ), перстняхъ и ожерельяхъ. Но особенно ярко выразилась ея красота въ великолѣпномъ серебряномъ сосудѣ, не имѣющемъ даже себѣ подобнаго между памятниками греческаго искусства. Въ вещахъ скиѳскихъ кургановъ однако видно, что эти вещи греки работали по заказу скиѳовъ и для торговли съ ними. Онѣ отражаютъ какъ нельзя больше бытъ жизни скиѳовъ въ южно-русскихъ степяхъ и намъ рисуютъ скиѳа посреди ежедневныхъ его занятій.

61) Три картины—скиѳовъ, ухаживающихъ за конями съ драгоцѣнной Чертымлецкой вазы.

Вотъ посмотрите на изваянныя вокругъ, по каймѣ сосуда, картины скиѳовъ, ухаживающихъ за конями. Они ихъ ловятъ въ степи арканами, что̀

Картина 1.

видно по напряженію вытянутыхъ ихъ рукъ, державшихъ, — теперь только между ихъ пальцами, сохранившуюся,—веревку. Головы скиѳовъ обнажены, и согласитесь, что ихъ прическа сильно напоминаетъ волосы мужиковъ, остриженныхъ въ скобку.

62) Картина 2. Вотъ на слѣдующей картинѣ, скиѳъ смирно стоящему предъ нимъ, осѣдланному коню спутываетъ веревкой ноги; а рядомъ, спокойно стоитъ бездѣйствующій, бородатый его собратъ, какъ будто бы собирающійся открыть короткій мѣхъ, перекинутый чрезъ его плечо,—чтобы напиться.

63) Картина 3. На картинѣ третьей: предъ взнузданнымъ, но не осѣдланнымъ конемъ чистѣйшей породы изображенъ, можетъ быть, царскій конюхъ. Одною рукой онъ приподнимаетъ коню переднюю лѣвую ногу, какъ это и до сихъ поръ дѣлается при желаніи укротить дикихъ коней; а другой тянетъ ремни уздечки,—чѣмъ придаетъ коню особенно благородный, красивый поворотъ головы. На поясѣ у этого послѣдняго скиѳа хорошо обрисовывается, такъ называемое, «налучье», пока пустое, гдѣ помѣщался во время войны или охоты лукъ и при которомъ всегда имѣлся небольшой боковой кошель для стрѣлъ. Каждая фигура отдѣльно отлита изъ серебра и припаена къ поверхности сосуда. Онъ имѣетъ видъ греческой, такъ называемой, «амфоры», предназначавшейся для храненія вина, или кумыса (перебродившее лошадиное молоко) во время пиршества. Внутри ея шейки, такъ же какъ краниковъ нижней части, вдѣлано мелкое ситечко. Кранчики эти изъ себя представляютъ двѣ львиныя головки и одну на передней, лицевой части сосуда,—крылатую, лошадиную. Особенно тщательная отдѣлка лошадиной головы, окруженной вѣнцомъ, стоитъ въ связи съ предметомъ главныхъ изображе-

64) Картина: Самъ знаменитый серебряный сосудъ Чертомлецкаго кургана съ двухъ сторонъ.

ній на вазѣ, т. е. съ прославленіемъ болѣе всего развитаго у скиѳовъ коневодства. Выпуклость всѣхъ рисунковъ постепенно уменьшается по направленію отъ лицевой къ обратной сторонѣ вазы. Богатыя украшенія художниковъ, размѣщенныя на ея туловищѣ, въ видѣ изгибовъ цвѣтовъ и листьевъ, соотвѣтствуютъ пышной растительной жизни южнорусскихъ степей. Въ верхней части помѣщены, какъ вы видите, и мастерски отдѣланные голуби, и журавли, летящіе по степи. Ваза эта хранится, вмѣстѣ съ другими предметами скиѳскихъ раскопокъ, въ одной изъ залъ Императорскаго Эрмитажа въ С.-Петербургѣ.

Тутъ же *) въ Чертымлецкомъ курганѣ найдена великолѣпная золотая пластинка, украшавшая налучье царя, здѣсь погребеннаго. Изображенія на ней заставляютъ предполагать въ греческомъ мастерѣ близкое знакомство со скиѳскимъ бытомъ и видно, что она была имъ сработана именно для употребленія скиѳомъ. Короткій обоюдоострый и узкій скиѳскій мечъ, образцы котораго сохранились въ курганахъ, обдѣлывался по ручкѣ листовымъ золотомъ, а у вождей снабжался роскошными ножнами въ видѣ золотой накладки на кожу. Въ могилахъ знатныхъ скиѳовъ и ихъ царей найдены такія украшенія ноженъ великолѣпной работы греческихъ мастеровъ съ изображеніями событій изъ древней жизни, животныхъ и растеній. Въ Чертымлецкомъ курганѣ нельзя не указать на чудную рукоять царскаго боевого меча, сохранившуюся безъ клинка; но превосходная отдѣлка ея украшеній заставляетъ предполагать, что именно ея клинку принадлежали тутъ же найденныя золотыя ножны, въ родѣ только что упомянутыхъ. Верхній

65) Царское налучье греческой работы съ Чертымлецкаго кургана.

66) Изображеніе рукояти царскаго меча.

*) И. Е. Забѣлинъ: «Исторія Русской жизни». Гр. Толстой и Кондаковъ: «Русскія древности» до стр. 58.

конецъ рукояти сработанъ въ видѣ двухъ, обращенныхъ въ противоположныя стороны, бычачьихъ головъ. По стволу рукояти произвольный рисунокъ листковъ, между каймами жгутиковъ, раздѣляетъ два ряда изображеній скиѳской охоты. Три всадника преслѣдуютъ дикихъ козловъ. На золотой накладкѣ Чертымлецкихъ ноженъ, обращаетъ на себя вниманіе, какъ и въ другихъ накладкахъ, широкій выступъ въ верхней части ея. Очевидно, онъ покрывалъ соотвѣтствующую часть кожаныхъ ноженъ, предназначавшуюся для того, чтобъ удобнѣй было вынимать мечъ, а также для прикрѣпленія его вплотную къ поясу, что̀ нужно было при верховой ѣздѣ. Выступъ этотъ на Чертымлецкихъ ножнахъ украшенъ изображеніемъ описаннаго нами выше сказочнаго грифона, терзающаго голову сѣвернаго оленя. Остальное пространство ноженъ покрыто изображеніемъ битвы между греками и скиѳами. Вожди бьются впереди своихъ отрядовъ, и въ то время какъ грекъ, обращаясь назадъ, побуждаетъ своихъ воиновъ за нимъ слѣдовать, скиѳскій вождь готовится его ударить своимъ мечемъ. Далѣе скиѳъ старается прикончить павшаго молодого грека короткимъ копьемъ, въ то время какъ другой грекъ тщетно старается приподнять своего товарища. Павшій на колѣна молодой скиѳъ, въ свою очередь, гибнетъ, отбиваясь отъ грека своею сѣкирой. Къ скиѳу спѣшитъ на помощь товарищъ; но конь его подъ нимъ падаетъ, и онъ напрасно тянетъ его за уздечку. Скиѳъ хватаетъ за ноги грека, чтобъ утащить его въ плѣнъ...

67) Золотая пластина ноженъ царскаго меча, съ битвой, на ней представленной.

Изъ множества бронзовыхъ вещей въ Чертымлецкомъ курганѣ отмѣтимъ прорѣзную жаровню съ ручкою для насаживанья на палку.

Въ Чертымлецкомъ курганѣ, какъ и въ другихъ,

обнаружилось по срытіи насыпи, нѣсколько могильныхъ ямъ. Средняя—царская—богатѣйшая по находкамъ въ ней и три боковыя—конскія. Остальныя, бѣднаго содержанія, указывали, какъ уже было сказано, на могилы рабовъ. Въ конскихъ могилахъ лошади были обращены головой къ могилѣ властелина. Между ними были осѣдланныя, съ золотыми наборами, и безъ сѣделъ, съ серебряными. Нѣкоторыхъ украшали бронзовыя бляхи разнаго вида, подобныя вышеописаннымъ,—и колокольчики. Тутъ найденъ былъ остовъ конюшаго съ позолоченной гривной на шеѣ, золотою серьгой въ видѣ двулицей человѣческой головы, въ ухѣ и кожанымъ колчаномъ, полнымъ бронзовыхъ стрѣлъ на тростниковыхъ древкахъ. Затѣмъ найдено было поломанное ведерко съ множествомъ золотыхъ бляхъ. Между прочимъ одна изображала сидящую съ зеркаломъ въ рукѣ женщину, а передъ нею пьющаго изъ рога—скиѳа. На полу валялся бронзовый свѣтильникъ о семи рожкахъ, а въ стѣну воткнуты были три желѣзныхъ меча съ золотыми рукоятями мѣстной скиѳской работы. Въ этихъ же подземельяхъ открыли огромный бронзовый котелъ на ножкѣ съ фигурками козловъ по краямъ. Онъ закопченъ былъ снизу. Въ такихъ котлахъ скиѳы себѣ варили пищу. Они долго не выходили изъ употребленія, и ихъ откапывали много во всѣхъ курганахъ среди предметовъ разныхъ временъ. На одномъ остовѣ богато одѣтой женщины съ остатками траурнаго покрывала на головѣ и туловищѣ,—золотыя бляшки составляли надъ черепомъ трехугольникъ съ закругленною вершиной и потомъ, спускаясь къ плечамъ, доходили до кистей рукъ. Онѣ, очевидно, украшали собой остроконечный скиѳскій колпакъ, или женскій клобукъ. Любопытны золотыя ленты до 14

68) Изображеніе жаровни, найденной въ Чертымлецкомъ курганѣ.

69) Изображеніе: Пьющій скиѳъ.

70) Изображеніе котла для варки пищи.

дюймовъ длиною изъ листового золота, — служившія такими же украшеніями на одеждѣ. Онѣ покрыты изображеніями разныхъ звѣрей и чудовищъ. На нихъ рядъ дырочекъ указываетъ на то, что онѣ были нашиты на ткань одеждъ, повидимому тутъ же когда то развѣшанныхъ по стѣнамъ и сводамъ на желѣзныхъ крючкахъ, найденныхъ среди ихъ развалинъ.

Кромѣ упомянутыхъ сейчасъ предметовъ, при людскихъ и конскихъ скелетахъ, немыслимо перечесть множества золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ мелочей,—всего, что̀ нашлось въ Чертымлецкой могилѣ въ видѣ остатковъ оружія, драгоцѣнной утвари, желѣзныхъ ножиковъ съ костяными ручками, точильныхъ камней въ золотой оправѣ, серебряныхъ ложекъ и черпаковъ съ звѣриными головами, браслетовъ, гривенъ, колецъ и тому подобныхъ вещей. Вещи эти всѣ—или замѣтно мѣстной, скиѳской работы, или же греческой, приспособленной къ вкусамъ скиѳовъ. Предметы ихъ самодѣльнаго мастерства, во-первыхъ, отличаются дурнымъ качествомъ золота, цвѣтомъ похожаго на мѣдь, а во вторыхъ, по замыслу и выраженію они имѣютъ совсѣмъ обособленный отпечатокъ скиѳской народности, самобытной въ духовной жизни своей, въ своихъ понятіяхъ и стремленіяхъ. Греческое искусство должно было подчиняться ей, какъ только переходило за черту родныхъ городовъ своихъ приморскихъ выселковъ. Сталкиваясь съ широкимъ потокомъ скиѳскихъ издѣлій, вполнѣ своеобразныхъ по своимъ цѣлямъ и выполненію,—оно лишь съ внѣшней стороны привилось къ нимъ и имъ служило своей художественной отдѣлкой по вкусу дикихъ сосѣдей. Греческое художество со всѣми своими достоин-

Персидскій царь Дарій управляетъ своими войсками во время сраженія. *(Къ 88 стр.)*

Собственность Т. П. Мятлевой.

Хитрость персовъ. *(Къ 91 стр.)*

ствами съумѣло подладиться къ ихъ потребностямъ и образу мыслей.

Въ Чертымлецкомъ курганѣ на себя обращаютъ вниманіе между предметами личнаго человѣческаго убора, а именно золотыми пластинками, нашивавшимися чаще всего на башлыки или на кожаныя одежды,—прорѣзныя изъ нихъ,—съ цѣлью выдѣлить ярче природныя очертанія изображенныхъ звѣрей, преимущественно львовъ, кабановъ, барсовъ и въ особенности не существующаго грифона,—то съ орлиной, то съ человѣческой головой, при львиномъ крылатомъ туловищѣ. Такъ же любили скиѳы изображать терзаемаго, или раненаго оленя, причемъ вѣтви его роговъ заканчивались иногда птичьими головами. Предполагаютъ, что прорѣзныя пластинки накладывались на красную кожу, т. е. «сафьянъ», и что одежды скиѳскія, башлыки ихъ,—окрашивались въ красный цвѣтъ.

71) Прорѣзныя бляхи съ грифономъ.

Какъ было уже нами ранѣе сказано, изображенія грифона имѣли предохранительное значеніе, и на погребальномъ уборѣ они какъ бы охраняли покой умершаго, такъ же какъ защищали живыхъ на военныхъ значкахъ и предметахъ вооруженія. Собственныя издѣлія скиѳовъ были обращены больше на украшенія—мужскія, женскія, а также конскія, причемъ обиліе лошадей указываетъ на кочевой бытъ. Чѣмъ было сѣвернѣе кочевье, тѣмъ меньше оно нуждалось въ услугѣ греческой образованности, и курганы южные,—какъ Куль-Обскій, или Семибратняя могила на рѣкѣ Кубани,—въ себѣ заключаютъ гораздо больше домашней утвари работы греческаго искусства,—только согласнаго съ бытомъ и вкусомъ скиѳовъ,—нежели курганъ Чертымлецкій. Однако, по отношенію къ этому вкусу и быту, поразительно

сходство вещей между Куль-Обской и Чертымлецкой, могилами,—несмотря на то, что одна открыта вблизи Днѣпра, а другая около Керчи, на Крымскомъ полуостровѣ. По особому виду и отпечатку вещей обихода скиѳскаго населенія, несмотря на ихъ греческую работу сейчасъ можно отличить древности и могилы скиѳскія, отъ греческо-римскихъ древностей.

Упомянувъ лишь вскользь о немилосердно разграбленныхъ на три четверти Куль-Обскихъ сокровищахъ, вглядимся *) въ нихъ теперь подробнѣй, чтобы обнаружить яснѣе это, явно скиѳское сходство. Начнемъ съ знаменитаго такъ же, какъ Чертымлецкая ваза, электроваго сосуда Куль-Оба, сохранившаго, какъ живое, изображеніе той же будничной скиѳской жизни, какую мы только что разсмотрѣли на Чертымлецкой серебряной вазѣ. Между шестью другими серебряными сосудами этотъ—электровый, т. е. изъ четырехъ частей золота съ примѣсью одной части серебра,—сосудъ отличается ножкой у основанія и приспособленіемъ горлышка для широкой пробки, тогда какъ другіе имѣютъ круглое туловище безъ ножки и низкое широкое горлышко. На этой электровой вазѣ выбито четыре картины изъ ежедневной жизни скиѳской народности. Самая лучшая изображаетъ собой совѣщаніе двухъ скиѳскихъ воиновъ. Между ними одинъ, должно быть, вождь, судя по отличающей его повязкѣ на головѣ, сидя на небольшомъ земляномъ бугоркѣ среди степи и опираясь на копье, слушаетъ то, что̀ передаетъ ему другой скиѳъ, сидящій на землѣ по степному, поджавъ подъ себя ноги. Вождь приложилъ лобъ къ древку копья и слушаетъ молча,—между тѣмъ какъ его собесѣдникъ оживленно ему

72) Изображеніе электроваго сосуда.

73) Картина: Совѣщанье двухъ скиѳскихъ воиновъ.

74) Картина: Скиѳъ, натягивающій лукъ. (На самомъ изображеніи сосуда.)

*) П. Полевой: «Очерки Русской исторіи» и П. Е. Забѣлинъ: «Исторія Русской жизни» до стр. 65.

разсказываетъ о чемъ-то. Повернувъ сосудъ вправо, мы видимъ скиѳа, склонившагося на одно колѣно въ своемъ стараніи натянуть тетиву лука. При поворотѣ далѣе: скиѳъ щупаетъ во рту у другого больной зубъ. Тотъ, съ выраженіемъ страданія на лицѣ, его хватаетъ за руку. При нихъ обоихъ находятся, какъ вы видите, прикрѣпленные къ поясу лукъ и стрѣлы. Наконецъ, вотъ послѣдняя картина: скиѳъ перевязываетъ другому раненую, должно быть, ногу. И они тоже неразлучны, какъ всегда были скиѳы, съ своимъ любимымъ оружіемъ—небольшимъ лукомъ, вложеннымъ въ налучье, съ особымъ при немъ карманомъ для стрѣлъ. Мы упоминали уже о томъ, что въ Куль-Обской гробницѣ, по близости съ костянымъ остовомъ царя скиѳовъ, найдены были роскошныя золотыя пластинки съ налучья и ноженъ меча. Прибавимъ кстати, что налучье это все цѣликомъ изъ себя представляетъ раненаго оленя и замѣчательно тѣмъ, что оно такъ же, какъ и накладка ноженъ, сдѣлана скиѳскимъ мастеромъ, а не греческимъ,—на что указываетъ вырѣзанная на вещахъ этихъ надпись чисто скиѳскаго имени. Скиѳскій художникъ по тѣлу оленя и подъ его шеей изобразилъ, въ меньшемъ видѣ, его противниковъ—собаку, льва и грифона. Тутъ же прыгаетъ заяцъ,—а рядъ роговъ, произвольно намѣченныхъ имъ, кончается головой барана. Куль-Обская накладка на ножны, уступаетъ, конечно, въ работѣ греческому искусству, но для исторіи ея значеніе гораздо выше именно потому, что она служитъ намъ доказательствомъ существованія среди скиѳовъ еще до Рождества Христова собственныхъ мастеровъ-художниковъ. Изображеніе пяти звѣрей, царапающихъ по землѣ лапами и какъ бы ползущихъ съ судорожнымъ напря-

75) Картина: Скиѳъ щупаетъ во рту другого больной зубъ.

76) Картина: Скиѳъ перевязываетъ другому больную ногу.

77) Золотое налучье изъ Куль-Оба, изображающее очертаніемъ своимъ раненаго оленя.

женіемъ мускуловъ, при нѣкоторомъ однообразіи рисунка хищныхъ и травоядныхъ животныхъ,—полно особою силою выраженія и внутренней страстности, свойственной нравамъ дикихъ кочевниковъ. Оно можетъ служить примѣромъ общихъ существенныхъ чертъ работы скиѳовъ, въ себѣ заключающимъ отпечатокъ Азіатскаго искусства. Выше уже упомянутые другіе шесть сосудовъ Куль-Обской могилы, разной величины,—отъ 3-хъ до 15-ти сантиметровъ въ вышину,—могли служить для различныхъ цѣлей: какъ для питья, такъ и для мастей разныхъ восточныхъ притираній лица и кожи. Художественныя украшенія на нихъ представляютъ собой льва и львицу пожирающими оленя.

78) Изображеніе другого—серебрянаго сосуда изъ Куль-Оба.

Скиѳы сначала пили обыкновенно изъ рога и среди Куль-Обскихъ сокровищъ находится такой рогъ или ритонъ, сдѣланный изъ чистаго золота, великолѣпной работы, съ изображеніемъ на концѣ передней части туловища собаки.

79) Изображеніе ритоновъ съ собачьей, бычачьей и козлиной головами.

Среди остальныхъ скиѳскихъ кургановъ, изслѣдованныхъ Забѣлинымъ, кромѣ вышеописанныхъ, можно отмѣтить еще каменную могилу, тоже въ Екатеринославской губерніи, въ 11-ти верстахъ отъ Краснокутской ст. Внутри, подъ слоемъ дерева, обнаружилось двѣ могилы: въ одной лежалъ малорослый конь, въ уздѣ съ мѣднымъ наборомъ и желѣзными удилами. Въ другой, между черепами коней безъ всякихъ уборовъ, лежалъ, рядомъ съ желѣзными копьями, человѣческій черепъ, покрытый кускомъ чешуйчатой желѣзной брони, нашитой на холстѣ. Затѣмъ, въ такъ называемой «Острой могилѣ» крестьянинъ, добывавшій въ этомъ курганѣ камень, нашелъ въ землѣ золотую витую гривну, узорчатыя ножны кинжала и двѣ золотыя пластины, изъ коихъ одна похожа на обложку

рукояти меча, а другая на украшеніе конца ноженъ съ изображеніемъ двухъ скорченныхъ животныхъ...

На этомъ мы и закончимъ нашъ обзоръ древнихъ могилъ, открывшихъ намъ въ своихъ подземельяхъ похороненную жизнь древнихъ людей, населявшихъ южную часть Россіи. Этотъ обзоръ коснулся самыхъ ихъ существенныхъ чертъ и драгоцѣнныхъ памятниковъ исторіи, вполнѣ достаточныхъ для представленія о бытѣ кочевыхъ скиѳовъ,—не отмѣчая неисчислимыхъ подробностей его сокровищъ, важныхъ только для узко-ученыхъ цѣлей. Среди множества могилъ, прикрытыхъ одною насыпью, и въ курганахъ, расположенныхъ по нѣскольку ближнихъ вокругъ одного главнаго,—иныя разграблены до чиста, иныя на половину. Но, какъ мы видимъ, тѣмъ не менѣе, правильныя раскопки, чуждыя грабежа, дали намъ все-таки очень много и освѣтили въ нашихъ умахъ сѣдую русскую старину до нельзя ярко и знаменательно. Посмотримъ, какое общее заключеніе онѣ даютъ намъ о нравахъ скиѳовъ, о ихъ житьѣ-бытьѣ, обычаяхъ и одеждѣ, помимо уже описаннаго нами обряда ихъ погребенія. Свидѣтельство очевидца раскопокъ, прославленнаго, современнаго намъ историка Забѣлина, рядомъ съ свидѣтельствомъ перваго, замѣчательнаго историка древнихъ грековъ — Геродота, намъ позволяетъ чувствовать себя въ нижеслѣдующемъ разсказѣ о скиѳахъ, а потомъ савроматахъ, на твердой почвѣ и опираться не на темныя басни, а на живое слово уже доказанной правды.

Покончивъ съ мертвымъ царствомъ раскопокъ глубокихъ нѣдръ нашихъ степныхъ кургановъ, не обойдемъ, конечно, молчаніемъ тысячелѣтнихъ памятниковъ вѣковъ на ихъ вершинахъ, своеобразныхъ и любопытныхъ. Мы говоримъ объ извѣстныхъ всѣмъ

80) Картина: Каменныя бабы.

нынѣшнимъ жителямъ русскаго юга, такъ называемыхъ, каменныхъ «бабахъ». Это—грубо изваянные изъ камня истуканы, то обнаженные, то въ одеждѣ и вооруженіи. Одинъ французскій монахъ, посланникъ въ наши края французскаго короля Людовика IX, видѣлъ этихъ истукановъ и говорилъ о нихъ, какъ о глубокой древности въ описаніи своего путешествія еще тогда, въ 1253 году. Говорятъ, что скиѳы поставили ихъ на могильныхъ насыпяхъ въ концѣ бронзовой и началѣ желѣзной стадіи человѣческаго развитія. Подобные же истуканы встрѣчаются и въ Сибири и на западѣ въ предѣлахъ Россіи, до царства Польскаго. Не вершинѣ Чертымлецкаго кургана такая каменная баба пользуется особой славой среди мѣстнаго населенія. Крестьяне въ своемъ суевѣрномъ ей поклоненіи доходятъ до идолопоклонства. Они считаютъ ее цѣлительницей отъ лихорадокъ и ей приносятъ на излеченіе дѣтей вмѣстѣ съ дарами: мѣдными деньгами и караваями хлѣба. Подобныя приношенія очень выгодны для степныхъ пастуховъ, называемыхъ тамъ «чебанами». Они нарочно поддерживаютъ нелѣпые слухи о чудодѣйственной силѣ каменнаго Чертымлецкаго истукана, тайно присваивая себѣ дары темныхъ крестьянъ. Онъ въ землю врытъ по самое платье. Голова у него шарообразная, безъ всякихъ слѣдовъ лица; но весь кругомъ онъ обтесанъ довольно ясно, чтобы распознать части тѣла и вещи, на немъ надѣтыя. Хорошо видны латы, сзади застегнутыя на пряжкѣ, къ которой привязывались ремни, идущіе отъ кольчужной шапки на головѣ. Руки сложены на животѣ, пальцы въ пальцы. Кафтанъ,—длинный, ниже колѣнъ,—украшенъ по швамъ и подолу каймами. Къ поясу съ застежкою спереди, въ видѣ бляхъ, на лѣвомъ бедрѣ при-

81) Картина: Баба Чертымлецкаго кургана.

82) Картина: Странствующій гусляръ на могильномъ курганѣ.

стегнутъ мечъ, а на правомъ что то въ родѣ колчана. Вѣроятно, чтобы обозначить сидячее положеніе истукана, ноги у него вытесаны очень мало: всего на 7 вершковъ. Въ 1862 году его было свезли съ кургана и поставили въ одной усадьбѣ для хозяйскаго дѣла, какъ простой камень. Но это возбудило среди населенія тревожные толки, будто съ тѣхъ поръ началась и продолжалась четыре года повсемѣстная засуха. Пришлось поставить каменнаго болвана опять на прежнее мѣсто. При перевозкѣ ему отломили голову и одинъ крестьянинъ ее приладилъ, какъ подставку у своего погреба. Тогда какой то женщинѣ будто бы было открыто, что засуха не пройдетъ, пока голова не окажется на курганѣ. Затѣмъ засуха, по разсказамъ крестьянъ, прекратилась. Они боязливо умалчиваютъ еще о какихъ-то своихъ суевѣрныхъ обрядахъ, имѣющихъ отношеніе къ истукану, зная, что ихъ за такое язычество не похвалятъ. Вотъ до какихъ нелѣпостей и до какого грѣха человѣка доводитъ умственная слѣпота и грубое суевѣріе. Забѣлинъ разсказываетъ, что одна крестьянка на его глазахъ, за время раскопокъ, производимыхъ имъ въ Чертымлецкомъ курганѣ, когда истукана поставили на другой, сосѣдней могилѣ, пришла къ нему съ 5-тилѣтнимъ ребенкомъ: крестилась, кланялась передъ нимъ въ землю и цѣловала его, заставляя продѣлывать то же самое за собой ребенка. Все изваяніе длиной почти въ 4 аршина, шириною въ плечахъ — одинъ аршинъ. Чертымлецкая могила была хорошо извѣстна запорожскимъ казакамъ и упоминается въ ихъ преданіяхъ. Она служила для нихъ очень удобнымъ сторожевымъ постомъ при наблюденіяхъ за движеніемъ по степи татаръ и другихъ враговъ. Итакъ, изображенія на предметахъ, доста-

вленныхъ намъ теперь тщательными раскопками глубины скиѳскихъ могилъ, на ихъ сосудахъ, ножнахъ мечей, налучьяхъ, бляхахъ и украшеніяхъ,—рядомъ съ разсказами очевидца и современника ихъ, Геродота,—намъ даютъ, повторяю, вполнѣ ясное представленіе о древнемъ жителѣ южно-русскихъ степей, т. е. скиѳѣ. Мы его видимъ передъ глазами, въ его воинственной дикой внѣшности,—среди ежедневныхъ его занятій, познаемъ съ достовѣрностью нравы его и всѣ обычаи. Забѣлинъ научно и доказательно намъ подтверждаетъ то, что̀ на память потомкамъ ярко описывалъ Геродотъ.

ЧТЕНІЕ ВТОРОЕ.

Глава I.

Скиѳы.

Самымъ древнимъ народомъ *), населившимъ впервые югъ нашей Россіи, былъ, по свѣдѣніямъ греческаго историка Геродота, народъ киммерійцевъ, живших въ земляныхъ пещерахъ, т. е. въ землянкахъ. Этотъ народъ, торговый и мореходный, оставилъ свое названіе проливу (по-гречески: Босфору) между Азовскимъ и Чернымъ моремъ, который въ исторіи сталъ извѣстенъ подъ именемъ пролива или босфора—«Киммерійскаго». Впослѣдствіи, за 500 лѣтъ до Рождества Христова, греческіе переселенцы образовали здѣсь Босфорское царство съ главнымъ городомъ Пантикапеей. (Теперь городъ Керчь, почему и проливъ называется нынѣ Керченскимъ.) Въ 630 году до Рождества Христова изъ глубины средней Азіи придвинулись къ берегамъ Дона дикія орды скиѳовъ. Перейдя черезъ рѣку Донъ, они заняли пастбища киммерійцевъ и частью поработили ихъ, частью выгнали за предѣлы южной Россіи. Киммерьяне не имѣли единства власти, но управлялись предводителями племенъ, воевавшихъ между собою. Не любя своихъ вождей, народъ киммерійскій не захотѣлъ защищаться при появленіи скиѳовъ и оттѣсненъ былъ

*) Графъ И. Толстой и Кондаковъ до стр. 70 («Русскія Древности»).

ими до самаго Днѣстра. Здѣсь самые храбрые изъ киммерійцевъ остановились и, побуждаемые вождями, рѣшили дать сраженіе въ отпоръ скиѳамъ; однако, были побѣждены, причемъ всѣ предводители ихъ пали въ битвѣ. Тогда оставшіеся въ живыхъ, не способные къ дальнѣйшему сопротивленію вражескому захвату, мирные киммерійцы должны были покориться скиѳамъ. Они исполняли по ихъ приказанію самыя тяжелыя работы, много содѣйствуя своимъ трудолюбіемъ благоденствію края,—они же насыпали земляной валъ, соединившій Таврическій островъ съ берегомъ южной Россіи, положивъ этимъ начало Перекопскому перешейку; и устраивали въ торговыхъ городахъ пристани.

Но терпѣливо перенося свое рабство въ теченіе не одного столѣтія, киммерійцы, наконецъ, бѣжали отъ притѣсненій скиѳовъ и въ большинствѣ ушли черезъ Кавказъ къ югу, въ Азію. Между тѣмъ восторжествовавшіе скиѳы, послѣ побѣды надъ киммерійскими предводителями на рѣкѣ Днѣстрѣ,—въ то время Тирасѣ, устроили изъ своихъ кибитокъ загоны между Истромъ и Борисѳеномъ, т. е. Бугомъ и Днѣпромъ,—откуда начали расширять постепенно свои кочевья по сѣвернымъ берегамъ Понта, т. е. Чернаго моря, на западъ до устьевъ Дуная и на востокъ до Азовскаго,—тогда Меотійскаго,—моря, занявъ при этомъ и весь Таврическій полуостровъ. Во времена господства здѣсь скиѳовъ, на побережье Чернаго моря выселилось много грековъ, построившихъ для себя торговые города, какъ, напримѣръ, Ольвію при впаденіи рѣки Буга въ Днѣпровскій заливъ за 600 лѣтъ до Рождества Христова; Херсонесъ на Таврическомъ полуостровѣ; Танаисъ (теперь городъ Азовъ) на Дону и Фанагорію, при устьѣ рѣки Кубани.

Геродотъ побывалъ въ Ольвіи и описалъ намъ свои путешествія по восточнымъ странамъ въ 9-ти книгахъ. Онъ умеръ въ 408 году до Рождества Христова.

Съ исчезновеніемъ киммерійцевъ, благополучіе и довольство скиѳовъ значительно пошатнулось. Счастливые побѣдители слишкомъ поздно поняли, какихъ полезныхъ тружениковъ они лишились, и собравъ войско, бросились въ погоню за киммерійцами черезъ Каспійскія степи, что̀ было большой ошибкой, такъ какъ бѣглецы спасались вдоль берега Чернаго моря. Часть скиѳовъ пробралась въ глубь Малоазійскаго полуострова и разорила персидскую область—Мидію, гдѣ провладычествовала будто бы 28 лѣтъ, не пощадивъ тоже и Палестины въ дикомъ своемъ набѣгѣ, предсказанномъ, по свидѣтельству Библіи, пророкомъ Іереміей: «Вотъ идетъ народъ отъ страны сѣверной и народъ великій поднимается отъ краевъ земли. Держатъ въ рукахъ лукъ и копья. Они жестоки и немилосердны; несутся на коняхъ, выстроенные какъ одинъ человѣкъ, чтобы сразиться съ тобой, дочь Сіона»... «Вотъ Я приведу на васъ, домъ Израилевъ,—говоритъ Господь,—народъ издалека, народъ сильный, народъ древній; колчанъ его, какъ открытый гробъ... Смотрю на страну, и вся она разорена и пуста, и всѣ города разрушены. Отъ всадниковъ и стрѣлковъ разбѣгаются всѣ жители городовъ, уходятъ въ густые лѣса и взлѣзаютъ на скалы... И съѣдятъ они жатву твою и хлѣбъ твой, съѣдятъ сыновей и дочерей твоихъ, овецъ твоихъ и воловъ твоихъ, смоквы твои и виноградъ твой»...

1) Картина: Пророкъ Іеремія предсказываетъ народу нашествіе скиѳовъ.

Когда, наконецъ, мидяне свергли скиѳское иго и прогнали скиѳовъ обратно въ ихъ степи,—тѣ застали у себя дома новое поколѣніе и войско враждебной имъ молодежи, потому что жены ихъ, вслѣдствіе

долгаго отсутствія мужей, повышли всѣ замужъ за своихъ рабовъ. Старые скиѳы съ трудомъ ихъ разогнали, только взявъ въ руки вмѣсто обычнаго своего оружія по конской плети. Молодежь будто до такой степени смутилась этимъ, что обратилась въ бѣгство, забывъ о битвѣ.

Скиѳы подраздѣлялись на многія племена, носившія разныя наименованія; греки вообще называли скиѳами всѣ народности, не имѣвшія еще въ древности государственнаго устройства и кочевавшія къ сѣверу отъ Дуная и Чернаго моря. Однако, точное мѣсто ихъ разселенія указано Геродотомъ: отъ устьевъ Дуная до устьевъ Днѣпра, на 10 дней пути разстоянія, — это, такъ называемая Древняя Скиѳія; и отъ устьевъ Днѣпра до устьевъ Дона или Азовскаго моря, тоже 10 дней пути. Въ этихъ предѣлахъ на сѣверъ слѣдуетъ приблизительно взять 600 верстъ пространства, а на югѣ включить значительную часть Таврическаго полуострова. Въ главныхъ чертахъ своего быта скиѳскій народъ, по опредѣленію Геродота, распадался рѣзко на три разряда: «скиѳовъ-пахарей» или оратаевъ, «скиѳовъ-пастырей» или кочевниковъ и «скиѳовъ-царскихъ», самыхъ воинственныхъ, считавшихъ всѣхъ остальныхъ своими рабами. На югѣ, у береговъ Чернаго моря, вблизи греческихъ выселковъ и ихъ богатаго, торговаго города — Ольвіи, скиѳы смѣшались съ греками и получили названіе «каллипидовъ». Повыше ихъ жило скиѳское племя «алазоновъ», сѣявшихъ хлѣбъ, чечевицу, лукъ и чеснокъ только на собственную потребу. А уже сѣвернѣе алазоновъ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, укрѣпились скиѳы-оратаи. Геродотъ говоритъ, что ихъ поселенія простирались къ востоку на три дня пути и вверхъ по теченію Днѣпра на 11 дней. Пользуясь благо-

датными почвенными условіями этой области скиѳы-оратаи занимались земледѣліемъ по преимуществу, не только для своего питанія, но и для продажи произведеній своихъ полей, причемъ алазоны предпочитали, въ виду своего положенія между хлѣбной житницей и черноморскими поселеніями грековъ,—заниматься торговымъ посредничествомъ при сбытѣ грекамъ хлѣба и овощей съ Днѣпра.

Еще выше скиѳовъ-оратаевъ жило племя «невровъ»; а дальше земля долго считалась необитаемой пустыней. За предѣлами этой пустыни людское воображеніе тогда представляло себѣ какой-то совсѣмъ особенный, не скиѳскій уже народъ «андрофаговъ»,—приписывая имъ разныя сказочныя свойства, обычаи и наружность. На востокъ отъ скиѳовъ-оратаевъ, до рѣки Донца, бродили скиѳы-кочевники, пастухи; а по нижнему теченію рѣки Дона, по берегамъ Азовскаго моря до Таврическихъ горъ, жили царскіе скиѳы. Далеко на востокъ, въ Задонскихъ степяхъ сосредоточилась до поры до времени сродная скиѳамъ, болѣе молодая и не развившаяся еще во время преобладанія на югѣ скиѳовъ, народность «сарматовъ» или «савроматовъ». О нихъ мы будемъ говорить нѣсколько ниже. Теперь же, замѣтивъ еще, что на сѣверъ отъ мѣстопребыванія царскихъ скиѳовъ, жилъ древній народъ «меланхлены», гранича опять съ пустыней,—мы остановимъ наше вниманіе на скиѳахъ.

Описанія Геродота, конечно, относятся къ кочевымъ скиѳамъ: пастушескимъ и воинственнымъ, не пашущимъ и не сѣющимъ,—такъ какъ жизнь земледѣльца, естественно, шла гораздо скромнѣй и тише, мало была занимательна для разсказовъ и, неподвижная по своему занятію, не приводила скиѳовъ-оратаевъ въ столь непосредственныя и частыя сношенія

съ греками. Вся страна на востокѣ отъ скиѳовъ-земледѣльцевъ была въ тѣ далекія времена безлѣсна,—за исключеніемъ лѣвой стороны Днѣпра въ самомъ нижнемъ его теченіи, вблизи устья. Здѣсь она называлась тогда «Гилеей», т. е. лѣсной страной. Современные писатели римскіе говорятъ: «Нигдѣ лѣсъ не роститъ столь высокихъ, густыхъ деревьевъ; стрѣлы, потерявъ силу, падаютъ назадъ раньше, нежели достигнутъ вершины ихъ; стройные ихъ стволы похожи на корабельныя мачты». Теперь этихъ лѣсовъ больше не существуетъ.

Познакомившись съ дикими обрядами погребенія у скиѳовъ въ предыдущей главѣ,—коснемся *) ихъ религіозныхъ вѣрованій. Они не менѣе жестоки и кровожадны, чѣмъ вышеописанные обряды. Главный, почти единственный скиѳскій богъ, это—богъ войны, олицетворявшійся только старымъ, желѣзнымъ мечомъ, водруженнымъ на высокомъ холмѣ изъ прутьевъ. Здѣсь, кстати замѣтимъ, что какъ-то подобный мечъ былъ найденъ воткнутымъ въ стѣну одной изъ могилъ Чертымлецкаго кургана. Мечу каждый годъ приносили въ жертву скотъ и лошадей, а также каждаго сотаго врага изъ взятыхъ на войнѣ въ плѣнъ. Человѣческой жертвѣ на голову возливали вино; зарѣзывали ее надъ сосудомъ; потомъ несли кровь на курганъ изъ прутьевъ и лили ее на мечъ. Внизу у святилища отрубали убитымъ людямъ правыя плечи вмѣстѣ съ руками и ихъ бросали въ воздухъ.

2) Изображеніе скиѳа, изливающаго кровь на мечъ.

Жертвенное животное ставилось тамъ со связанными передними ногами, причемъ конецъ веревки находился сзади его, въ рукахъ у жертвоприносителя. Тотъ опрокидывалъ, потянувъ за эту веревку, жер-

*) П. Полевой: «Очерки Русской исторіи» и И. Е. Забѣлинъ: «Исторія Русской жизни» до стр. 72.

тву, взывая къ божеству, а затѣмъ набрасывалъ на шею ей петлю съ вложенной туда палкой. Поворотомъ палки животное удушали. Потомъ съ него сдирали кожу и варили мясо, очищенное отъ костей въ котлахъ,—за недостаткомъ лѣса подъ ними сжигая кости. Иногда вмѣсто котла употребляли желудокъ животнаго, подливая туда воды на куски мяса, и такимъ образомъ жертва какъ бы сама себя сожигала. Ежегодно къ божественному кургану изъ прутьевъ свозилось до полутораста возовъ хвороста, чтобы куча не осѣдала отъ непогоды. На верху его устраивалась площадка. Туда былъ доступъ только съ одной стороны. Три другіе сооружались совсѣмъ отвѣсными. Такіе курганы по околодкамъ,—съ старинным, желѣзнымъ мечомъ на вершинѣ,—замѣняли у скиѳовъ храмы и всякіе, языческіе кумиры. При заключеніи союзовъ и при произношеніи клятвы, скиѳы опять прибѣгали къ оружію и кровавымъ обрядамъ. Въ большую глиняную чашу они наливали вина; дѣлали порѣзъ или уколъ на тѣлѣ договаривавшихся сторонъ и подмѣшивали ихъ кровь къ вину, а затѣмъ погружали туда же саблю, стрѣлы, топоръ и дротикъ. Произнося заклятія, выпивали чашу заключавшіе союзъ и важнѣйшіе изъ ихъ воиновъ. Когда два скиѳа между собой совершали обрядъ побратимства, они переплетали правыя руки, связывая вмѣстѣ тугимъ узломъ большіе пальцы. Легкимъ уколомъ они затѣмъ вызывали кровь изъ отекшихъ конечностей и лизали ее другъ у друга, а вмѣстѣ съ тѣмъ пили вино изъ одного рога. Военные обычаи скиѳовъ еще болѣе дики. Скиѳъ пилъ обязательно кровь перваго убитаго имъ врага. По счету головъ, представленныхъ воинами царю, они получали, каждый свою долю добычи. Съ головы врага скиѳы

3) Картина скиѳскаго побратимства.

сдирали кожу; соскабливали съ нея костью мясо и мяли въ рукахъ, чтобы ее сдѣлать гибкой; послѣ чего употребляли ее какъ утиральникъ, или привѣшивали въ знакъ побѣды къ уздечкамъ своихъ коней. Нѣкоторые доходили въ своей свирѣпости до того, что сшивали много кожъ вмѣстѣ и дѣлали себѣ изъ нихъ плащи. Сдирая кожу съ правыхъ рукъ враговъ до самыхъ ногтей, обтягивали ею колчаны. Верхняя часть черепа обращалась скиѳами въ чаши. Они оправляли ихъ въ золото, или бычачью кожу, и на пирахъ похвалялись ими. Разъ въ годъ каждый начальникъ скиѳскій въ своемъ околодкѣ приготовлялъ чашу вина, къ ней допуская только тѣхъ скиѳовъ, что умерщвляли враговъ. Не совершившіе такихъ подвиговъ сажались отдѣльно, въ сторонѣ, обезчещенными. Это для нихъ былъ самый большой позоръ.

4) Картина: Танецъ скиѳскихъ стрѣлковъ.

Мужество *) на войнѣ среди скиѳовъ на столько же уважалось, на сколько и любовь къ родинѣ. Измѣна роднымъ обычаямъ наказывалась сейчасъ же смертью и полнымъ презрѣніемъ къ памяти человѣка, что-либо перенявшаго на чужбинѣ изъ иноземныхъ нравовъ, или обрядовъ. Такъ погибъ отъ стрѣлы единокровнаго брата,—царя Савлія,—скиѳъ Анахарсисъ, своими странствованіями стяжавшій себѣ славу великаго мудреца. Онъ соблазнился видѣннымъ имъ греческимъ торжествомъ въ честь одной богини грековъ и далъ обѣщаніе, въ случаѣ благополучнаго возвращенія на родину, почтить ее такимъ же праздникомъ. Съ этой цѣлію онъ удалился въ лѣсистую Гиллею, къ устью Днѣпра, и, окруженный тамъ изображеніями греческой матери боговъ, устроилъ ей торжество съ литаврами по греческому обряду. О томъ узнали скиѳы и донесли царю. Тотъ самъ

*) Гр. П. Толстой и Кондаковъ («Русскія Древности»).

Сарматскіе всадники во время битвы. *(Къ 104 стр.)*

Конный воинъ изъ Сарматскаго племени Языговъ. *(Къ 102 стр.)*

явился передъ лицомъ преступнаго брата и умертвилъ его. Когда послѣ кто-либо упоминалъ о немъ среди скиѳовъ, то они всѣ говорили, что его вовсе не знаютъ. Онъ не существовалъ для нихъ, какъ измѣнникъ родинѣ.

Такая же участь постигла и скиѳскаго царя Скилу, рожденнаго отъ иноземки. Мать научила его греческому письму и языку. Онъ не любилъ скиѳскаго образа жизни, охотно надѣвалъ греческую одежду и водился съ греками. Наконецъ, пожелалъ себя посвятить греческому божеству пиршества и опьяненія, особенно осуждаемому скиѳскимъ народомъ. Когда онъ это сдѣлалъ, одинъ грекъ съ насмѣшкою сказалъ скиѳамъ: «столь презираемое вами божество наше теперь вошло въ вашего царя; ступайте за мною: я покажу вамъ, какъ онъ танцуетъ и повергается въ изступленіе». Возмущенные скиѳскіе старшины послѣдовали за грекомъ и, убѣдившись, что онъ сказалъ правду, оповѣстили воинство о поступкѣ Скилы. Тогда скиѳы выбрали себѣ другого царя. Скила бѣжалъ въ Грецію, но, выданный позже греками при обмѣнѣ плѣнныхъ, былъ обезглавленъ новымъ скиѳскимъ царемъ.

5) Изображеніе меча скиѳовъ.

Вооруженіе *) скиѳа заключалось въ короткомъ, прямомъ мечѣ, показанномъ на картинѣ; но главнымъ образомъ онъ всегда носилъ на лѣвомъ бедрѣ лукъ въ налучьѣ и съ боковымъ кошелемъ, или колчаномъ, наполненнымъ стрѣлами. Одежда скиѳская, по справедливому замѣчанію Забѣлина, была одеждой лихого наѣздника. Она сшивалась изъ выдѣланныхъ, дубленыхъ кожъ тонкими ремешками, или крѣпкими нитками, продѣвавшимися при помощи шила, и состояла изъ короткаго кафтана, туго затянутаго пола

*) Источники: Гр. И. Толстой и Кондаковъ («Русскія Древности») и И. Е. Забѣлинъ—«Исторія Русской жизни». (До конца главы.)

на полу ременнымъ поясомъ, иногда покрытымъ бронзовыми пластинками,—между тѣмъ какъ на ноги надѣвались широкіе штаны, спускавшіеся до ладыжекъ, гдѣ ихъ забирали въ низкіе сапожки и перевязывали ремнями, но—такъ, что они падали на подъемъ поверхъ сапожковъ, отчего казались штанами «на выпускъ», какъ мы это замѣчаемъ на изображеніяхъ скиѳскихъ сосудовъ. У царей и богатыхъ скиѳовъ кафтанъ, а въ особенности штаны обшивались по кожѣ нами уже разсмотрѣнными разновидными золотыми бляшками, украшая одежду на спинѣ и подолѣ узорами, или каймами. А на штанахъ протягивались изъ нихъ, вдоль швовъ, широкіе канты. Сверхъ того, вся одежда унизывалась мелкими золотыми пуговками. Вышеописанные кафтаны были холодные, или теплые, опушенные вокругъ шеи и на полахъ мѣхомъ. Рубашка пряталась въ шаровары. Нѣкоторые скиѳы носили броню, состоявшую изъ желѣзныхъ, продолговатыхъ, или квадратныхъ, нашитыхъ на кожу или холстъ, пластинокъ, такъ, чтобы онѣ покрывали другъ друга на подобіе чешуи. Если скрѣпа пластинокъ устраивалась посредствомъ желѣзной проволоки, пропущенной черезъ скважины по краямъ ихъ, то вся броня изъ себя представляла одну желѣзную сорочку. Въ позднѣйшее время скиѳы устраивали себѣ цѣлые халаты съ короткими рукавами, ушитые большими четырехугольными желѣзными пластинками, но тогда всадники не могли сидѣть верхомъ по-мужски, а сидѣли на сѣдлѣ бокомъ.

6) Изображеніе скиѳскихъ всадниковъ, сидящихъ на конѣ бокомъ.

7) Изображеніе скиѳа въ башлыкѣ и бронѣ.

Скиѳы волосъ не стригли, а, приглаживая ихъ къ затылку, носили распущенными по плечамъ. Башлыкъ покрывалъ голову ихъ до плечъ. Онъ украшался, подобно одеждѣ, пуговками и бляхами, а спереди золотыми или бронзовыми пластинками, въ родѣ ленты.

Цари носили такую ленточную повязку, безъ башлыка, какъ царскій вѣнецъ.

Домашній бытъ кочевого скиѳа сосредоточивался, конечно, около его кухоннаго котла, нами уже разсмотрѣннаго среди предметовъ Чертымлецкой могилы. Его ставили на землю, положивъ въ него куски мяса, и подъ нимъ, вокругъ его высокой ножки, разводили огонь. У каждаго скиѳа имѣлся при себѣ, для разрѣзыванія мясной пищи, небольшой ножикъ съ костяной ручкой и особое для него точило, въ видѣ круглой маленькой палочки. Живя подлѣ грековъ скиѳскіе цари тоже пользовались разнородною дорогою посудой работы греческихъ мастеровъ съ серебряными и бронзовыми блюдами, чашами, ложками и ведерками. Вино хранилось въ большихъ греческихъ, глиняныхъ вазахъ—«амфорахъ». Но любимымъ питейнымъ сосудомъ скиѳовъ, помимо рога, было ни что другое, какъ древне-русская наша «братина». Она имѣла при длинной рукояткѣ, воткнутой въ боковую втулку, круглыя очертанія, напоминая видомъ своимъ человѣческій черепъ, служившій, какъ мы уже знаемъ, дикимъ скиѳамъ чашей, въ торжественныхъ случаяхъ, на ихъ пирахъ. А такъ какъ скиѳы имѣли обыкновеніе пить изъ одной чаши при заключеніи между собою братскихъ союзовъ,—то отсюда ясно происхожденіе названія самаго сосуда.

Превознося военные подвиги скиѳовъ, Геродотъ всюду рисуетъ ихъ способъ вести войну. Всегда на конѣ, завлекаютъ скиѳы враговъ въ глубь безлѣсной, безводной степи, вдругъ нападая на него изъ засады быстрымъ и безпощаднымъ натискомъ. Они настолько же хорошіе стрѣлки, какъ и наѣздники; неразлучны съ конемъ своимъ, какъ и съ лукомъ. Но раньше чѣмъ начать говорить объ ихъ историческихъ вой-

8) Изображеніе скиѳа, пускающаго на скаку стрѣлу.

нахъ съ персами за 500 лѣтъ до Рождества Христова, а позже съ римлянами, уже четыреста лѣтъ спустя, обратимъ нѣкоторое вниманіе на мирныхъ земледѣльческихъ скиѳовъ и познакомимся съ необходимою всегда сказкой о самомъ происхожденіи Скиѳіи. Единство этой страны было настолько сплочено между отдѣльными племенами и развилось въ своемъ однородномъ внутреннемъ бытѣ настолько сильно, что скиѳы почувствовали потребность явнаго, общаго корня въ какой-либо красивой баснѣ, тонущей во тьмѣ временъ. Такія сказочныя преданья, какъ мы можемъ видѣть и по современнымъ намъ народнымъ сказкамъ, обыкновенно кладутъ въ свое основаніе появленіе какихъ-нибудь троихъ братьевъ, изъ коихъ одинъ, обыкновенно младшій, становится первенствующимъ. Вотъ и скиѳы разсказывали, что у нѣкоего мужа, родившагося отъ дочери рѣки Днѣпра и отъ бога, въ родѣ позднѣйшаго нашего Перуна, было три сына. Когда они царствовали въ скиѳской странѣ, съ неба упали на землю: плугъ, воловья запряжка, топоръ и чаша,—все золотое. Драгоцѣнныя вещи эти дались въ руки только младшему брату, вспыхивая огнемъ, когда хотѣли овладѣть ими старшіе. Это напоминаетъ и русскія повѣрья о кладахъ, обращающихся въ горячіе уголья. Тогда младшій братъ воцарился въ Скиѳіи, раздѣлилъ ее на три части и сдѣлалъ въ ней главнымъ, начальнымъ царствомъ то, гдѣ хранилось священное золото. Очевидно, что это сказаніе принадлежало скиѳамъ-оратаямъ, жившимъ именно на Днѣпрѣ и занимавшимся земледѣліемъ. Плугъ, ярмо и топоръ дѣйствительно были для нихъ цѣнны и святы, такъ какъ они составляли основу ихъ жизни и ихъ богатства. Ими приднѣпровскіе скиѳы отмѣчали впервые собственность свою въ

9) Картина: Преданье о первомъ скиѳскомъ царѣ.

пустыхъ, необрабатанныхъ еще никѣмъ раньше, земляхъ. Право собственности начиналось тамъ, куда соха, коса и топоръ ходили. Потому эти орудія получили для скиѳовъ смыслъ какъ бы божественнаго дара, упавшаго прямо съ неба и въ себѣ заключавшаго цѣнность золота. Они имѣли значеніе только для скиѳовъ-«пахарей» и скиѳовъ-«царскихъ», хотя не занимавшихся земледѣліемъ, но конечно широко пользовавшихся плодами трудовъ своихъ подчиненныхъ. Когда цари награждали землей, то они отдавали ее во владѣніе одному лицу, — столько, сколько возможно объѣхать за цѣлый день. Скиѳы-кочевники, занимавшіеся войною и скотоводствомъ, вовсе не почитали ни топора, ни плуга, а поклонялись,—какъ видѣли мы,—мечу.

10) Изображеніе царскаго скиѳа.

Другое сказочное преданіе о происхожденіи Скиѳіи опять сводится къ тѣмъ же тремъ братьямъ. Они родились отъ главнаго греческаго богатыря Геркулеса и лѣсного чудовища, жившаго вблизи устья Днѣпра. Уходя обратно на родину, Геркулесъ завѣщалъ ихъ матери, чтобы она всю страну отдала во владѣніе тому сыну, что сможетъ по-богатырски натянуть лукъ его и опоясаться его поясомъ. Опять младшій сынъ,—скиѳъ,—взялъ верхъ и отъ него произошли царскіе скиѳы.

Это преданіе отражаетъ ярко бытъ уже не пахарей, а наѣздниковъ и кочевниковъ съ необходимымъ орудіемъ ихъ силы и славы: лукомъ, да стрѣлами. Такимъ образомъ, помимо царской, владычествующей Скиѳіи, обозначаются ясно: Скиѳія земледѣльческая, по берегамъ Днѣпра и далѣе на западъ,—рядомъ съ Скиѳіей кочевой, пастушеской: на востокѣ отъ земледѣльческихъ скиѳовъ, къ Дону. Устами Геродота, уже не сказочныя, а историческія

свѣдѣнія гласятъ, что скиѳы пришли съ сѣвера и востока средней Азіи: сначала скиѳы-пахари, а потомъ—послѣдними уже—кочевники. Не смотря на то, что, при перечисленіи главныхъ рѣкъ южной Россіи, Геродотъ отдаетъ должное первенство Днѣпру, гдѣ жили скиѳы-пахари, называя ее рѣкой наибольшей и самой богатой полезными предметами, превозноситъ ея превосходныя пашни, роскошнѣйшія пастбища для скота, обиліе вкусной рыбы; но онъ, тѣмъ не менѣе, главное свое вниманіе останавливаетъ не на этой мѣстности древней Скиѳіи, а на скиѳахъ-кочевникахъ, по его словамъ «настоящихъ», т. е. народѣ, преобладавшемъ тогда на югѣ Россіи. Онъ говоритъ, что въ Черноморскихъ земляхъ не знаетъ другого народа, столь извѣстнаго своею мудростью. Мудрость же его заключалась въ томъ, что они не строили ни городовъ, ни крѣпостей, а жили въ повозкахъ, перевозя свои дома вмѣстѣ съ собою; что всѣ они, будучи конными стрѣлками, являлись неуловимыми для врага, между тѣмъ какъ ни одинъ врагъ не могъ убѣжать отъ нихъ. Повозки ихъ, самыя малыя, были о четырехъ колесахъ; другія шестиколесныя. Обтягивались онѣ войлокомъ и дѣлались иногда двойныя или тройныя, на подобіе домовъ, для защиты отъ снѣга, дождя и вѣтра. Такіе шатры на повозкахъ очень были похожи на кочевыя кибитки современныхъ намъ киргизовъ. Вокругъ этихъ жилыхъ повозокъ бродили стада, питая скиѳовъ своимъ молокомъ и мясомъ, доставляя имъ сыръ и кумысъ. Ради своихъ стадъ скиѳы часто мѣняли мѣста, богатыя травой: зимой въ болотахъ, вблизи Азовскаго моря, лѣтомъ въ равнинахъ привольной степи. Пока стадамъ ихъ хватало корму, они оставались на одномъ мѣстѣ. По словамъ Геродота.

11) Картина: Дикая орда.

уроженца теплой, благодатной страны, Скиѳія отличалась суровымъ климатомъ.—«Въ теченіе восьми мѣсяцевъ здѣсь стоитъ нестерпимый холодъ», говоритъ онъ, «а пролитая въ это время на землю вода не дѣлаетъ грязи. Замерзаетъ весь Киммерійскій проливъ, такъ что скиѳы толпами переѣзжаютъ по льду въ повозкахъ изъ страны тавровъ (нынѣшній Крымъ) на Кавказскій берегъ. Лошади легко переносятъ такую зиму, но ослы и мулы не переносятъ ея. Лѣтомъ бываютъ тамъ сильныя грозы, и часто идутъ дожди...» Позже и римскіе писатели, попадая въ Скиѳію изъ прекрасной, жаркой Италіи, восклицаютъ: «что можетъ быть хуже скиѳскихъ морозовъ?!» Какъ теперь иностранцы преувеличиваютъ до смѣшного русскіе холода, разсказывая о нихъ другъ другу небылицы, такъ было то же въ древнія времена. «Лежитъ снѣгъ, и не сгоняетъ его ни дождь, ни солнце: Богъ свирѣпаго, бурнаго вѣтра дѣлаетъ его твердымъ и вѣчнымъ!»—провозглашаютъ въ писаніяхъ своихъ греки и римляне. «Шубами и шароварами защищаются напрасно жители отъ суроваго холода, оставляя открытымъ, изъ всего тѣла, только лицо. Часто встряхнутые волосы звенятъ отъ висящаго на нихъ льда, и бѣлѣетъ борода, сѣдая отъ насѣвшаго на нее инея. Вино пьютъ, не черпая, а раскалывая его на куски. Замерзаютъ самыя большія рѣки, и тамъ, гдѣ ходили плоты, твердо ступаетъ зимой нога человѣка; ударяетъ о затвердѣвшія волны копыто коня. Густой туманъ окутываетъ равнины»....

Если до такой степени сгущали краски и мѣшали правду съ ложью люди, сами видѣвшіе чужую страну, описываемую ими, то каковы же были сказки людского, тогда еще затемненнаго полнымъ не-

вѣжествомъ, воображенія,—о странахъ, ими еще не изслѣдованныхъ и имъ невѣдомыхъ?!

Скиѳы-пахари говорили, что на верховьяхъ Днѣпра и дальше, т. е. во всѣхъ нынѣшнихъ губерніяхъ по верхнему теченію Волги, гдѣ по ихъ мнѣнію простиралась пустыня,—непроходимая и унылая,—разсыпаны всюду бѣлыя перья: другими словами—снѣгъ; что, покрывая тамъ землю и воздухъ, перья эти не позволяютъ взгляду проникнуть вдаль,—а за пустыней живетъ народъ людоѣдовъ—«андрофаги». Они—кочевники и одѣты по-скиѳски, но говорятъ на особенномъ языкѣ, и нѣтъ у нихъ ни закона, ни правды. На самомъ сѣверѣ, по представленію древнихъ людей, или вѣрнѣе на сѣверо-востокѣ, гдѣ то между Волгою и Ураломъ и въ за-уральскихъ степяхъ, будто бы обитали какіе то «исседоны», еще извѣстные скиѳамъ по разсказамъ торговцевъ и промышленниковъ, добиравшихся въ ихъ края. По слухамъ,—у нихъ былъ такой обычай: если у кого умретъ отецъ, всѣ родственники пригонятъ къ нему свой скотъ и разрѣзаютъ на куски мясо животныхъ, такъ же, какъ тѣло покойника,—смѣшивая ихъ между собою. Потомъ устраиваютъ пиршество. Черепъ покойнаго вычищаютъ и, покрывая его изнутри золотомъ, пользуются имъ, какъ священнымъ сосудомъ. «Этотъ народъ считается справедливымъ»,—говоритъ Геродотъ,—«женщины у него занимаютъ одинаковое положеніе съ мужчинами».

Отъ исседоновъ слышали, что далѣе на сѣверъ и на востокъ за ними,—значитъ уже въ Сибири,—живутъ одноглазые люди: «аримаспу». «Спу»—это глазъ; а «аримасъ»—единственный. Они похищаютъ золото у сказочныхъ грифоновъ съ львинымъ туловищемъ и орлиною головою. Это послѣд-

нее преданіе ясно указываетъ на то, что аримаспы соприкасались съ золотоноснымъ Алтаемъ, или восточнымъ склономъ Урала, и, вѣроятно, выкапывали золотую руду изъ горныхъ нѣдръ. Сказка объ одномъ глазѣ объясняется тѣмъ, что аримаспы были прекрасными стрѣлками и закрывали одинъ глазъ для мѣткости стрѣльбы. Эти страны считались крайними, замыкающими собою землю. Надъ иссидонами жили на берегу Ледовитаго океана еще «гипербореи», спавшіе шесть мѣсяцевъ въ году. Дальше уже идти было некуда воображенію скиѳовъ и древнихъ грековъ.

На сѣверъ отъ царскихъ скиѳовъ и пастуховъ-кочевниковъ, внѣ области басенъ, но въ достовѣрной дѣйствительности тѣхъ, отдаленныхъ отъ насъ, временъ, жило,—снова будто граничавшее съ дикой пустыней, не скиѳское племя «меланхленовъ», или «черныхъ плащей». Они носили одежду чернаго цвѣта и на плечахъ небольшіе плащи. Эти плащи, надѣваемые въ походѣ, напоминаютъ по описанію нынѣшнія черкесскія бурки. Странно, что въ этой области древняго обитанія меланхленовъ теперь находятся губерніи Воронежская и Черниговская, тоже своимъ названіемъ выражающія нѣчто общее съ чернымъ цвѣтомъ. Къ востоку отъ меланхленовъ, уже за Дономъ, надъ савроматами, жили еще мелкія племена: «будины» и «гелоны»,— но о нихъ послѣ. Вернемся къ скиѳамъ.

Любопытенъ разсказъ Геродота, собой рисующій численность скиѳскаго населенія. — «Въ мѣстности между Днѣпромъ и Бугомъ есть горькій источникъ, водой своей заражающій одинъ изъ притоковъ Буга, теперь называемый Мертвоводомъ. Въ этой области стоитъ мѣдный сосудъ, свободно вмѣщающій въ себя

600 греческихъ большихъ кувшиновъ, а толщины онъ въ шесть пальцевъ. По словамъ туземцевъ, сосудъ этотъ сдѣланъ изъ наконечниковъ стрѣлъ. Одинъ скиѳскій царь пожелалъ опредѣлить численность скиѳовъ и приказалъ каждому, подъ страхомъ смерти, доставить ему наконечникъ стрѣлы. Наконечниковъ стрѣлъ принесено было очень много, и царь приказалъ соорудить изъ нихъ памятникъ въ видѣ описаннаго сосуда».

Скиѳы вовсе не омывали себя водой, но страшно любили париться въ банѣ. Подъ войлокомъ шатра они бросали сѣмена конопли на раскаленные камни, причемъ вопили отъ удовольствія среди дыма и пара. Скиѳскія женщины разбавляютъ водой перетираемые на твердомъ камнѣ ладанъ и кипарисъ, а затѣмъ этою густою смѣсью обмазываютъ себѣ тѣло, чтобы придать ему глянецъ и пріятный запахъ. Баня у скиѳовъ осѣдлыхъ, т. е. земледѣльческихъ (какъ мы увидимъ дальше съ большою примѣсью коренныхъ славянъ), занимала самое видное мѣсто посереди двора. Въ позднѣйшее время господства въ прежнихъ греческихъ выселкахъ римлянъ, т. е. уже не задолго до Рождества Христова, жилища скиѳовъ, красиво отстроенныя изъ бревенъ и разукрашенныя, по описанію римскихъ историковъ, тесовой рѣзьбой, напоминали наши русскія избы. Вообще изученіе всего, что разсказываютъ греки и римляне о современныхъ имъ скиѳахъ, нерѣдко ихъ безотчетно смѣшивая въ одно съ савроматами и славянами, вмѣстѣ съ раскопками скиѳо-сарматскихъ могилъ, — привело ученыхъ къ выводу, что племена всего скиѳо-сарматскаго населенія имѣли въ своей крови задатки славянской расы, а потому не удивительно, что въ подробностяхъ Геродотова сообщенія о нравахъ скиѳскихъ, а также

въ свѣдѣніяхъ, извлеченныхъ со дна разрытыхъ кургановъ, мы видимъ много чертъ, указывающихъ намъ ясно на родство скиѳовъ съ славянами, на зачатокъ исконныхъ русскихъ обычаевъ, свойствъ и склонностей въ скиѳскомъ народѣ. Скиѳы гостепріимны, радушны и не тѣснятъ иноземцевъ, живущихъ спокойно середи нихъ. Они мало склонны къ работѣ; имѣютъ расположеніе къ крѣпкимъ напиткамъ и пьютъ вино, въ противоположность грекамъ и римлянамъ, не разбавляя его водой. Волосы у нихъ русые. Позже они начали ихъ подстригать въ кружокъ. Скиѳянки испещряютъ вышивными узорами полотняныя покрывала и полотенца, добываютъ изъ ячменя питье, называемое комосъ или квасъ. Медъ у скиѳовъ тоже былъ излюбленное питье. Славянство раньше другихъ племенъ проникло въ древнюю Скиѳію со склоновъ Карпатскихъ горъ. Славяне безусловно смѣшались со скиѳами на Днѣпрѣ. Ихъ постройки, обычаи и наклонности очень сходны. Скиѳы очень высоко ставили обрядъ побратимства и дружбѣ своей никогда не измѣняли. Однажды въ позднѣйшія времена, когда савроматы въ первый вѣкъ христіанства начали ихъ тѣснить изъ-за Дона, они забрали въ плѣнъ одного скиѳа — Амизока. Тотъ крикнулъ друга, ему напомнивъ кубокъ и кровь. Другъ этотъ Дандамидъ на глазахъ у всѣхъ помчался въ лагерь враговъ вслѣдъ за Амизокомъ и сталъ просить савроматовъ, чтобы они взяли его и съ нимъ сдѣлали что̀ хо̀тятъ,—взамѣнъ Амизока. Савроматы ему отвѣчали: «намъ не надо всего тебя, разъ что ты самъ пришелъ; отдай намъ твои глаза и ступай домой съ твоимъ другомъ». Дандамидъ далъ ослѣпить себя и пошелъ, опираясь на Амизока. Савроматы дивились подвигу Дандамида и, восхваляя скиѳскую дружбу,

12) Картина: Дандамидъ и Амизокъ.

13) Картина: Скиѳскій гадатель на ивовыхъ прутьяхъ.

сказали, что лучшее сокровище они не успѣли еще отнять у скиѳовъ: это вѣрность друзьямъ. Амизокъ потомъ самъ ослѣпилъ себя. Съ тѣхъ поръ они жили въ великомъ почетѣ на счетъ скиѳской общины. У скиѳовъ сильно развито было гаданье на ивовыхъ прутьяхъ. Гадатели, злоупотребляя довѣріемъ къ себѣ царей, иногда указывали на своихъ личныхъ враговъ, какъ на причину народныхъ бѣдствій, или болѣзни царя; но, обвиненные во лжи другими гадателями, подвергались жестокой казни. Любимымъ мирнымъ занятіемъ скиѳовъ, такъ же какъ сарматовъ, была охота на дикихъ звѣрей, водившихся въ изобиліи на обширныхъ, покрытыхъ травою, степныхъ пространствахъ, по рощамъ, въ балкахъ, при устьяхъ рѣкъ, впадающихъ въ Азовское море, среди густыхъ камышей и, наконецъ, въ дремучихъ лѣсахъ по склонамъ Кавказа.

14) Картина: Казнь скиѳскихъ гадателей.

15) Картина: Скиѳъ, гоняющійся за зайцемъ.

Греческіе и римскіе писатели упоминаютъ про дикихъословъ, оленей, кабановъ, тигровъ, волковъ, выдръ, бобровъ, зайцевъ и табуны степныхъ лошадей. Существуетъ еще разсказъ о крѣпкихъ узахъ дружбы между братанами-скиѳами, касающійся охоты. Родственникъ Амизока — Белитъ увидалъ, что левъ стащилъ съ коня друга его Басѳа, съ которымъ онъ вмѣстѣ охотился. Левъ уже облапилъ его, впился зубами и рвалъ когтями, — тогда Белитъ соскочилъ съ коня и, раздразивъ противъ себя свирѣпаго звѣря, отвлекъ его отъ полумертваго Басѳа, чтобы лучше быть растерзаннымъ самому. Однако, онъ, умирая, успѣлъ пронзить львиную грудь мечомъ. Скиѳы похоронили обоихъ братановъ подъ однимъ курганомъ, а льва — напротивъ ихъ.

16) Картина: Скиѳы-братаны въ борьбѣ со львомъ.

Въ горахъ Таврическаго полуострова жило еще скиѳамъ родственное, но не совсѣмъ скиѳское, племя

«тавровъ», впослѣдствіи съ ними слившееся въ одномъ общемъ названіи: «тавро-скиѳовъ».

17) Картина: Дикіе нравы тавровъ.

Они поклонялись богинѣ-Дѣвѣ; имѣли на вершинѣ скалы, — въ 100 верстахъ отъ нынѣшней Херсони ея святилище и ей приносили въ жертву каждаго грека, потерпѣвшаго у береговъ ихъ кораблекрушеніе, убивая его ударами по головѣ дубиной, или бросая внизъ со скалы. Во время войны, врагамъ, попадавшимся въ плѣнъ, тавры отрубали головы и натыкали каждую на длинный шестъ, чтобы она торчала надъ крышей выше дымовой трубы. Жили они грабежомъ и войною; занимались вмѣстѣ съ прибережными жителями Кавказа морскимъ разбоемъ и вообще пользовались дурной славой народности, крайне жестокой и необузданной въ своей свирѣпости. По словамъ Геродота, къ востоку отъ «черныхъ плащей» — меланхленовъ, въ странѣ глухихъ лѣсовъ, на 15 дней пути вверхъ по Дону, надъ савроматами, жили «будины»: народъ многолюдный, съ голубыми глазами и рыжими волосами. На ихъ землѣ существовалъ деревянный городъ, Гелонъ. Онъ былъ построенъ греческими торговцами: выходцами изъ городовъ приморскихъ, поселившимися среди будиновъ. Они же здѣсь построили храмы греческимъ божествамъ и устраивали каждые два года въ ихъ честь праздники съ пиршествами. Жители Гелона говорили на языкѣ полу-греческомъ, полу-скиѳскомъ. Въ поискахъ по рѣкамъ торговыхъ путей на далекій сѣверъ и сѣверо-востокъ, греки встрѣчали уже на среднемъ теченіи Днѣпра и на Дону народности, имъ посредствовавшія въ ихъ торговлѣ съ сѣверными краями, причемъ, конечно, вступали съ ними сейчасъ въ сношенія. Одной изъ такихъ народностей были будины. Они въ противоположность гелонамъ, — земледѣльцамъ и садо-

водамъ, вели кочевой образъ жизни, и одно племя ихъ, по разсказамъ, питалось кедровыми шишками (т. е. орѣхами). Въ обширнѣйшемъ изъ лѣсовъ находилось большое озеро, окруженное болотомъ и тростникомъ. Въ немъ водилось много бобровъ, выдръ и лосей. Послѣднихъ будины звали «тарандами» и изъ ихъ кожи, вслѣдствіе ея толщины, дѣлали себѣ панцыри. Выше будиновъ, по предположенію Геродота, лежала пустыня на 7 дней пути. По нынѣшней картѣ Россіи будины жили къ сѣверу отъ города Царицына при сближеніи Дона съ Волгою, въ губерніяхъ: Саратовской, Воронежской, Тамбовской, Симбирской и Рязанской, гдѣ нынѣ разселены родственныя между собою мордовскія племена, по описанію Геродота похожія на будиновъ своею внѣшностью: мордва, черемисы, чуваши, вотяки, мещера и мурома. Ясные слѣды вышеупомянутаго, великаго и глубокаго озера до сихъ поръ можно видѣть нѣсколько сѣвернѣе Рязани, гдѣ въ Мещерской сторонѣ, издревле славившейся ловлей бобровъ, понынѣ находится множество болотъ и озеръ, окруженныхъ густыми лѣсами. Въ такой обширной, озерной и болотистой котловинѣ, дѣйствительно, за 2000 лѣтъ могло существовать огромное озеро.

Надо полагать, что городъ Гелонъ находился гдѣ-либо вблизи Саратова, не далеко отъ берега Волги, Геродотомъ называемой рѣкою Оаръ, а по-мордовски: Рау. Описывая древнѣйшее разселеніе разныхъ народовъ въ нашей, теперь русской, странѣ, по направленію къ сѣверо-востоку, Геродотъ вѣроятно описываетъ собственно торговый путь, пролегавшій тогда по этимъ мѣстамъ отъ Чернаго моря. Онъ продолжаетъ: повыше будиновъ, за вышеупомянутой степью въ 7 дней пути, живутъ «фиссагеты»,—на ка-

менистой, неровной почвѣ (Уральскій хребетъ): народъ многочисленный и питающійся звѣриной ловлей. Затѣмъ начинаются уже явныя басни: «У подножья высокихъ горъ обитаютъ люди, плѣшивые отъ рожденія и плосконосые. Одѣваются они по-скиѳски, но говорятъ на другомъ языкѣ. Питаются древесными плодами и никакого воинскаго оружія не имѣютъ. Но имъ никто не наноситъ обидъ; ихъ почитаютъ людьми священными... Дальнѣйшій путь пресѣченъ высокими горами (Уральскими же), черезъ которыя никто перейти не можетъ». «Я не вѣрю разсказамъ плѣшивыхъ»,—говоритъ Геродотъ,—«будто въ этихъ горахъ живутъ люди съ козлиными ногами, а за ними другіе, которые спятъ 6 мѣсяцевъ въ году»... До земли этихъ плѣшивыхъ греки и скиѳы хаживали нерѣдко, по пути туда прибѣгая къ семи переводчикамъ для семи разныхъ нарѣчій. Стало быть, на этомъ пространствѣ встрѣчалось семь различныхъ племенъ. Къ востоку отъ земли плѣшивыхъ жили уже извѣстные намъ—иссидоны.

18) Картина: Карта Древней Россіи.

Мы помнимъ, что скиѳы, въ своей неудачной погонѣ за бѣжавшими отъ ихъ владычества киммерійцами, разорили страну, образовавшую, спустя четыре столѣтія, сильное, грозное всѣмъ сосѣдямъ, Персидское государство, въ западной части Азіи.

За 500 лѣтъ до Рождества Христова въ древности знаменитый персидскій царь-завоеватель Дарій отправился противъ скиѳовъ съ огромнымъ войскомъ въ самую землю ихъ, желая отомстить имъ за набѣгъ ихъ предковъ на его родину. Онъ разослалъ заранѣе къ подвластнымъ ему народамъ вѣстниковъ съ приказомъ: однимъ доставлять пѣхоту, другимъ корабли. Приморскимъ жителямъ Малой Азіи,—переселенцамъ грекамъ и первому образованному народу на землѣ,

еще до процвѣтанія Греціи,—финикіянамъ, тоже ему подвластнымъ,—онъ приказалъ навести изъ судовъ ихъ мостъ, черезъ Ѳракійскій Босфоръ, т. е. проливъ, на самомъ узкомъ мѣстѣ морской переправы изъ Малой Азіи на Европейскій берегъ. Напрасно братъ Дарія—Артабонъ совѣтовалъ ему оставить въ покоѣ Скиѳію, напоминая о бѣдности этой страны. Дарій его не послушалъ. Перейдя по мосту изъ кораблей Ѳракійскій проливъ со своимъ 700-тысячнымъ войскомъ, онъ побѣдоносно прошелъ по Ѳракіи—Европейской греческой области, до Дуная; а тамъ велѣлъ построить черезъ эту большую, быструю рѣку такой же мостъ, какъ черезъ морской проливъ между Азіей и Европой. Это было дѣло нелегкое. Однако, персы справились съ нимъ и перешли Дунай, оставивъ греческихъ воиновъ сторожить мостъ, срокомъ на 60 дней. За Дунаемъ же начался тяжелый великій походъ персидскаго царя по пустынной и неуловимой Скиѳіи. Скиѳскіе цари и вожди родственныхъ имъ племенъ: тавровъ, невровъ, меланхленовъ, гелоновъ, будиновъ и савроматовъ, собрались вмѣстѣ на совѣщаніе по случаю вторженія въ ихъ родину огромнаго войска персовъ. На военномъ совѣтѣ скиѳы рѣшили, что въ открытомъ бою они не въ состояніи отразить полчища Дарія,—тѣмъ болѣе, что лишь будины, гелоны и савроматы имъ обѣщали единогласно дѣйствовать заодно съ ними. Всѣ остальные, только что названные, народы, не взирая на покоренія Даріемъ по пути ѳракіянъ и славянскаго племени гетовъ, жившихъ вблизи Дуная,—все-таки понадѣялись, что ихъ персы оставятъ въ покоѣ, какъ непричастныхъ къ набѣгу въ Мидію (сѣверная часть Ирана въ Азіи) и Палестину. А потому они предпочли отстранить отъ себя участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Дарія.

19) Картина: Персидскій царь Дарій (512 л. до Рождества Христова). Снимокъ съ выпуклаго изображенія на одномъ древнемъ персидскомъ зданіи.

Уклоняясь отъ боя, скиѳы и савроматы раздѣлились на два отряда,—послѣ чего начали отступать, за собою уничтожая растительность и засыпая колодцы. Савроматы должны были убѣгать передъ персами прямо къ Дону и Азовскому морю, переходя въ наступленіе, если бы персы вздумали повернуть обратно. Царскіе скиѳы соединились съ гелонами и будинами въ одномъ мѣстѣ и отступали, опережая персовъ въ своемъ движеніи на одинъ день пути. Скиѳы рѣшили, во-первыхъ, вторгнуться въ земли народностей, имъ отказавшихъ въ своемъ союзѣ, съ тѣмъ, чтобы ихъ вовлечь въ войну волей-неволей. Обдумавъ все это, они послали пока къ Дунаю на встрѣчу Дарія передовой отрядъ изъ лучшихъ всадниковъ. Тѣ расположились лагеремъ на разстояніи одного дня пути отъ лагеря персовъ, выжегши передъ собою всю растительность. Когда персы завидѣли скиѳскую конницу, то стали упорно ее преслѣдовать и были ею завлечены черезъ Сарматію въ землю будиновъ, гдѣ поспѣшили напасть на покинутый жителями, деревянный городъ Гелонъ, — до тѣхъ поръ, на всемъ длинномъ своемъ пути, ничего не найдя для истребленія.

Наткнувшись выше земли будиновъ на упомянутую при описаніи расположенія скиѳскихъ племенъ пустыню, Дарій остановилъ походъ и расположился лагеремъ на берегу нынѣшней Волги—тогда рѣки Ра или Оора, гдѣ воздвигъ будто-бы восемь крѣпостныхъ стѣнъ. Но пока онъ былъ занятъ этими безполезными сооруженіями, преслѣдуемые имъ скиѳы обошли сверху землю будиновъ и возвратились въ Скиѳію. Потерявъ ихъ изъ виду, Дарій покинулъ стѣны свои, ихъ не достроивъ, и возвратился обратно, ускореннымъ ходомъ, чтобы опять преслѣдовать не-

20) Картина: Бой скиѳскихъ воиновъ между собою.

уловимыхъ скиѳовъ. Скиѳы, согласно заранѣе себѣ намѣченному предначертанію, стали отступать въ земли племенъ, не помогавшихъ имъ въ ихъ войнѣ съ персами, и заодно съ врагомъ обрушились на меланхленовъ, потомъ андрофаговъ, а затѣмъ невровъ,— пока, наконецъ, жившіе по верховьямъ Днѣстра, мирные агасфиры, — мягкіе нравомъ, очень любившіе себѣ расписывать тѣло красками и питавшіе особую страсть къ золотымъ украшеніямъ,—не догадались о ихъ коварной хитрости. Видя, что скиѳы стали угнетать своихъ собратьевъ, они запретили имъ переступать предѣлы своихъ владѣній, предупредивъ предателей, черезъ глашатаевъ, что ихъ встрѣтятъ иначе оружіемъ, какъ враговъ.

Тогда скиѳы вернулись въ степи свои, уведя за собою персовъ. Утомленный, наконецъ, столь безплоднымъ странствованіемъ по скиѳскимъ степямъ, Дарій послалъ къ скиѳскому царю глашатая, чтобы спросить: «почему тотъ все бѣгаетъ отъ него, не выбирая одного изъ двухъ: или же съ нимъ помѣриться силами въ открытомъ бою, или сдаться, приславъ ему, Дарію, какъ своему владыкѣ, земли и воды въ знакъ покорности?» Тогда скиѳскій вождь отвѣчалъ, что, блуждая по степи, они, скиѳы, продолжаютъ обычный свой образъ жизни, а боя не ищутъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ ни городовъ, ни селъ, чтобы защищать ихъ. Но персамъ они докажутъ, что не боятся ихъ, если тѣ только тронутъ могилы ихъ предковъ, и еще проучатъ Дарія, чтобы тотъ не смѣлъ мнить себя владыкой ихъ. Съ тѣхъ поръ скиѳы рѣшили не водить больше персовъ по степному пространству, а нападать на нихъ всякій разъ, какъ тѣ будутъ заняты добываніемъ продовольствія. Они дѣлали это ночью. Конница скиѳовъ была го-

раздо лучше персидской, такъ что персидскіе всадники спасались каждый разъ подъ защиту своей пѣхоты, при столкновеніи съ нею. Скиѳы же конные, доскакивая въ погонѣ за персами до ихъ пѣшихъ воиновъ, передъ ними повертывали обратно въ страхѣ и исчезали. Иногда крикъ персидскихъословъ пугалъ не привыкшихъ къ нимъ лошадей скиѳовъ и разстраивалъ ряды ихъ конницы. Чтобы задержать подольше персовъ въ своей землѣ и ихъ заставить терпѣть нужду во всемъ, скиѳы по временамъ нарочно предоставляли врагамъ небольшую часть своего скота. Въ концѣ концовъ Дарій, однако, увидѣлъ себя въ весьма затруднительномъ положеніи. Скиѳы, замѣтивъ это, послали ему вмѣсто земли и воды птицу, мышь, лягушку и пять стрѣлъ, что̀ означало: «Персы, если вы не улетите изъ нашихъ владѣній подъ небеса, какъ птицы; не спрячетесь подъ землей, какъ мыши, и не ускачете подобно лягушкамъ,—то непремѣнно погибнете отъ нашихъ стрѣлъ». Тѣмъ временемъ часть скиѳовъ получила отъ своихъ военачальниковъ приказаніе: поспѣшить къ Дунаю, чтобы вступить тамъ въ переговоры съ греками, сторожившими мостъ для Дарія.

Скиѳы уговорили грековъ имъ обѣщать, что они бросятъ мостъ и вернутся къ себѣ домой по истеченіи 60-ти дней, чѣмъ не нарушатъ слова, даннаго ими Дарію. Затѣмъ они ускакали обратно. Дарій же, видя передъ собой постыдную гибель, если ему не удастся бѣжать изъ земли скиѳовъ, поспѣшно повелъ ночью все войско свое къ Дунаю, обманувъ бдительность непріятеля ложнымъ приготовленіемъ къ битвѣ и тѣмъ, что въ лагерѣ у себя онъ оставилъ, въ жертву ему, наиболѣе слабыхъ воиновъ съ привязанными и потому ревѣвшими во весь голосъ

21) Картина: Хитрости персовъ.

*

ослами. Когда на утро брошенные имъ персы стали простирать руки къ скиѳамъ, съ мольбой о пощадѣ, и разсказали имъ, что̀ съ ними сдѣлалъ персидскій царь,—скиѳы на своихъ быстроногихъ конях̀ъ пустились въ погоню за персами и, обогнавъ ихъ окольнымъ путемъ, явились ранѣе, чѣмъ они, къ Дунайскому мосту. Тутъ они стали соблазнять грековъ освобожденіемъ отъ персидскаго ига и обѣщаніемъ сокрушить Дарія, такъ, что онъ никогда больше не нападетъ на нихъ.—«Шестьдесятъ дней прошло; снимите мостъ и возвращайтесь скорѣе на родину, благодаря боговъ вашихъ и скиѳовъ», говорили они. Однако, греки не измѣнили Дарію; только, боясь насилія со стороны скиѳовъ, рѣшили снять мостъ на разстояніи выстрѣла изъ лука, отъ скиѳскаго берега и обратились къ скиѳамъ съ притворной просьбой, чтобы тѣ пока они будутъ разбирать мостъ, разыскали персовъ для отмщенія имъ, какъ слѣдуетъ, за всѣ ихъ обиды. Скиѳы повѣрили; но, поскакавъ обратно по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ сохранились пастбища и колодцы, они не встрѣтили персовъ,—изъ опасенія заблудиться шедшихъ къ Дунаю по прежнимъ своимъ слѣдамъ, гдѣ уничтожена была трава и были занесены скиѳами всѣ источники. Персы сначала встревожились, видя часть моста снятой; но когда они позвали черезъ рѣку грековъ, тѣ поспѣшили доставить персамъ всѣ корабли для переправы. Такъ былъ спасенъ ими Дарій со своимъ войскомъ. Этотъ походъ персидскій столь любопытенъ и занимателенъ во всей исторіи скиѳовъ, что его здѣсь нельзя было пропустить. Нужно только отмѣтить, что въ передачѣ историка Геродота онъ очевидно преувеличенъ въ своихъ подробностяхъ. Врядъ ли могъ Дарій съ 700-тысячнымъ войскомъ такъ быстро дойти, мало

22) Картина: Греческій воинъ.

23) Картина: Попытки скиѳовъ соблазнить грековъ измѣнить персамъ, разрушивъ мостъ.

что до рѣки Дона, но даже до самой Волги! Причемъ еще успѣлъ построить тамъ 8 крѣпостныхъ стѣнъ! Позднѣйшій римскій историкъ-писатель Страбонъ болѣе правдоподобно предполагаетъ, что Дарій дошелъ не далѣе какъ до рѣки Днѣстра, гдѣ простирается отъ Дуная безводная, хотя луговая, пустыня гетовъ и гдѣ войска Дарія изнемогали отъ жажды...

Скажемъ здѣсь кстати нѣсколько словъ о славянахъ-гетахъ, впослѣдствіи потѣснившихъ съ запада скиѳовъ, тогда какъ сарматы на нихъ надвинулись изъ-за Дона. Выходцы изъ Карпатскихъ горъ, какъ всѣ славянскія племена, геты спустились съ ихъ юго-восточныхъ склоновъ и поселились въ сосѣдствѣ съ Греціей, гдѣ, конечно, подпали подъ вліяніе греческой образованности. Вели они тоже и частыя войны съ греками, то платя имъ вѣкупъ за свою независимость, то сами ихъ побѣждая. За 300 лѣтъ до Рождества Христова, т. е. два вѣка спустя послѣ похода въ Скиѳію Дарія, геты начали вытѣснять къ востоку кочующихъ въ степяхъ Буга и Днѣстра скиѳовъ, въ область Таврическихъ горъ Крымскаго полуострова. Размножаясь, они отодвинули ихъ за Днѣпръ. Геты, осѣвшіе на рѣкѣ Днѣстрѣ,—по древнему наименованію Тирасѣ,—назвали себя «тира-гетами». Это были предки позднѣйшихъ славянъ, именуемыхъ первымъ русскимъ историкомъ-лѣтописцемъ Несторомъ: «тиверцами». Они построили на Днѣстрѣ существующій донынѣ городъ Тирасполь. Въ 56 году до Рождества Христова геты подъ управленіемъ своего воинственнаго царя Беребисты сдѣлались очень сильны и овладѣли даже при устьѣ Днѣпра богатѣйшимъ греческимъ городомъ—знаменитой Ольвіей. Но ихъ могущество продолжалось

недолго, и даже самое имя гетовъ, въ общемъ передвиженіи народностей, затерялось, смѣнившись именемъ славянъ-даковъ, лютыхъ враговъ Римскаго государства, включившаго въ черту владѣній своихъ всю Грецію въ 190-мъ году до Рождества Христова.

Послѣ похода Дарія дальнѣйшая жизнь скиѳскаго народа, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ подъ рядъ, не выступаетъ ярко посреди всеобщей исторіи европейскихъ народовъ. Скиѳы-кочевники только грабили по временамъ богатые города греческихъ приморскихъ выселковъ, а тѣ имъ платили дань, чтобы откупиться отъ ихъ набѣговъ, или же вели съ ними кровопролитныя войны. Лишь не задолго до Рождества Христова скиѳскій народъ занимаетъ опять на страницахъ исторіи видное мѣсто, во время упорной борьбы со всемірнымъ владычествомъ Рима, непримиримаго врага—царя понтійскаго Митридата. Мы упоминали уже о ней въ предисловіи къ этимъ чтеніямъ. Большое, сильное царство Понтійское, т. е. Приморское, образовалось на южномъ малоазійскомъ берегу Чернаго моря. Самъ Митридатъ былъ человѣкъ дѣятельный, умный, честолюбивый и самовластный. Онъ умѣлъ объясняться на 22-хъ языкахъ и вообще отличался хорошимъ образованіемъ. Когда владѣнія Римскаго государства, отъ запада къ востоку и отъ юга къ сѣверу простиравшіяся на нѣсколько тысячъ верстъ, подошли къ самымъ его владѣніямъ въ Малой Азіи,—онъ сталъ обдумывать способъ защиты отъ неминуемаго захвата его областей римской военной силой и, для успѣшнаго противодѣйствія этой несокрушимой силѣ, рѣшилъ съ своей стороны расширить предѣлы своего царства на счетъ чужихъ, съ нимъ смежныхъ, земель. А также задумалъ поднять противъ Рима ему до сихъ поръ подчиненныя,

завоеванныя имъ области, тяготившіяся однако желѣзной надъ собой властью всемірной столицы и разоряемыя грабежами римскихъ намѣстниковъ.

Съ этою цѣлію Митридатъ разослалъ пословъ по сосѣднимъ народностямъ, ихъ побуждая къ возстанію подъ его знаменами, — лестью и хитростью. Иныхъ онъ стращалъ; инымъ давалъ щедрыя обѣщанія, на иныхъ шелъ наконецъ самъ войною. Онъ такимъ образомъ завоевалъ многія страны вокругъ своего царства и возмечталъ занять во всемъ, извѣстномъ тогда, европейскомъ мірѣ мѣсто могучаго, до сихъ поръ непобѣдимаго, Рима. Поставивъ въ нѣкоторыхъ, имъ вновь завоеванныхъ, областяхъ, царями собственныхъ многочисленныхъ сыновей, онъ не колебался ихъ убивать за ослушаніе своей волѣ. Ему нужна была помощь дикихъ племенъ, жившихъ въ теперешней русской землѣ, по ту сторону Чернаго моря, и онъ завелъ съ ними тѣсную дружбу. На его сторону стали славяне въ горахъ Карпатскихъ и въ Прикарпатскихъ странахъ, вдоль по сѣвернымъ берегамъ Дуная, также и по Днѣпру. Передъ началомъ войны своей съ Римомъ Митридатъ одержалъ блистательную побѣду надъ скиѳами и разгромилъ ихъ. Вотъ какъ это случилось. Къ нему пришли послы изъ греческаго города Херсонеса просить помощи противъ скиѳовъ, напавшихъ на городъ ихъ. Тогда полководецъ понтійскаго царя — Діофантъ разбилъ въ битвѣ сына скиѳскаго царя Поллака и прогналъ скиѳовъ въ степь. Только что онъ сдѣлалъ это,— являются къ нему греки изъ другого города, нынѣшней Керчи, Пантикапеи,—столицы маленькаго, но цвѣтущаго царства греческаго, у пролива, или Босфора Киммерійскаго. Скиѳы и ихъ городъ осадили. Послы молили помощи Діофанта, чтобы онъ ихъ

24) Картина: Греческіе послы молятъ помощи Діофанта.

освободилъ отъ скиѳовъ. Діофантъ скиѳовъ разбилъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ овладѣлъ всѣмъ Босфоромъ и ихъ присоединилъ безъ обиняковъ къ владѣніямъ Митридата. Босфорцы силъ не имѣли бороться съ войскомъ царя понтійскаго. Мятежъ ихъ былъ скоро подавленъ. Но скиѳы еще не усмирились. Скиѳскій царь Скилуръ и его сынъ Поллакъ призвали къ себѣ на помощь какое-то скиѳо-сарматское, полу-славянское племя, жившее отъ нихъ къ сѣверу и въ первый разъ объявившееся въ исторіи подъ именемъ «россоланъ». Они пришли на зовъ своихъ собратьевъ-скиѳовъ въ числѣ 50-ти тысячъ, причемъ большая часть ихъ погибла, когда они вмѣстѣ со скиѳами потерпѣли полное пораженіе отъ Митридата. Россоланы носили шлемы изъ толстой воловьей кожи и такую же броню. Щиты имѣли плетеные, деревянные. Есть данныя предполагать, что россоланы сражались пѣшими; такъ, напримѣръ, Тацитъ, знаменитый римскій историкъ, упоминаетъ, что вооруженіе ихъ кромѣ стрѣлъ и дротиковъ составляли предлинные мечи, которыми они дѣйствовали не иначе, какъ взявшись за нихъ обѣими руками. Кромѣ того, Геродотъ указываетъ на то, что днѣпровскіе скиѳы-пахари сражались по преимуществу не на коняхъ, подобно скиѳамъ степнымъ, кочевникамъ, а — пѣшимъ строемъ. Во время войны съ Даріемъ дѣйствовала среди скиѳовъ, рядомъ съ конницей, и пѣхота, доставляемая земледѣльческой, такъ называемой, Древней Скиѳіей, жившей въ полномъ согласіи съ Скиѳіей кочевой. За 335 лѣтъ до Рождества Христова ходилъ войною на скиѳовъ и придунайскихъ гетовъ знаменитый всемірный завоеватель Александръ, царь Македоніи—государства сѣверной Греціи. Войско встрѣтившихъ его скиѳовъ состояло изъ 4000 конницы и 10-ти тысячъ

25) Картина: Портретъ Тацита.

26) Картина: Россоланинъ.

27) Картина: Древній сарматскій шлемъ.

пѣхоты. Необходимо отмѣтить, что, кромѣ конницы и пѣхоты, все приморское населеніе по берегамъ Чернаго моря имѣло лодочный флотъ, и Митридатъ использовалъ его наравнѣ съ сухопутными силами скиѳовъ противъ могучаго Рима. Въ то время, можетъ быть, днѣпровскія лодки уже выплывали въ Черное море, такъ какъ Діофантъ, полководецъ царя Митридата, воюя со скиѳами, побѣдоносно велъ съ ними морскія сраженія на Босфорѣ, т. е. проливѣ Киммерійскомъ. Митридатъ принялъ къ себѣ на жалованье морскихъ разбойниковъ, съ которыми римлянамъ было очень трудно справляться.

Въ продолженіе 15-ти лѣтъ Митридатъ держалъ въ своихъ рукахъ всю южную часть Россіи и сначала имѣлъ успѣхъ въ Малой Азіи въ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ римлянъ. Онъ тамъ велѣлъ перебить до 80-ти тысячъ римскихъ солдатъ и гражданъ, въ 88-мъ году до Рождества Христова. Но уже вскорѣ послѣ того полководецъ римскій Лукуллъ разсѣялъ войска Митридата, а его самого принудилъ къ бѣгству въ Арменію. Митридатъ, однако, не образумился и, еще пуще того возненавидѣвъ Римъ, собралъ для борьбы съ нимъ 150 тысячъ войска изъ всѣхъ подвластныхъ ему народовъ и до 400 военныхъ кораблей, пользуясь тѣмъ, что мятежъ въ римскихъ войскахъ остановилъ движеніе противъ него Лукулла. Но тутъ его собственный сынъ, босфорскій царь Махаресъ возсталъ противъ гнета своего жестокаго отца и перешелъ на сторону римлянъ; хотя затѣмъ, испугавшись мести его, онъ самъ себя закололъ мечомъ: но все Босфорское царство было уже объято бурнымъ пламенемъ мятежа, и во главѣ мятежниковъ находился другой сынъ Митридата—Фарнакъ. Римляне, подъ начальствомъ Помпея, вторично разбили на го-

28) Картина: Смерть Митридата.

лову Митридата въ 66 году до Рождества Христова. Тогда Митридатъ принялъ ядъ и приказалъ простому воину умертвить себя. Фарнакъ, въ изступленіи своей ненависти къ отцу, посолилъ тѣло его и отправилъ въ римскій лагерь на поруганіе. Но даже римляне возмутились такимъ поступкомъ сына противъ отца и велѣли похоронить Митридата съ почестью. До сихъ поръ около бывшей Пантикапеи на Таврическомъ полуостровѣ есть холмъ, именуемый Митридатовою горой.

29) Картина: Митридатовъ холмъ въ двухъ видахъ.

При Митридатѣ скиѳы, до сихъ поръ знавшіе только грековъ, столкнулись въ первый разъ съ римлянами и вошли въ тѣсныя сношенія съ ними. Тогда на югѣ нашей нынѣшней Русской земли появились владѣнія Рима, а богатые города греческихъ выселковъ стали стоянками римскихъ побѣдоносныхъ полковъ. Но римляне называли Скиѳію «краемъ свѣта», и послѣ ихъ благодатной, жаркой Италіи имъ казалось тамъ холодно и неуютно. Скиѳія ослабѣла страшно послѣ разгрома ея царемъ Митридатомъ. Она начала быстро утрачивать свое могущество и единство.

30) Картина: Скилуръ и его сыновья.

Напрасно старый царь скиѳскій Скилуръ убѣждалъ своихъ сыновей не ссориться между собою, доказывая имъ на примѣрѣ прутьевъ, туго связанныхъ вмѣстѣ, какъ трудно ихъ переломить въ цѣломъ пучкѣ и какъ легко ломается пополамъ каждый прутъ самъ по себѣ. Сыновья были глухи къ словамъ отца и погубили Скиѳское царство. Впрочемъ, оно уже за два столѣтія до появленія Митридата постепенно клонилось къ упадку. Греки построили торговые города и поселились во многихъ мѣстахъ между скиѳами. Пользуясь нравственной темнотой и невѣжествомъ дикарей, греческіе купцы ихъ развращали, обмѣнивая въ торговлѣ съ ними произведенія скиѳской страны: хлѣбъ, скотъ, мѣха и рабовъ на греческое вино, пряности, украше-

нія для нарядовъ и деревянное масло. Скиѳы научились пьянствовать, щеголять блестящими бездѣлушками и услаждаться пряной ѣдою, причемъ потеряли тѣлесную крѣпость и подвижную, неутомимую дѣятельность, необходимыя имъ для борьбы съ суровыми жизненными условіями и защиты отъ надвигавшихся на нихъ изъ-за Дона воинственныхъ савроматовъ, тогда какъ съ запада ихъ тѣснили геты, а позже даки, поселившіеся на Днѣстрѣ. Ставшіе малодушными и развращенными, цари скиѳовъ начали отступать шагъ за шагомъ отъ Днѣстра и Дона, сосредоточиваясь въ пространствѣ между Днѣстромъ и Таврическимъ полуостровомъ, въ степяхъ теперешнихъ русскихъ губерній: Херсонской и Таврической, гдѣ оставались въ рукахъ враждебныхъ имъ грековъ всѣ торговые города. Отсюда скиѳы ихъ часто грабили и облагали тяжелой данью, до пораженія ихъ Митридатомъ. Мѣстность эта тогда получила названіе Малой Скиѳіи, или Тавро-Скиѳіи—отъ Таврическаго полуострова съ пересѣкающимъ его хребтомъ Таврскихъ горъ. Въ это время сарматы перешли Донъ и стали сильнымъ, могущественнымъ народомъ. Греки ихъ начали призывать на помощь себѣ противъ скиѳовъ. Сарматы же, заполняя собой южно-русскія степи, въ неудержимомъ движеніи ордъ своихъ изъ-за Дона, по пути цѣлые таборы скиѳовъ обращали въ своихъ рабовъ. Они овладѣли всей прежней Скиѳіей, а въ 350-мъ году до Рождества Христова, напавъ на тавроскиѳовъ, ихъ подчинили тоже своей верховной власти. Полководецъ царя понтійскаго—Діофантъ, въ союзѣ съ сарматами, разбилъ въ 120-мъ году до Рождества Христова скиѳскаго царя Скилура и, овладѣвъ нынѣшнимъ Крымомъ, выгналъ оттуда скиѳовъ. Сарматы же послѣ того распространили свои кочевья

еще дальше на западъ и къ сѣверу. Германцы и римляне тогда назвали всю южную половину нынѣшней Русской Имперіи—Савроматіей; греки же такъ привыкли именовать ее Скиѳіей, что еще 10 столѣтій спустя послѣ Рождества Христова все населеніе южнорусскихъ степей безъ разбора звали по старому: таврос-киѳами. Итакъ скиѳскій народъ, въ продолженіе 14-ти столѣтій, съ 1514 до 120 года древняго лѣтосчисленія передъ Рождествомъ Спасителя, кочевалъ въ южной части Россіи; потомъ онъ слился съ его потопившей въ себѣ народностью савроматовъ или сарматовъ.

Глава II.

Сарматы.

Въ древности *) рѣка Донъ составляла границу между Европой и Азіей. Кочуя въ задонскихъ степяхъ, сарматы, значитъ, пришли въ южно-русскія степи изъ Азіи. Еще ранѣе того они вышли въ страны сѣвернаго Кавказа изъ Мидіи, когда въ это, когда-то могучее, древнее государство ворвались скиѳы, преслѣдуя киммерійцевъ. Самая сѣверная область Мидіи, вдоль азіатскаго побережья Чернаго моря, называлась въ древности: Каппадокіей. Въ числѣ многихъ городовъ этой провинціи,—надъ рѣкою Ирисъ и при самомъ морѣ,—находились города: Амазія, Амазисъ и Амазусъ. Въ мѣстности, занимаемой ими, находилось нѣсколько храмовъ, гдѣ совершалось торжественное идолослуженіе богинѣ войны: Ма. Въ эти храмы для служенія божеству поступало много молодыхъ дѣвушекъ, обязавшихся сохранять безбрачіе на всю жизнь въ строжайшей чистотѣ. Онѣ

*) Профессоръ Хойновскій: «Свѣдѣнія о предкахъ славянъ и Руси». Гр. Н. Толстой и Кондаковъ «Русскія Древности».

Institute of Mediaeval S...

участвовали въ своеобразныхъ обрядахъ, совершавшихся при этихъ храмахъ, въ мужской одеждѣ, вооруженными, такъ какъ обязаны были оберегать имущество храмовъ и для этой цѣли учились владѣть оружіемъ; ѣздили превосходно верхомъ на горячихъ степныхъ коняхъ. Такъ какъ храмы богини Ма въ то время пользовались широкой славой и привлекали къ себѣ всю торговую дѣятельность, всю общественную жизнь Каппадокіи,—то число дѣвъ, посвящавшихъ себя служенію въ этихъ храмахъ, все увеличивалось. Ихъ звали «амазонками». Со временемъ религіозныя торжества и защита сокровищъ храма перестали удовлетворять самолюбіе амазонокъ. Тогда изъ нихъ составилась цѣлая община, онѣ образовали женскую конную армію и, выбравъ себѣ изъ своей среды царицею самую распорядительную и храбрѣйшую,—ее назвали дочерью Марса, бога войны. Съ большимъ искусствомъ метая копья, стрѣляя изъ лука и выѣзжая дикихъ коней, онѣ начали производить набѣги на сосѣднія племена по сѣвернымъ склонамъ Кавказскихъ горъ и тамъ окончательно завладѣли одной горной страной. Слава отважныхъ наѣздницъ распространилась далеко. Историки древняго міра записали много разсказовъ о ихъ военныхъ доблестяхъ. Задѣтые въ своемъ мужскомъ самолюбіи, греческіе молодые воины искали случая вступить въ сраженіе съ амазонками. И вотъ когда объятыя ужасомъ племена сѣверной Мидіи бѣжали отъ грабежа и жестокостей скиѳовъ въ ущелье Кавказскихъ горъ, одно изъ нихъ: «хариматы» или «сауроматы», какъ говоритъ преданіе, наткнулось на гнѣздо столь же грозныхъ, сколько очаровательныхъ амазонокъ. Амазонки приняли бѣглецовъ хариматовъ подъ свое покровительство и, вступивъ съ ними въ тѣс-

31) Картина: Амазонки-жрицы при храмѣ бога войны.

32) Картина: Амазонки поятъ коней.

ную дружбу, мало-по-малу забыли свои обѣты безбрачія. При независимыхъ и воинственныхъ своихъ нравахъ онѣ, конечно, не подчинялись мужьямъ, равноправныя съ ними въ образѣ своей жизни,—но за то подвергали себя всѣмъ лишеніямъ и опасностямъ войны и охоты не менѣе, чѣмъ они; одѣвались въ одинаковыя одежды съ мужчинами и имъ не уступали въ ловкости, верховой ѣздѣ или стрѣльбѣ изъ лука. Согласно установившемуся среди нихъ закону, дѣвушка, только представивъ голову убитаго ею врага, имѣла право выходить замужъ. При такомъ воинственномъ воспитаніи дѣвушекъ и дѣятельной жизни женщинъ,—размножившійся отъ браковъ амазонокъ со сауроматами народъ родился выносливымъ, бодрымъ и полнымъ тѣлесной крѣпости. Этотъ народъ сарматскій скоро занялъ всѣ земли между Кавказскимъ хребтомъ и Каспійскимъ моремъ, на востокъ до Урала и до Азовскаго моря на западѣ. Сарматское племя «аланъ» дальше другихъ выдвинулось на сѣверъ, а часть его разселилась на нижней Волгѣ, въ то время называвшейся Ра, Роасъ и Роксъ,—а потому тѣ алане, что̀ здѣсь осѣли, получили названіе «роксаланъ». Позже, когда сарматскій народъ, еще усилившись, перешелъ за Донъ, оттѣсняя на западъ скиѳовъ и поднимаясь частью въ сѣверо-западномъ направленіи къ Балтійскому морю, роксалане въ своемъ дальнѣйшемъ передвиженіи заняли обширную страну по Дону и его притоку Донцу. Жившіе прежде тамъ, согласно указаніямъ Геродота, массагеты, меланхлены, андрофаги и невры ушли передъ ихъ наплывомъ въ лѣсистыя пространства верховьевъ Днѣпра и Нѣмана. Передовыя же орды сарматовъ—«языги» продвинулись до Днѣстра, за которымъ жили предки славянъ, уже извѣстные намъ

33) Картина: Языги.

геты и даки. Послѣ того какъ сарматы разбили скиѳовъ при устьѣ Днѣпра и на Таврическомъ полуостровѣ въ 350-мъ году до Рождества Христова, въ 304-мъ году они покорили Босфорское царство грековъ и наложили ежегодную дань на его главный городъ—Пантикапею. За 2 года до Рождества Христова царь сарматскій Аспургъ завладѣлъ окончательно Босфорскимъ царствомъ и до 318 года уже послѣ Рождества Христова подъ покровительствомъ римлянъ въ Пантикапеѣ царствовали его потомки. Господствуя въ южно-русскихъ степяхъ, сарматы продолжали главнымъ образомъ заниматься войной и охотой,—земли свои, за опредѣленную дань, сдавая въ пользованіе всѣмъ желающимъ. Они положили этимъ начало арендѣ у собственниковъ, луговъ и полей, безземельными хлѣбопашцами.

Римскіе историки, какъ Страбонъ и Тацитъ, даютъ намъ о народахъ, жившихъ на сѣверѣ отъ Чернаго моря, свѣдѣнія болѣе точныя и подробныя, нежели греки. Римляне видѣли близко сарматовъ въ предѣлахъ своей страны, такъ какъ языги переплыли Дунай 15 лѣтъ спустя послѣ Рождества Христова, и конница ихъ начала врываться въ римскія области. Языги прогнали даковъ обратно въ Карпатскія горы, а сами заняли равнины Венгріи,—древней Паннониі, и дойдя до границъ германской земли, вмѣстѣ съ германцами нападали на провинціи римлянъ, предавая ихъ грабежу. Римляне утверждаютъ, что сарматы довольно рѣзко отличались наружнымъ видомъ и образомъ жизни отъ скиѳовъ. Овидій про нихъ говоритъ, что они живое подобіе Марса—римскаго бога войны, обросли бородою и волосами. Онъ разсказываетъ, что когда сарматскіе всадники сомкнутымъ строемъ нападали на непріятеля, то нельзя

было выдержать ихъ свирѣпаго натиска. Въ пѣшемъ строю сарматы метали стрѣлы и обороняlись въ противоположность скиѳамъ, не употреблявшимъ щитовъ,—щитами, сдѣланными изъ толстой кожи, покрытой если не металлическими, то роговыми пластинками. Къ задней сторонѣ щита прикрѣплены были двѣ скобки, куда продѣвали руку. Сарматы очень искусно дѣлали себѣ панцыри изъ лошадиныхъ копытъ, очищенныхъ и разрѣзанныхъ на подобіе чешуекъ сосновой шишки. Чешуйки эти черезъ просверленныя отверстія между собой скрѣплялись конскими же или бычачьими жилами, а затѣмъ нашивались на бычачью или лосиную кожу, и такимъ образомъ получались панцыри, не уступавшіе греческимъ ни красотой, ни прочностью, выносившіе превосходно удары издали и вблизи. Такой чешуйчатый панцырь найденъ былъ въ могильномъ курганѣ Роменскаго уѣзда. Зато, разъ упавъ съ лошади въ этомъ тяжелымъ нарядѣ, савроматскій воинъ уже не могъ подняться съ земли безъ посторонней помощи. Вслѣдствіе тяжести своей брони сарматы принуждены были сидѣть на лошадяхъ не верхомъ, а бокомъ, какъ теперь сидятъ женщины. Богатые сарматы всю лошадь покрывали такою же роговой чешуей. Когда же они узнали желѣзное производство, то начали дѣлать желѣзную чешую, тоже ее приклепывая къ лосиной, или бычачьей кожѣ своихъ одеждъ. Голову сарматы защищали чешуйчатой же остроконечною шапкой. Она явилась прообразомъ позднѣйшей, изящной и легкой каски. Для той же цѣли защиты на стеганые колпаки обыкновенной своей одежды сарматы нашивали металлическія пластинки. Одежда эта была очень похожа на скиѳскую: плотно запахнутый и перетянутый ременнымъ поясомъ, мѣховой кафтанъ съ косымъ во-

34) Изображеніе сарматскихъ всадниковъ и пѣшихъ воиновъ въ панцыряхъ.

ротомъ; широкіе кожаные штаны; холстяныя рубахи и плащи въ родѣ черкесской бурки. На головѣ башлыки, или высокіе колпаки, украшенные,—какъ только что мы сказали,—мѣдными и золотыми бляхами. Римскій поэтъ Овидій говоритъ о сарматахъ, что они не любили холода и защищались отъ злого мороза шубами. «Между ними нѣтъ ни одного»,—замѣчаетъ онъ,—«который бы не носилъ при себѣ постоянно колчанъ съ лукомъ и стрѣлами, ужасающими враговъ тѣмъ, что наконечники ихъ, изъ кости, намазаны змѣиной желчью. Лукъ они дѣлали изъ терноваго дерева. Къ правому боку привѣшивали прямые мечи, большей частью изъ бронзы за недостаткомъ въ странѣ желѣза. Сарматскія женщины на коняхъ сражались мечами, или накидывали на шею врага арканъ и его удушали, волоча за собою. Сарматы красили себѣ тѣло и волосы, а потому въ ихъ могилахъ часто находятся куски красной, или лиловой краски. По свидѣтельству знаменитаго римскаго историка Тацита, сарматскіе воины прислушивались во время битвы не къ одному только голосу своего вождя,—но всѣ громкими криками подстрекали другъ друга къ метанію стрѣлъ; а потомъ, сразу бросаясь впередъ, пускали въ дѣло, отбросивъ лукъ, свои длинные мечи и копья. Разсказывая о военныхъ пріемахъ сарматовъ, римляне пишутъ, что они, болѣе опытные въ разбойничьихъ набѣгахъ, нежели въ правильномъ, открытомъ бою, прогоняютъ врага и отбиваются длинными копьями-пиками. Это оружіе, какъ мы видимъ теперь, изъ поколѣнія въ поколѣніе перешло на югѣ Россіи въ руки нашихъ казачьихъ войскъ, такъ какъ одни и тѣ же условія жизни среди южной степи должны были порождать всегда одинаковые обычаи и очень схожіе между собою нравы,

35) Картина: Защита и осада древнѣйшихъ укрѣпленій.

хотя бы разныхъ племенъ, а потому, само собой разумѣется—однородные и наиболѣе къ нимъ подходящіе способы обороны и нападенія. Вступая въ сраженіе съ длинными копьями, римскіе всадники называли это: «биться по-савроматски» или, что то же—«по алански». Россалане были однимъ изъ самыхъ умственно-развитыхъ, дѣятельныхъ и воинственныхъ алано-сарматскихъ племенъ. Сарматы уже умѣли сооружать на возвышенностяхъ укрѣпленія. Они обносили ихъ рвомъ и плетнями изъ прутьевъ на мѣсто каменныхъ стѣнъ, заполняя между ними пространство пескомъ и землей. Сохранившіеся остатки такихъ укрѣпленій теперь называются «городищами». Военная жизнь сарматовъ, служившихъ частью другимъ народамъ въ качествѣ конныхъ наемниковъ, изображается на многихъ памятникахъ. Картинами боевыхъ событій этого времени изрисованы стѣны многихъ могилъ. Онѣ также выбиты на предметахъ въ нихъ находимой утвари и оружія. Вотъ, напримѣръ, въ конной схваткѣ мчатся другъ на друга враги, направляя одинъ на другого длинныя пики. По серединѣ уже лежитъ груда убитыхъ и раненыхъ воиновъ. Вотъ мѣткій ударъ поражаетъ въ грудь воина, и онъ, безпомощно взмахнувъ руками, валится назадъ съ тоже раненаго подъ нимъ коня...

36) Картина этой стычки.

Въ курганахъ южной Россіи часто находятъ скелеты, покрытые желѣзной чешуей, и это служитъ намъ несомнѣннымъ признакомъ погребенія сармата. Окрашенные черепа надо считать сарматскими, вмѣстѣ съ тѣми могилами, гдѣ найдены румяна, бѣлила, черная краска и баночки для этихъ притираній. Въ сарматскихъ могилахъ, какъ признакъ отличія ихъ отъ скиоскихъ, находятъ сосуды и украшенія изъ стекла, янтаря и цѣнныхъ камней; а въ издѣлія изъ золота

или бронзы вставлены, изъ этихъ же новыхъ цѣнностей, дополнительные узоры. Какъ у скиѳовъ прославились многіе цари, такъ у сарматовъ — царицы; въ особенности Амага, жена царя Мидосака, больше любившаго выспаться и поѣсть, чѣмъ заниматься государственными дѣлами. Вслѣдствіе этого его супруга, мудрая царица Амага, вмѣсто него, управляла страной. Она творила сама справедливый судъ надъ народомъ; разставляла сторожевые отряды на границахъ своей земли; отражала нападенія враговъ и вступала въ союзы съ сосѣдними племенами.—«Слава ея была велика», говоритъ одинъ изъ писателей того времени. Однажды, когда греки города Херсонеса ее попросили о помощи противъ скиѳовъ,—она собрала всего 120 человѣкъ воиновъ, очень крѣпкихъ душой и тѣломъ, но каждому дала по три лошади и проскакала съ ними, для внезапнаго нападенія на скиѳовъ, безъ малаго 20 верстъ. Скиѳы, судя по лошадиному топоту вообразили, что на нихъ напало не 120 воиновъ, а гораздо больше и обратились въ бѣгство. Амага, ворвавшись въ жилище самаго предводителя скиѳовъ, собственноручно его убила и отдала эту скиѳскую область во владѣніе обиженнымъ скиѳами херсонесцамъ.

37) Картина: Нападенье сарматской царицы Амаги на скиѳскаго царя.

Сарматское царство, все разростаясь на западѣ, дошло до предѣловъ нынѣшней Польши; на сѣверѣ—до Московской губерніи современной карты Россіи; на югѣ захватывало бо́льшую часть Кавказа. Конечно, въ составъ савроматской народности вошло много различныхъ племенъ, покоренныхъ ею. Среди нихъ были осѣдлые земледѣльцы, имѣвшіе города и села, охотники-звѣроловы, лѣсные жители и скотоводы-кочевники, какъ сами сарматы. Но горожанъ и хлѣбопашцевъ они заставили платить себѣ дань. Ихъ

сила крѣпла, такъ что, воюя съ римлянами, они не разъ побѣждали ихъ,—при чемъ у нихъ даже отняли придунайскія страны: нынѣшнюю Румынію, области Бессарабской и Подольской губерній, Австрійскую Галицію: во времена первыхъ столѣтій образованія Русскаго государства, такъ называемую Червонную Русь. Языги въ Панноніи, нынѣшней Венгріи, продержались съ 10 года по 320 годъ послѣ Рождества Христова, тамъ сохраняя свою независимость. Но въ 332 году римскій императоръ Констанцій разбилъ ихъ и выселилъ въ Македонію. Успѣшнѣй другихъ римскихъ императоровъ сражались съ сарматами Тиберій, Траянъ и Маркъ Аврелій. Но все же римляне были вынуждены платить дань сарматамъ. Въ войнѣ съ ними отличалось особенно племя россаланъ, поселившихся на Днѣпрѣ и сильныхъ не столько своимъ оружіемъ, сколько внутреннимъ благосостояніемъ своей страны, служившей сосредоточіемъ хлѣбопашества и торговли. Отсюда дружины воиновъ россаланскихъ шли на югъ и на юго-западъ для борьбы съ римлянами. Въ 350 году императоръ римскій—Адріанъ, согласно ихъ требованію, поспѣшилъ увеличить количество дани, платимой имъ россаланскому царю Спартіану.

О религіи сарматовъ мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній, кромѣ того, что они чтили огонь. Свѣтъ христіанскаго ученія скоро проникъ въ языческія скиѳо-сарматскія земли, когда странствующіе проповѣдники гонимаго христіанства стали повсюду являться въ странахъ древняго міра. Во-первыхъ, римскіе императоры, чтобъ наказывать христіанъ, ихъ туда ссылали; а они между тѣмъ безстрашно несли съ собой дикарямъ святыя слова ученія Христова, его подтверждая своими дѣлами и мученичествомъ за вѣру. Во-вторыхъ, проповѣдники добровольно

плыли вверхъ по Днѣпру, готовые принести себя въ жертву свирѣпымъ языческимъ племенамъ, чтобы забросить среди нихъ своею проповѣдью сѣмена свѣтлой, великой истины и направить ихъ постепенно на путь спасенія. Самъ Апостолъ Андрей Первозванный, посѣтивъ Крымскій—Таврическій полуостровъ и обративъ въ христіанство многихъ жителей греческаго приморскаго города Херсонеса, по существующему преданію, дошелъ до Кіевскихъ горъ, гдѣ тогда былъ уже основанъ небольшой городокъ. Руководимый полученнымъ откровеніемъ, онъ водрузилъ здѣсь крестъ, провелъ всю ночь въ молитвѣ и предсказалъ своимъ ученикамъ, что на этихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, что здѣсь возникнетъ со-временемъ большой христіанскій городъ со множествомъ благолѣпныхъ храмовъ. Апостолъ Андрей принялъ мученическую смерть. Онъ распятъ былъ въ Греціи на крестѣ. Особенная форма этого креста получила названіе Андреевскаго креста.

38) Картина: Андрей Первозванный проповѣдуетъ ученіе Христа въ Сарматіи.

39) Картина: Онъ водружаетъ крестъ на горахъ Кіевскихъ.

40) Картина: Распятіе Апостола Андрея.

Подойдя въ нашемъ повѣствованіи ко временамъ первыхъ столѣтій послѣ распятія Іисуса Христа, ознаменованнымъ великой проповѣдью Его безстрашныхъ послѣдователей, — вспомнимъ здѣсь кстати хотя о нѣкоторыхъ святыхъ мученикахъ, погибшихъ ради Евангельскихъ истинъ отъ руки римскихъ гонителей, въ ближайшихъ къ южной Россіи мѣстностяхъ. Императоры Максиміанъ и Деоклитіанъ извѣстны въ исторіи, какъ самые изступленные враги христіанства. Во время ихъ царствованія трое мужей-христіанъ различнаго возраста: почтенный старецъ Тарахъ, Провъ—человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ и юноша Андроникъ состояли между собою въ тѣсной дружбѣ, объединенные ревностью къ христіанской вѣрѣ. Правитель Киликіи,—римской области въ Ма-

лой Азіи, гдѣ они жили,—имъ приказалъ принести жертву языческимъ истуканамъ; а когда они, несмотря ни на какія его увѣщанія, не соглашались исполнить этотъ грозный приказъ, онъ отдалъ ихъ на истязаніе палачамъ, а потомъ бросилъ въ темницу, надѣясь, что томительная неволя заставитъ ихъ наконецъ отречься отъ Христа. Но друзья не поколебались и твердо переносили свои страданія во имя Христово. Разгнѣванный безуспѣшностью своихъ стараній вернуть ихъ къ язычеству, римскій правитель ихъ осудилъ на смертную казнь въ циркѣ, гдѣ они передъ лицомъ нѣсколькихъ тысячъ зрителей, въ столицѣ Киликіи Тарсѣ, должны были сдѣлаться жертвой дикихъ голодныхъ звѣрей. Однако, звѣри не осмѣлились тронуть мучениковъ, не взирая на всѣ усилія цирковыхъ прислужниковъ натравить ихъ на стойкихъ въ вѣрѣ своей друзей. Тогда Тарахъ, Провъ и Андроникъ были убиты копьями, а ихъ тѣла правитель Киликіи приказалъ выбросить за городъ въ грязную яму, откуда ихъ извлекли для честнаго погребенія мѣстные христіане.

41) Картина: Мученики Тарахъ, Провъ и Андроникъ въ циркѣ предаются на растерзаніе звѣрямъ за имя Христа.

Въ 101-мъ году послѣ Рождества Христова святой Климентъ, бывшій сначала усерднымъ сотрудникомъ многихъ Апостоловъ въ распространеніи Евангелія, поставленъ былъ Апостоломъ Петромъ епископомъ въ Римѣ. Своей горячей проповѣдью онъ обратилъ успѣшно въ христіанскую вѣру не мало лицъ изъ высшей римской знати, чѣмъ, конечно, привлекъ на себя далеко не благосклонное вниманіе и возбудилъ сильный гнѣвъ императора Траяна. Онъ былъ имъ сосланъ за это изъ Рима на каменоломни въ Херсонесъ Таврическій, но и тутъ продолжалъ свое обращеніе ко Христу язычниковъ рядомъ съ поддержкою страждущихъ христіанъ. Приставленные

42) Картина: Потопленіе въ Черномъ морѣ св. мученика Климента.

Варяжскаго или Балтійскаго моря, т. е. съ далекаго сѣверо-запада. О готахъ писалъ уже римскій историкъ Тацитъ, не разъ упомянутый нами. Подъ властью своихъ воинственныхъ королей, готы все расширяли свои владѣнія на сѣверо-западѣ, крѣпли и богатѣли. Они стремились, въ ростѣ своемъ и постепенныхъ завоеваніяхъ, съ холоднаго сѣвера къ теплому, благодатному югу, и когда у нихъ появился особенно храбрый, воинственный предводитель, сынъ короля Гударика — Филимеръ, — онъ собралъ своихъ воиновъ и покорилъ болотистую область впадающей въ Днѣпръ рѣки Припети. Филимеръ разбилъ жившія тамъ славянскія племена. Ни одно изъ нихъ не могло остановить Филимера; такъ что онъ побѣдоносно дошелъ до береговъ Чернаго моря. Готы затѣмъ овладѣли берегами Днѣпра, и весь югъ Россіи отъ устьевъ Дуная до рѣки Дона переходилъ мало-по-малу въ ихъ руки. Еще лѣтъ черезъ сто, готскій народъ, распространяя свое владычество, раздѣлился въ своихъ владѣніяхъ на двѣ части: готовъ восточныхъ,—между Днѣпромъ и Дономъ, и готовъ западныхъ, жившихъ въ нынѣшней Бессарабіи и Молдавіи, до Карпатскихъ горъ, отдѣляющихъ нынѣ Австрію отъ Россіи. Готы жили такой же жизнью, какъ всѣ другія дикія племена. Занимались они охотнѣй всего скотоводствомъ, но за недостаткомъ пастбищъ начали понемножку тоже воздѣлывать землю. Они поклонялись многимъ богамъ, олицетворявшимъ согласно ихъ воображенію всѣ явленія природы и человѣческой жизни. У нихъ былъ богъ войны, богъ грозы, богъ солнца и т. п.

44) Картина: Движеніе готовъ по южно-русскимъ степямъ.

Мало-по-малу готы подчинили себѣ огромныя пространства земли: отъ Балтійскаго моря до Чернаго, отъ Дона до Дуная. За Дунаемъ они еще до окон-

чательнаго покоренія Сарматіи въ областяхъ нынѣшнихъ государствъ: Сербіи, Валахіи, Румыніи и Болгаріи, столкнулись съ римлянами, — вслѣдствіе чего повели съ ними долгія, кровопролитныя войны. Плавая смѣло въ большихъ ладьяхъ по Черному морю, готы такъ же,—какъ и окрѣпшія въ это время у подножья Карпатъ, славянскія племена, — разбойничали вдоль береговъ Малой Азіи, также принадлежавшихъ римлянамъ со времени гибели царя Митридата, и свою добычу сбывали грекамъ въ Босфорскомъ царствѣ Крымскаго полуострова. Исторія повѣствуетъ, будто союзъ южно-русскихъ славянъ, подъ руководствомъ опытныхъ мореходовъ-вариновъ, построилъ себѣ въ 3-мъ столѣтіи послѣ Рождества Христова въ окрестностяхъ Днѣстра до 6000 кораблей. Посадивъ въ нихъ 320 тысячъ войска, славяне отправились на нихъ за добычею къ греческимъ берегамъ. На половину эти суда еще по пути разметала буря, а остальныхъ грабителей вытѣснилъ изъ своей страны римскій императоръ Клавдій, самъ предводительствовавшій войсками. Чтобы разрушить эту славянскую силу, ставшую крайне опасной для Римскаго государства, императоръ Авреліанъ въ 271-мъ году заключилъ съ готами миръ, предоставивъ имъ для поселенія западную часть Дакіи—древней Гетіи, а потомъ старался возстановить ихъ противъ сарматъ и славянъ, эти же племена перессорить между собою. Но славяне и сарматы все продолжали свои набѣги. Ради такихъ набѣговъ они приплывали на множествѣ наскоро сколоченныхъ лодокъ даже съ верховьевъ Днѣпра; таскали ихъ на плечахъ, переправляясь съ одной рѣки на другую, и прятали ихъ въ лѣсу, когда возвращались послѣ похода домой. Императоръ Авреліанъ успѣшно воевалъ съ ними, переправляя плѣнныхъ

45) Картина: Неудачный походъ славянскихъ судовъ къ греческимъ берегамъ.

десятками тысячъ внутрь Римской имперіи. За это онъ получилъ отъ сената титулъ—«сарматскаго», а потомъ еще прозваніе «Карпика»,—потому что онъ въ 273 году разбилъ славянъ-карповъ, т. е. жителей Карпатскихъ горъ. Деньгами и подарками Римъ поддерживалъ мирныя отношенія съ самымъ грознымъ сарматскимъ племенемъ россаланъ и просилъ даже союза ихъ въ войнѣ съ персами. Императоръ Пробъ въ 276 году навелъ такой страхъ своими побѣдами на славяно-сарматское населеніе древней Гетіи,—между Днѣстромъ и Дунаемъ,—что оно, наконецъ, смирилось. Сто тысячъ самыхъ воинственныхъ славянъ-бастарновъ было тогда переселено съ верховьевъ Днѣстра въ византійскія области Рима. Готы съ своей стороны старались всячески ссорить своихъ сарматскихъ соперниковъ съ могучей Римской имперіей, чтобы вызывать этимъ переселеніе ихъ на далекій западъ и уничтожить опасныхъ враговъ на своемъ пути въ южно-русскія степи. Такимъ образомъ Римъ самъ расчищалъ дорогу готамъ для ихъ широкихъ завоеваній въ сарматскихъ земляхъ. Въ 290-мъ году, напавъ на придунайскихъ языговъ, они ихъ чуть совсѣмъ не истребили, если бы къ тѣмъ не пришли на помощь давшіе имъ отпоръ аланы. За время этихъ войнъ въ Римской имперіи произошла великая перемѣна. Самъ Императоръ Константинъ принялъ христіанство, а его мать святая Елена по соизволенію Божію обрѣла у Гроба Господня животворящій крестъ, послѣ чего религія христіанская была объявлена государственной, и христіанъ перестали преслѣдовать. Ихъ добровольное, многолѣтнее мученичество ради Христа побѣдило язычество, и свѣтъ Евангельской истины возсіялъ высоко надъ умирающимъ древнимъ міромъ и возродившимся человѣчествомъ.

46) Картина: Епископъ Іерусалимскій Макарій съ возвышеннаго мѣста показываетъ народу животворящій крестъ, обрѣтенный Царицей Еленой.

47) Изображеніе Императора Константина.

Побѣдоносно пройдя по южно-русскимъ степямъ и водворивъ въ нихъ свое владычество, готы тоже начали принимать христіанскую вѣру, слыша горячую ея проповѣдь изъ устъ христіанъ, ссылаемыхъ римлянами, какъ мы уже говорили, въ самую дикую и холодную страну ихъ восточныхъ владѣній, на сѣверный берегъ Чернаго моря. Среди готовъ скоро явилась письменность. Готъ Ульфила при знаменитомъ готскомъ королѣ Германрикѣ въ 350 году послѣ Рождества Христова, проживая заложникомъ въ Византіи, составилъ азбуку изъ греческихъ буквъ и знаковъ и перевелъ тамъ Библію на родной языкъ. Самъ принявъ христіанство, онъ проповѣдывалъ его успѣшно и неутомимо на родинѣ.

48) Картина: Проповѣдь Ульфилы среди готовъ.

Доживъ до глубокой старости, король Германрикъ покорилъ вполнѣ своей власти 13 разныхъ сарматскихъ племенъ и россаланъ между ними. Во время его правленія, согласно нѣсколько преувеличеннымъ свѣдѣніямъ готскаго историка Іорнанда, вся нынѣшняя Россія съ населявшими ее тогда славянскими, финскими и литовскими племенами, такъ же, какъ часть римскихъ земель по Дунаю, — вошла въ составъ Готско-германскаго королевства. Германрикъ имѣлъ, однако, несчастіе подъ конецъ своей жизни испытать великое горе обособленія всей западной части созданнаго его побѣдами королевства за рѣкою Днѣстромъ; между тѣмъ какъ восточная его часть подверглась нападенію новыхъ дикихъ пришельцевъ—гунновъ.

Готскій историкъ Іорнандъ такъ увлекся славой своихъ соотечественниковъ, что имъ приписываетъ всѣ выдающіяся событія и походы въ IV вѣкѣ на всемъ пространствѣ намъ современной Россіи и за чертой ея. Онъ представляетъ ихъ

какъ бы въ себѣ цѣликомъ поглотившими тогда жизнь покоренныхъ ими туземныхъ народностей, между тѣмъ какъ по другимъ лѣтописямъ мы достовѣрно знаемъ, что въ это же время обособленно развивалась, рядомъ съ упоминаемыми Іорнандомъ финскими племенами,—какъ меря, весь и мордва и сарматскимъ племенемъ роксаланъ, называемыхъ имъ россаланами, — Кіевская, приднѣпровская Русь. Но готы считали всѣ сарматскія и славянскія племена ниже своей,—по ихъ мнѣнію, высшей,—германской расы. Тѣмъ не менѣе, это могучее готское царство и всѣ завоеванія Германрика обратились въ ничто при появленіи гунновъ,—почему Іорнандъ и старается изобразить ихъ такими звѣро-подобными, полу-сказочными чудовищами, передъ которыми устоять не могла никакая сила.

Старый готскій король Германрикъ хотѣлъ собрать противъ гунновъ всѣ покоренные имъ народы, чтобы ихъ встрѣтить всѣми военными силами своего королевства. Но онъ ошибся въ своихъ расчетахъ. Многія племена воспользовались сейчасъ же удобнымъ случаемъ сбросить съ себя ненавистный гнетъ чуждой имъ готской власти. Первыми перешли на сторону гуннскихъ ордъ—россалане. Страшно разгнѣванный Германрикъ приказалъ за это схватить жену одного изъ россаланскихъ вождей Сенельгу и привязать ее къ нѣсколькимъ степнымъ лошадямъ, чтобы тѣ въ своемъ дикомъ бѣгѣ разорвали ее на части. Воля его была исполнена,—но такая звѣрская месть не послужила ему на пользу. Братья несчастной женщины нанесли столѣтнему королю тяжелыя раны кинжалами; а затѣмъ онъ, хотя и оправился отъ этихъ ранъ, но, видя, что нѣтъ спасенія его царству,—себя закололъ мечомъ.

49) Картина: Казнь Сенельги.

Римскій историкъ Марцеллинъ, разсказывая о нашествіи гунновъ въ 380 году, прежде всего дѣлаетъ очеркъ страны, гдѣ они впервые явились, т. е. южной Россіи; причемъ описываетъ нравы многочисленнаго народа древней Сарматіи: аланъ и россаланъ. Онъ говоритъ, что они жили въ сѣверной части огромныхъ пространствъ между Дунаемъ и Дономъ; что Алаунская наша возвышенность получила отъ нихъ свое названіе и что вообще они распространили имя свое на всѣхъ сосѣдей, какъ благородное. По словамъ Марцеллина, алане имѣютъ русые волосы; рослы, красивы и хотя воинственнымъ духомъ съ быстротой нападеній не уступаютъ гуннамъ, однако у нихъ взглядъ не столько свирѣпый, сколько отважный и удалой. Марцеллинъ писалъ объ аланахъ больше съ чужихъ словъ, по наслышкѣ, и руководствовался замѣтно въ своихъ описаніяхъ разсказами Геродота о царскихъ скиѳахъ; оттого россалане имъ обрисованы, какъ кочевники, еще не знающіе ни домовъ, ни хлѣбопашества. Но это совсѣмъ не вѣрно. Древній географъ Птоломей, жившій въ 160 году послѣ Рождества Христова, перечисляетъ уже нѣсколько городовъ, лежавшихъ по Днѣпру и по окрестнымъ рѣкамъ, впадающимъ въ Черное и Азовское море. Нынѣшнія мѣста этихъ городовъ обозначаются, такъ называемыми, городищами, т. е. остатками болѣе или менѣе обширнаго древняго жилья. Существованіе городовъ обнаруживаетъ, что въ то время было уже не малое промысловое движеніе по теченію Днѣпра и его притока—Березины, т. е. отъ Чернаго моря къ Балтійскому. Западные писатели называли южную Россію пустыней, потому что ничего о ней толкомъ не знали. Относительно большое количество сохранившихся городищъ даетъ основаніе предполагать, что населе-

ніе тамъ, занимаясь больше всего земледѣліемъ, поддерживало и торговлю, привлекая къ устью своихъ рѣкъ купцовъ греческихъ и еврейскихъ. Эти купцы тѣснились въ построенныхъ славяно-сарматами городахъ и наживались подъ покровительствомъ мѣстныхъ, якобы дикихъ, племенъ. Коренное гнѣздо собственно «россаланъ» можно указать прямо въ области праваго притока Днѣпра—рѣчки Рось,—въ долинѣ своей имѣющей много селеній и рѣчекъ того же имени. Здѣсь алане смѣшались съ древнѣйшими жителями этой страны—славянами восточныхъ склоновъ Карпатъ, поселившимися съ незапамятныхъ временъ вокругъ ими основаннаго на Днѣпрѣ городка Кіева, и отъ этой именно мѣстности, утративъ древнее свое названіе роксаланъ, получили имя, подъ которымъ упоминаются Іорнандомъ, т. е. просто россаланъ. Тутъ же Геродотъ намъ указываетъ мѣсто жительства скиѳовъ-оратаевъ. Безъ сомнѣнія, россалане помимо своихъ военныхъ подвиговъ усердно заботились о мирныхъ промыслахъ, — занимались торговлей и обрабатывали свои поля. Весьма вѣроятно, что германскихъ кочевниковъ, готовъ, привлекла къ Днѣпру — Балтійскимъ славянствомъ сѣверныхъ склоновъ Карпатъ проторенная дорога: отъ Балтійскаго побережья до самаго Чернаго моря. Историкъ римскій—Страбонъ говоритъ, что россалане сражались пѣшими противъ войскъ понтійскаго царя Митридата, когда пришли на помощь къ скиѳамъ по ихъ призыву. Кочевники же никогда не слѣзали со своихъ коней. Затѣмъ, когда въ 69-мъ году россаланская конница ворвалась въ римскую область на Балканскомъ полуостровѣ—Мизію, т. е. нынѣшнюю Сербію, то россалане сражались «предлинными» мечами, держа ихъ въ

обѣихъ рукахъ, что̀ указываетъ на привычку осѣдлаго населенія къ пѣшему строю.

Въ числѣ сосѣдей аланъ, по верховью Днѣпра, «въ холодной странѣ», — какъ писали римляне, — обитало извѣстное въ древности подъ именемъ «невровъ», — восточно-славянское племя «дреговичей». Отъ передового сарматскаго племени придунайскихъ языговъ ихъ отдѣляла римлянами завоеванная славянская область Дакія, или древняя Гетія. Сарматы-языги были самыми страшными врагами римлянъ во время возстанія противъ нихъ во 2-мъ столѣтіи всѣхъ пограничныхъ народовъ. Они до тѣхъ поръ воевали съ императоромъ римскимъ Маркомъ-Авреліемъ, пока тотъ не предоставилъ имъ свободный проходъ черезъ устье Дуная для соединенія съ россаланами и другими сарматскими племенами.

Мы видѣли, что движеніе гунновъ съ востока на западъ произошло въ связи съ возстаніемъ россаланъ противъ заполонившаго югъ Россіи германскаго народа готовъ. Они сражались заодно съ гуннами, а когда гунны, какъ мы увидимъ ниже, преслѣдуя передъ ними бѣжавшихъ готовъ, простерли свои завоеванія еще дальше на западъ,—россалане какъ-будто заняли снова свое первенствующее положеніе между сармато-славянскими племенами, во всѣхъ областяхъ между Дунаемъ и Дономъ. Это былъ сильный народъ, отбросившій вѣтви свои отъ Днѣпра — на востокъ до Азовскаго моря и до Дуная—на западъ. Мало-помалу всѣ россаланскія племена совсѣмъ оставили кочевой образъ жизни, пріобрѣтая привычки быта осѣдлаго,—но сохранили, однако, свою предпріимчивую подвижность въ исканіи заодно съ славянами новыхъ мѣстъ и удобныхъ торговыхъ путей, въ неутомимомъ изслѣдованіи далекихъ сѣверныхъ странъ съ есте-

ственнымъ тяготѣніемъ внизъ по Днѣпру къ византійскому югу. Выше очерченная нами область древней русской страны была по самой своей природѣ, во-первыхъ, областью земледѣльческой, и все развитіе ея жизни имѣло своимъ основаніемъ хлѣбопашество. Однако, именно въ Кіевѣ, по свидѣтельству Геродота, преобладала, съ древнѣйшихъ временъ, торговля. Обыкновенно торговымъ сосредоточіемъ являются устья рѣкъ. Кіевъ же расположенъ на внутреннемъ устьѣ Днѣпра, такъ какъ на мѣстѣ, гдѣ онъ возникъ, вливаются въ Днѣпръ главные его притоки. Греки себѣ свили торговое гнѣздо въ городѣ Ольвіи—нынѣшнемъ Олешьи, между устьями рѣкъ—Днѣпра и Днѣстра. Богатства незаселенныхъ земель южной Россіи привлекли, какъ мы знаемъ, выселки ихъ вдоль по сѣверному побережью Чернаго моря, уже за 700 лѣтъ до Рождества Христова. Естественно, что промышленность грековъ отсюда распространилась внутрь страны. Они не замедлили образовать торговые узлы въ мѣстностяхъ, отвѣчающихъ по своимъ природнымъ условіямъ ихъ торговымъ цѣлямъ. Главною изъ этихъ мѣстностей былъ сначала маленькій городокъ Кіевъ. Здѣсь соприкасались двѣ разныя полосы Россіи, два міра разной жизни: къ сѣверу шелъ уже сплошной лѣсъ, къ югу же простиралось обширное поле-степь... Если мы слышимъ впервые о племени россаланъ только со времени ихъ призванія скиѳами для совмѣстной съ ними борьбы противъ Митридата Понтійскаго,—то это лишь потому, что въ древнѣйшей исторіи имя себѣ составляли народы только военнымъ походомъ. На ихъ же мирную торговлю съ Ольвіей лѣтописцы не обращали никакого вниманія. Скиѳы-кочевники должны были жить въ полномъ согласіи со своими сѣвер-

ными сосѣдями скиѳо-славянами земледѣльцами, доставлявшими необходимые имъ мѣха, хлѣбъ и медъ. По той же причинѣ не трогали они Ольвію, собирая съ нея богатую день,—платимую греками дикимъ народамъ для обезпеченія своего спокойствія. Римскій писатель Страбонъ свидѣтельствуетъ, что степные кочевники—скиѳы и сарматы вовсе не представляли изъ себя совершенно дикихъ разбойниковъ; они только жили войной, облагая данью—оружіемъ ихъ покоряемые народы и, предоставивъ обработку земли склоннымъ къ земледѣльческому труду племенамъ, довольствовались собираніемъ умѣренной дани, дававшей имъ не избытокъ жизненныхъ благъ, а лишь средства къ существованію. За неплатежъ дани они начинали войну. Если бы это было не такъ, то ни одинъ земледѣльческій или торговый народъ не могъ бы достичь благосостоянія при сосѣдствѣ разбойничьихъ ордъ кочевниковъ. Между тѣмъ на примѣрѣ греческихъ выселокъ мы можемъ видѣть, какъ процвѣтали и безпрепятственно богатѣли греческіе города Черноморскаго побережья. Страбонъ говоритъ, что россалане занимали собой весь сѣверъ Россіи, до странъ «необитаемыхъ»; что россалане кочуютъ даже въ предѣлахъ такой страны, гдѣ жизнь по причинѣ холода становится «невозможной»!

50) Картина: Портреты главнѣйшихъ римскихъ историковъ.

Современный нашествію гунновъ римскій историкъ Марцеллинъ (а ранѣе того александрійскій грекъ Птоломей) въ древнѣйшей своей географіи называетъ многія сарматскія и славянскія племена однимъ общимъ именемъ аланъ, занимавшихъ самое нутро страны вокругъ Аланскихъ горъ. Онъ называетъ ихъ аланами европейскими,—въ отличіе отъ аланъ кавказскихъ—нынѣшнихъ осетинъ. Греки называли славянъ «антами».

Римскіе историки въ своихъ записяхъ нерѣдко ставятъ рядомъ съ именемъ россаланъ имена обитавшихъ на западъ отъ нихъ славянскихъ племенъ бастарновъ и певкиновъ. Бастарны жили по верховьямъ Днѣстра и по сѣверо-восточнымъ склонамъ Карпатскихъ горъ, а певкины на островѣ Певки, въ устьѣ Дуная. Римскій историкъ Тацитъ замѣчаетъ при этомъ, что многіе вообще всѣхъ бастарновъ зовутъ певкинами. И теперь въ Прикарпатскомъ краѣ существуетъ страна, называемая Буковиною, что̀ по созвучію очень близко подходитъ къ певкинамъ. Бастарны, по описанію историковъ, отличались громаднымъ ростомъ,—страшные съ виду и особенно грозные на коняхъ. На югъ отъ нынѣшней Буковины протекаетъ рѣка Золотая Быстрица, впадающая пониже рѣки Молдавы въ Серетъ, притокъ Дуная. Она беретъ свое начало изъ-подъ горы, называемой Галацомъ, и отдѣляетъ отъ Буковины съ юга горный хребетъ Стерни-гора. Это самое мѣсто, по указанію древнихъ географовъ, было гнѣздомъ бастарновъ или галатовъ. Память о нихъ въ этихъ мѣстахъ сохранилась въ имени позднѣйшаго русскаго Галича и Галическаго княжества. Для русской исторіи еще важно то, что эти галаты-бастарны уже за 170 лѣтъ до Рождества Христова обнаруживали казацкое бытовое устройство, общее и для другихъ военныхъ дружинъ, скоплявшихся въ разное время по всѣмъ большимъ рѣкамъ Черноморскаго юга. Возстаніе противъ влыдычества римлянъ и долгая война съ ними всѣхъ сѣверныхъ народовъ, близкихъ къ границамъ уже пережившей свою славу Римской имперіи,—послужила имъ лучшей военной школой. Готы въ 215 году, придвинувшіеся въ Дакію съ береговъ Балтійскаго моря, гдѣ они жили въ сосѣд-

ствѣ съ сѣверными славянами или венедами,—по названію, данному имъ римлянами и германцами,—вовсе не первенствовали въ нижнемъ теченіи рѣки Дуная и по Днѣстру, какъ это хочетъ представить готскій историкъ Іорнандъ. Славянскіе «карпіи» или хорваты, жившіе между певкинами и бастарнами,—частью совсѣмъ независимо нападали на римскую область—Мизію (Сербію) и почитали себя еще знатнѣе готовъ.

Въ 230 году они отправили пословъ къ губернатору Мизіи, требуя себѣ дани отъ Рима наравнѣ съ готами. Соединенныя южно-славянскія племена опустошали города Римской имперіи по Дунаю и на судахъ, какъ мы уже видѣли, производили опустошительные набѣги на берега Малой Азіи. Племя вариновъ, или варановъ, отличавшееся наибольшимъ искусствомъ въ этихъ морскихъ походахъ, было захвачено за одно съ готами общимъ движеніемъ народовъ сѣвера на благодатный югъ. Кромѣ карпо-хорватовъ, бастарно-певкиновъ и прибалтійскихъ пришельцевъ вариновъ, въ этотъ воинственно-сильный союзъ южно-славянскихъ племенъ входили языги, названные «переселенцами», и особенно дикое нравами, вольное по обычаямъ своимъ, славянское племя—геруловъ. Они убивали своихъ стариковъ и вообще негодныхъ для жизни, слабыхъ людей среди себя; они же не уважали никакой власти. Впослѣдствіи они переселились съ устья Дуная на далекій сѣверъ въ Балтійско-славянскій край, давъ этимъ поводъ думать, что они возвратились туда домой, собой представляя сѣверныхъ выходцевъ одноплеменныхъ съ славянскимъ югомъ. Длинное путешествіе ихъ черезъ многія славянскія земли указываетъ на связь черноморскихъ и прибалтійскихъ народовъ одной и той же великой славянской расы.

Теперь познакомимся ближе съ гуннами. Лѣтописцы того времени разсказываютъ, что видъ у гунновъ былъ очень свирѣпый и своеобразный; шея толстая, голова огромная; лицо плоское съ маленькими глазками; спина сутуловатая. Пищу употребляли они не важную и ничѣмъ не приправленную. Для размягченія мяса клали его подъ сидѣнья на лошади, почти съ нея не слѣзая во время своихъ кочевій. Картина: Типъ гунна.

Они надъ собой не знали никакой кровли и безъ крайней нужды не входили ни въ какое жилье, если бы таковое имъ встрѣтилось по дорогѣ. Имъ казалось небезопасно и тѣсно въ четырехъ стѣнахъ. Одежду носили они изъ холста, или мѣха, и не снимали ея, пока она сама не валилась съ нихъ, обращаясь въ лохмотья. Ноги обертывали козлиными шкурами. Всѣ они были отличные наѣздники, даже совѣты между собой держали, пили и ѣли, продавали и покупали, сидя на лошадяхъ,—иногда по-женски. Во время битвы они поднимали ужасный крикъ; соединялись и разсыпались съ быстротой молніи; мѣтко стрѣляли изъ лука стрѣлами съ наконечниками изъ кости, а въ схваткѣ одинъ на одинъ сражались мечами, или въ одно мгновеніе накидывали на врага ремень, т. е. арканъ,—сразу лишая его движенья. Жёны гунновъ съ дѣтьми жили въ повозкахъ, не зная дома и родины. Когда страшныя, необозримыя полчища дикихъ, жестокихъ пришельцевъ показались вдали со всѣмъ своимъ имуществомъ, семьями и стадами,—они навели на всѣ осѣдлыя племена въ Европѣ неописуемый ужасъ. До разоренія ими Готскаго королевства, грозная молва о нихъ имъ предшествовала за много лѣтъ. Въ поискахъ привольныхъ пастбищъ для своего скота, они себѣ нашли мѣсто по

душѣ въ степяхъ между Днѣпромъ и Дономъ, гдѣ сдѣлали стоянку на сотню лѣтъ.

Откуда пришли гунны въ древнюю Сарматію, заполненную въ III вѣкѣ по Рождествѣ Христовомъ германскимъ племенемъ готовъ, въ точности неизвѣстно... Какъ мы уже видѣли, по представленію древнихъ, Ледовитый океанъ, начинавшійся гдѣ-то вблизи верховьевъ Днѣпра и прибережья Азовскаго моря, считается у нихъ, смотрѣвшихъ съ юга на Черноморскій берегъ Россіи—сѣверомъ. Лѣтописецъ греческій, современный готскому историку Іорнанду, предполагаетъ, что гунны—это остатокъ племени первыхъ засельниковъ южной Россіи,—уже упомянутыхъ нами, прогнанныхъ скиѳами въ Азію киммерійцевъ, отъ нихъ спасавшихся и ушедшихъ на югъ безслѣдно, вдоль по восточному побережью Чернаго моря,—тогда какъ мы знаемъ скиѳы гнались за ними, совсѣмъ напрасно, каспійскими степями. Предки гунновъ остались жить за преградою Меотійскихъ, т. е. приазовскихъ болотъ, между устьями рѣкъ: Кубани и Дона, до сѣверо-западнаго угла Каспійскаго моря. Преданіе повѣствуетъ, что они жили сначала подъ властью единаго государя,—но у этого государя было два сына: одинъ Утургуръ, а другой Кутургуръ. По ихъ именамъ гуннскій народъ раздѣлился впослѣдствіи на два царства: Утургуровъ и Кутургуровъ.

52) Картина: Погоня за ланью.

Послѣ случайнаго сообщенія гуннскихъ охотниковъ въ ихъ погоню за ланью съ противоположною стороной Меотійскихъ болотъ, т. е. съ сѣверо-западнымъ краемъ Азовскаго моря, бывшіе киммеріанцы—(когда то, должно быть, спустившіеся съ Карпатскихъ горъ, т. е. славяне)—гунны повели тотчасъ же свои войска для завоеванія вновь открытыхъ земель, причемъ утургуры перешли черезъ Арбат-

скую стрѣлку и Перекопскій проливъ, соединяющій съ моремъ затонъ болотистаго устья Дона. Тамъ столкнулись они съ владѣвшими греческимъ Босфорскимъ царствомъ—готами; но, не вступая въ битву, мирно между собой подѣлили мѣста своего обитанія. Грекъ Прокопій въ своей исторіи не разъ утверждаетъ, что гунны жили между Азовскимъ и Каспійскимъ морями до горъ Кавказа, и что обильно орошаемыя водою, гладкія, ровныя степи сѣвернѣе Каспійскаго моря были очень удобны для ихъ коней. Они здѣсь и жили до Меотійскаго озера при устьѣ Дона. Послѣ же перехода черезъ Азовское море утургуровъ и кутургуровъ, тотъ же Прокопій указываетъ мѣсто ихъ поселенія между устьями рѣкъ Днѣпра и Дона, причемъ утургуры господствуютъ въ древнемъ, имъ вѣроятно уступленномъ готами—Босфорскомъ царствѣ среди приморскихъ греческихъ городовъ: Босфора (нынѣшней Керчи) и Херсонеса. Достойно вниманія указаніе готскаго историка Іорнанда, что гунны распространились какъ густая трава надъ Чернымъ моремъ и что дѣлились они на двѣ вѣтви: Днѣпровскую—западную: кутургуровъ, перешедшихъ рѣку Донъ, выше устья его, и восточную—Донскую: утургуровъ, поселившихся на мѣстѣ древнихъ греческихъ выселковъ при Босфорѣ Киммерійскомъ. Отбросивъ сказку о переходѣ киммерьянъ-гунновъ черезъ болота Азовскаго моря, можно изъ древнихъ записей заключить, что они, гунны, были всегдашними и древнѣйшими, какъ киммерійцы, засельниками черноморскаго юга Россіи, но получили мѣсто въ исторіи подъ названіемъ гунновъ,—только когда окрѣпли, одолѣли сосѣднія аланскія племена и ихъ включили какъ бы въ свою,—могучей, неодолимой волной разлившуюся по всему югу Россіи,—воинственную

народность. Очевидно, что гунны покорили, во-первыхъ, ослабѣвшія туземныя племена, платившія готамъ дань. Имя россаланъ вдругъ послѣ нашествія гунновъ совсѣмъ исчезаетъ. По словамъ римскихъ историковъ, также Іорнанда, гунны, перейдя черезъ Перекопскій проливъ Азовскаго моря, прежде всего напали на придонскихъ аланъ, т. е. россаланъ, и, побѣдивъ ихъ, вступили съ ними въ союзъ,—послѣ чего, упомянутый выше вождь россаланъ ихъ побудилъ къ войнѣ съ королемъ ему ненавистныхъ германскихъ готовъ: Германрикомъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Къ стр. 69. Въ томъ, что касается мѣстности обитанія Геродотовыхъ Невровъ и Андрофаговъ,—безошибочно точное ея указаніе болѣе чѣмъ затруднительно по баснословнымъ въ большой мѣрѣ, даннымъ Геродота представленія о древней картѣ, намъ современной Россіи и съ ней сопредѣльныхъ странъ. Такъ, напримѣръ, родина Невровъ указывается до войны со скиѳами Персидскаго царя Дарія, въ сѣверной части Галиціи, въ Южной Польшѣ и въ Волынской губ. Но позже ихъ: столь же мирно трудящихся земледѣльцевъ, какъ скиѳы оратаи и алазоны,—(хотя рядомъ съ этимъ будто бы оборотней) вытѣснили на востокъ въ земли будиновъ, какія то, къ нимъ наползшіи съ сѣверныхъ равнинъ, змѣи?! Тогда Невры ушли къ будинамъ и смѣшались съ ними. Это произошло будто бы за одно поколѣніе до похода въ Скиѳію Дарія. Но такъ какъ во время войны скиѳовъ съ персами, о Неврахъ еще упоминается (стр. 90) какъ объ особомъ племени, — то нужно допустить, что переселеніе ихъ къ будинамъ совершилось не сразу. Позже мы ясно увидимъ вышеуказанныя земли Невровъ занятыми, дѣйствительно, мирными земледѣльцами: Карпатскими славянами восточныхъ склоновъ Карпатъ; — но въ I-мъ Выпускѣ этой книги приходится помириться съ не разсѣянной еще тьмой глубокой древности.

Къ стр. 87. Геродотъ, очевидно, еще очень мало зналъ за 450 лѣтъ до Рождества Христова объ, населенныхъ дикими финско-тюркскими племенами, обширныхъ пространствахъ Біарміи и Югры, нами на картѣ нашей очерченныхъ рядомъ съ его Ѳиссагетами, Исседонами и Аримаспу, по другую сторону Уральскихъ горъ, — хотя, однако, онъ говоритъ, что дорогіе мѣха и золото, яко бы оберегаемое грифонами, вывозится именно изъ этихъ странъ крайняго сѣвера, куда направлялся греческій торговый путь. Но все-таки мы имѣемъ о древней жизни этой далекой русской окрайны одни лишь смутныя, отрывочныя, извѣстія. Представленіе Геродота приближало къ его баснословнымъ народностямъ крайняго, по его мнѣнію, сѣвера береговую полосу Ледовитаго океана, населенную гипербореями, спавшими половину года.

Къ стр. 88. Мидіей называлась собственно сѣверо-западная часть Иранскаго плоскогорія,—такъ какъ сѣверную его полосу, по южному берегу Каспійскаго моря, занимали кочующіе Парѳяне, или гирканы. Мидійскіе кони, благодаря тучнымъ пастбищамъ этой страны, славились по всей Азіи. Мидійское государство достигло высшей степени процвѣтанія и могущества при своихъ царяхъ: Фраортѣ и Кіаксарѣ; но во время царствованія послѣдняго государя,—на Мидію обрушились, безуспѣшно преслѣдовавшіе Киммеріянъ, Скиѳы и 288 лѣтъ владычествовали въ странѣ, — пока Кіаксаръ на пиру вѣроломно не перебилъ всѣхъ скиѳскихъ вождей. При преемникѣ Кіаксара Астіагѣ, Мидію покорилъ, такъ же какъ всѣ въ нее вошедшія царства,—основатель Персидской Монархіи Киръ. Это было приблизительно за 560 лѣтъ до Рождества Христова.

Къ стр. 90. Мирные агаѳирсы (опечатокъ въ текстѣ: агасѳиры), жившіе во времена похода на Скиѳію персидскаго царя Дарія Гистаспа по верховьямъ Днѣстра, — (откуда, согласно преданію Геродота, должны были отчасти, уже уйти на востокъ въ землю будиновъ, невры), — мирной жизнью своей, опять напоминаютъ намъ древне-славянскія племена восточныхъ склоновъ Карпатъ. Преданіе говоритъ, будто они, очень любя наряжаться, окрашивали себѣ волосы въ голубой цвѣтъ.

Къ стр. 94. Понтійское царство образовалось въ сѣверной части Малоазіатскихъ земель древней Персіи, временъ войны персидскаго царя Дарія Гистаспа со скиѳами. Въ 334 году до Рождества Христова знаменитый завое-

ватель Греціи Александръ Македонскій овладѣлъ всею Персидской Монархіей и покорилъ ея области въ Малой Азіи. Послѣ же смерти его, Македонская монархія вся распалась, и въ Малой Азіи тогда сложились новыя царства изъ областей подѣленныхъ между собою полководцами Александра. Среди этихъ царствъ мы говоримъ только о царствѣ Понтійскомъ, какъ тѣсно соприкоснувшимся съ югомъ Россіи.

Въ 146 году Римъ окончательно покорилъ своему владычеству всю древнюю Грецію, впослѣдствіи собою образовавшую Византійскую Имперію. Въ 133 году царь Пергамскаго Царства западной части Малоазіатскаго полуострова Атталъ,—умирая, завѣщалъ всѣ свои владѣнія Риму, и онъ, такимъ образомъ, сталъ грознымъ сосѣдомъ царей Понтійскихъ. Кромѣ того царь могучаго Сирійскаго царства Антіохъ III — при своей попыткѣ вступить въ союзъ съ греками противъ римлянъ, потерпѣлъ отъ нихъ въ Греціи сильное пораженіе въ 190 году и купилъ миръ цѣною уступки многихъ земель своихъ въ Малой Азіи. Уже въ то время Римъ, освободившій грековъ отъ Македонской зависимости, собственно уже подчинилъ Грецію своему вліянію, еще не вмѣшиваясь однако въ ея внутреннія дѣла. А въ 146 г. раздоры греческихъ городовъ между собою вызвали разореніе Коринѳа римскимъ военноначальникомъ Муміемъ, причемъ вся Греція: сѣверная, средняя и южная, была открыто объявлена римской провинціей.

Къ стр. 102. Когда профессоръ Хойновскій на страницѣ 32 своихъ «Краткихъ свѣдѣній о предкахъ славянъ», говоритъ о первоначальномъ движеніи роксаланъ съ устьевъ Волги на сѣверо-западъ Россіи, гдѣ они въ верховьяхъ Донца и Дона отодвинули скиѳскія племена дальше къ Днѣпру и Нѣману,—то нельзя понимать иначе встрѣчу ихъ тамъ съ Геродотовыми Меланхленами, Андрофагами, Неврами и еще скиѳскимъ племенемъ Массагетовъ, (столкнувшихся впослѣдствіи съ царемъ Персіи—Киромъ, за Кавказской рѣкой Араксомъ),—какъ событіе происшедшее должно быть когда-то очень давно, до рожденія Геродота и имъ упоминаемое уже заднимъ числомъ, какъ прошлое ему современныхъ скиѳовъ:—когда Алано-Сарматскія племена, покинувъ впервые Иранъ и Кавказскія горы, начали разселяться преимущественно на сѣверозападъ, мощной волною къ Дону и по его верховьямъ,—кромѣ Языговъ, ушедшихъ на юго-западъ, къ Дунаю. Геродотъ же по даннымъ другихъ сочиненій, какъ напр.: Рубакина, Кондакова, съ графомъ Толстымъ и Забѣлина въ своемъ описаніи восточной части Европы, застаетъ скиѳскія племена разселенными, за исключеніемъ Меланхленовъ, уже гораздо дальше къ западу (См. карту I-го выпуска)—тогда какъ Сарматы еще имѣли своей пограничной чертою Донъ. Весьма возможно, что Невры впослѣдствіи, тѣснимые легендарными змѣями, возвратились въ уже знакомыя имъ за столѣтіе раньше, мѣста Будинской земли.

Но такъ какъ, вообще, вышеназванныя народности болѣе или менѣе баснословны; а имена ихъ собой покрываютъ одинаково мало извѣстныхъ грекамъ славянъ, финновъ и передовыя вѣтви Сарматовъ-аланъ, то здѣсь важно себѣ уяснить только то, что подъ напоромъ воинственныхъ роксаланъ, шедшихъ отъ Волги къ сѣверо-западу, вслѣдъ за своими предшественниками и сородичами,—ранѣе ихъ осѣвшія на томъ же пути скиѳо-сарматскія племена, двигались дальше къ верховьямъ Днѣпра и Нѣмана, къ Алаунской возвышенности. Вполнѣ же точно установить мѣстопребываніе всѣхъ полу-сказочныхъ народностей Геродота по разнорѣчивымъ свѣдѣніямъ и толкованьямъ различныхъ, намъ современныхъ историковъ, какъ я говорила уже, чрезвычайно трудно, а помимо того представляетъ мало значенія для незыблемой исторической почвы.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Вступленіе и предварительный историческій очеркъ . . V—XXIV

Картины: 1) Грифонъ. 2) Изгнаніе первыхъ людей изъ рая. 3) Грѣхопаденіе Адама и Евы подъ злымъ вліяніемъ дьявола въ образѣ змія.

ЧТЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Древнѣйшіе люди и племена въ нашей родной странѣ. Складъ ихъ первоначальной жизни и постепенное умственное развитіе.

Глава I.

Каменный вѣкъ въ Россіи 1

Картины: 4) Страшная встрѣча. 5) Нападеніе нѣсколькихъ пещерныхъ медвѣдей на становище древнихъ людей. 6) Первобытный человѣкъ. 7) Мамонтъ. 8) Древнія орудія, найденныя во Владимірской губ. и другихъ мѣстностяхъ Россіи. 9) Нападеніе пещернаго медвѣдя на жилище древнихъ людей. (Вдали мамонтъ). 10) Пещерный медвѣдь у себя въ берлогѣ. 11) Кулачные топоры. 12) Шлифованіе и сверленіе первобытными людьми камня. 13) Кремневое копье и кинжалъ. Скребки. 14) Приготовленіе первой деревянной посуды посредствомъ выжиганія. 15) Первый станокъ для сверленія камня. 16) Топоры различнаго времени. Наконечники копій и стрѣлъ. 17) Древній человѣкъ въ первобытномъ лѣсу. 18) Охота древнихъ людей на оленя. 19) Первыя долота. 20) Коломецкія находки: топорища изъ оленьяго рога; рыболовные крючки; пилки и т. п. 21) Выдѣлка предметовъ изъ кости. 22) Звѣрская варка мяса. 23) Ѣда первобытныхъ людей. 24) Первые глиняные горшки. 25) Приготовленіе глиняной посуды древнимъ человѣкомъ. 26) Варка пищи въ горшкахъ. 27) Сдираніе шкуры съ убитаго оленя. 28) Изображеніе пряслицъ. 29) Ткацкій станокъ и ткущій человѣкъ. 30) Поселеніе осѣдлаго древняго человѣка. 31) Начало осѣдлой жизни, скотоводства и земледѣлія. 32) Первобытное жилище осѣдлаго древняго человѣка на берегу, съ причаленнымъ плотомъ—первымъ судномъ. 33) Выдалбливаніе челнока при помощи выжиганія. 34) Рыбная ловля въ глубокой древности. 35) Свайныя постройки.

Глава II.

Вѣкъ мѣдно-бронзовый и желѣзный. Начало письменности. 23

Картины: 36) Мѣдные топоры—цельты. 37) Ковка древними людьми мѣдныхъ издѣлій. 38) Изображеніе бронзовыхъ издѣлій. 39) Отливка бронзовыхъ издѣлій. 40) Предметы Ананьинскаго могильника. 41) Изображеніе надгробнаго камня. 42) Образный рисунокъ на скалѣ лѣваго берега Енисея и «писанецъ» на берегу рѣки Маны. 43) Изображеніе образнаго письма дикарей. 44) Изображеніе образнаго письма русскаго крестьянина. 45) Три изображенья образнаго письма якутъ.

II

Глава III.

Стран.

Памятники Скиѳо-сарматской народности на югѣ Россіи. 40

Картины: 46) Курганы южно-русскихъ степей. 47) Днѣпровскіе пороги. 48) Обрядъ погребенія скиѳскаго царя. 49) Изображеніе двухъ конныхъ скиѳовъ на концахъ шейнаго царскаго обруча или гривны. 50) Женскій золотой браслетъ и повязка съ царскаго башлыка. 51) Золотая пластина съ ноженъ царскаго меча. 52) Изображенія вещей изъ Куль-Оба: золотыя ушныя подвѣски. 53) Бронзовое зеркало. 54) Александропольскій или луговой курганъ. 55) Каменная гробница. 56) Изображеніе вещей Александропольскаго кургана: Кабанъ и подковка съ двумя лошадиными головами изъ листового золота. Бронзовый троезубецъ на втулкѣ съ тремя птицами, въ клювѣ держащими колокольца. Прорѣзныя бляхи съ разными изображеніями—между прочимъ: грифона. Дутая конская головка съ отверстіемъ для продѣванія ремня. 57) Бляшка изъ листового золота въ видѣ оленьей головы, съ кружкомъ, подвѣшаннымъ у нея во рту; и птица. 58) Золотая бляха, украшавшая конскую узду. 59) Изображеніе Большой золотой пластины Гермесовскаго кургана, гдѣ выбита стычка коннаго скиѳа съ пѣшимъ. 60) Изображеніе серебрянаго конскаго нащечника Краснокутскаго кургана. 61), 62) и 63) Три картины—скиѳовъ, ухаживающихъ за конями съ драгоцѣнной Чертымлецкой вазы. 64) Самъ знаменитый серебряный сосудъ Чертымлецкаго кургана съ двухъ сторонъ. 65) Царское налучье греческой работы съ Чертымлецкаго кургана. 66) Изображеніе рукояти царскаго меча. 67) Золотая пластина ноженъ царскаго меча, съ битвой, на ней представленной. 68) Изображеніе жаровни, найденной въ Чертымлецкомъ курганѣ. 69) Пьющій скиѳъ. 70) Изображеніе котла для варки пищи. 71) Прорѣзныя бляхи съ грифономъ. 72) Изображеніе электроваго сосуда. 73) Совѣщаніе двухъ скиѳскихъ воиновъ. 74) Скиѳъ, натягивающій лукъ (На самомъ изображеніи сосуда.) 75) Скиѳъ щупаетъ во рту другого больной зубъ. 76) Скиѳъ перевязываетъ другому больную ногу. 77) Золотое налучье изъ Куль-Оба, изображающее очертаніемъ своимъ раненаго оленя. 78) Изображеніе другого—серебрянаго сосуда изъ Куль-Оба. 79) Изображеніе ритоновъ съ собачьей, бычачьей и козлиной головами. 80) Каменныя бабы. 81) Баба Чертымлецкаго кургана. 82) Странствующій гусляръ на могильномъ курганѣ.

ЧТЕНІЕ ВТОРОЕ.

Глава I.

Скиѳы 65

Картины: 1) Пророкъ Іеремія предсказываетъ народу нашествіе скиѳовъ. 2) Изображеніе скиѳа, изливающаго кровь на мечъ. 3) Скиѳское побратимство. 4) Танецъ скиѳскихъ стрѣлковъ. 5) Изображеніе меча скиѳовъ. 6) Изображеніе скиѳскихъ всадниковъ, сидящихъ на конѣ бокомъ. 7) Изображеніе скиѳа въ башлыкѣ и бронѣ. 8) Изображеніе скиѳа, пускающаго на скаку стрѣлу. 9) Преданье о первомъ скиѳскомъ царѣ. 10) Изображеніе царскаго скиѳа. 11) Дикая орда. 12) Дандамидъ и Амизокъ. 13) Скиѳскій гадатель на ивовыхъ прутьяхъ. 14) Казнь скиѳскихъ гадателей. 15) Скиѳъ, гонящійся за зайцемъ. 16) Скиѳы-братаны въ борьбѣ со львомъ. 17) Дикіе нравы тавровъ. 18) Карта Древней Россіи. 19) Персидскій царь Дарій (512 л. до Рождества Христова). Снимокъ съ выпуклаго изображенія на одномъ древнемъ персидскомъ зданіи. 20) Бой скиѳскихъ воиновъ между собою. 21) Хитрости персовъ.

Стран.

22) Греческій воинъ. 23) Попытка скиѳовъ соблазнить грековъ измѣнить персамъ, разрушивъ мостъ. 24) Греческіе послы молятъ помощи Діофанта. 25) Портретъ Тацита. 26) Россоланинъ. 27) Древній сарматскій шлемъ. 28) Смерть Митридата. 29) Митридатовъ холмъ въ двухъ видахъ. 30) Скилуръ и его сыновья.

Глава II.

Сарматы 100

Картины: 31) Амазонки-жрицы при храмѣ бога войны. 32) Амазонки поятъ коней. 33) Языги. 34) Изображеніе сарматскихъ всадниковъ и пѣшихъ воиновъ въ панцыряхъ. 35) Защита и осада древнѣйшихъ укрѣпленій. 36) Картина стычки между греками и сарматами (съ фрески). 37) Нападеніе сарматской царицы Амаги на скиѳскаго царя. 38) Андрей Первозванный проповѣдуетъ ученіе Христа въ Сарматіи. 39) Онъ водружаетъ крестъ на горахъ Кіевскихъ. 40) Распятіе Апостола Андрея. 41) Мученики: Тарахъ, Провъ и Андроникъ въ циркѣ предаются на растерзаніе звѣрямъ за имя Христа. 42) Потопленіе въ Черномъ морѣ св. мученика Климента.

Глава III.

Владычество готовъ въ южно-русскихъ степяхъ. Распространеніе среди нихъ христіанства. Знаменитый ихъ король Германрикъ. Воинственныя славянскія племена южныхъ склоновъ Карпатъ. Нашествіе гунновъ—далекихъ предковъ славяно-болгаръ 111

Картины: 43) Столпотвореніе Вавилонское. 44) Движеніе готовъ по южно-русскимъ степямъ. 45) Неудачный походъ славянскихъ судовъ къ греческимъ берегамъ. 46) Епископъ Іерусалимскій Макарій съ возвышеннаго мѣста показываетъ народу животворящій крестъ, обрѣтенный Царицей Еленой. 47) Изображеніе Императора Константина. 48) Проповѣдь Ульфилы среди готовъ. 49) Казнь Сенельги. 50) Портреты главнѣйшихъ римскихъ историковъ. 51) Типъ гунна. 52) Погоня за ланью.

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
XIII	19 сверху	мыслей	мыслью
XVII	5 снизу	вѣрнѣй	вѣрнѣй,
XVIII	7 —	когда-то,	когда-то
XXI	1 сверху	страданіе,	страданіе
XXIII	13 снизу	сестры	сестры,
5	8 сверху	обожженны	обожжены
6	18 —	томъ	томъ,
15	3 снизу	лыкомъ	лыкомъ,
23	5 сверху	лучшаго	,лучшаго,
27	7 снизу	иногда	иногда,
—	—	попало	попало,
28	18 —	глины	глины,
35	2 сверху	жизни,	жизни
36	12 —	служитъ,	служитъ
39	4 —	Мысли	Мысли,
41	15 —	аршинъ	аршина
50	11 снизу	перержавившихъ	перержавѣвшихъ
54	7 сверху	ноженъ,	ноженъ
55	3 —	ней	ней,
58	1 —	Чертымлецкой,	Чертымлецкой
—	6 —	работу	работу,
—	7 —	скиѳскія,	скиѳскія
59	7 снизу	ножны,	ножны
62	13 сверху	Не	На
69	1 —	области	области,
—	13 —	уже	уже,
—	10 снизу	скиѳовъ,	скиѳовъ
71	4 сверху	костей	костей,
75	11 —	грековъ	грековъ,
77	11 снизу	скиѳъ	Скиѳъ
83	7 —	сдѣлали	сдѣлали,
85	3—4 сверху	нынѣшней Херсони	нынѣшняго Херсона
88	3 —	мостъ,	мостъ
—	6 —	Артабонъ	Артабанъ
90	7 —	агасфиры	агаѳирсы
—	14—15 снизу	помѣриться	помѣряться
92	18 —	тѣ	тѣ,
94	17 сверху	непримиримаго врага	непримиримаго его врага
105	13 —	бронзы	бронзы,
107	15 снизу	больше	больше,
109	8 —	Деоклитіанъ	Діоклетіанъ
116	7 сверху	Карпатъ,	Карпатъ
125	2 снизу	Готы	Готы,
128	1 —	Арбатскую	Арабатскую
Прим. къ 69	3 сверху	Геродота представленія	Геродотова представленія

Просвѣтительныя чтенія по исторіи Русской страны, примѣненныя къ широкой возможности пояснять ихъ картинами для волшебнаго фонаря, соотвѣтственно съ наиболѣе яркими мѣстами чтеній, но составляющія и помимо такого рода картинъ общедоступную книгу обо всемъ прошломъ нашего дорогого отечества.

Часть I.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ САМОБЫТНОЙ РУССКОЙ НАРОДНОСТИ

и

РОССІЯ ВЪ СТАРОДАВНІЯ ВРЕМЕНА

ДО ОБРАЗОВАНІЯ РУССКАГО ГОСУДАРСТВА.

Выпускъ II.

Составлено Т. П. Мятлевой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Сунодальная Типографія.
1911.

Feci, quod potui; faciant meliora potentes!

(Сдѣлалъ, что могъ; пусть, кто можетъ, дѣлаетъ лучше!)

Трудъ этотъ посвящается авторомъ

Его Императорскому Высочеству

Наслѣднику Цесаревичу

и

Великому Князю

Алексѣю Николаевичу.

ЧТЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Глава I.

Великое переселеніе разныхъ народовъ черезъ южно-русскія степи. Побѣда гунновъ надъ готами. Бѣгство западныхъ готовъ въ Римское государство. Готскій король Аларихъ. Атила. Словяне.

Германрикъ *) былъ крайне встревоженъ вѣстью о приближеніи гунновъ и объ измѣнѣ ему роксаланъ. Изнуренный раною, нанесенной ему изъ мести братьями жестоко имъ казненной жены того приближеннаго къ готскому двору роксаланина, что̀ ушелъ къ гуннамъ,—онъ не могъ устоять противъ полчищъ гуннскаго короля Валомира и, видя себя въ довершеніе своего несчастія еще покинутымъ всею западной половиной готской народности, бѣжавшей къ Днѣстру и Пруту отъ приближенія грозныхъ гунновъ,—скоро умеръ съ горя; по нѣкоторымъ же извѣстіямъ, онъ самъ лишилъ себя жизни.

1) Картина: Лагерь готовъ.

Византіецъ Прокопій, говоря о кочевникахъ гуннахъ, что они жили по-скотски и были безобразны лицомъ,—повторяетъ общее о кочевыхъ племенахъ

*) Источники: Забѣлинъ: «Исторія Русской жизни». Рубакинъ: «Откуда пошла Русская земля».

представленіе осѣдлыхъ, умственно развитыхъ народовъ древняго міра, повидимому не имѣя опредѣленныхъ понятій о жизни и личности самихъ гунновъ.

Римскій историкъ Марцеллинъ, не разъ уже́ упомянутый нами, разсказываетъ, что преемникъ Германрика, король Ватимиръ, воевалъ долго съ аланами, очевидно подразумѣвая подъ ними самыхъ тѣсныхъ союзниковъ гунновъ, должно быть, имъ какъ-нибудь родственныхъ по смѣшенію крови или по происхожденію. Готъ Іорнандъ въ своемъ стремленіи поддержать падающую славу своихъ соплеменниковъ говоритъ, что храбрый восточно-готскій король Ванитаръ сохранилъ свою власть даже и въ подчиненіи гуннамъ, что онъ воевалъ счастливо съ антами т. е. со словянами,—и антскаго князя Богша, съ его сыновьями и 70-ью старшинами, велѣлъ распять на крестахъ. Тогда гуннскій вождь Валомиръ собралъ вокругъ себя готовъ, вѣрныхъ съ нимъ заключенному мирному договору, и послѣ упорной битвы при рѣкѣ Прутѣ нанесъ Ванитару полное пораженіе, причемъ самъ Ванитаръ погибъ отъ стрѣлы, въ него пущенной Валомиромъ. Валомиръ женился на племянницѣ Ванитара, и послѣ того готскій народъ на востокѣ окончательно покорился гуннамъ. Восточные готы ходили въ гуннскихъ полкахъ даже противъ братьевъ своихъ—западныхъ готовъ, которые оказались не въ силахъ себя оградить на Днѣстрѣ и Прутѣ отъ наступающаго врага ни рвами, ни укрѣпленіями. Предводитель ихъ—Атанарикъ расположилъ свои войска вдоль береговъ Днѣстра, и когда гунны его обошли и погнали къ Карпатскимъ горамъ, то онъ, пытаясь все-таки удержать ихъ напоръ, насыпалъ высокій земляной валъ между Днѣстромъ и Прутомъ, къ Дунаю. Но онъ не успѣлъ окончить

2) Картина: Становище гунновъ.

3) Картина: Ванитаръ распинаетъ на крестахъ антскаго князя Богша съ его сыновьями и народными старшинами.

4) Картина: Враждебная встрѣча древнихъ народовъ въ южно-русскихъ степяхъ.

этой работы, какъ гунны погнали его дальше на западъ. Безпощадно истребляемые врагами, готы толпою до 200 тысячъ человѣкъ самыхъ способныхъ къ войнѣ рѣшили перейти за Дунай во Ѳракію и, ставъ у римской границы на берегу Дуная, съ рыданіемъ простирали къ римлянамъ руки, умоляя ихъ о позволеніи переправиться черезъ рѣку, за что имъ обѣщали свой вѣрный союзъ. Римскій императоръ Ѳеодосій I Великій волей-неволей ихъ пропустилъ въ свои владѣнія, гдѣ и отвелъ имъ земли для поселенія. Но когда по смерти его и воцареніи въ Византіи 18-лѣтняго ничтожнаго императора Аркадія, — его старшаго сына,—развращенные придворные и чиновники римскіе, льстясь на богатства, съ собой привезенныя готами, стали ихъ отбирать у нихъ правдами и неправдами, среди готовъ раздался боевой кличъ: «въ Италію!» И они, подъ предводительствомъ славнаго своего короля—Алариха, пошли на Римъ, гдѣ западной частью Римской имперіи управлялъ, подъ руководствомъ благороднаго полководца римскаго Стиликона, малолѣтній братъ Аркадія — Гонорій. Это было въ 398 году. Малодушный Гонорій бѣжалъ во Францію,—тогдашнюю римскую провинцію: Галлію,—и заперся въ городѣ Астѣ. Стиликону удалось отбить готскаго короля отъ его стѣнъ и затѣмъ нанести ему нѣсколько пораженій. Однако, побѣды стоили ему дорого, и кромѣ того ему приходилось бороться съ толпами сѣверныхъ германскихъ племенъ, потѣсненныхъ на югъ и на западъ съ востока гуннами. Обезсиленный Римъ лишился тогда своихъ обширныхъ провинцій на западѣ. Угрожаемый Аларихомъ, Стиликонъ не могъ помѣшать этому отпаденію. Скоро онъ былъ убитъ своими врагами, согласно смертному приговору, ему подписанному, по

5) Картина: Жилище древнихъ германцевъ.

6) Картина: Смерть Стиликона.

наущенію ихъ, слабовольнымъ Гоноріемъ. Тогда Аларихъ перешелъ Апеннины и осадилъ трепещущій въ страхѣ Римъ своими полками въ 408 году. Онъ ворвался въ столицу нѣкогда славной Римской имперіи и раззорилъ ее среди страшнаго кровопролитія.

7) Картины разоренія Рима Аларихомъ.

Затѣмъ онъ побѣдоносно прошелъ по всей Италіи и снарядилъ походъ на островъ Сицилію; но потерпѣлъ на этотъ разъ неудачу, и буря разметала его корабли. Послѣ этого вскорѣ Аларихъ умеръ. Готы запрудили временно русло ближайшей рѣки—Бузенто и, похоронивъ на днѣ ея короля, убили рабовъ, работавшихъ надъ плотиной, чтобы никто не зналъ, гдѣ почиваютъ кости ихъ великаго короля. Алариху наслѣдовалъ его родственникъ — молодой прекрасный Атоульфъ—въ 412 году.

8) Картина: Похороны Алариха.

Но возвратимся къ восточнымъ готамъ. Оставшись покорно подъ властью гунновъ, они сильно отъ нихъ страдали. Гунны дошли до Дуная и укрѣпились въ Панноніи—нынѣшней Венгріи, нападая отсюда на римлянъ, причемъ не щадили ни женъ, ни дѣтей, ни стариковъ; жгли и грабили города; раззоряли села. Не будучи въ силахъ отбить ихъ набѣги, римляне принуждены были платить гуннамъ дань. Особенно большой дани и полной покорности отъ нихъ потребовалъ дѣятельный, умный, суровый и жестокій предводитель гунновъ—Атила. Завоеванія его соединили подъ властью гунновъ не только южную, но и всю сѣверную часть нашей обширной Россіи, не говоря о Закарпатскихъ германскихъ странахъ. Войско его состояло изъ всѣхъ имъ покоренныхъ племенъ, и въ немъ насчитывалось до 700 тысячъ человѣкъ. Гунны не знали предѣловъ для своихъ грозныхъ походовъ. Но всего больше кровопролитія и небывалыхъ ужасовъ повлекла за собой разгорѣвшаяся въ 450 году

война гунновъ съ римлянами изъ-за того, что одинъ христіанскій епископъ, польстясь на сокровища, скрытыя рядомъ съ трупами въ гуннскихъ могилахъ, оскорбилъ эти святыни ихъ, пытаясь вскрыть ихъ. А затѣмъ римляне не захотѣли исполнить требованіе Атилы выдать этого епископа имъ для наказанія. Никогда еще, кажется, не совершалось столько жестокихъ насилій и не лилось такъ много человѣческой крови. Римляне не смогли остановить натискъ гунновъ. Огромныя полчища ихъ, въ себѣ включавшія также и южныя, словяно-сарматскія племена, врывались въ цвѣтущіе римскіе города, огнемъ и мечомъ разрушая ихъ, принося повсюду съ собою смерть и опустошеніе. Атила самъ велъ свои войска. Попробовавшій вступить въ битву съ нимъ императоръ римскій потерпѣлъ полное пораженіе. Атила опустошилъ окрестности Византіи и стеръ съ лица земли 70 городовъ вокругъ нея. Императоръ Ѳеодосій II, укрывшійся за стѣнами своей столицы, поспѣшилъ послать къ гуннамъ пословъ съ подарками. Атила за его безпощадное истребленіе всего попадавшагося ему на пути во время этой войны, ознаменованной безчеловѣчной рѣзней и пожарами, получилъ прозвище «Бича Божія». Императоръ Ѳеодосій II былъ вынужденъ молить пощады. Онъ уступилъ побѣдителямъ большое пространство плодородныхъ земель и обязался уплачивать имъ, кромѣ единовременной суммы въ 6 тысячъ фунтовъ золота для покрытія всѣхъ издержекъ войны, по 2 тысячи фунтовъ золота въ годъ.

9) Картина: Послѣдній натискъ.

Сила гунновъ въ Россіи развилась далеко не сразу, а возрастала мало-по-малу. Послѣ гуннскаго вождя Валомира, побѣдившаго окончательно восточныхъ готовъ, до появленія Атилы проходитъ лѣтъ 80, и три царя смѣнились за это время. Они то помо-

гали своей поддержкой римлянамъ противъ Алариха, то нападали сами на римскія области въ Византіи. Въ 421 году послѣдній изъ даровитыхъ, доблестныхъ полководцевъ римскихъ, Аэцій,—самъ сынъ не то сармата, не то даже гунна, родившійся на Дунаѣ,—призвалъ 6000 гунновъ на помощь западно-римскому императору Іоанну. Онъ вообще такъ дружитъ съ гуннами, что убѣгаетъ въ 430 г. подъ защиту царя ихъ—Рога, заставившаго восточныхъ римлянъ платить ему ежегодную дань въ 350 фунт. золота. Позже, начальствуя римскимъ войскомъ, Аэцій при немъ содержитъ всегда полки изъ гунновъ, съ помощью ихъ поражая враждебныхъ Риму дикихъ германцевъ и франковъ. Если бы не Аэцій со своей тѣсной, чуть ли не родственной близостью къ гуннамъ,—то, можетъ быть, никогда Атила не наводнилъ бы Европы своею воинственной ордой. Аэцій же опирался во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ на эту дикую силу, и самъ привлекалъ участіе гунновъ въ европейскія смуты. Онъ руководилъ ихъ движеніемъ въ Западную Европу и косвенно самъ побудилъ ихъ разгромить на западѣ Римское государство. Такія двѣ могучія личности, какими въ одно время были распоряжавшіеся судьбами Европы—Атила и Аэцій, исходя въ своемъ образѣ дѣйствій изъ совершенно разныхъ началъ европейской тогдашней жизни: придворно-государственной второй Римской имперіи и грубо-военной, дикой еще Европы,—должны были неизбѣжно между собою столкнуться. Они врагами встрѣтились во главѣ двухъ армій на югѣ Франціи; причемъ въ союзѣ съ римлянами шли на гунновъ еще благоговѣвшіе передъ отжившимъ великимъ Римомъ, несмотря даже на то, что однажды предали его разграбленію,—западные готы. Гунны на этотъ разъ были побѣждены; но

10) Картина: Портретъ Аэція.

11) Картина: Германцы, преслѣдующіе зубра.

12) Картина: Германскія женщины, по ихъ обычаю принимающія вмѣстѣ съ мужьями дѣятельное участіе въ битвѣ. Онѣ не допускали бѣгства въ рядахъ мужчинъ, собственноручно умерщвляя бѣгущихъ или ихъ заставляя вернуться своими упреками и мольбами.

Аэцій, защищая старую римскую образованность, ненавидѣлъ готовъ, а потому далъ Атилѣ,—самой дѣйствительной своей угрозѣ противъ внѣшнихъ враговъ Римскаго государства,—возможность оправиться на страхъ готамъ, послѣ имъ понесеннаго пораженія на поляхъ Каталаунскихъ и отступить благополучно въ свои владѣнія. Въ разгарѣ Каталаунской битвы палъ готскій король Теодорихъ, но его тутъ же замѣнилъ молодой, храбрый сынъ его—Торисмундъ, рѣшившій побѣду римлянъ надъ гуннами своимъ неожиданнымъ нападеніемъ на нихъ изъ засады въ тылъ имъ и въ бокъ,—тогда какъ Аэцій одновременно ударилъ на нихъ съ другого бока, послѣ чего гунны, уже одолѣвавшіе непріятеля, дрогнули и побѣжали. Атила и Аэцій оба погибли насильственной смертью скоро одинъ послѣ другого. Атила умеръ отъ подлитаго ему кѣмъ-то яду во время пира 453 г. Аэція же закололъ собственноручно неблагодарный, завистливый императоръ римскій Валентіанъ III,—чтобы избавиться отъ вліянія на себя и опеки этого умнаго человѣка.

13) Картина: Каталаунская битва.

14) Картина: Готы провозглашаютъ королемъ своимъ Торисмунда на поляхъ Каталаунскихъ.

Такимъ образомъ Атила пользовался для своихъ завоеваній мятежами и распрями Запада. Имъ же руководилъ Аэцій, какъ собственное оружіе направляя гунновъ въ ту или другую сторону. Атила никогда не злоупотреблялъ своею властью; не вмѣшивался во внутреннія дѣла имъ покоренныхъ народовъ и бралъ охотно слабаго подъ свою защиту; но зато мстилъ жестоко тѣмъ, кто измѣнялъ ему. Онъ непреклонно требовалъ всегда выдачи ему римлянами его бѣжавшихъ за римскую границу, безъ надлежащаго выкупа, плѣнниковъ и передавшихся на сторону римлянъ, искавшихъ ихъ покровительства, своихъ непокорныхъ подданныхъ; иначе шелъ безпощадной войной на

римскія области въ Византіи; опустошалъ ея города и налагалъ тяжелую дань на побѣжденныхъ. Атила часто обмѣнивался посольствами съ римлянами, для разныхъ переговоровъ съ ними: о пограничныхъ земляхъ, условіяхъ честнаго, мирнаго торга, количествѣ требуемой имъ себѣ отъ римлянъ дани и т. п. Секретарь византійскаго посольства къ Атилѣ 448 года Прискъ намъ оставилъ,—къ сожалѣнію только въ короткихъ обрывкахъ дошедшія до насъ,—описанія бытовой жизни гунновъ.

15) Картина: Атила въ своемъ шатрѣ.

Грозный Атила раскинулъ свой царскій станъ и жилъ въ мирное время далеко за рѣкою Дунаемъ, какъ мы сказали уже, въ нынѣшней Венгріи. Римскіе послы видѣли его тамъ сидящимъ въ своемъ шатрѣ на деревянной скамьѣ, когда вручали ему грамоты императора. Гунны перевезли ихъ черезъ Дунай въ своихъ ладьяхъ однодревкахъ. Атила принялъ римскихъ пословъ не очень ласково, такъ какъ подозрѣвалъ между ними предателя, намѣревавшагося убить его при первомъ удобномъ случаѣ. Это былъ гуннскій посолъ — Эдилонъ, подкупленный греками для убійства своего повелителя. Но этотъ заговоръ былъ открытъ Атилой.

Посламъ пришлось поѣхать дальше за нимъ на сѣверо-востокъ, въ словянскія,—нынѣ русскія,—земли, гдѣ въ одномъ изъ селеній суровый гуннъ себѣ присмотрѣлъ въ жены красивую дѣвушку. Дорогою они встрѣтили другое посольство къ Атилѣ изъ западной части Римской имперіи, отъ Аэція, и соединились съ нимъ. Для питья послы получали, на мѣсто вина, словянскій напитокъ: медосъ, или же просто—медъ, а ихъ служителямъ посылался квасъ. Въ деревняхъ, попадавшихся на пути, жители зажигали,—за неимѣніемъ тогда свѣчей,—трости прибрежнаго камыша,

и освѣщали ими по вечерамъ свои хижины. Наконецъ, римскіе послы прибыли въ то селеніе, гдѣ у Атилы былъ уже построенъ дворецъ изъ вытесанныхъ досокъ и бревенъ. Дворецъ былъ обнесенъ высокою деревянной оградой, но больше для украшенія, чѣмъ для защиты, и походилъ скорѣй на богатую усадьбу помѣщика. Недалеко отъ него стояла большая баня, какую мы видѣли уже у скиѳовъ. Жена перваго приближеннаго царя Атилы встрѣтила его у порога своего дома съ виномъ и кушаньемъ на серебряномъ блюдѣ, между тѣмъ какъ онъ въѣхалъ въ селеніе съ торжествомъ по случаю своей свадьбы. Ему предшествовали ряды красивыхъ дѣвушекъ и пѣли пѣсни. Сидя на конѣ, Атила отвѣдалъ поднесеннаго ему кушанья и выпилъ вина изъ поданной ему чаши. Послы обѣдали у Атилы и понесли на другое утро свои дары его старшей супругѣ Крэкъ. Вокругъ царицы сидѣли ея рабыни и разрисовывали разными красками полотняныя покрывала, гуннами надѣваемыя для красы поверхъ одежды. Атила вышелъ важной походкой на крыльцо дома. Онъ былъ курносъ и черенъ; имѣлъ широкую грудь и большую голову. Въ оградѣ дворца Атилы было много домовъ, въ родѣ нынѣшнихъ русскихъ избъ съ рѣзною работой, сложенныхъ изъ гладкихъ бревенъ и досокъ. На другой день Атила устроилъ огромный пиръ своимъ воинамъ и посламъ. Въ просторной комнатѣ, вдоль стѣнъ стояли скамейки, покрытыя ковромъ, а посерединѣ высилась за пестрыми занавѣсками царская постель. Къ каждому гостю приставленъ былъ виночерпій, наливавшій гостямъ вино послѣ каждаго кушанья.

16) Картина: Подношеніе Атилѣ его женою кушанья и питья передъ его жилищемъ.

Атила пилъ за здоровье гостей, а гости за здоровье Атилы, вставая при этомъ съ чаркой въ ру-

кахъ и отвѣшивая поклоны. Атила привѣтствовалъ и приглашенныхъ на пиръ,—по порядку ихъ сидѣнія на скамьяхъ. Очевидно, мѣста у него за столомъ имѣли такое же значеніе въ смыслѣ сана, почета и близости къ государю, какъ у насъ въ Россіи, — во времена позднѣйшихъ Московскихъ царей.

17) Картина: Пиръ у Атилы.

Вечеромъ выступили два пѣвца, начавшіе воспѣвать побѣду и славу Атилы. Они пѣли сказанія о былыхъ бояхъ, ими воспламеняя воиновъ. Когда умолкли пѣсни, выскочили шуты, и между ними горбунъ, одѣтый въ смѣшную одежду разныхъ народовъ, говорилъ за-разъ на нѣсколькихъ языкахъ смѣшныя, вздорныя рѣчи. Пиръ продолжался всю ночь и еще на слѣдующій день. Въ обычай гуннской учтивости входило: привставъ, подать гостю полную чашу, а послѣ принять ее пустою обратно, обнявъ и поцѣловавъ выпившаго вино. Судя по разсказамъ Приска, они уже больше не были такими звѣрскими дикарями, какими переступили предѣлы Азіи, наводя ужасъ на всѣхъ въ Европѣ однимъ своимъ приближеніемъ. Они, повидимому, переняли обычаи мѣстныхъ славянскихъ племенъ на югѣ Россіи и, слившись съ ними, стали на нихъ похожими въ своихъ нравахъ такъ же, какъ въ своемъ образѣ жизни. Угощая гостей на золотѣ и серебрѣ обильными яствами, самъ Атила былъ очень умѣренъ въ пищѣ и ѣлъ съ деревянной тарелки. Одѣтъ онъ былъ, по свидѣтельству Приска, хотя опрятно, но просто, безъ золотыхъ украшеній; во время пира держалъ себя съ большимъ достоинствомъ; только на младшаго своего сына смотрѣлъ нѣжнымъ, веселымъ взглядомъ.

Жены у гунновъ, какъ у славянъ, помѣщались совсѣмъ отдѣльно отъ мужчинъ, но выходили къ гостямъ, поднося имъ чашу вина. Пиры позднѣй-

шихъ словянскихъ племенъ напоминаютъ во всемъ только что описанный пиръ Атилы, причемъ исконные ихъ напитки кромѣ вина—медъ и квасъ—употреблялись, какъ мы это только что говорили, гуннами. Погоня за готами привела гунновъ въ словянскія земли, гдѣ населеніе въ это время пило уже русскій квасъ, приготовленный изъ ячменя, и крѣпкій медъ. Читая отзывы объ Атилѣ Приска, разсказы о томъ, какъ онъ смотрѣлъ нѣжно на сына веселыми глазами, а вовсе не «дырами вмѣсто глазъ»,—какъ выражается готъ Іорнандъ,—одѣвался безъ всякой роскоши и не унижался до смѣха надъ глупыми шутками скомороха,—о томъ, какъ гунны жили въ бревенчатыхъ избахъ селеньями и какъ войска образованнѣйшей страны древняго міра охотно сражались подъ знаменами Атилы,—нельзя допустить преувеличенныхъ ужасовъ и непровѣренныхъ, страшныхъ выдумокъ, какими обставили наобумъ память о гуннской народности—Іорнандъ, производившій ихъ какъ побѣдителей готовъ отъ сочетанья вѣдьмъ съ нечистой силой, и римлянинъ Марцеллинъ. Атила былъ не только грознымъ воиномъ, но также очень мудрымъ правителемъ. Даровитый, могучій своею личностью, онъ объединялъ различныя племена востока подъ своей сильной властью. Послѣ его смерти распалось тотчасъ же огромное гуннское царство. Его составлявшія разнородныя племена освободились отъ гуннскаго ига и стали жить сами по себѣ, отчасти перемѣшавшись съ ними. Гунны, какъ обособленная народность въ южной Россіи, исчезли въ свою очередь подобно сарматамъ и скиѳамъ.

Народы, придя въ движеніе отъ толчка, полученнаго со стороны гунновъ, начали разселяться по новымъ мѣстамъ, и теперь опредѣлились яснѣе по

всей Россіи разныя племена. Господствующей народностью между ними сдѣлалась къ этому времени выросшая и окрѣпшая народность словянская, находившаяся въ большой дружбѣ съ гуннами. Первое и настоящее гнѣздо словянъ составляли, какъ уже нами было указано, Карпатскія горы, названныя такъ отъ одного словянскаго племени—«карповъ». Словянскія населенія распространились отсюда, какъ мы увидимъ дальше, на югъ за Дунай, на сѣверъ до Балтійскаго моря и на востокъ до рѣки Днѣпра. Своими набѣгами воинственныя племена среди словянъ опустошали Балканскій полуостровъ, чѣмъ приводили въ отчаяніе византійскихъ грековъ. Писатели византійскіе начинаютъ жаловаться на ословяненіе древней Греціи и, называя сначала словянъ различными именами: венетовъ, сербовъ и антовъ, ихъ обобщаютъ уже въ 6-мъ столѣтіи послѣ Рождества Христова во всѣхъ областяхъ, занимаемыхъ ими, однимъ только именемъ, получившимъ первенствующее значеніе на страницахъ исторіи всюду единыхъ по языку и обычаямъ, по отличительнымъ, природнымъ свойствамъ своимъ,—«словянъ».

Нѣсколько *) тысячъ лѣтъ тому назадъ, ранѣе чѣмъ Европа успѣла принять современныя намъ очертанія, многіе горные ея хребты были окружены водой, залившѐй сушу послѣ потопа и, вообще, по разнымъ премудрымъ и неизмѣннымъ законамъ природы, установленнымъ для земли Господомъ Богомъ. Люди на нихъ тогда жили будто на островахъ, раздѣленные океаномъ, и, находясь только между собой въ общеніи, себѣ усвоили тѣ особенности: говоръ, вѣрованія, обычаи и наклонности, которыми отличался

*) Источникъ: Профессоръ Хойновскій: «Краткія свѣдѣнія о предкахъ словянъ и Руси» (до стр. 19).

потомъ одинъ народъ отъ другого въ арійской (бѣлой) людской породѣ (расѣ), переброшенной мощной, широкой волной въ Европу избыткомъ азіатскаго населенія.

Предполагаютъ, что первоначальные предки словянъ въ Карпатахъ при долгой совмѣстной жизни, отрѣзанной отъ людского существованія на другихъ европейскихъ горныхъ хребтахъ, составляли какъ бы одну семью: говорили на одномъ языкѣ, вели одинаковый образъ жизни, имѣли сходные нравы и одно общее представленіе о Творцѣ вселенной. Они называли Его Святовидъ, такъ какъ Онъ видитъ все происходящее на землѣ,—причемъ почитали въ Святовидѣ единаго Бога, незримаго для людей, иначе какъ въ проявленіи Его власти или небеснаго гнѣва внушавшей имъ страхъ грозой. Поэтому словяне-язычники молились единому Богу въ образѣ грома и молніи, олицетворяя это, единственно доступное пониманію безпомощныхъ, темныхъ людей, выраженье великой небесной силы—богомъ Перуномъ. Перуну они приносили жертвы изъ своего хозяйственнаго имущества; передъ нимъ воскуряли, молясь, ароматный дымъ сожиганьемъ пахучихъ травъ. Урочища, т. е. мѣста своихъ молитвъ, окапывали они рвомъ и окружали валомъ. Слѣды подобныхъ урочищъ встрѣчаются и донынѣ въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Позднѣе словяне умножили число своихъ боговъ—злыхъ и добрыхъ, согласно различнымъ явленіямъ природы, имъ приносившимъ вредъ или благо. Добрые боги звались у нихъ—Бѣлъ-богъ, а злые—Черенъ-богъ, или чортъ. Они ихъ начали всѣхъ олицетворять деревянными или каменными издѣльями своихъ рукъ въ видѣ истуканообразныхъ идоловъ, выражая ими все одно и то же вездѣсущее высшее Существо,—

18) Картина: Поклоненіе Перуну.

только въ томъ, или другомъ образѣ, близкомъ къ ихъ человѣческой жизни и принимающемъ въ ней непосредственное участіе. Находясь въ постоянной и неразрывной связи съ окружающею природой, но еще не проникнувъ наукой въ ея глубокія тайны, словяне считали горы, лѣса и воды страшнымъ пріютомъ сверхъестественныхъ силъ; вѣрили въ губящихъ людей лѣшихъ-лѣсовиковъ и обитательницъ рѣкъ: русалокъ. Они почитали умершихъ предковъ семьи: «дѣдовъ и домовыхъ», боялись ихъ невидимой власти въ домѣ и съ суевѣрнымъ страхомъ поминали ихъ въ своихъ молитвахъ. Они допускали также присутствіе между собою счастливыхъ избранниковъ воли боговъ, получившихъ отъ нихъ больше познанія, чѣмъ другіе. Эти колдуны, вѣдьмы и знахари таинственными словами и снадобьями заговаривали болѣзни, угадывали судьбу, предотвращали будто бы разныя бѣдствія и очаровывали, кого хотѣли. Души ихъ послѣ смерти могли превращаться въ разныхъ животныхъ или чудовищъ и мучить людей во снѣ. Оберегая себя отъ порчи и воображаемыхъ злыхъ духовъ, словяне привыкли прибѣгать часто къ разнымъ нашептываніямъ, заклинаніямъ и окуриванію себя всякими зельями. Вслѣдствіе этого, предразсудки язычества до такой степени укоренились въ словянской народности, что христіанство ихъ не могло совершенно искоренить, и языческіе обычаи незамѣтно въ разныхъ народныхъ повѣрьяхъ сохранились донынѣ между словянами.

19) Картина: Лѣшій.

20) Картина: Заклинаніе кудесника.

Словяне любили всегда земледѣльческія занятія и праздновали перемѣны времени года въ соотвѣтствіи ихъ съ полевыми работами. Нарожденіе солнечной теплоты въ Январѣ составляло праздникъ Коляды. Въ расцвѣтѣ весны справляли зеленыя святки

и топили съ пѣснями зиму подъ видомъ чучелъ изъ соломы. Передъ уборкой хлѣба 23 Іюня прыгали черезъ пламя и умыкали, т. е. похищали себѣ среди дѣвушекъ женъ, тутъ же съ ними купаясь,—почему праздникъ этотъ носилъ названье—Купалы. Словяне вѣрили въ будущую жизнь за гробомъ и думали, что человѣкъ послѣ смерти странствуетъ многіе годы въ подземной тьмѣ, пока дойдетъ до царства свѣта. Потому они хоронили съ покойникомъ его любимый нарядъ, оружіе и коней, а иногда сожигали тѣло его на кострѣ, въ надеждѣ, что тѣмъ сократятъ его странствованіе во мракѣ, такъ какъ его душа, по ихъ представленію, возносилась въ образѣ дыма къ небу. Въ такомъ случаѣ лучшая часть имущества возлагалась съ покойникомъ на костеръ, и на немъ сожигалась съ мужемъ больше другихъ любимая его жена, не желавшая съ нимъ разставаться. На «третью» долю всего имущества мертвеца устраивался въ тотъ же день послѣ сожженья пиръ, — потому именуемый: «тризной».

21) Картина: Праздникъ Купалы.

22) Картина: Погребеніе словянина.

Изученіе *) древняго словянскаго языка показываетъ, что земледѣліе и пчеловодство были любимыми промыслами среди словянъ, причемъ слова: улей, медъ, пчела, воскъ и плугъ, а также названія злаковъ: пшеница, рожь, просо, ячмень, опредѣлявшихся еще словомъ «жито», т. е. для жизни необходимымъ,— были общи во всѣхъ нарѣчіяхъ. Донынѣ употребляемыя сельско-хозяйственныя выраженія и названія: орать, сѣять, жать, молотить, лопата, мотыка, серпъ и т. д. существовали уже тогда въ языкѣ словянскомъ. По тому же источнику языковѣдѣнія мы узнаемъ, что словяне въ глубокой древности употреб-

*) Полевой: «Очерки Русской Исторіи».

ляли въ пищу мясо, молоко, овощи, а изъ плодовъ знали яблоки, груши, вишни, орѣхи и сливы. Что касается до деревьевъ,—въ ихъ область входили безъ исключенія: дубъ, липа, кленъ, букъ, верба и береза. А остальныя растительныя названья встрѣчаются въ однихъ нарѣчіяхъ, а въ другихъ нѣтъ, смотря по мѣстности разселенія въ позднѣйшія времена. Преобладаніе земледѣлія уже само собой обусловливаетъ степень развитія словянской народности въ самомъ корнѣ ея. На осѣдлость словянъ указываютъ бывшіе постоянно въ употребленіи у нихъ древнѣйшія слова: *весь*—въ смыслѣ деревни; домъ, дворъ и всѣ части ихъ, указывающія на то, что рѣчь идетъ вовсе не о какомъ-нибудь шалашѣ дикаря, или простой землянкѣ. Мы неизмѣнно встрѣчаемъ слова: стѣна, окно, дверь, порогъ, пещь, изба, а рядомъ съ ними: гумно, хлѣвъ и т. д. Слово «градъ» не имѣло сначала значенія города въ современномъ смыслѣ, а означало лишь огражденное плетнемъ мѣсто, избранное для обороны. По отношенію къ ремесламъ словянскій языкъ указываетъ на тканье, плетенье, шитье одежды и обуви. Пребываніе въ странѣ лѣсистой и необходимость строить дома изъ дерева, рано ознакомили словянъ съ плотничествомъ, какъ это можно видѣть изъ древности слова «тесать» и названій орудій плотника: «сѣкира», т. е. топоръ, долото, клещи. Занятіе земледѣліемъ пріучило словянъ къ осѣдлости и изъ нихъ выработало народъ выносливый, терпѣливо переносящій свои невзгоды, миролюбивый, гостепріимный и преданный своему домашнему очагу.

23) Картина: Бытъ древнихъ словянъ.

Когда *) обсохли склоны Карпатъ и воды, окружавшія европейскія горы, по волѣ Божіей, вошли въ

*) Профессоръ Хойновскій: «Краткія свѣдѣнія о предкахъ словянъ и Руси».

свои берега, словяне, стѣсненные въ прежнихъ своихъ владѣніяхъ и побуждаемые недостаткомъ хорошихъ пастбищъ для своихъ стадъ, начали выселяться большими семьями или родами на никѣмъ еще не занятыя, вновь открывшіяся изъ-подъ воды, мѣста—и тамъ устраивались. Такимъ образомъ земледѣльческій этотъ народъ спокойно и мирно распространился во всѣ стороны отъ Карпатскихъ горъ: на сѣверъ, на югъ, на востокъ и на западъ. Въ позднѣйшія времена онъ такимъ же образомъ продолжалъ разселяться дальше, во всѣхъ указанныхъ направленіяхъ, небольшими частями, посреди областей, уже принадлежавшихъ другимъ народамъ,—но по взаимному уговору съ ними, или преобладаньемъ умственнаго и нравственнаго вліянія своего, больше, чѣмъ силой оружія. Потому такъ долго древніе греческіе историки, отмѣчавшіе только громкія завоеванія и ожесточенныя битвы съ безпощаднымъ пролитіемъ крови враговъ, ничего не записывали о томъ, что̀ касалось непрерывнаго поступательнаго движенія словянъ на востокъ, сѣверъ и югъ, въ нынѣшнюю Россію. Кромѣ того, занимая мѣстность, изрѣзанную множествомъ рѣкъ, покрытую озерами, болотами и дремучимъ лѣсомъ, словяне должны были употребить, во-первыхъ, большія усилія, чтобы очистить ее для своего обитанія и обработки земли, чтобы проложить путь для своего дальнѣйшаго разселенія отъ подножья Карпатскихъ горъ,—и этотъ громадный трудъ продолжался, конечно, не одну сотню лѣтъ. Вотъ почему словяне позже другихъ племенъ выступаютъ въ исторіи, какъ одно господствующее племя, себѣ подчинившее остальныя, болѣе слабыя и умственно темныя, племена. Мало-по-малу сосѣдство разныхъ чужихъ народовъ, совмѣстная съ ними жизнь и вѣроятно упорная, хотя

скрытая и глухая борьба за существованіе, конечно, произвели неизбѣжныя измѣненія въ ихъ языкѣ и обычаяхъ; раздѣлили одинъ словянскій народъ на разновидныя племена съ различными уклоненіями отъ ихъ общихъ древнихъ обычаевъ и съ названіями, соотвѣтствующими мѣстности, гдѣ они поселились.

Возвышенности, окруженныя хребтами Карпатскихъ горъ и носящія названіе «Татры»,—были тѣмъ главнымъ гнѣздомъ словянъ, откуда они расходились по сторонамъ, какъ рои пчелъ (по удачному выраженію профессора Хойновскаго) во время роенія вылетаютъ изъ стараго улья, чтобы новыми роями осѣсть на ближайшихъ деревьяхъ. Горные хребты—по-словянски: «хорбы» или «горбы»; а потому жители ихъ получили названіе хорбатовъ, а позже хорватовъ. При разсмотрѣніи населенія изъ Хорватіи, гдѣ главный узелъ хребтовъ составляли, какъ мы сказали только что, Татры,—народные старшины или володари, выводили свои рады или громады на свободныя земли, и такимъ образомъ пришло оттуда на правый берегъ Днѣпра родное намъ племя—полянъ. Ихъ старшина назывался «Кій»—потому, что происходилъ изъ древняго поселенія на сѣверномъ склонѣ Татръ—Кійе. Оно сохранилось до нашихъ дней подъ тѣмъ же названіемъ близъ рѣки Ниды, въ южномъ краю Кѣлецкой губерніи, недалеко отъ верховьевъ Вислы, гдѣ обитали одноплеменники полянъ кіевскихъ «малополяне», — одно изъ словянъ карпатскихъ племенъ, позже вошедшихъ въ составъ Польскаго королевства. Кіевская область, какъ теперь показали намъ глубоко и тщательно произведенныя тамъ раскопки, начала заселяться выходцами изъ Карпатъ въ очень древнія времена: еще до прихода скиѳовъ на югъ Россіи и до образованія на берегахъ Днѣпра уже гораздо позд-

нѣйшихъ, общественно развитыхъ, земледѣльческихъ поселеній. Первые люди здѣсь, какъ и всюду, питались почти исключительно рыбой и живымъ содержимымъ раковинъ. Потомъ придумали каменныя орудія; стали гоняться за мясомъ и шкурами лѣсныхъ звѣрей и наконецъ, занявшись отчасти посѣвомъ хлѣба, начали приручать домашній скотъ *). Впервые лѣтопись Геродота поминаетъ о нихъ подъ однимъ общимъ названіемъ скиѳовъ-оратаевъ,—ихъ отличая отъ степныхъ, южныхъ скиѳовъ-кочевниковъ,—когда имъ подразумѣваемый, мѣстный приднѣпровскій народъ уже зналъ желѣзо и бронзу, строилъ для огражденія своего имущества отъ нападенія грабителей города и, занимаясь успѣшно, въ большихъ размѣрахъ, быстро развившимся на удобныхъ для земледѣлія плодородныхъ поляхъ хлѣбопашествомъ,—уже завелъ внизъ по Днѣпру торговлю съ греками. Очень понятно, что теплый климатъ, изобиліе вкусныхъ плодовъ и растеній, а также тучныя пастбища для скота располагали словянъ переселяться сюда ранѣе, чѣмъ въ другія, сосѣднія съ ними, области, и продолжать это переселеніе до позднѣйшихъ временъ. Но только въ лѣтописяхъ IV вѣка является имя словянъ въ земляхъ Кіевской и Волынской, а также въ нашихъ губерніяхъ юго-западныхъ, какъ Бессарабская, Херсонская и Подольская, гдѣ ихъ звали по-гречески «антами». Тогда словянскій народъ уже раздѣлился по племенамъ, получившимъ названія или по имени своего вождя, или по свойству занятой ими мѣстности. Въ исторіи мы застаемъ это осѣдлое Карпатское населеніе распространившимся отъ Карпатъ до Днѣпра—на востокъ, до Итальянскаго-Адріатическаго моря—на

*) См. Выпускъ I. Чтеніе I.

югѣ, до рѣки Эльбы на западѣ и до Балтійскаго моря, до озера Ильменя и рѣки Волхова, на сѣверѣ. Домовитое, некочевое, оно любило, какъ мы сказали уже, занятія земледѣльческія, рыболовство, охоту и пчеловодство, строило для себя деревянныя избы и такіе же маленькіе городки. При нашествіи дикихъ ордъ кочевниковъ, словянскій народъ, не имѣя возможности дать имъ вооруженный отпоръ, разбѣгался. Прячась въ ущельяхъ горъ, въ камышахъ, лѣсахъ и оврагахъ, для конныхъ кочевниковъ не доступныхъ, онъ терпѣливо ждалъ ухода враговъ, а потомъ вновь возвращался на насиженныя мѣста, чтобы опять приняться за свой, прерванный дикарями, трудъ.

Однако, главной дорогой для перехода кочевниковъ изъ азіатскихъ степей черезъ Россію, служили болѣе южныя области у береговъ Чернаго моря, гдѣ дикари въ изобиліи находили кормъ для своихъ стадъ и водопой. Гористые же и поросшіе лѣсомъ склоны Карпатской возвышенности на пространствѣ, теперь занятомъ губерніями Волынской, Кіевской и Подольской, были совсѣмъ неудобны для пребыванія кочевыхъ ордъ съ ихъ многочисленными повозками и стадами. Благодаря такимъ природнымъ препятствіямъ на пути, кочевники шли къ восточнымъ предѣламъ Римской имперіи, южнѣй Днѣпровскихъ пороговъ, обходя земли бывшихъ скиѳовъ-оратаевъ. Въ гористыхъ же, покрытыхъ лѣсами, горахъ Карпатъ скрывался въ цѣлости свѣжій притокъ словянъ, и гроза проносившихся мимо дикихъ народовъ не останавливала ихъ роста. Раньше, чѣмъ мы окончательно остановимъ наше вниманіе на восточныхъ словянахъ, предкахъ народа Русскаго, и на главномъ его ядрѣ въ Приднѣпровскомъ полянскомъ племени—Рось, посмотримъ, что

стало съ нашими родичами словянами на югѣ, западѣ и юго-западѣ отъ Карпатъ, а также съ ушедшими къ сѣверу изъ Карпатскихъ Татръ, — къ берегамъ Балтійскаго моря.

Насколько словяне днѣпровскіе были защищены природой отъ захвата бурнымъ потокомъ кочевниковъ на ихъ пути изъ азіатскихъ степей, настолько выселившіеся съ Карпатъ на плодородныя земли ихъ юго-западныхъ и южныхъ склоновъ страдали отъ гнета греко-римлянъ и кочевыхъ народовъ. Конечно, всѣ стремились занять благодатныя страны, куда черезъ горы не проникали холодные вѣтры сѣвера и гдѣ горячее солнце давало всегда изобильныя жатвы всякихъ плодовъ и злаковъ.

Разселеніе словянъ на западъ встрѣтило неодолимый отпоръ со стороны нѣмецкихъ народностей, и большая часть разселившихся по нѣмецкимъ рѣкамъ: Вислѣ, Эльбѣ и Одеру, вплоть до Балтійскаго моря, — тоже была ими поглощена. Хотя движеніе словянъ съ Карпатъ на востокъ началось позже, нежели по всѣмъ другимъ направленіямъ, но оно совершалось при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ, и тамъ словяне могли образовать могучее государство, въ концѣ концовъ отстоявъ свою независимость. На западѣ же они ее потеряли.

Мы уже знаемъ, что выходцы съ юго-восточныхъ склоновъ Карпатъ были извѣстны древнимъ подъ именемъ «гетовъ»; но что ихъ имя покрыло собой при общемъ смѣшеніи племенъ, во время переселенія народовъ, другое словянское племя «даковъ», прославившее себя своей успѣшной войной съ римлянами до восшествія на римскій престолъ Траяна. Траянъ побѣдилъ даковъ и, разворивъ ихъ страну между Днѣстромъ и устьемъ Дуная, ее обратилъ въ

римскую область. Сарматы, въ особенности передовые языги, съ другой стороны, тоже тѣснили даковъ, такъ что они наконецъ, къ торжеству Траяна, ушли на сѣверъ обратно въ Карпаты. Но тѣмъ не менѣе словянскія племена здѣсь не погибли, но возродились, съ нашествіемъ гунновъ, ихъ объединившихъ и вмѣстѣ съ собой направившихъ противъ германцевъ и римлянъ. Когда готы были прогнаны гуннами за Дунай, а потомъ увлечены ходомъ событій дальше на западъ,—гунны же, ихъ преслѣдуя, освободили отъ пребыванія своихъ ордъ задонскую область,—передовые словяне, сильно размножившись на Днѣпрѣ, поспѣшили занять собою опустѣвшія земли современныхъ намъ губерній: Воронежской и Полтавской, до земли Войска Донского, гдѣ уже обитали громады имъ соплеменныхъ антовъ, названныхъ еще до прихода на югъ Россіи сарматовъ—карпатскими сербами. Передвигаясь все дальше къ востоку за Днѣпръ по мѣрѣ полнаго высыханія лѣвыхъ его низинъ, они разселились въ юго-восточной Россіи, гдѣ образовали собой немногочисленное, но коренное населеніе, позже порабощенное азіатами. Однако подъ игомъ ихъ словянскій народъ, хотя мѣняя свои названія, все-таки уцѣлѣлъ, и мы его позже встрѣчаемъ съ гуннами Утургурами въ русской Тмутаракани у береговъ Азовскаго моря, а также въ области только что упомянутой нами Войска Донского и въ Воронежской губерніи.

Старинныя названія народа выходятъ часто изъ употребленія, и появляются новыя имена для того же народа, сидящаго на земляхъ праотцевъ. Бросимъ пока только бѣглый взглядъ на то, какъ въ сосѣдствѣ съ Россіей изъ словянскихъ племенъ сѣверо-западныхъ Карпатскихъ склоновъ начало складываться

враждебное ей, могучее Польское королевство, до своего позднѣйшаго распаденія, своимъ сосѣдствомъ внесшее въ исторію Русскаго государства столько печальныхъ, черныхъ страницъ.

Хорваты сѣверныхъ кряжей Карпатскихъ горъ, выселяясь оттуда въ области иныхъ природныхъ условій и разнообразныхъ свойствъ, получили названія, опредѣляющія мѣстные признаки новаго поселенія. Такъ, карпатскіе выходцы, разселившіеся по ровнымъ полямъ Познани, именовались «велико-полянами»; осѣвшіе у побережья Балтійскаго моря—«поморянами», а также «варягами» потому, что Балтійское море въ старину называлось Варяжскимъ. Жившіе на нѣмецкой теперь рѣкѣ Эльбѣ,—по прежнему имени своему: Лабѣ,—звались «полабскими словянами»; на рѣкѣ Вислѣ—«вислянами». Позже племена эти развѣтвились на многія другія съ болѣе точнымъ опредѣленіемъ мѣстности своего обитанія. Такъ велико-поляне въ южной отрасли своего племени на верховьяхъ Вислы, вблизи нынѣшнихъ городовъ Кракова и Люблина, назывались «мало-поляне». Племя, жившее на востокъ отъ средней Вислы,—тоже теперь въ нижнемъ своемъ теченіи нѣмецкой рѣки,—близкой къ западной нашей границѣ, звалось «мазовшане»—позже «мазуры». Оно основало городъ Варшаву и Плоцкъ. Словянскій народъ, занявшій мѣстность въ этихъ обширныхъ предѣлахъ, сначала, какъ и другія ему родственныя племена, мирно существовалъ земледѣліемъ, рыболовствомъ и пчеловодствомъ, живя родовыми общинами подъ управленіемъ своихъ старшинъ, причемъ трудъ и прибыль принадлежали всѣмъ. Но когда начались нападенія на него съ запада нѣмцевъ, главной и постоянной его заботой сдѣлалась оборона страны. Тогда создалось сословіе—леховъ, т. е. богатыхъ земле-

24) Картина: Полоскій лехъ.

владѣльцевъ, ея защитниковъ, могущихъ своими угодьями прокормить табунъ лошадей и стадо скота. Они выѣзжали навстрѣчу врагу на конѣ въ полномъ вооруженіи и, вслѣдствіе постоянной опасности, грозившей со стороны нѣмцевъ сѣверо-западной вѣтви словянъ, получили большое значеніе въ глубокой древности. Отъ имени ихъ весь позднѣе образовавшійся и получившій широкое государственное устройство польскій народъ русскіе называли «ляхами».

Но въ первые вѣка послѣ Рождества Христова польскіе западные словяне собирались для обсужденія нуждъ общественныхъ и для религіозныхъ обрядовъ, безъ различія сословій въ центрѣ своихъ родовыхъ поселеній. Для болѣе важныхъ дѣлъ роды со своими володарями, т. е. вождями, собирались въ гмины, т. е. волости, и эти собранія назывались—вѣчемъ. На нихъ избирались старосты, вѣдавшіе дѣлами всей своей гмины. Володари родовъ и старосты гминъ, въ случаяхъ исключительнаго значенія для своего округа или области, собирались на вѣче въ главное поселеніе. Такъ сначала устраивались въ бытѣ своемъ словяне, жившіе между Карпатами и побережьемъ Балтійскаго моря.

Позже начали управлять страной 12-ть достойнѣйшихъ и богатѣйшихъ леховъ. А еще позже все возрастающая опасность со стороны внѣшнихъ враговъ, когда многія племена и вѣтви ихъ принуждены были собраться вмѣстѣ для борьбы съ ними, вынудила лехитовъ выбрать изъ своей среды самаго храбраго вождя войска съ верховной надъ страной властью, — назвавъ его воеводой. Такой воевода—Кракъ—основалъ городъ Краковъ.

Небогатые поселяне-хлѣбопашцы, занимавшіеся только домашнимъ хозяйствомъ, получили названіе

кметовъ. Кметъ обязанъ былъ защищать въ пѣшемъ строю только свой поселокъ и на далекую войну не ходилъ.

Предковъ *) словянъ, разселившихся въ сѣверномъ и сѣверо-западномъ направленіи съ возвышенностей Карпатъ, германцы и римляне,—какъ мы сказали уже,—называли «венедами». Еще за нѣсколько столѣтій до Рождества Христова грекамъ и римлянамъ былъ извѣстенъ на побережьи Варяжскаго моря Венедскій заливъ между устьями рѣкъ Вислы и Нѣмана, откуда имъ привозился очень высоко цѣнимый ими тогда,—приблизительно до войны съ Митридатомъ Понтійскимъ, — янтарь. Онъ употреблялся для женскихъ украшеній и для курильницъ фиміама во время богослуженія въ языческихъ храмахъ. Собирало янтарь въ устьяхъ Вислы, выгодно его продавая скиѳамъ, сарматамъ и феннамъ чудской народности, племя «венедовъ». Оно стало извѣстнымъ германцамъ и римлянамъ, какъ совсѣмъ особенная народность, живущая въ странѣ между Карпатами и Балтійскимъ моремъ,—въ 53 году по Рождествѣ Христовѣ. Римскій историкъ Плиній пишетъ, что здѣсь живутъ до рѣки Вислы сарматы — венеды: народъ осѣдлый, отличающійся отъ сарматовъ тѣмъ, что его воины въ битву вступаютъ пѣшими, почему употребляютъ щиты, находящіеся въ пренебреженіи у сарматовъ. Готскій епископъ Іорнандъ и византійская лѣтопись говорятъ о венедахъ, какъ о народахъ, уже хорошо извѣстныхъ историкамъ не позже 370 г., т. е. во время завоеванія юга Россіи готами. Воинственные готы изъ Скандинавіи напали на венедовъ и, овладѣвъ промыслами янтаря, ихъ оттѣснили далѣе внутрь страны. Но ко-

*) Забѣлинъ: «Исторія Русской жизни».

гда современная мода на янтарныя украшенія прошла, — а народъ готовъ размножился, — готы не находя для себя и для своихъ многочисленныхъ стадъ достаточно пропитанія на песчаномъ прибрежьи Балтійскаго моря, начали съ 150-го года по Рождествѣ Христовомъ разыскивать лучшія мѣстности для своего прокормленія и устремились на югъ къ Черноморскимъ степямъ намъ современной Россіи, причемъ обошли осторожно въ своемъ движеніи воинственныя сарматскія племена аланъ. На востокъ отъ венедовъ, по указанію Іорнанда, жили выходцы чудской народности съ горъ Уральскихъ—эсты и фенны.

Послѣ ухода во II столѣтіи готовъ изъ Прибалтійскаго края къ Днѣпру и Дунаю, сѣверо-карпатскіе словяне — венеды начали переселяться въ ихъ опустѣвшія земли, къ древнѣйшимъ предкамъ своимъ, и заняли Прибалтійскія страны отъ Эльбы—Лабы до устьевъ Нѣмана въ землѣ эстовъ.

Между словянскими прибалтійскими племенами одно изъ самыхъ значительныхъ было племя, жившее на крайнемъ сѣверо-западѣ, около нынѣшней Даніи: «оботриты». Эти прибрежныя племена имѣли свой храмъ на островѣ Ругіи—Рюгенѣ съ четырехголовымъ идоломъ Святовида, разрушеннымъ гораздо позже въ XII уже вѣкѣ датчанами. По историческимъ свѣдѣніямъ венеды-поморяне вели дѣятельную торговлю,—и скандинавскія саги, т. е. былины, оставили намъ чудесныя сказанія о богатомъ торговомъ городѣ поморскихъ словянъ: Волгинѣ, выгодно располагавшемся на одномъ изъ острововъ устья Одера. О роскоши этого венедскаго города свидѣтельствовало множество красиво построенныхъ деревянныхъ домовъ, рѣдкихъ тогда у людей даже зажиточныхъ. Страшно было то время, когда, какъ мы увидимъ ниже, нѣ-

мецкій король Генрихъ, по прозвищу Птицеловъ, покорилъ всѣ словянскія племена, жившія между Эльбой и Одеромъ, занявъ своими нѣмцами всю страну ихъ.

Объ эстахъ или литвинахъ, живших къ востоку отъ прибалтійскихъ словянъ, римскій историкъ Тацитъ разсказываетъ въ I-мъ столѣтіи по Рождествѣ Христовѣ, что это народъ очень суевѣрный, считающій зубъ дикаго кабана предметомъ волшебной охраны въ жизни и потому всегда имѣющій его при себѣ. Вооружены эсты дубинами, вмѣсто мечей и копій. Сѣютъ они у себя рожь и другія хлѣбныя сѣмена съ большимъ прилежаніемъ. Этотъ народъ на восточномъ побережьи Варяжскаго моря разыскиваетъ янтарь и собираетъ его въ трясинахъ, какъ очень цѣнный товаръ, для сбыта южнымъ купцамъ.

Нѣсколько *) дальше къ юго-востоку мы нападаемъ уже на сарматскія племена — аланъ, отъ рѣки Дона и нижней Волги направившихъ путь свой къ Валдаю, къ верховьямъ Днѣпра и Западной Двины, вытекающихъ изъ Волоховскаго лѣса. На долгое пребываніе въ этихъ мѣстахъ аланъ указываетъ названіе Аланскихъ—потомъ Алаунскихъ—горъ. Крайняя сѣверо-западная часть ихъ племенъ примѣшалась позже къ финскому племени эстовъ,—когда нападенія нѣмцевъ заставили эти обѣ народности себѣ избрать одного князя или кунигаса, который бы управлялъ страной, ее защищая отъ жадныхъ сосѣдей. Былъ избранъ знатнѣйшій аланъ, Вейдевутъ, издавшій много умныхъ узаконеній для общественной и семейной жизни народа. Доживъ до 116 лѣтъ, онъ раздѣлилъ, умирая, страну на удѣлы между своими сыновьями, причемъ его младшій сынъ, рожденный

*) Профессоръ Хойновскій: «Краткія свѣдѣнія о предкахъ словянъ и Руси».

отъ матери аланки, назывался Литвосъ. Онъ получилъ удѣлъ надъ Нѣманомъ и рѣкой Виліей, — притокомъ Вислы. Поддерживаемый аланскимъ населеніемъ въ своихъ спорахъ съ братьями, онъ сталъ болѣе могущественнымъ кунигасомъ, нежели они, и съ 373 года, какъ собственная его область, такъ и сосѣднія, — получили названіе Литвы, а весь народъ сталъ называться литвинами. Мужчины-литвины одѣвались въ шерстяную одежду, а женщины въ холщевую, окружая шею свою рядами бронзовыхъ перстней и такіе же перстни привѣшивая къ ушамъ. Поселившись въ низменностяхъ нынѣшнихъ губерній Ковенской, Сувалкской, Виленской, Минской и Гродненской,—покрытыхъ лѣсами, трясинами и болотами, непроходимыми до настоящаго времени,—литвины были защищены суровостью такой природы отъ порабощенія ихъ другими народностями. Въ своихъ темныхъ пущахъ, какъ въ неприступныхъ, естественныхъ крѣпостяхъ, литовцы дольше другихъ сосѣдей своихъ сохраняли дикость первоначальнаго быта и отстояли, благодаря имъ, свою независимость противъ готовъ, словянъ и нѣмцевъ, подчинившихъ себѣ родственное имъ племя пруссовъ. Литовцы, размножившись, наступали сами къ востоку и югу въ предѣлы словянъ и образовали современемъ сильное Литовское княжество, временно захватившее,—какъ мы потомъ увидимъ,—въ XIV столѣтіи многія сѣверо-и юго-западныя русскія области. Литовцы такъ же, какъ и словяне, жили разбросанными семьями и родами; но у нихъ раньше, чѣмъ у словянъ, образовалась еще въ языческія времена связывающая всѣхъ власть—въ сословіи жрецовъ, т. е. священнослужителей. Они повиновались верховному своему жрецу, называвшемуся Криве или Кривейте.

Собственность Т. П. Мятлевой.

Аварскій посолъ передъ императоромъ Юстиніаномъ. *(Къ 50 стр.)*

Собственность Т. П. Мятлевой.

Пріемъ византійскихъ пословъ Дизавуломъ. *(Къ 52 стр.)*

Вотъ мы теперь прослѣдили послѣ исчезновенія, со смертью Атилы, необычайно грозной и преобладавшей во всей Европѣ, при жизни его, силы гунновъ, — за постепеннымъ распространеніемъ во всѣ стороны отъ Карпатскихъ горъ могучей древне-словянской народности и за постепеннымъ перерожденіемъ алано-сарматскихъ племенъ въ ихъ смѣшеніи съ финскими и отчасти словянскими племенами. Обратимъ теперь наше вниманіе на племена чудско-тюркскаго корня, занявшія сѣверъ и сѣверо-востокъ Россіи, гдѣ они составляли до прихода словянъ туземное населеніе, позже порабощенное словянами. Здѣсь, на рѣкѣ Камѣ, мы видимъ древнее, славное царство— Булгарское, которое намъ въ повѣствованіи нашемъ о прошлой жизни Россіи никакъ нельзя обойти молчаніемъ.

Глава II.

Финскія племена Уральскихъ горъ. Гунны. Утургуры и Кутургуры. Набѣги Кутургуръ, впослѣдствіи придунайскихъ болгаръ, и южно-словянскихъ племенъ на Византію при императорѣ Юстиніанѣ. Паденіе Рима. Сношенія Византіи съ Утургурами. Христіанство на Таврическомъ полуостровѣ. Нашествіе Забергана. Авары. Посольства Юстина II къ турскому хану Дизавулу.

Въ то время *) когда бо́льшая часть Европы, какъ мы уже говорили, по предопредѣленію Божію, была еще подъ водой,—кромѣ Карпатскихъ горъ выходили изъ-подъ воды, конечно, и многія другія горы. Тогда какъ Карпатскія возвышенности были разсадникомъ по

*) Источники: Профессоръ Хойновскій—«Краткія свѣдѣнія о предкахъ словянъ и Руси». Рубакинъ: «Откуда пошла Русская земля».

Россіи словянскихъ племенъ,—возвышенности Урала сдѣлались колыбелью чудскихъ-финскихъ народовъ тюркскаго корня. Они собою заняли сѣверъ и сѣверо-востокъ Россіи, здѣсь составляя, до прихода словянъ, коренное первое населеніе, позже задавленное словянами. Размножаясь, чудскія племена зашли далеко въ Западную Сибирь до Алтайскихъ горъ, гдѣ со стороны южныхъ ихъ склоновъ мы скоро встрѣтимъ тюркскія орды степей Туркестана и мѣсто выхода къ берегамъ Каспійскаго моря старинныхъ русскихъ враговъ — хазаръ. Кстати припомнимъ слѣды древнихъ чудскихъ копей мѣдной руды въ Сибири. На западъ отъ Урала тюркскія племена разселились до Скандинавіи (т. е. Швеціи и Норвегіи) и Балтійскаго моря, въ нынѣшней Финляндіи, Прибалтійскихъ провинціяхъ, а также во всѣхъ сѣверныхъ и среднихъ губерніяхъ современной Россіи, до предѣловъ разселенія словянъ и литовцевъ въ юго-западной ея полосѣ. Во времена Геродота эти народы были извѣстны подъ разными, нами уже указанными въ первыхъ чтеніяхъ, странно для насъ звучащими именами: меланхленовъ и ѳиссагетовъ,—сопровождавшимися у грековъ смѣшными вымыслами и сказками. Но уже въ I-мъ столѣтіи по Рождествѣ Христовомъ римскій историкъ Тацитъ намъ ихъ подробно описываетъ подъ однимъ именемъ «фенни». Онъ говоритъ, что дикости и убожеству финновъ надобно удивляться: не видно у нихъ ни лошади, ни оружія, ни какого-либо порядочнаго жилища. Дѣти у нихъ отъ непогоды имѣютъ пріютъ только въ шалашахъ, сплетенныхъ изъ вѣтвей. Ихъ пища—трава; одежда—кожа; постель—земля. Мужчины и женщины финскія кормятся преимущественно охотой. За неимѣніемъ желѣза они дѣлаютъ наконечники стрѣлъ изъ кости.

Такая жизнь финнамъ болѣе по душѣ, чѣмъ обработка полей и постройка домовъ. Они ничего не желаютъ и равнодушно относятся къ окружающему. Землю пахать они научились у своихъ сосѣдей—литовцевъ, словянъ и, можетъ быть, у древнихъ сарматовъ. Поселенія словянскія, слѣдуя вверхъ по теченію и по притокамъ рѣки Днѣпра, на сѣверъ и сѣверо-востокъ, въ области рѣки Волги клиномъ врѣзались въ самую глубь финскихъ поселеній, занимавшихъ помимо всей сѣверной части Россіи и бо́льшую часть Приволжья до нынѣшнихъ степныхъ губерній: Воронежской и Тамбовской. Всѣ современныя намъ сѣверныя губерніи между Волгой и берегами Ледовитаго океана, а также губерніи по Волгѣ: Тверская, Московская, Владимірская, Рязанская и другія были заселены финскими племенами. Въ старину эти племена назывались «чудью»,—почему ихъ народъ зоветъ «чухнами». Зыряне, пермяки, вотяки, остяки, черемисы, мордва, эсты, финляндцы и лопари, все это — племена финскія. Надо полагать, что финны жили въ указанныхъ областяхъ очень задолго до прихода туда словянъ; мѣстность ихъ обитанія была лѣсистая и болотистая. Лѣса тамъ были въ прежнія времена въ три раза больше и гуще, нежели теперь. Потому жить приходилось по берегамъ рѣкъ и озеръ, а пропитаніе добывать звѣроловствомъ и рыболовствомъ. Упорной, долгой борьбы между исконными обитателями вышеупомянутыхъ мѣстностей и пришельцами—словянами почти нигдѣ не происходило, такъ какъ словяне, какъ мы уже говорили, явились не въ видѣ свирѣпыхъ завоевателей, но скорѣй мирными поселенцами среди финновъ. Отстоять свою самобытность и независимость способны были очень немногія финскія племена, а потому

имъ приходилось волей-неволей отступать передъ наплывомъ словянъ въ болота и дебри, или сливаться съ ними во вновь образовывавшихся словянскихъ поселеніяхъ.

Однако, въ углу, образуемомъ Волгою при впаденіи въ нее съ сѣвера изъ Уральскихъ горъ самаго могучаго изъ ея притоковъ—Камы, въ Спасскомъ и Чистопольскомъ уѣздахъ нынѣшней Казанской губерніи, жило другое тюркское племя «Волжскихъ булгаръ», образовавшее здѣсь впослѣдствіи богатое и большое въ древнія времена—царство Булгарское. Волжскіе, или Серебряные булгары, раздѣляясь на нѣсколько отдѣльныхъ племенъ, составляли сильный народъ, занимавшій области, изобильныя дремучими лѣсами и большими судоходными рѣками, далеко открывавшими имъ пути во всѣ стороны. Не отличаясь особенною воинственностью и занимаясь больше торговлей, булгары однако все-таки расширяли границы принадлежавшихъ имъ областей посредствомъ завоеваній. Булгарскій народъ здѣсь являлся наслѣдникомъ и древнѣйшаго приуральскаго горнаго промысла. Изъ греческой Ольвіи, при устьѣ Днѣпра, вверхъ по Днѣпру на Кіевъ, потомъ по Деснѣ и Окѣ на Волгу до устья Камы—лежалъ торговый путь къ Уральскимъ богатствамъ. Изъ Босфора Киммерійскаго шелъ другой путь вверхъ по Дону, на Царицынскій перевалъ въ Волгу, гдѣ, по свѣдѣніямъ Геродота, стоялъ деревянный, богатый греческій городъ Гелонъ. Эта торговая дорога, за 500 лѣтъ до Рождества Христова проходившая по нашей странѣ отъ Днѣпра до Дона къ Уралу, должна была многому научить здѣшнее населеніе и вызвать въ немъ хотя отчасти столь же торговый и предпріимчивый духъ, какой вносился сюда караванами изъ черноморскихъ греческихъ го-

родовъ. Но древнѣйшее развитіе Камской и Уральской промышленности до насъ дошло только въ смутныхъ, баснословныхъ чертахъ, и ее застаетъ исторія уже въ рукахъ булгаръ X-го вѣка, сосредоточенной въ ихъ могучемъ нѣкогда, обширномъ торговомъ царствѣ. Не будемъ путать этотъ народъ съ потомками гунновъ Кутургуровъ: болгарами придунайскими, какъ два совершенно различныхъ міра, и посмотримъ теперь, что̀ сталось съ гуннскимъ народомъ послѣ смерти Атилы.

Не только *) имена племенъ, но и названія рѣкъ совершенно перемѣнились послѣ громаднаго трехсотлѣтняго передвиженія и столкновенія между собою разныхъ народовъ, пришедшихъ съ сѣвера и востока на далекій югъ и западъ древней Европы, между IV и VI вѣкомъ. Мы видимъ, что, оставаясь той же рѣкой, видѣвшей поселенія и кочевья скиѳовъ, Борисѳенъ дѣлается Днѣпромъ на словянскомъ нарѣчіи, Истръ — Дунаемъ; Тирасъ превращается въ Днѣстръ, Гипанисъ—въ Бугъ. Мы до сихъ поръ избѣгали сейчасъ приведенныхъ древнихъ названій всѣхъ этихъ рѣкъ, чтобы не затруднять памяти слушателей. Такъ же перемѣнялись названія племенъ и народовъ, сбивая мысль позднѣйшихъ историковъ-лѣтописцевъ. Однако, эта внѣшняя перемѣна не уничтожала коренной сущности мѣстнаго населенія, основной почвы его: послѣдовательнаго развитія его природныхъ свойствъ и одного племенного, стойко-опредѣленнаго облика. Когда гунны исчезли послѣ смерти Атилы, какъ дымъ, какъ грозное привидѣніе,—на ихъ мѣстахъ оказались всюду словяне, и западные писатели часто зовутъ словянъ помимо венедовъ—

*) Забѣлинъ: «Исторія Русской жизни» и Д. И. Иловайскій: «Изысканія о Древней Руси».

гуннами, а греки—скиѳами и тавро-скиѳами. Мы уже знаемъ, что Атила, воюя съ готами и римлянами, все время былъ на-сторожѣ отпаденія отъ его подданства племенъ словянскихъ; преслѣдовалъ неумолимо измѣнниковъ-перебѣжчиковъ въ римскій лагерь и воевалъ лишь съ тѣми словянами, что̀ надъ собой признавали римскую власть. Если спокойнѣе разобрать историческій ходъ событій, не придавая большого значенія преувеличеннымъ описаніямъ звѣрской свирѣпости и ужаснаго вида гунновъ, то ихъ нашествіе можетъ получить ясный, опредѣленный смыслъ: изгнанія съ юга Россіи пришельцевъ чуждой словянству—германской народности объединившимися словяно-сарматскими племенами. Гунны сплотили своими свѣжими силами въ крѣпкій союзъ все основное мѣстное населеніе страны—отъ Дона и до Дуная: аланъ и антовъ, сражавшихся противъ готовъ заодно съ ними. Торжество гунновъ—не ураганъ, налетѣвшій въ лицѣ одного могучаго, прирожденнаго завоевателя, но упорная, медленная борьба двухъ разныхъ породъ или расъ человѣческихъ. Появленіе гунновъ на страницахъ исторіи связано съ многими сказочными преданіями. Мы говорили уже о пристрастіи готскаго епископа Іорнанда, связанномъ съ глубокимъ невѣдѣніемъ географіи въ тѣ далекія времена. Онъ разсказываетъ, что гунны жили сначала просто въ болотахъ и камышахъ; описываетъ ихъ лица, какъ безобразный комъ мяса съ щелью и дырами вмѣсто рта, носа и глазъ. Вторя ему, римскій историкъ IV столѣтія Марцеллинъ разсказываетъ, что, когда у гунновъ родятся дѣти мужского пола, они изрѣзываютъ имъ щеки, чтобы не росла у нихъ впослѣдствіи борода; что похожи они будто бы болѣе на двуногихъ животныхъ, чѣмъ на людей, или на

каменные столбы въ образѣ человѣка. Между владѣніями гунновъ и готовъ лежало болотистое гнилое озеро Сивашъ, упоминаемое другимъ историкомъ римскимъ Страбономъ, какъ вовсе несудоходное по причинѣ своихъ едва прикрытыхъ водою мелей. Но здѣсь зато водилось много кабановъ и оленей. И гунны и готы будто бы долго были убѣждены, что этимъ воднымъ пространствомъ кончается суша. Но вотъ однажды, какъ мы уже вскользь сказали, погоня за перебѣжавшей озеро посуху ланью открыла гуннамъ существованіе обширныхъ земель за озеромъ, и они напали на готовъ, сначала малыми силами, а потомъ потѣснили ихъ необозримыми полчищами. Гуннскій вождь Валамиръ овладѣваетъ обширнымъ королевствомъ погибшаго Германрика не сразу. Среди готовъ начались распри. Готскій король Ватимиръ сражается съ аланами, а Винитаръ казнитъ словянъ или антовъ, побѣжденныхъ имъ все въ той же гуннской войнѣ. Значитъ, алане и анты—тѣ же гунны, словяно-сарматы: враги готской народности! Господство гунновъ начинается послѣ смерти готскаго короля Ватимира, когда они овладѣваютъ всею страною восточныхъ готовъ, имъ оставляя для управленія ихъ родныхъ князей,—между тѣмъ какъ непокорныхъ западныхъ выпроваживаютъ за Дунай. Сравненіе гунновъ съ потопомъ, неудержимо разлившимся послѣ ихъ побѣды надъ готами съ юга Россіи по всей Европѣ, можетъ имѣть оправданіе только съ тѣхъ поръ, какъ предводителемъ гунновъ сталъ знаменитый завоеватель Атила. Но надо помнить, что въ значительной долѣ сами между собою враждующіе западные народы завлекли къ себѣ Атилу съ его ордою, тогда какъ онъ тяготѣлъ къ востоку,—къ мѣстности между Днѣпромъ и Дунаемъ. Іорнандъ

25) Картина: Погоня за ланью гуннскихъ охотниковъ. (См. выпускъ I).

вмѣсто гунновъ пишетъ нерѣдко: венеты, анты, словяне. Римскій же историкъ Прискъ въ своемъ описаніи гуннскаго стана нерѣдко гунновъ зоветъ укоренившимся за древне-русскими дикарями, древнимъ именемъ: скиѳовъ. Между тѣмъ какъ скиѳы были давно уже оттѣснены сарматами и племенами прикарпатскихъ словянъ къ Таврическому хребту на полуостровѣ Черноморскаго берега—Таврѣ, и потому небольшой остатокъ нѣкогда столь обширной, могучей народности, ограниченной теперь небольшимъ приморскимъ пространствомъ, получилъ названіе: «таврескиѳовъ». Погоня за готами привела гунновъ, какъ видѣли мы, къ стародавнимъ жилищамъ далекихъ предковъ ихъ: киммерійцевъ, а затѣмъ дальше вверхъ по лѣвому берегу Дуная и его притоку Тейсу,—въ землю сарматовъ — языговъ. Атила свое пребываніе утвердилъ близъ Карпатскихъ горъ, въ Восточной Венгріи, тогда Панноніи, указываемой нашей лѣтописью, какъ одно изъ коренныхъ мѣстъ обитанія древнихъ прикарпатскихъ словянъ. Атила, стало быть, овладѣлъ старыми словянскими землями, гдѣ населеніе въ его время пило уже нашъ русскій квасъ, приготовляемый изъ ячменя, и крѣпкій медъ. Единство словянъ и гунновъ такъ часто ярко подсказывается по многимъ даннымъ исторіи, хотя пока еще спорнымъ и разнорѣчивымъ въ своихъ толкованіяхъ, что надо во всякомъ случаѣ предположить близкое ихъ родство, если не полное тожество. По смерти Атилы, не удержавъ въ единой верховной власти своей всѣ словяно-сарматскія племена, захваченныя ими въ ихъ бурномъ натискѣ противъ германцевъ-готовъ, гунны Кутургуры (т. е. своею западной вѣтвью) сосредоточились снова на берегахъ Днѣпра и за Дунаемъ, гдѣ образовали впослѣдствіи въ соединеніи

съ выходцами карпатскихъ словянъ—Болгарское царство. Гунны же Утургуры, овладѣвшіе, какъ мы разсказывали, Босфорскимъ царствомъ, вернулись туда и оставались жить между устьемъ Дона и Закавказьемъ, гдѣ принимали участіе въ войнѣ грековъ съ персами, вѣроломно служа то тѣмъ, то другимъ за деньги. При войскѣ они исполняли должность нашихъ казаковъ, разъѣзжая въ разныя стороны для добыванія вѣстей и лазутчиковъ. Дальше мы скажемъ нѣсколько словъ о зарожденіи вообще казачества въ южныхъ степяхъ Россіи,—съ своеобразными его обычаями и военнымъ строемъ.

Въ сосѣдствѣ съ гуннами Утургурами, упоминается выше нами описанное среди прикарпатскихъ словянъ, грозное племя «геруловъ»,—частью ушедшее, какъ мы уже говорили, на сѣверъ, къ Балтійскому морю, черезъ родныя словянскія земли. Они принимали участіе въ покореніи Утургурами босфорскихъ готовъ, послѣ чего основали свое пребываніе вмѣстѣ съ ними при устьѣ Кубани и на Таманскомъ полуостровѣ между Азовскимъ и Чернымъ моремъ. Мы видимъ такимъ образомъ всюду среди гунновъ большую долю чистословянскаго населенія, какого бы корня и какой крови ни были они сами по своему до сихъ поръ спорному происхожденію. На сѣверѣ съ гуннами Утургурами, разселившимися по всему побережью Азовскаго моря, граничили многія племена словянъ или антовъ; на югѣ же, кромѣ херсонскихъ или корсунскихъ грековъ, въ горахъ Таврическаго полуострова утвердился остатокъ готовъ. Благодаря горамъ, они отстояли себя отъ окончательнаго истребленія гуннами Утургурами и заключили съ ними союзъ, выговоривъ въ немъ для себя право спокойно жить въ сосѣдствѣ съ гуннами. Это была часть восточныхъ готовъ, сми-

рившихся передъ неодолимымъ натискомъ гунновъ и нѣкогда признавшихъ надъ собой власть ихъ вождя Валамира.

Въ 500-хъ годахъ послѣ Рождества Христова изрѣдка у западныхъ лѣтописцевъ и готскаго историка Іорнанда мы впервые встрѣчаемъ имя болгаръ, обозначавшее тѣхъ же гунновъ. Такъ, напримѣръ, Іорнандъ говоритъ, «что болгаре властвуютъ въ областяхъ надъ Чернымъ моремъ за грѣхи готовъ». Византійскій же лѣтописецъ VI-го вѣка Прокопій позднѣйшихъ дунайскихъ болгаръ называетъ все время гуннами Кутургурами,—такъ же, какъ и его современникъ—Агаѳій. Византійскіе императоры сильно страдали отъ набѣговъ болгаръ Кутургуровъ и для защиты отъ нихъ своей столицы, Царьграда, т. е. того же Константинополя, построили даже стѣну отъ Мраморнаго до Чернаго моря. Гунны Кутургуры разорили древнюю греческую область—Ѳракію, но тоже иногда помогали византійскому императору Зенону въ его войнахъ съ готами и германцами въ подвластной ему Западной Римской имперіи, къ тому времени уже едва державшейся. Она окончательно рухнула въ 476 году, уничтоженная германскимъ вождемъ Одоакромъ.

26) Картина: Разрушеніе Рима дикарями германцами: воинами Одоакра.

Готы тогда, побѣдивъ Одоакра, завладѣли всею Италіей. Знаменитый король ихъ Теодорикъ Великій, проведя 10 лѣтъ при византійскомъ дворѣ, получилъ ее, какъ бы изъ рукъ византійскаго императора Зенона. Но въ 482 году онъ нанесъ гуннамъ Кутургурамъ, заключившимъ союзъ съ византійцами, сильное пораженіе въ царствованіе того же Зенона. Кстати замѣтимъ здѣсь, что его предшественникъ Левъ Великій, царствовавшій отъ 457 года до 474-го, первый былъ коронованъ царьградскимъ патріархомъ. Гораздо чаще Кутургуры опустошали и грабили Византію; особенно

27) Картина: Теодорикъ Великій получаетъ себѣ во владѣніе зависимую отъ Византіи западную часть уничтоженной Одоакромъ Римской имперіи,—отъ византійскаго императора Зенона.

страшный набѣгъ на нее они совершили при императорѣ Юстиніанѣ въ 540 году. Во время царствованія его съ 527 до 562 года имперія Византійская безпрестанно подвергалась набѣгамъ словянъ, антовъ и гунновъ. Иныя области были по нѣскольку разъ опустошены ими. Нападенія этихъ народностей совершались какъ бы въ тѣсномъ союзѣ ихъ между собою. Собственно словяне западныхъ склоновъ Карпатскихъ горъ оттуда тѣснили византійцевъ; анты—съ восточныхъ склоновъ Карпатъ и нижней части Дуная; а гунны Кутургуры являлись съ рѣки Днѣпра. Въ 1-ый годъ царствованія Юстиніана анты были разбиты ѳракійскимъ воеводою Германомъ. Но это не остановило общихъ словянскихъ набѣговъ на Византію. Въ 540 году, по свѣдѣніямъ Прокопія, секретаря знаменитаго во времена императора Юстиніана византійскаго полководца—Велизарія, вся страна была разорена ими, до самой столицы, и они возвратились обратно въ земли свои съ толпою плѣнныхъ, съ огромной, награбленной добычей, не встрѣтивъ сопротивленія. Потомъ нападали неоднократно на Херсонесъ и берега Малой Азіи, грабили придунайскія области, а въ 558 году,—какъ мы увидимъ ниже,—подъ предводительствомъ Забергана опять заполнили Ѳракію (сѣверную область Греціи—позже Византіи), опустошая земли по дорогѣ къ Царьграду. «Иные дикарей этихъ звали словянами, другіе гуннами Кутургурами»,—говоритъ лѣтопись,—«а иные болгарами». Юстиніанъ напрасно старался подарками и ежегодной данью остановить ихъ нападенія. Между тѣмъ горсть восточныхъ готовъ Таврскаго хребта, уже принявшая христіанство и опасавшаяся сосѣдства дикихъ гунновъ Утургуровъ, отправила къ Юстиніану пословъ будто по случаю смерти епископа своего,—прося о назначеніи новаго,—а между

тѣмъ тайно готы совѣтовали Юстиніану ссорить между собою гуннскія племена Утургуровъ и Кутургуровъ, для ослабленія ихъ.

Въ VI столѣтіи мы застаемъ Утургурскія поселенія сосредоточенными преимущественно на берегахъ Керченскаго пролива, тогда называвшагося Киммерійскимъ, т. е. въ главной части древняго греческаго Босфорскаго царства, повидимому Утургурами окончательно уничтоженнаго. Вмѣсто когда то цвѣтущаго, основаннаго греками на Таманскомъ полуостровѣ—города Фанагоріи, возникло среди гунновъ мѣстечко, имѣвшее большое значеніе для будущей русской исторіи, именно Тамотарха, вошедшая позже въ Тьмутараканскую область,—какъ разъ напротивъ бывшей столицы Босфорскаго царства, на другой сторонѣ пролива: Пантикапеи, называемой византійцами просто—Босфоромъ. Этотъ городъ уже не былъ теперь самостоятельнымъ, такъ какъ, спасая себя отъ меча гунновъ, отдался въ подданство Юстиніану. Византійцамъ удалось отстоять отъ захвата гуннами не только этотъ городъ, но еще Херсонесъ и нѣсколько укрѣпленныхъ мѣстъ на восточномъ берегу Таврическаго полуострова. Овладѣть имъ всецѣло не дали гуннамъ главнымъ образомъ ихъ междоусобныя распри и распаденіе на двѣ части, послѣ смерти Атилы, единой гуннской народности.

Слабая и ничтожная, при большинствѣ бездарныхъ своихъ императоровъ, утопавшая въ роскоши Византія пользовалась преимущественно этими распрями для борьбы съ своими врагами. Часто нанимала она дружины ихъ на свою службу. Такъ знатный византіецъ Пробъ возилъ Утургурамъ отъ Юстиніана большую сумму денегъ, чтобы послать противъ персидскаго царя Кабада, вмѣстѣ со своимъ войскомъ, гуннскіе полки на помощь кавказскому князю Гургеню, просившему

его союза. Самъ славный военачальникъ византійскій Велизарій много обязанъ военнымъ дружинамъ гунновъ въ своихъ побѣдахъ надъ готами, овладѣвшими, какъ мы видѣли, всей Италіей и захватившими въ свои руки многія области уничтоженнаго германцами Западно-Римскаго государства. Однако, помимо денегъ и ссоръ между собою гунно-булгарскихъ племенъ, союзникомъ Византіи для подчиненія ихъ своему вліянію на Таврическомъ полуостровѣ скоро явилось христіанство, ею распространявшееся,—въ противоположность Риму, дѣйствовавшему мечомъ для обращенія идолопоклонниковъ въ христіанскую вѣру,—привѣтливымъ обхожденіемъ, смиренной проповѣдью на языкѣ туземцевъ и благолѣпіемъ богослуженія въ прекрасныхъ греко-византійскихъ храмахъ.

Мы знаемъ, что христіанская проповѣдь раздалась на Таврическомъ полуостровѣ въ 1-мъ же вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ и до воцаренія въ Римѣ Константина Великаго, медленно возрастала, выдерживая борьбу съ языческими религіями древняго Рима и грубыхъ скиѳовъ. Мы знаемъ, что христіане должны были скрывать свою вѣру въ пещерахъ, иначе катакомбахъ, чтобы спастись отъ преслѣдованія язычниковъ. Прежде всего христіанство восторжествовало въ Корсунѣ, т. е. въ Херсонесѣ, а въ VI вѣкѣ также въ Босфорѣ или Пантикапеѣ послѣ того, какъ она предалась Византійской имперіи. Въ это же время отсюда христіанская проповѣдь проникаетъ въ среду сосѣднихъ гунновъ болгаръ—Утургуровъ, тѣмъ болѣе, что въ горахъ Таврскихъ готы были уже въ большинствѣ христіане.

28) Картина: Обрядъ христіанскаго погребенія въ катакомбахъ.

Въ 528 году князь Утургуровъ—Гордасъ лично отправился въ Византію для заключенія союза съ

императоромъ Юстиніаномъ и тамъ крестился, причемъ обѣщалъ охранять отъ нападенія дикихъ племенъ греческія владѣнія въ Таврикѣ и уплачивать ежегодно дань Юстиніану рогатымъ скотомъ. Однако, язычество было еще настолько прочно въ гуннскомъ народѣ, что попытки Гордаса истребить идолы, рядомъ съ его покорностью Византіи, вызвали противъ него мятежъ, и онъ былъ убитъ своими подданными. Братъ его Меогеръ овладѣлъ Пантикапеей и перебилъ тамъ всю византійскую стражу, вмѣстѣ съ ея начальникомъ. Императоръ Юстиніанъ отправилъ тогда противъ гунновъ многочисленныя войска, и устрашенные ими гунны бѣжали изъ Пантикапеи. Юстиніанъ послѣ того съ особымъ стараніемъ укрѣпилъ этотъ важный для Византіи, какъ въ торговомъ, такъ и въ военномъ отношеніи, городъ, а мѣстные жители потеряли послѣдній призракъ ими еще сохраненной свободы во внутреннихъ своихъ дѣлахъ. Это случилось въ самый расцвѣтъ славнаго царствованія Юстиніана, тогда еще полнаго силъ и проявлявшаго въ своемъ правленіи кипучую, всестороннюю дѣятельность, сопровождавшуюся побѣдами его легіоновъ подъ предводительствомъ Велизарія. Подъ старость же, утомленный тщетной постройкой цѣлаго ряда крѣпостей по Дунаю, чтобы защитить имперію отъ неукротимыхъ враговъ, и безуспѣшными своими усиліями одолѣть ихъ мечомъ въ открытой борьбѣ, Юстиніанъ послушалъ совѣта таврскихъ готовъ и сталъ прибѣгать къ коварству, ссоря отдѣльныхъ гуннскихъ вождей другъ съ другомъ и побуждая ихъ къ междоусобной войнѣ, къ взаимному истребленію. Онъ подкупилъ подарками далекихъ Утургуровъ, стараясь ихъ, безопасныхъ ему по дальности разстоянія отъ границъ своей имперіи, при-

29) Картина: Убійство язычниками Утургурами своего князя Гордаса за его попытку обратить народъ въ христіанство.

влечь къ союзу съ собою противъ родственныхъ имъ Кутургуровъ, и когда въ 551 году тѣ опять, совмѣстно съ Паннонскими словянами, принялись за обычные грабежи въ предѣлахъ Византійской имперіи, Юстиніанъ отправилъ посольство къ Утургурамъ съ упреками въ томъ, что они праздно бездѣйствуютъ, хотя видятъ, какъ разоряютъ другіе друзей ихъ, византійскихъ римлянъ, мѣшая этимъ обыкновенной щедрости Византіи по отношенію къ своимъ союзникамъ и не дѣлясь добычей съ своими родичами, на Азовскомъ морѣ, тогда какъ сами еще получаютъ отъ Византіи большую ежегодную дань. Тогда въ Утургурахъ заговорила жадность. Соединясь со своими сосѣдями—готами и тавро-скиѳами подъ предводительствомъ князя Сандильха, они напали на приднѣпровскія жилища Кутургуровъ, ихъ разгромили и увели съ собой въ плѣнъ ихъ семьи, выпустивъ на свободу гуннскихъ рабовъ изъ византійцевъ. Тогда Кутургуры, получившіе скорую вѣсть отъ самого Юстиніана о постигшемъ ихъ бѣдствіи въ собственной ихъ странѣ, съ прибавкою еще византійскаго золота для убѣжденія ихъ удалиться изъ Византіи, поспѣшили заключить миръ съ Юстиніаномъ и возвратились домой съ пустыми руками.

30) Картина: Гунны Утургуры подъ предводительствомъ своего князя Сандильха, по наущенью грековъ, разоряютъ приднѣпровскія жилища своихъ сородичей, уводя въ плѣнъ ихъ семьи.

Въ этотъ мирный договоръ, однако, входило условіе, что тѣ Кутургуры, которые будутъ не въ силахъ отстоять свои владѣнія при Днѣпрѣ, вернутся въ Византію, гдѣ Юстиніанъ дастъ имъ для жительства землю во Ѳракіи съ обязательствомъ защищать ее отъ вторженія дикарей-иноземцевъ. Дѣйствительно, часть Кутургуровъ, побѣжденная Утургурами, вернулась съ семьями въ Византію для окончательнаго поселенія за Дунаемъ. Предводитель Утургуровъ Сандильхъ пришелъ въ глубокое негодова-

ніе на такой двоедушный поступокъ своихъ мнимыхъ союзниковъ: по наущенію византійцевъ, Утургуры прогнали своихъ собственныхъ родичей изъ ихъ страны, а тѣ получили за то роскошный пріютъ въ богатой Византіи, изобилующей дорогими тканями, виномъ и золотомъ, между тѣмъ какъ они, Утургуры, за услугу свою продолжаютъ жить въ безплодной пустынѣ. Особенно въ Византіи прельщала гунновъ возможность наслаждаться римскими банями. Пристрастье къ банямъ, какъ видѣли мы, проходитъ отъ скиѳовъ черезъ всѣ словянскія племена. На жалобы Утургуровъ византійское правительство отвѣчало только льстивыми обѣщаніями и подарками.

31) Картина: Бани въ Византіи.

Но горькій опытъ не помѣшалъ Утургурамъ вторично поддаться такимъ же лукавымъ рѣчамъ и укорамъ византійскаго императора, когда, по разсказамъ лѣтописца Агаѳія, спустя лѣтъ семь—въ 558 году, опять повторился подобный случай, но еще въ бо́льшихъ размѣрахъ. Часть Кутургуровъ, оставшись на мѣстѣ своего прежняго обитанія, снова предприняла угрожающее нашествіе на Византію, какъ мы уже упоминали, подъ предводительствомъ Забергана. Полчища непріятеля съ трехъ сторонъ подступили къ Византійской имперіи: съ юга одна ихъ часть пошла на Грецію, другая съ востока на Херсонесъ Ѳракійскій, а третья къ самому Константинополю. Византію спасъ престарѣлый, славный ея полководецъ Велизарій, вызванный Юстиніаномъ изъ уединенія, гдѣ онъ отдыхалъ отъ прежнихъ своихъ боевыхъ трудовъ. Заберганъ принужденъ былъ отступить отъ столицы. Отрядъ, посланный въ Грецію, не могъ пробить себѣ путь сквозь Ѳермопильское горное ущелье. А тѣ, что̀ осаждали Ѳракійскій Херсонесъ, не успѣли имъ овладѣть.

32) Картина: Велизарій.

Потерпѣвъ неудачу съ сухого пути, они устроили было лодки изъ тростника и попытались на этихъ легкихъ судахъ напасть съ моря,—но безъ успѣха. Эта попытка указываетъ, однако, на ихъ словянскій навыкъ въ морскихъ предпріятіяхъ такъ же, какъ въ сухопутныхъ набѣгахъ. Заберганъ отступилъ все же только тогда, когда взялъ богатый выкупъ за византійскихъ плѣнниковъ и получилъ изрядный кушъ золота. Но Юстиніанъ не жалѣлъ денегъ, чтобы избавиться отъ грабителей, а тѣмъ временемъ снова послалъ сказать Сандилу — утургурскому князю, что, предоставляя сородичамъ своимъ возможность разорять Византію, онъ тѣмъ вынуждаетъ ее искать союза болѣе сильныхъ и предпріимчивыхъ Кутургуровъ, прекративъ имъ, Утургурамъ, плату обычныхъ денежныхъ суммъ. Затронутый за живое такими угрозами и укоризнами, Сандилъ собралъ немедленно войско изъ Утургуровъ. Они разорили вторично дома Кутургуровъ, а послѣ подстерегли ихъ въ низовьяхъ Дуная, разстроили ихъ войска и отняли у нихъ всю добычу. Эти жестокія междоусобныя войны двухъ самыхъ главныхъ вѣтвей Болгарской народности—скоро привели къ полному ослабленію ихъ обѣихъ. Кутургуры подпали тогда подъ иго другого сильнаго племени, пришедшаго изъ-за Каспійскаго моря и овладѣвшаго временно первенствомъ между всѣми народами южной Россіи, а именно—аваровъ, между тѣмъ какъ Утургуровъ покорили себѣ хазары.

Во время вольныхъ, неудержимыхъ набѣговъ своихъ на Византію, словяне западныхъ склоновъ Карпатскихъ горъ и середины Дуная, восточной части Карпатъ и нижняго теченія той же рѣки, то есть анты, и наконецъ днѣпровскіе гунны дѣйствовали совмѣстно, какъ самовластныя, въ то время не знав-

шія никакихъ другихъ новыхъ степныхъ поработителей, единокровныя словянскія племена. Когда же императору Юстиніану, вошедшему въ тайное соглашеніе съ христіанами-готами Таврическаго полуострова, удалось, при ихъ посредствѣ, поднять гунновъ Утургуровъ противъ ихъ днѣпровскихъ сородичей,—онъ, не довольствуясь имъ возбужденнымъ междоусобіемъ среди враждебныхъ ему словяно-болгаръ, началъ искать, для окончательнаго обузданія ихъ, какого-либо общаго имъ врага, который смогъ бы на нихъ наложить тяжелое иго.

33) Картина: Аварскій посолъ передъ императоромъ Юстиніаномъ.

Въ это самое время (во второй половинѣ VI вѣка) новые пришельцы изъ Азіи, дикіе, кочевые авары,—до тѣхъ поръ съ востока тѣснимые царившими въ Туркестанѣ турками,—послѣ завоеванія ими земель между Каспійскимъ и Азовскимъ морями, не пожелали больше сносить турецкаго ига и предложили византійскому императору черезъ посла своего Кандиха въ 558 году свои услуги для охраненія его имперіи отъ нападенія враговъ, съ тѣмъ, чтобы онъ далъ имъ въ своихъ владѣніяхъ новое мѣсто для поселенія. Представъ передъ императоромъ, посолъ Кандихъ гордо ему заявилъ, что съ нимъ желаетъ заключить договоръ самый великій и сильный изъ всѣхъ народовъ, а потому Византіи полезно будетъ пріобрѣсти въ аварахъ себѣ отличныхъ защитниковъ.

Юстиніанъ послалъ аварамъ много роскошныхъ подарковъ золотыми вещами, шелковыми одеждами и сѣдалищами, причемъ предписалъ своему посланнику склонить аварскихъ вождей къ безпощадной войнѣ противъ злѣйшихъ враговъ Византіи—словянъ. Авары согласились съ тѣмъ, чтобы ежегодно греки одѣляли ихъ дорогими подарками и поселили ихъ потомъ въ плодородныхъ земляхъ. Заключивъ съ греками-визан-

тійцами это условіе, авары первымъ дѣломъ подчинили власти своей гунновъ Утургуровъ—въ мѣстѣ жительства ихъ между устьями Днѣпра и Дона, а затѣмъ—между Днѣпромъ и Днѣстромъ Кутургуровъ, ослабленныхъ распрями со своими одноплеменниками. Владѣтели антскіе на берегахъ Днѣстра тоже приведены были въ бѣдственное и рабское состояніе воинственными аварами, хотя повидимому не надолго. Ихъ земли однако были разорены нашествіемъ чужеземцевъ, имущество все разграблено. Въ нашихъ русскихъ лѣтописяхъ авары зовутся «обрами». Про нихъ разсказываютъ, что они совершали всякія злыя насилія надъ побѣжденными ими словянами, запрягали словянскихъ женщинъ въ телѣги тройкой или четверкой и заставляли ихъ возить себя вмѣсто воловъ и лошадей. Аварскій каганъ очень хвастался передъ греками своей побѣдой надъ гуннами, обобщая въ нихъ всѣ словянскія племена, и требовалъ себѣ ту ежегодную дань, что̀ Византія платила имъ до нападенія на нихъ аваровъ.

34) Картина: Жестокія насилія аваръ надъ словянами.

Однако, авары все-таки находились сами въ зависимости отъ корня своего въ Азіи—гдѣ то у Золотой горы, т. е. Сибирскаго Алтая. Тамъ турскій ханъ Туркестана продолжалъ аваровъ, освобожденныхъ отъ его власти покровительствомъ грековъ, считать за своихъ подданныхъ и присвоивать себѣ всѣ ихъ завоеванія. Въ царствованіе преемника Юстиніана, Юстина II-го, византійцы тоже и съ нимъ имѣли непосредственныя сношенія.

Въ 568 году *) турецкій ханъ Дизавулъ предложилъ свой союзъ персидскому царю Хозрою, причемъ про-

*) Источники: И. Е. Забѣлинъ: «Исторія Русской жизни» и Д. И. Иловайскій: «Изысканія о Древней Руси».

силъ свободы торговать шелкомъ въ его предѣлахъ, но получилъ отказъ. Тогда, черезъ лѣсистыя земли и высокія, снѣжныя Кавказскія горы, онъ отправилъ посольство къ византійскому императору Юстину II съ такимъ же предложеніемъ своей дружбы,—тѣмъ болѣе, что у нихъ оказался одинъ общій врагъ: персы. Но въ обоюдный ихъ договоръ Дизавулъ включилъ условіе, чтобы Византія не состояла въ союзѣ съ его бѣглецами—аварами и не давала бы имъ у себя земель для поселенія, на что̀ Юстинъ II согласился. Для укрѣпленія этой новой дружбы онъ на обратномъ пути турецкихъ пословъ въ 569 году далъ имъ въ спутники, во главѣ греческаго посольства, правителя византійскаго въ восточныхъ греческихъ городахъ: Земарха. Однако, Земархъ преднамѣренно не указалъ имъ болѣе легкой дороги изъ Византіи въ Закаспійскую область: на судахъ, моремъ,—черезъ Таманскій полуостровъ—и далѣе, на конѣ, по владѣніямъ Утургуровъ,—такъ что они многіе дни находились въ тяжеломъ пути, пересѣкая опять Кавказъ, пока, наконецъ, добрались до главной ханской ставки, гдѣ были приняты съ большою пышностью. Ханъ возсѣдалъ среди пестрыхъ ковровъ своего шатра на разукрашенной золотомъ колесницѣ, служившей ему тро номъ. Послѣ обмѣна привѣтствій и подношенія даровъ послами, ихъ приглашали неоднократно къ ханскому торжеству въ разныхъ шатрахъ, обставленныхъ для пріема гостей одинъ богаче другого. Всюду блестѣло золото и серебро. По серединѣ были разставлены дорогіе сосуды и кувшины съ напитками. Золотое ложе кагана покоилось на четырехъ золотыхъ павлинахъ. Все это были богатства, награбленныя изъ городовъ Средней Азіи, и дары народовъ, желавшихъ избавиться отъ грабежа.

35) Картина: Пріемъ византійскихъ пословъ Дизавуломъ.

Одаривъ византійскихъ пословъ, Дизавулъ снова отправилъ съ ними турецкое посольство къ императору Юстину II, чтобы побудить его сейчасъ же начать войну съ персами. Опасаясь попасть въ руки персовъ, Земархъ направилъ свой караванъ черезъ рѣки: Сыръ-Дарью и древній Яикъ, т. е. Уралъ, на Волгу. Въ волжскихъ степяхъ подвластный турецкому хану угорскій князь предупредилъ Земарха о персидской засадѣ въ устьяхъ рѣки Кубани, и тотъ взялъ-было съ своими спутниками болѣе сѣверный путь черезъ земли аланъ. Аланскій князь допустилъ въ свою землю турецкихъ посланныхъ только тогда, когда они согласились разоружиться, и подтвердилъ имъ, что персы подстерегаютъ ихъ. Потому, обманувъ бдительность персовъ ложнымъ передовымъ отрядомъ въ десять коней, Земархъ рѣшилъ возвратиться домой черезъ Кавказскій хребетъ и моремъ—до греческихъ береговъ.

Турецкіе каганы съ ихъ окружающими обычаями и пышною обстановкой походныхъ своихъ шатровъ являются какъ бы предшественниками позднѣйшихъ татарскихъ хановъ, заполнившихъ Русское государство. Названіе «Золотой горы»—въ память болѣе ранняго мѣста жительства у подножья Алтайскаго хребта—очень напоминаетъ позднѣйшую Сарайскую Золотую орду, послѣ Батыя.

Дизавулъ поклоняется также вмѣстѣ съ своими подданными огню,—и чужеземцевъ турецкіе колдуны, или шаманы, особенными обрядами очищаютъ раньше, чѣмъ имъ позволяютъ предстать передъ лицо хана.

До конца IV столѣтія завоеванія турокъ еще не шли далѣе Туркестана. Только какое-то, имъ подвластное, племя угровъ кочевало въ степяхъ нижней

Волги, да частью хазарскія, прикавказскія племена и наполовину сбѣжавшіе въ Византію авары являлись ихъ передовыми силами. Утургуры, или азово-черноморскіе болгары, не были еще покорены тогда пришлыми азіатами, но съ семидесятыхъ годовъ IV-го вѣка турецкія завоеванія мало-по-малу все болѣе расширялись къ западу, такъ что наконецъ стали грозить и греческимъ областямъ въ Тавридѣ, когда Утургуры тамъ, въ началѣ VII-го столѣтія послѣ Рождества Христова, были побѣждены тѣми же турками, уже принявшими наименованіе—хазаръ.

Глава III.

Хазары. Господство аваръ въ степяхъ южной Россіи. Войны ихъ съ Византіей. Аравія и ея могущество. Буртасы *).

Въ началѣ V-го вѣка, по свидѣтельству византійскаго историка—Приска, какой-то закаспійскій народъ тюркскаго племени потѣснилъ аваръ, а вмѣстѣ съ ними другія приволжскія и прикавказскія племена. Въ VI вѣкѣ онъ выступилъ въ качествѣ новаго завоевателя юго-восточной Европы. Весьма вѣроятно, что это было прямымъ послѣдствіемъ возвышенія какого-либо ханскаго рода и объединенія подъ его верховною властью значительной части турецкихъ племенъ. Совершенный такимъ событіемъ переворотъ подвинулъ турокъ на югъ и западъ; но далѣе Туркестана турецкое владычество не пошло на югъ,

*) Источники: Д. И. Иловайскій, И. Е. Забѣлинъ, П. Полевой и профессоръ М. В. Довнаръ-Запольскій: «Русская Исторія въ очеркахъ и статьяхъ».

встрѣтивъ отпоръ со стороны въ то время сильнаго Персидскаго государства,—тогда какъ къ западу отъ Каспійскаго моря турки не встрѣтили себѣ никакого препятствія, натолкнувшись только на разъединенныя племена другъ другу чуждыхъ народностей. Завоеванія ихъ распространились здѣсь до Арменіи на Кавказѣ, до морей: Чернаго и Азовскаго. Они подчинили власти своей и обложили данью словянскія племена: полянъ, родимичей, вятичей и сѣверянъ. Отдѣлясь отъ великаго хана, жившаго въ Туркестанѣ, они составили въ VII вѣкѣ особый хаганатъ или Хазарское царство, сосредоточіемъ котораго сталъ городъ Итиль на мѣстѣ нынѣшней Астрахани—при впаденіи Волги въ Каспійское море. Подчинивъ себѣ многіе города и осѣдлыя поселенія, турки хазарскіе превратились въ народъ полу-осѣдлый. Тѣ же ихъ орды, что̀ при своемъ движеніи на западъ отъ востока остались въ степяхъ приволжскихъ и приуральскихъ, продолжая вести кочевой образъ жизни, являются тоже въ исторіи подъ хорошо извѣстными первымъ русскимъ князьямъ именами: печенѣговъ и половцевъ. Имя «хазаръ» произошло отъ народа «хазиръ» или «акациръ», обитавшаго по сѣвернымъ склонамъ Кавказскихъ горъ и покореннаго при Атилѣ гуннами. Вблизи нихъ жили болгары, давшіе свое имя позднѣйшимъ гуннамъ, которыми тоже сначала были покорены. Въ это же время образованія Хазарскаго царства,—ослабленные внутренними раздорами и удаленіемъ части своей народности къ Днѣпру,—болгары Утургуры принуждены были хазарамъ-туркамъ уплачивать дань и подчиняться имъ. Заимствовавъ свое названіе отъ имени покореннаго прикавказскаго племени, хазары, въ продолженіе нѣсколькихъ сотенъ лѣтъ своего владычества отъ VII до XI вѣка, не

представляли изъ себя одного, рѣзко опредѣлившагося, народа. Хазарское царство составляли помимо туркестанскихъ турокъ племена «мидіо-сарматскія» *) (Мидія—сѣверо-западная часть Иранскаго плоскогорія въ Азіи) или «черкесскія», нѣкоторая часть восточно-словянскихъ племенъ и нѣкоторыя орды угорскія, кочевавшія въ степяхъ Волги и Дона. Кромѣ того, въ городахъ этого царства разсѣяно было значительное количество еврейскаго населенія. Евреи поселились очень давно въ Крыму. Еще въ первые вѣка христіанства въ Пантикапеѣ была еврейская синагога. Особенный наплывъ этого народа начинается въ VII столѣтіи, когда на евреевъ поднято было сильное гоненіе въ Византіи. Въ первой половинѣ VIII столѣтія Хазарія, по государственному разсчету и главное силой меча арабовъ, принуждена была принять исламъ; но въ томъ же столѣтіи верховный правитель Хазаріи, каганъ Буланъ принялъ іудейство. Несмотря на продолжительное существованіе Турецко-Хазарскаго царства,—различныя племена его не сплотились въ одинъ народъ, почему, во время своего наибольшаго процвѣтанія, оно поражаетъ разнообразіемъ вѣроисповѣданій, имѣвшихъ въ немъ мѣсто рядомъ одно съ другимъ, при полной терпимости ко всѣмъ имъ со стороны кагана, принявшаго іудейское вѣроисповѣданіе, — и равноправіемъ всѣхъ въ государственной общественной жизни.

Между тѣмъ какъ на прибрежьяхъ Днѣпра и около озера Ильменя отъ VII до X вѣка по Рождествѣ Христовомъ только что начинали мало-по-малу складываться первыя словяно-русскія княжества (о чемъ мы будемъ разсказывать своевременно) и въ

*) См. Выпускъ I. Глава: Сарматы.

нихъ проникали впервые изъ Византіи лучи христіанства,—Хазарскій востокъ давно уже жилъ вполнѣ развитой общественной жизнью и велъ обширную торговлю съ Азіей, пользуясь выгоднымъ положеніемъ своихъ земель на пути торговыхъ сношеній далекаго востока съ европейскимъ сѣверомъ и западомъ. Главное значеніе Хазаріи заключалось въ ея обширной торговлѣ. Между прочимъ хазарамъ доставлялись для передачи въ Азію отъ словянъ невры. Съ печенѣгами они вели мѣновую торговлю. Хазары питались главнымъ образомъ рыбой и рисомъ.

Въ VII вѣкѣ наступили самыя славныя времена Хазарскаго царства. Овладѣвъ большою частью Таврическаго полуострова, оно вступило отсюда въ тѣсныя сношенія съ Византіей, помогая ей въ ея войнѣ съ персами. Хазары начали ихъ тѣснить въ Закавказьи до такой степени, что персы стали себя ограждать отъ нихъ каменными стѣнами и протянули земляные валы во всю ширину своей границы, соприкасавшейся съ Хазарскимъ царствомъ.

Лѣтомъ всѣ города полу-осѣдлыхъ хазаръ пустѣли. Жители забирали свои пожитки и уходили въ степь со своими стадами. «Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ»,—пишетъ хазарскій каганъ Іосифъ,—«мы выходимъ изъ города, и каждый изъ насъ отправляется по своимъ полямъ, садамъ и полевымъ работамъ; каждое семейство, имѣющее вотчину, радостно съ пѣньемъ туда отправляется, чтобъ провести тамъ лѣтнее время». Лѣтомъ хазары привозили въ Итиль на повозкахъ и лодкахъ свою жатву хлѣба и винограда. Нѣкоторые богачи имѣли свои дома—по-просту земляныя мазанки, куда они возвращались на зиму. А у царя или кагана хазарскаго былъ высокій просторный домъ. Важнѣйшими хазарскими городами были: прежняя

столица—Семендеръ, у подножья Кавказа, и расположенная при устьѣ Волги, недалеко отъ мѣста нынѣшней Астрахани, перенесенная изъ Семендера, позднѣйшая столица Хазарскаго царства: Итиль, въ 8-ми дняхъ караваннаго пути отъ Семендера. (Караваномъ называется совмѣстное передвиженіе сухимъ путемъ многихъ людей, въ повозкахъ, на лошадяхъ или верблюдахъ,—если приходится пересѣкать пустыню,—съ запасами пищи, имуществомъ и также товарами, когда караванъ снаряженъ купцами). Семендеръ не уступалъ обширностью и населенностью своей Итилю. Онъ былъ окруженъ плодовыми садами и виноградниками, доставлявшими столько вина, что жители часть его отправляли за предѣлы Хазарскаго царства. Кромѣ того, тамъ впослѣдствіи производились еще шерстяныя ткани, и вообще этотъ городъ славился своимъ богатствомъ. Къ торжищамъ его стекалось множество разноплеменныхъ людей.

36) Картина: Караванъ.

Городъ Итиль расположенъ былъ по обоимъ берегамъ Волги. На восточномъ берегу жили только одни купцы. Тамъ находились амбары съ товарами, и эта торговая сторона называлась «Харранъ». Западная же часть города, обнесенная стѣною, заключала въ себѣ дворецъ самого хазарскаго повелителя.

37) Картина: Базаръ на востокѣ.

По нѣкоторымъ извѣстіямъ, пребываніе кагана имѣло мѣсто на отдѣльномъ островкѣ, соединенномъ съ западной жилой частью города деревяннымъ мостомъ, устроеннымъ на лодкахъ. Жажда наживы собирала на берегахъ Волги въ торговомъ Итилѣ весьма многочисленное и пестрое населеніе. Вслѣдствіе вышеупомянутой вѣротерпимости, въ хазарскихъ городахъ находились храмы: и мусульманскіе, и христіанскіе,—и еврейскія синагоги. Для людей

разной вѣры существовали особые судьи: по два для каждой религіи, признававшей Единаго Бога, и одинъ для язычниковъ,—чтобы всякій безъ исключенія могъ быть судимъ по своему закону. Получая свои доходы помимо даней подчиненныхъ народовъ, преимущественно отъ пошлинъ съ товаровъ, привозимыхъ въ Хазарію, хазарское правительство хорошо понимало выгоды обширныхъ торговыхъ связей и потому старалось обезопасить у себя права каждаго. Оно держалось повидимому правила: «не дѣлай другимъ, чего себѣ не желаешь». Такъ, когда однажды мусульмане разорили храмы евреевъ, оно приказало разрушить главную мечеть въ Итилѣ и казнить виновныхъ. Жители Итиля занимались кромѣ торговли еще скотоводствомъ и рыбнымъ промысломъ. Морскимъ путемъ шли товары изъ городовъ прикаспійскихъ и караваннымъ—изъ странъ, прилегавшихъ къ пустыннымъ степямъ восточной стороны этого моря. Хазары, сами по себѣ народъ не торговый и мало предпріимчивый, не имѣли денегъ, а потому десятая часть всѣхъ товаровъ, поступавшихъ въ Итиль, отдавалась казнѣ, какъ пошлинный сборъ, натурою. Въ большинствѣ полу-кочевое населеніе Итиля жило въ кибиткахъ и юртахъ изъ войлока. У одного лишь царя были высокія, каменныя хоромы. Подданнымъ запрещалась такая роскошь. Первыя достовѣрныя извѣстія о хазарахъ восходятъ ко II-му столѣтію по Рождествѣ Христовомъ. Съ этого времени начинаются ихъ столкновенія съ Персіей. Враждебныя отношенія между этими двумя народами были прерваны нашествіемъ гунновъ, которыя подчинили себѣ хазаръ, и Атила далъ имъ въ правители своего сына. Съ паденіемъ Гуннскаго царства, хазары стали быстро развивать свое могущество. Къ VIII столѣтію, вѣроятно, отно-

сится наложеніе ими дани на полянъ, сѣверянъ, вятичей и родимичей. Это было время наивысшаго развитія Хазарскаго каганата.

Каганъ только считался царемъ хазаръ, лично не управляя царствомъ своимъ. Онъ лишь являлся представителемъ верховной власти въ высшемъ и религіозномъ ея значеніи. Съ тѣхъ поръ какъ въ VIII столѣтіи каганъ Буланъ принялъ іудейство, оно стало государственною религіей, хотя полное равноправіе всѣхъ гражданъ въ хазарскихъ земляхъ и вѣротерпимость продолжали пребывать неизмѣнными. Страной управлялъ въ дѣйствительности другой человѣкъ, какъ бы намѣстникъ кагана: бекъ или пехъ. Самъ каганъ выбиралъ его; и при этомъ выборѣ соблюдался своеобразный обрядъ: каганъ начиналъ съ того, что увѣщевалъ будущаго намѣстника править мудро и справедливо; потомъ накидывалъ ему петлю на шею и спрашивалъ: сколько лѣтъ онъ намѣренъ править? Сколько лѣтъ тотъ назначалъ, — столько обязанъ былъ и прослужить; иначе его умерщвляли. Самъ каганъ рѣдко показывался народу, и доступъ къ нему имѣли кромѣ намѣстника лишь немногіе изъ вельможъ. Каганъ пользовался безграничной властью, особа его считалась священной. Въ рѣдкихъ случаяхъ, когда каганъ выѣзжалъ изъ своего дворца,—за милю передъ нимъ ѣхала его гвардія. Всѣ, встрѣчавшіеся ему на пути, падали ницъ и не смѣли подняться, пока каганъ не скрывался изъ вида. Никто не осмѣливался переступить его порога иначе, какъ съ выраженіями величайшаго благоговѣнія къ его особѣ. Не смѣли сѣсть при немъ или заговорить, даже подняться съ земли безъ разрѣшенія. Исключеніе дѣлалось лишь для намѣстника, который однако являлся къ кагану не иначе, какъ босымъ; затѣмъ зажигалъ кусокъ

38) Картина: Проѣздъ хазарскаго кагана.

дерева и садился рядомъ съ каганомъ только тогда, когда кусокъ дерева сгоралъ до тла. Каждое приказаніе его должно было быть мгновенно исполнено, безъ малѣйшаго колебанія. При похоронахъ кагана старались скрыть мѣсто его погребенія, — какъ бы тѣмъ отрицая самую возможность смерти верховнаго повелителя и желая убѣдить народъ въ непрерывности его власти. Съ этою цѣлью строили надъ могилой кагана зданіе въ 20 комнатъ и убивали тѣхъ, кто хоронилъ его, дабы никто не зналъ, гдѣ погребено его тѣло. Проѣзжая мимо надгробнаго памятника, каждый долженъ былъ сойти съ коня и поклониться въ землю. Намѣстникъ кагана предводительствовалъ войскомъ, завѣдывалъ сборомъ податей и дѣлежомъ военной добычи. Хазарское войско, наполовину состоявшее изъ наемниковъ, было хорошо вооружено и устроено. Арабская лѣтопись,— изъ которой мы почерпаемъ всѣ наши свѣдѣнія о Хазаріи, въ лицѣ знаменитыхъ писателей и путешественниковъ высоко просвѣщеннаго, знаменитаго въ древности, Аравійскаго халифата, какъ: Ибнъ-Фадланъ, Ибнъ-Дастъ и Массуди,—намъ говоритъ про хазаръ, что они красивы собою, бѣлы и стройны, чего никакъ нельзя было сказать про азіатовъ-турокъ монголо-татарской расы. Здѣсь, очевидно, рѣчь идетъ о хазарахъ туземныхъ, т. е. черкесахъ. Между тѣмъ какъ на присутствіе одновременно среди хазаръ и другаго рода—чисто турецкихъ, неблагообразныхъ лицъ указываетъ намъ пренебрежительное ругательство въ устахъ византійцевъ — «хазарской рожей».

39) Картина: Хазарскій пехъ передъ каганомъ.

До сихъ поръ въ нашемъ повѣствованіи о внѣшнемъ обликѣ, жизни и нравахъ древнихъ народовъ, соприкасавшихся съ областями намъ совре-

менная Русскаго государства, мы постоянно ссылались на разсказы историковъ греческихъ, римскихъ и византійскихъ, но въ первый разъ упомянули сейчасъ о существованіи въ тѣ времена еще одного достовѣрнаго и богатаго источника описаній различныхъ странъ нашей великой родины—въ путешественникахъ и купцахъ аравійскихъ или арабскихъ. Изобиліе и разнообразіе свѣдѣній, ими оставленныхъ намъ въ ихъ лѣтописяхъ, заставляютъ насъ остановить на арабахъ наше вниманіе и привести здѣсь, въ краткихъ чертахъ, когда то полную блеска исторію граничившаго съ Хазаріей великаго и могучаго Арабскаго государства, носившаго названіе «халифата» потому, что ихъ государь назывался «халифомъ». Хазары вели съ арабами въ теченіе 70-ти лѣтъ войну, окончившуюся для нихъ неудачею, такъ какъ въ Дербентѣ 14 тысячъ арабовъ имѣло свои поселенія, обезпечивая собою отъ нападенія хазаръ закавказскія азіатскія земли своихъ соотечественниковъ на полуостровѣ Аравійскомъ.

Но раньше чѣмъ говорить о зарожденіи и развитіи славы могучаго Аравійскаго халифата, сначала посмотримъ, насколько успѣли авары въ своихъ завоеваніяхъ на югѣ Россіи и какъ опредѣлились ихъ отношенія къ Византіи?

Авары, во второй половинѣ VI вѣка ушедшіе отъ хазаръ на западъ, а затѣмъ черезъ Византію къ сѣверу отъ Дуная, въ Паннонію, принадлежали къ кавказскому племени. Мы говорили уже, что по пути къ Дунаю они натолкнулись, во-первыхъ, на многочисленныя храбрыя племена антовъ, еще не объединенныхъ усиліями днѣпровскихъ словянъ и управлявшихся мелкими отдѣльными князьями, или шумными вѣчами. Осѣдлому населенію, разсѣянному на

большомъ пространствѣ и не имѣвшему укрѣпленныхъ большихъ городовъ для своей защиты, — трудно было устоять противъ пришлой орды, дѣйствовавшей подвижными, плотными массами. Однако, словяне-анты, повидимому, оказали мужественное сопротивленіе аварамъ и скоро сбросили съ себя ихъ иго въ противоположность болгарамъ—Кутургурамъ, въ продолженіе 80-ти лѣтъ платившимъ аварамъ дань и доставлявшимъ имъ вспомогательныя войска. Приблизительно въ 574 году аварскій каганъ Баянъ отправилъ посольство къ византійскому императору Юстину II, требуя, чтобы дань, уплачиваемая до тѣхъ поръ Византіей болгарамъ Кутургурамъ и Утургурамъ, теперь платилась бы имъ, аварамъ, какъ побѣдителямъ этихъ злѣйшихъ ея враговъ. Однако, покореніе аварами Утургуровъ слѣдуетъ понимать только относительно, такъ какъ бо́льшая часть ихъ, обитавшая къ югу и юго-востоку отъ Азовскаго моря, подпала тогда подъ иго турко-хазаръ. Нашествіе аваровъ такимъ образомъ удержало наплывъ восточнаго словянства на Византію съ одной стороны и на Кавказъ съ другой. Но съ западными словянами, жившими вблизи Дуная, не могла сладить вполнѣ орда аваровъ, зашедшая такъ далеко отъ своего источника и не получавшая отъ него никакихъ подкрѣпленій. На требованіе покорности и ежегодной дани пословъ аварскаго кагана, пришедшаго на мѣста, раньше занятыя Атилой, въ Паннонію, карпатскіе словяне отвѣчали гордымъ отказомъ, и послѣ задорныхъ рѣчей съ обѣихъ сторонъ, послы аварскіе были убиты. Аварское царство распространилось вдоль по сѣверному Дунаю; но не смущаясь этимъ карпатскіе словяне переходили его границы для своихъ обычныхъ набѣговъ на Византію и разгуливали по всей странѣ до

40) Картина: Гордый отказъ карпатскихъ словянъ платить дань аварамъ и убійство пословъ ихъ, требовавшихъ покорности.

собственной Греціи (южная часть Балканскаго полуострова). Они иногда воевали, согласно желанію своему, съ аварами противъ грековъ, а иногда съ греками противъ аваръ. Вслѣдствіе этихъ успѣшныхъ набѣговъ на богатую Византію и грабежей, западные словяне, конечно, разбогатѣли и научились владѣть оружіемъ лучше грековъ. Особенно страшенъ былъ Византіи своею грозной силой восточной уголъ Карпатъ—отъ истоковъ Вислы до верхняго теченія Буга, чисто словянскій край Хорватіи и Галиціи, гдѣ нѣкогда преобладали бастарны. Однако, во время большихъ обще-словянскихъ нашествій на Византію, само собой разумѣется, что дружина словянъ, доходившая иногда до 100 тысячъ человѣкъ, собиралась не изъ одного только угла Карпатъ, но и со всѣхъ ближайшихъ къ Карпатамъ мѣстъ, съ береговъ Днѣстра, Буга и Днѣпра.

Изъ различныхъ событій войны грековъ въ 593 г. съ словянами древней Гетіи или Дакіи,—на восточномъ углу нижняго Дуная и въ мѣстности уничтоженныхъ римлянами бастарновъ или быстрянъ,—можно заключить, что словяне на всѣхъ рѣкахъ, впадающихъ въ Черное море, имѣли, въ силу природной необходимости, флоты изъ рѣчныхъ судовъ, что эти флоты существовали еще со временъ Митридата Понтійскаго у древнихъ скиѳовъ и что словяно-сарматскія племена 300 лѣтъ спустя могли выставлять до 6000 военныхъ лодокъ, вмѣстимостью каждая на 50 человѣкъ. Только такимъ образомъ объясняются быстрыя и внезапныя нападенія словянъ на греческія владѣнія. Надо предположить, что конница съ выше названныхъ рѣкъ подвигалась сухимъ путемъ, тогда какъ пѣшее войско плыло внизъ по теченію на ладьяхъ. Авары въ нсвоихъ ападеніяхъ на Византію, вслѣдствіе

Собственность Т. П. Мятлевой.

Жестокія насилія аваръ надъ словянами. *(Къ 51 стр.)*

Собственность Т. П. Мятлевой.

Гордый отказъ карпатскихъ словянъ платить дань аварамъ и убійство пословъ ихъ, требовавшихъ покорности. *(Къ 63 стр.)*

споровъ и несогласій съ ея императорами, охотно звали себѣ на помощь подвластныхъ имъ словянъ, даже съ самаго дальняго сѣвера, такъ какъ тѣ, будучи искусными плотниками, имъ умѣли строить при рѣчныхъ переправахъ мосты и суда.

Не удивительно *), что въ 579 году мы видимъ снова греческое посольство въ станѣ туранцевъ-хазаръ передъ преемникомъ Дизавула—Туркосанфомъ. Оно поѣхало во главѣ съ нѣкіимъ Валентиномъ,—разъ уже посѣтившимъ турскаго хана послѣ Земарха съ тѣмъ, чтобы возвѣстить ему о восшествіи на престолъ въ Византіи Тиверія и подкрѣпить договоръ противъ персовъ Юстина II съ Дизавуломъ. Къ этому времени Туркосанфъ расположился уже съ своею ордою между Волгою и Кавказомъ. Онъ очень былъ недоволенъ греками, потому что императоръ Тиверій отвелъ аварамъ у себя земли для поселенія, вопреки обѣщанію Юстина II тюркамъ или туранцамъ—не принимать ихъ на жительство. А кромѣ того,—какъ мы уже видѣли,—опасаясь нашествія турокъ на Византію удобнымъ степнымъ путемъ, греки лукаво указывали турскимъ посламъ трудный и неудобный путь въ ихъ владѣнія черезъ Кавказъ. Потому, когда греческіе послы въ 579 году явились къ тюркскому властелину Туркосанфу, тотъ встрѣтилъ ихъ гнѣвнымъ укоромъ, выразительно положивъ сначала въ ротъ себѣ всѣ десять пальцевъ: «не вы ли тѣ самые римляне, употребляющіе десять языковъ на одинъ обманъ? Однимъ языкомъ вы обманываете меня, другимъ—мнѣ подчиненныхъ аваровъ. Наступитъ время, когда вашъ обманщикъ-царь получитъ должное наказаніе за то, что, ведя со мной дружественныя рѣчи,

41) Картина: Посолъ византійскаго императора Тиверія—Валентинъ у туранскаго властелина Туркосанфа.

*) И. Е. Забѣлинъ: «Исторія Русской жизни». Д. И. Иловайскій: «Изысканія о Древней Руси».

онъ съ бѣжавшими отъ меня рабами моими заключилъ договоръ. Знайте однако, что подчиненные мнѣ авары ко мнѣ вернутся, когда я того захочу,—и какъ только увидятъ мною имъ посланную лошадиную плеть, убѣгутъ въ преисподнюю. Посланниковъ моихъ вы ведете къ себѣ лукаво черезъ Кавказъ, но я точно знаю, гдѣ рѣка Днѣпръ и куда впадаетъ Истръ или Дунай. Передо мной преклоняется вся земля отъ востока до запада. Посмотрите, несчастные, на народы аланскіе и на утургуровъ, одушевленныхъ безмѣрною бодростью на свои силы,—они тоже стали рабами нашими».

Въ VII вѣкѣ дѣйствительно хазары укротили самовластье аваръ и подчинили ихъ вновь своему кагану, имѣвшему уже мѣстомъ своего постояннаго пребыванія столицу Хазарскаго царства—Итиль.

Арабы *) первыхъ десяти столѣтій послѣ Рождества Христова были самымъ могущественнымъ и просвѣщеннымъ народомъ Азіи. Они распространили свое владычество съ Аравійскаго полуострова по всей сѣверной Африкѣ и овладѣли въ Европѣ нынѣшнею Испаніей. Внутри ихъ родной Аравіи широко раскинулась степь, лишенная всякой растительности кромѣ рѣдкихъ пальмъ, песчаная и безводная. По ней до сихъ поръ кочуютъ дикіе всадники—бедуины, на благородныхъ быстрыхъ коняхъ, составляющихъ вмѣстѣ съ выносливыми верблюдами, все ихъ богатство. Тоже зовутъ ихъ и сарацинами. Лишь юго-западная береговая полоса Аравійскаго полуострова—благодатный край, носящій названіе Іемена. Она прорѣзана плодоносными, цвѣтущими долинами, а потому называется «счастливой Аравіей».

42) Картина: Бедуины въ пустынѣ.

43) Картина: Арабскій конь.

*) Источникъ: «Исторія Средневѣковья» Корша.

Здѣсь южный зной прохлаждается высотою горъ и вѣтрами съ океана: это—родина ладана, воскуряемаго нами въ нашихъ православныхъ церквахъ, сахарнаго тростника, кофейнаго дерева и золотой пшеницы. Тутъ жило племя, способное къ просвѣщенію, гордое, независимое. Богатый, роскошный берегъ этотъ соприкасается съ волнами узкаго, заключеннаго между Африкою и Азіей, Краснаго или Чермнаго моря. Черезъ него перешелъ чудомъ по суху изъ Египта въ землю обѣтованную—Ханаанскую Моисей,—что̀ каждый, навѣрно, знаетъ изъ Библіи. Это море не надо смѣшивать съ Чернымъ моремъ, омывающимъ югъ Россіи. Чермное море теперь соединяется съ Средиземнымъ моремъ Суэцкимъ каналомъ, прорытымъ англичанами, а раньше ихъ раздѣлялъ Суэцкій перешеекъ. Арабы вели искони большую торговлю съ чужими землями по морю и караванами, черезъ пустыни. Они наслаждались роскошью и, обладая пылкимъ воображеніемъ, слагали чудныя сказки, переведенныя теперь на русскій языкъ подъ названіемъ «Тысячи и одной ночи». Подвиги праотцевъ восхваляли въ пѣсняхъ и поэтичныхъ былинахъ. Сначала они поклонялись звѣздамъ, а въ городѣ Меккѣ, лежащемъ недалеко отъ моря, у нихъ хранился священный черный камень—Кааба. Камень этотъ, какъ предполагаютъ, одинъ изъ тѣхъ, что̀ иногда, невидимо откуда, изъ воздушнаго пространства, летятъ на землю, быть можетъ, съ другой какой-либо планеты, случайно попадая въ область земного тяготѣнія. Въ наукѣ ихъ называютъ аэролитами, отъ слова: «аэро», т. е. воздухъ и «лито», т. е. камень. Но, конечно, подобный камень долженъ былъ показаться въ наивной, темной древности людямъ упавшимъ съ неба, а слѣдовательно — стать священнымъ. Къ

44) Картина: Карта Аравіи.

45) Картина: Мекка и камень Кааба.

*

этому камню, въ Мекку, стекалось много народа, какъ бы на богомолье. Въ опредѣленное время, изъ года въ годъ, тамъ устраивались священныя торжества, когда должны были прекратиться всякія войны и ссоры. Тутъ же происходила ярмарка, и писатели состязались на призъ, читая свои произведенія.

Но вотъ явился въ Аравіи быстро прославившій себя проповѣдникъ и знаменитый пророкъ мусульманъ—Магометъ. Знатнаго происхожденія, умный и даровитый, хотя страдавшій приступами падучей болѣзни, онъ былъ въ молодости купцомъ и совершилъ нѣсколько путешествій въ чужія земли, гдѣ познакомился съ іудейской и христіанской религіей. Понявъ превосходство единобожія надъ языческими богами, онъ обезпечилъ себѣ досугъ и возможность уйти отъ мірской суеты, женившись на одной богатой вдовѣ, послѣ чего началъ думать: какъ бы ему просвѣтить своихъ соотечественниковъ и поднять ихъ духовное пониманіе высшей божественной воли — до поклоненія Единому Богу? Онъ вообразилъ себя Божьимъ избранникомъ, тѣмъ Мессіей — утѣшителемъ, какого Господь обѣщалъ послать людямъ для наставленія ихъ на истинный путь, — въ своемъ кощунственномъ заблужденіи относя Іисуса Христа къ разряду простыхъ, хотя великихъ, пророковъ, и сорока лѣтъ отъ роду выступилъ передъ арабами со своимъ новымъ ученіемъ. Сначала ему пришлось потерпѣть гоненіе отъ язычниковъ и бѣжать изъ Мекки въ Медину,—но тамъ онъ нашелъ послѣдователей и приверженцевъ, скоро завоевавшихъ ему обратный путь въ Мекку. Магометъ написалъ для своихъ учениковъ законы на всѣ случаи ихъ общественной и частной жизни, помимо правилъ вѣры и всѣхъ обрядовъ богослуженія. Онъ ихъ собралъ, вмѣстѣ съ

46) Картина: Видъ Мединѣ.

47) Картина: Мекка—городъ великой пустыни.

повѣствованіями о своихъ мнимыхъ видѣніяхъ и откровеніяхъ, въ одну книгу, имъ названную — Кораномъ. Вся Аравія скоро стала молиться Единому Богу, открытому для нея Магометомъ, и Коранъ сталъ въ рукахъ правовѣрныхъ магометанъ столь же почитаемой ими книгой, — какою было Евангеліе для христіанъ. Пророкъ Магометъ, достигнувъ успѣшно цѣли своей, скончался въ 632 году и похороненъ былъ въ возвеличившей его, съ первыхъ же словъ его проповѣди, Мединѣ. Главной заповѣдью Корана Магометъ поставилъ необходимость распространенія его ученія, прозваннаго Исламомъ, — по всей землѣ, причемъ повелѣлъ обращать упорствующихъ въ магометанскую вѣру огнемъ и мечомъ, — безпощадно. Заповѣдь эта дала начало бурнымъ, неудержимымъ войнамъ арабовъ съ сосѣдями во имя торжества новорожденной магометанской религіи. Чтобы внушить мусульманамъ мужество и презрѣніе къ смерти, Магометъ увѣрилъ ихъ, что кто погибнетъ въ священной борьбѣ, тотъ попадетъ послѣ смерти въ рай, полный чувственныхъ наслажденій. Подъ вліяніемъ этихъ заманчивыхъ обѣщаній, арабы перенесли свой мечъ далеко за предѣлы родины. Сперва завоевали они христіанскіе города въ Азіи: Іерусалимъ, Антіохію и Дамаскъ. На мѣстѣ, гдѣ стоялъ нѣкогда храмъ Соломона, они соорудили свою мечеть. Потомъ основали на старыхъ развалинахъ новые города въ Малой Азіи. Между ними — Багдадъ, на рѣкѣ Тигрѣ, ставъ главнымъ сосредоточіемъ міровой торговли, отличался особой пышностью и грѣховными удовольствіями. Преемники Магомета въ управленіи Аравіей стали называться халифами, и потому вся Аравія сдѣлалась халифатомъ, переходившимъ наслѣдственно отъ отца къ

48) Картина: Плѣнные въ Аравійской пустынѣ.

49) Картина: Арабскій халифъ.

сыну. Столицей Арабскаго халифата былъ великолѣпный городъ на берегу Чермнаго моря: Дамаскъ. Византія выдержала семь нападеній на Константинополь или Царьградъ со стороны арабовъ, и столица ея спаслась только дѣйствіемъ, такъ называемаго, греческаго огня. Это была смѣсь разрушительныхъ горючихъ веществъ, пылавшихъ и подъ водою, изобрѣтенная однимъ грекомъ. Весь сѣверный берегъ Африки былъ тогда покоренъ арабами, вплоть до Испаніи на Европейскомъ берегу по ту сторону Гибралтара (проливъ, отдѣляющій сѣверо-западный край Африки отъ Европы). На пути мусульманъ христіане подвергались преслѣдованію и избіенію. Въ то время западные готы — иначе «вестготы» — властвовали въ Испаніи. Въ 710 году вестготъ Родриго отнялъ королевскій престолъ у испанскаго короля Витицы. Тогда сыновья низвергнутаго призвали въ Испанію для отмщенія за отца—арабовъ. Полководецъ арабскій, Тарикъ, — въ отвѣтъ на ихъ призывъ, — переплылъ Гибралтаръ и побѣдилъ мятежныхъ вестготовъ въ великой битвѣ при испанскомъ городѣ Хересъ-де-ла-Фронтьера. Лучшая часть войска Родрига легла на полѣ сраженія. Арабы побѣдоносно прошли затѣмъ всю Испанію и часть южной Франціи, только что начинавшей тогда складываться въ одно цѣльное государство. Но тамъ ихъ отбросилъ обратно въ Испанію франкскій богатырь, воинъ и полководецъ Карлъ, по прозванію Молотъ. Это было уже въ 738 году. Вся Испанія исповѣдывала тогда христіанскую религію; и арабы, за умѣренную подать, имъ предоставили жить сообразно собственнымъ ихъ законамъ, довольствуясь своею верховной властью. Затѣмъ арабы еще овладѣли югомъ Италіи, сопровождая свое завоеваніе цѣлымъ рядомъ жестокостей

50) Картина: Лагерь бедуиновъ.

надъ христіанами. Въ Аравіи между тѣмъ при дворѣ халифовъ велась веселая жизнь, украшенная поэзіей и роскошными пиршествами. Арабы заимствовали у византійцевъ государственный строй и переняли грекоримскую образованность. Они призвали въ свою столицу зодчихъ, врачей и математиковъ. Болѣе всѣхъ халифовъ, по временамъ смѣнявшихся насильственными переворотами враждовавшихъ между собой династій, заслужилъ благодарность и любовь народную своимъ мудрымъ правленіемъ и справедливостью Гарунъ-аль-Рашидъ, изъ рода Абассидовъ, перенесшихъ столицу свою изъ Дамаска въ Багдадъ. Гарунъ-аль-Рашидъ царствовалъ такъ славно и дѣятельно, что имя его долго жило потомъ въ арабскихъ сказкахъ и повѣствованіяхъ. Какъ онъ самъ, такъ и его преемники, арабскіе халифы послѣдующихъ столѣтій, обращали больше вниманія на художества и науки, чѣмъ на военное дѣло. Во всѣхъ городахъ арабскихъ ими воздвигнуты были дворцы и мечети; устроены роскошные общественные сады, библіотеки и мѣста, удобныя для наблюденія ученыхъ надъ небеснымъ пространствомъ, — надъ перемѣнами, происходящими въ воздухѣ. (Такія мѣста называются «обсерваторіями» отъ французскаго слова «обсерве» что̀ значитъ: наблюдать). Процвѣтавшая промышленность и оживленный обмѣнъ товарами со всѣми странами свѣта давали богатство, рождавшее въ людяхъ вкусъ къ великолѣпію. Изнѣженность и распутство вопреки заповѣдямъ Магомета скоро проникли въ нравы арабскаго народа. Женщины начали носить одежды, расшитыя шелкомъ и дорогими камнями, употреблять для растиранія тѣла душистыя мази и вдыхать въ себя ароматныя куренія. Зато въ столицахъ Аравіи процвѣтала музыка и введена была

51) Картина: Гарунъ-аль-Рашидъ въ своемъ дворцѣ.

тамъ впервые игра по нотамъ. Большіе успѣхи сдѣлала архитектура и живопись для украшенія зданій: въ видѣ затѣйливаго рисунка, изъ себя исключавшаго, согласно требованію Корана, только живые образы. Въ школахъ арабскихъ учили законовѣдѣнію, размышленію, исторіи, математикѣ, правильному письму и чтенію, а также естествознанію, распознаванію звѣздъ съ объясненіемъ ихъ значенія для судьбы человѣка, химіи и медицинѣ. Арабы первые перевели на свой языкъ сочиненія греческихъ мыслителей и писателей, познакомивъ съ ними потомъ ученыхъ запада; первые начали слагать риѳмованные стихи и придумали цифры для выраженія ариѳметическихъ чиселъ. Помимо торговли, также и для болѣе близкаго ознакомленія со всѣми странами свѣта, арабы предпринимали дальнія путешествія. Между прочимъ они не разъ проникали въ самую глубь Россіи, оставивъ намъ очень цѣнныя описанія древняго быта племенъ, ее населявшихъ не только на югѣ, но и на сѣверѣ, мало извѣстномъ грекамъ свое невѣдѣніе дополнявшимъ всякими баснями. Одинъ арабскій писатель, Дофьеръ - Тафаиль, жившій въ Испаніи, написалъ въ стихахъ сочиненіе: «Первобытный человѣкъ». Въ немъ онъ сдѣлалъ уже попытку представить постепенное историческое развитіе человѣческихъ способностей, — начиная отъ самыхъ животныхъ его стремленій, до высшей степени образованности.

Теперь получивъ, въ этомъ краткомъ обзорѣ условій существованія, умственнаго развитія и могучаго процвѣтанія со временъ Магомета своеобразной арабской народности, достаточно полное, какъ намъ кажется, и вмѣстѣ яркое о ней понятіе — въ смыслѣ ея глубокаго просвѣщенія, геніальной изобрѣ-

тательности и вмѣстѣ глубокихъ, мудрыхъ познаній, мы будемъ относиться съ особымъ довѣріемъ и вниманіемъ ко всѣмъ свидѣтельствамъ о Россіи до IX и X вѣка—знаменитыхъ купцовъ и путешественниковъ арабскихъ. Они преимущественно посѣщали области по берегамъ и притокамъ Волги, а также восточныя и юго-восточныя окраины Русскаго государства. Пролагая себѣ торговые пути на сѣверъ, воинственные аравитяне въ VII столѣтіи вели кровопролитную войну съ персами и, побѣдивъ ихъ въ 641 году, подошли въ завоеваніяхъ своихъ съ востока къ Каспійскому морю, гдѣ встрѣтили могущественнаго себѣ соперника въ лицѣ хазаръ, владѣвшихъ всей западной стороною Каспія,—отъ устьевъ Волги до персидской границы. Сначала вступивъ въ борьбу съ арабами, хазары потомъ заключили съ ними торговые договоры. Свѣдѣнія о бытѣ и городахъ хазарскаго народа даютъ намъ тѣ же арабскіе путешественники и торговцы. Такъ одинъ изъ нихъ, Ибнъ-Хакуаль, посѣтивъ Семендеръ въ X столѣтіи, рисуетъ намъ привлекательную картину этого города, съ его садами и виноградниками. Хотя привыкшій къ богатымъ базарамъ арабскаго халифата, онъ все же былъ пораженъ многолюдствомъ этого города. Разсказы арабскихъ лѣтописцевъ даютъ намъ очень много цѣнныхъ и любопытныхъ свѣдѣній о странахъ нынѣшняго Русскаго государства въ древнія времена, хотя, къ сожалѣнію, въ нихъ всѣ названія мѣстностей и всѣ собственныя имена такъ перепутаны, или искажены, что сбиваютъ съ толку читающихъ древнія арабскія записи и порождаютъ между историками безконечныя несогласія. Самыя важныя, любопытныя и подробныя свѣдѣнія о населеніи Поволжья мы получаемъ изъ описаній араба Ибнъ-Фадлана.

52) Картина: Караванъ въ пустынѣ.

53) Картина: Конные бедуины.

Арабы *) ѣздили изъ хазарской столицы Итиля въ упомянутое уже нами Болгарское царство Серебряныхъ или Волжскихъ болгаръ, образовавшееся при впаденіи въ Волгу Камы,—почему эти болгары называются тоже Камскими. Ѣздили арабы къ этимъ болгарамъ черезъ земли буртасовъ (древнихъ будиновъ). Большинство буртасскаго населенія составляла навѣрно тогда, какъ и теперь въ тѣхъ же мѣстахъ, мордва. Главнымъ городомъ буртасской страны былъ городъ Буртасъ, гдѣ жило до 10000 душъ. Жители исповѣдывали, по преимуществу, магометанскую вѣру. Подобно жителямъ хазарскаго Итиля, населеніе Буртаса тоже вело жизнь полу-кочевую. Оно оставалось въ городѣ только на зиму, а лѣтомъ откочевывало въ степь, гдѣ раскидывало свои юрты. Занимались буртасы больше звѣроловствомъ, чѣмъ хлѣбопашествомъ. Ихъ страна доставляла имъ превосходные мѣха чернобурыхъ лисицъ, славившихся во всей Аравіи и тамъ извѣстныхъ подъ именемъ «буртасскихъ». Буртасы не имѣли своего государя, будучи подчинены хазарскому кагану, съ обязательствомъ выставлять ему въ поле, противъ его враговъ, 10 тысячъ всадниковъ. Красивое, рослое, храброе населеніе было смѣшаннаго состава, какъ и въ Хазаріи. Ни одна обида не должна была оставаться не отмщенною у буртасовъ. Распри ихъ разбирали въ селеніяхъ старшины. Обычай нѣкоторой доли буртасовъ не сожигать, а хоронить своихъ мертвецовъ, предавая ихъ землѣ,—указываетъ на то, что между ними были словяне.

54) Картина: Древняя карта Руси отъ V до XI вѣка.

Но мы еще ничего не узнали здѣсь о прямыхъ предкахъ нашихъ, словянахъ восточныхъ склоновъ

*) И. Е. Забѣлинъ: «Исторія Русской жизни». П. Полевой: «Очерки Русской исторіи».

Карпатскихъ горъ, разселившихся на берегахъ Днѣпра, о томъ, какова была ихъ обособленная судьба въ дальнѣйшемъ могучемъ ростѣ общесловянской жизни. А потому обратимся къ нимъ въ нашемъ повѣствованіи, не заходя преждевременно въ земли царства Болгарскаго, финско-тюркскаго племени по разсказамъ арабскихъ путешественниковъ,—уже въ X вѣкѣ.

ЧТЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Глава I.

Словянскіе выходцы восточныхъ склоновъ Карпатскихъ горъ. Византійская и арабская лѣтописи о словянахъ. Еще о религіи и домашнемъ бытѣ словянъ.

Послѣ того, какъ доисторическіе словяне, учеными называемые «аутохтонами», впервые спустились съ восточныхъ склоновъ Карпатскихъ горъ,—пришли на югъ Россіи изъ Азіи черезъ много столѣтій скиѳы, одержавшіе верхъ надъ туземцами, своими предшественниками въ этихъ мѣстахъ, извѣстными на берегахъ морей Чернаго и Азовскаго подъ именемъ кимерійцевъ. Геродотъ, посѣтившій торговый греческій городъ на Черномъ морѣ—Ольвію за 500 лѣтъ до Рождества Христова, узналъ, что въ странѣ на западъ отъ Днѣпра,—по среднему его теченію,—какой-то мѣстный, осѣдлый, не-кочевой народъ, занимающійся торговлей и земледѣліемъ, живетъ отдѣльными родами по лѣсамъ и оврагамъ, но одного общаго названія не имѣетъ. Надъ каждымъ родомъ патріархальной властью пользуется старшій въ семьѣ; но верховнаго, объединяющаго всѣ роды, царя этотъ народъ не знаетъ. Геродотъ называлъ ихъ всѣхъ ски-

---

*) Профессоръ Хойновскій: «Краткія свѣдѣнія о древнихъ словянахъ и Руси».

ѳами-земледѣльцами; но это, собственно, были никто иной, какъ переселенцы словяне съ Карпатскихъ горъ, обосновавшіеся вдоль праваго побережья средняго теченья рѣки Днѣпра. Готскій историкъ и епископъ Іорнандъ даетъ намъ самыя важныя свѣдѣнія для нашей коренной русской мѣстности, въ 550 году послѣ Рождества Христова. Онъ поясняетъ, что отъ истоковъ Вислы и до рѣки Днѣпра вся страна заселена «склавенами» или «словянами», — въ странахъ Черноморскихъ на пространствѣ отъ Днѣпра до Дуная зовущихся антами. Когда готы были разбиты гуннами, то рядомъ съ сарматскими россаланами противъ нихъ возмутились и словяне. Іорнандъ разсказываетъ намъ, что въ IV вѣкѣ юговосточные словяне-анты были такъ многочислены, что готскій король Германрикъ 18 лѣтъ воевалъ съ ними: съ 332 до 350 года—раньше, чѣмъ покорилъ ихъ.

Древняя письменность: византійская и арабская,— не говоря уже объ отцѣ нашей родной лѣтописи, кіево-печерскомъ инокѣ Несторѣ, — сохранила намъ разсказы о бытѣ словянъ и о мѣстахъ ихъ перваго поселенія. Такъ, одни изъ восточныхъ словянъ назывались «полянами»,—потому, что сѣли среди приднѣпровскихъ полей. Хотя греки ихъ называли «скиѳами-оратаями», а римляне позже—«сарматами», но въ пѣсняхъ мѣстнаго коренного народа сохранилось преданіе, что ихъ предки переселились къ Днѣпру изъ Карпатъ: изъ мѣстности вблизи Кракова,—гдѣ до позднѣйшихъ временъ жили одноплеменники древнихъ русскихъ полянъ: «мало-поляне». Другіе восточные словяне, обосновавшіеся въ лѣсахъ по рѣкѣ Припети, правомъ притокѣ Днѣпра, получили прозваніе «древлянъ». Нѣкоторая часть словянскихъ пришельцевъ сѣла между рѣками Припетью и Западною Двиною; ихъ звали

«дреговичами»,—отъ слова: «дрягва», т. е. болото. Четвертые, наконецъ, сѣли по Западной Двинѣ и назвались «кривичами», а также—«полочанами», отъ впадающей въ Западную Двину рѣчки Полоты. Значительная часть словянъ пошла дальше на сѣверъ и поселилась на берегу озера Ильменя, сохранивъ лишь исконное свое названіе «словянъ», между тѣмъ какъ всѣ остальныя племена восточныхъ склоновъ Карпатъ,—какъ видимъ мы,—приняли разныя прозвища, въ зависимости отъ занятой ими мѣстности. Кривичи съ верховьевъ Западной Двины распространились потомъ на верховья Днѣпра и Волги. На югъ отъ нихъ водворились «сѣверяне», поселившіеся по лѣвымъ притокамъ Днѣпра: Деснѣ, Сулѣ и Семи. Это все были большія словянскія «гнѣзда». Дальше всѣхъ на сѣверо-востокъ выселились «вятичи» и «родимичи»; названія эти они, согласно преданію, получили отъ родоначальниковъ своихъ: Родима и Вятко, пришедшихъ съ родами своими изъ страны ляховъ и сѣвшихъ: Родимъ—на рѣкѣ Сожѣ, а Вятко—на Окѣ. На западъ отъ полянъ по рѣкѣ Бугу жили еще «дулебы» или «бужане»; а еще западнѣе «хорваты», или «галичане»,—въ такъ называемой позже Червонной Руси. До моря — по Днѣстру и по морскому прибережью—до Дуная расположились сильныя, многочисленныя племена «угличей» и «тиверцевъ». Ихъ тоже въ VI столѣтіи греки именовали антами; а мѣсто ихъ жительства по старой памяти все еще называли: Великая Скуѳь.

Въ томъ, что̀ касается нашихъ родныхъ полянъ, то не столько сходство въ названіи этого племени и тогдашнихъ жителей западныхъ склоновъ Карпатъ свидѣтельствуетъ объ ихъ коренномъ родствѣ, относясь больше къ природѣ занятыхъ ими мѣстностей,—сколько одинаковое названіе главныхъ ихъ городовъ:

Кіевъ и Куявы, или Кіявы,—это стариннѣйшій городъ Польши, въ странѣ великополянъ, среди плодородныхъ земель Познани. Какъ изъ Карпатскихъ Татровъ вывелъ свою громаду въ Богемію жупанъ Чехъ, основавшій Чешское королевство, такъ и владыка громады полянъ, Кій, какъ мы уже говорили, привелъ свой родъ къ среднему теченію Днѣпра. Поселеніе Кіё извѣстно въ исторіи Польши какъ мѣсто сраженія во время великой шведской войны, при императорѣ Петрѣ I: между шведскимъ королемъ Карломъ XII и польскимъ Августомъ II.

По приходѣ на Днѣпръ, Кій поселился въ горахъ надъ рѣчкой, протекающей среди обрывовъ на Кіевскомъ Подолѣ и сохранившей до нашихъ дней названіе Кіянки, по имени древнѣйшаго своего поселянина. Основанное же имъ на мѣстѣ томъ поселеніе, конечно, назвалось: Кіевомъ. Словяне обыкновенно давали новымъ земельнымъ участкамъ—«урочищамъ», гдѣ они поселялись, названія, имъ знакомыя изъ прародины, откуда они пришли. Такъ и гораздо позже выселенцы въ Америку изъ Европы называютъ новыя мѣста своего поселенія привычными для нихъ именами ихъ родныхъ мѣстностей. Примѣръ съ Кіевомъ не единственный. Недалеко отъ Кіе Карпатскаго была область Сѣверская съ главнымъ городомъ Сѣвера, при рѣчкѣ Черной, притокѣ верхней Варты (рѣка). Этимъ городомъ съ окружающими его обширными помѣстьями нѣсколько сотъ лѣтъ владѣли краковскіе епископы, причемъ владѣнія ихъ назывались Сѣверскимъ княжествомъ. Правдоподобно, что выходцы изъ древней Сѣверской Карпатской области, перекочевавъ на востокъ позже древлянъ и полянъ (почему не нашли уже на прибережьи Днѣпра свободныхъ земель), перешли на его лѣвый берегъ, осѣвъ на рѣкѣ Деснѣ,

гдѣ въ воспоминаніе рѣчки своей прародины, Черной, назвали построенный ими городъ «Черниговомъ». А выстроивъ другой городъ на Днѣпрѣ, назвали новый городъ: Сѣвера, нынѣ Новгородъ-Сѣверскій, на Деснѣ, Черниговской губерніи. Только этими соображеніями объясняется названіе, данное населенію Черниговской губерніи Несторомъ: «Сѣверяне»,—хотя оно никогда на сѣверѣ не жило. Тамъ же, при рѣкѣ Вартѣ, есть городъ Радомскъ и другой древній, обширный Радомъ, надъ рѣчкой Радомичи. Несторъ говоритъ ясно, что родимичи вышли отъ ляховъ изъ этой мѣстности и, поселившись въ Могилевской губерніи, удержали старое свое названіе.

И сѣверные словяне, осѣвшіе на берегахъ озера Ильменя, не потому назвались новгородцами, что поставили новый городъ, а потому, что они, подвигаясь съ Карпатъ на далекій сѣверъ, осѣли сначала на рѣчкѣ Волковѣ въ старинномъ воеводствѣ новгородскомъ, гдѣ существуетъ до нашихъ дней городъ Новгородскъ, надъ рѣчкой Волковы. Тѣснимые дальше съ юга мазурами и литвинами, они ушли отсюда въ малозаселенныя земли финновъ и тамъ построенный городъ назвали именемъ стараго своего поселенія. Несторъ, называя ихъ однимъ общимъ именемъ «словянъ»; не могъ этого знать, вслѣдствіе отдаленности мѣста ихъ поселенія отъ его родины—Кіева. Но зато о происхожденіи другихъ словянскихъ племенъ, ближе жившихъ, онъ зналъ изъ ихъ преданій и пѣсенъ. Поясняя, что каждое словянское племя жило независимо отъ другихъ племенъ, управляясь своими собственными законами и различаясь между собою нравами, Несторъ въ лѣтописи своей говоритъ, что «поляне бо своихъ отецъ обычай имутъ: кротокъ и тихъ—и брачный обычай имаху. А древляне живутъ звѣрин-

Собственность Т. П. Мятлевой.

Базаръ на востокѣ. *(Къ 117 стр.)*

Собственность Т. П. Мятлевой.

Ограбленіе скандинавами храма бога Юмалы въ Біарміи. *(Къ 114 стр.)*

скимъ образомъ: убиваху другъ друга, ядяху все нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвицы (т. е. крали себѣ въ жены дѣвушекъ, подстерегая ихъ, когда тѣ шли за водою). Родимичи и вятичи одинъ обычай имаху: живяху въ лѣсахъ, яко же всякій звѣрь... Сіи же творяху обычаи кривичи и прочіи поганіи, не вѣдующе Закона Божія, но творяще сами себѣ законъ»... Дѣйствительно, земля полянъ, какъ мы увидимъ, стала ядромъ образованія Русскаго государства. Но восточные словяне вообще разселились въ Россіи гораздо ранѣе его появленія на Днѣпрѣ слѣдующими тремя большими, главными гнѣздами: на сѣверѣ—новгородцы (озеро Ильмень); затѣмъ—племена по Днѣпру и его притокамъ; а также—словяне юго-западныхъ областей, съ населеніемъ теперь малорусскимъ. И наконецъ—крайне юго-восточная, малая, обособленная словянская область: Тмутараканская—у Азовскаго моря.

Тутъ необходимо замѣтить, что условія разселенія словянскихъ племенъ на востокъ отъ Карпатскихъ горъ далеко были не одинаковы. Одни племена, поселившіяся въ болѣе плодородныхъ мѣстностяхъ или же ближе къ древнимъ торговымъ путямъ съ сѣвера на югъ, должны были, конечно, быстрѣй развиваться. Другіе, осѣвшіе на мѣстахъ дикихъ, лѣсныхъ и болотистыхъ,—поставленные въ необходимость бороться съ суровой природой и вытѣсненными словянскимъ наплывомъ финскими племенами,—развивались гораздо туже, и у нихъ медленнѣй устанавливались общественные уклады жизни. Но тѣмъ не менѣе даже и племена, попавшія въ очень невыгодныя условія для быстраго умственнаго и нравственнаго развитія, не были уже такъ дики лѣтъ 600 спустя послѣ Рождества Христова, какъ описы-

ваетъ это Несторъ съ своей христіанской, монашеской точки зрѣнія. Византійскіе лѣтописцы тоже преувеличиваютъ грубость словянскихъ нравовъ, хотя вслѣдствіе близкаго сосѣдства своей родины съ словянами и служатъ для насъ самымъ цѣннымъ источникомъ точныхъ свѣдѣній о древнемъ словянскомъ бытѣ. Въ историческомъ отношеніи намъ эти свѣдѣнія крайне дороги по существу, но все же въ нихъ слѣдуетъ разбираться съ нѣкоторой осторожностью—въ томъ, что̀ касается словянской дикости, такъ какъ писатели византійскіе отъ конца V-го до X-го вѣка, живя въ условіяхъ утонченнаго, тысячелѣтняго грекоримскаго образованія, не совсѣмъ правильно смотрятъ на первобытный складъ общежитія еще слишкомъ близкихъ къ природѣ, суровыхъ въ своихъ привычкахъ и нравахъ юго-восточныхъ и приднѣпровскихъ словянъ. Среди византійскихъ писателей одинъ Левъ Калойскій писалъ о словянахъ какъ очевидецъ, по личнымъ своимъ наблюденіямъ. Другіе же почерпали свои свѣдѣнія о нихъ больше изъ вторыхъ рукъ: писали по наслышкѣ да по догадкѣ, какъ напримѣръ императоры Маврикій и Константинъ Багрянородный въ промежуткѣ лѣтъ отъ 582 до 959 г.

Мы уже знаемъ, что, кромѣ свидѣтельства о словянахъ лѣтописей византійскихъ, до насъ дошли еще современныя первому ихъ появленію и развитію записи путешественниковъ-купцовъ арабскихъ, побывавшихъ въ нашемъ отечествѣ до IX столѣтія. Таковы: Ибнъ-Фадланъ, Ибнъ-Дастъ, Массуди и Аль-Истахари.

Говоря, должно быть, о нашей Малороссіи, арабы упоминаютъ о жалкихъ жилищахъ словянъ, построенныхъ изъ древесныхъ вѣтвей, обмазанныхъ глиной. Такъ же и византійцы свидѣтельствуютъ, очевидно

подразумѣвая *) тѣ же малороссійскія хаты, не измѣнившіяся, за отсутствіемъ лѣса, до сихъ поръ въ древнемъ способѣ своей постройки,—«что всѣ словяне живутъ въ дрянныхъ избахъ, разбросанныхъ на большомъ пространствѣ». Народамъ, привыкшимъ къ прочнымъ каменнымъ зданіямъ, къ такимъ строительнымъ матеріаламъ, какъ камень и песчаникъ,—южно-русская хата, конечно, должна была показаться дрянной избой. Разбросанность хатъ, составляющихъ одну и ту же деревню, мы до сихъ поръ видимъ вездѣ на югѣ и юго-западѣ. Женщины у словянъ занимали издавна видное и почетное положеніе. Среди нихъ, какъ видимъ мы у полянъ, и до христіанства существовали ненарушимые обычаи брака. Родители вводили невѣсту подъ вечеръ въ домъ жениха, а на утро туда приносили то, что̀ давали за ней въ приданое. Всѣ писатели отзываются съ похвалой о цѣломудріи словянскихъ женъ; говорятъ, что самоотверженная любовь къ мужьямъ иногда заставляла ихъ умерщвлять себя на могилѣ умершаго мужа, или ложиться съ трупомъ его на одинъ костеръ. Вдова оставалась, однако, главною представительницей семьи и распорядительницей имущества своихъ дѣтей по смерти отца. Земледѣліе было настолько общимъ занятіемъ всѣхъ словянъ, что даже нѣмцы призывали къ себѣ работать словянскихъ земледѣльцевъ. Они, не жалѣя труда, вырубали могучіе германскіе лѣса и безплодные пустыри обращали въ пашни. Обширныя луговыя степи южной Россіи издревле способствовали развитію скотоводства; а громадные лѣса средней и сѣверной полосы ея открывали обширное поле дѣйствія для двухъ другихъ, не менѣе важныхъ промысловъ: охоты и пчеловодства. Надо предполагать,

1) Картина: Словяне на охотѣ.

*) И. Е. Забѣлинъ: «Исторія Русской жизни».

что словяне, селившіеся предпочтительно по берегамъ озеръ и рѣкъ, занимались тоже съ давнихъ временъ рыболовствомъ. Наклонность къ мирному трудовому образу жизни не помѣшала словянамъ показать себя отличными воинами, когда они въ силу необходимости, для защиты себя или для новыхъ завоеваній, вооруженной рукой выступали противъ врага. По византійскимъ свѣдѣніямъ, они не носили панцыря, а наоборотъ устремлялись въ битву, скинувъ рубашку и плащъ, въ одномъ исподнемъ платьѣ, пѣшіе, съ копьемъ въ одной рукѣ и щитомъ въ другой. Любятъ они сражаться въ мѣстахъ тѣсныхъ, непроходимыхъ, и употребляютъ разныя военныя хитрости. Между прочимъ отлично плаваютъ и долго держатся подъ водой при посредствѣ долбленыхъ трубокъ изъ тростника. Вооруженіе ихъ кромѣ копья состояло изъ лука со стрѣлами, вымазанными ядомъ. Когда имъ случалось сражаться въ открытомъ полѣ, они старались себя окружить укрѣпленіемъ изъ телѣгъ, чтобы внутри его укрыть своихъ женъ и дѣтей. По свидѣтельству всѣхъ современниковъ, всѣ словяне—русоволосы, румяны, стройны. Это—народъ сильный и рослый, ведущій чрезвычайно простую жизнь, способный безропотно и легко переносить холодъ и жаръ, и всякія невзгоды. Вслѣдствіе этихъ качествъ арабы особенно высоко цѣнили невольниковъ изъ словянъ. Халифы брали себѣ ихъ въ тѣлохранители, и благодаря своимъ блестящимъ способностямъ, они иногда дослуживались при арабскомъ дворѣ до большихъ почестей. Описывая одежду словянъ, арабы говорятъ, что она состояла изъ короткаго полукафтанья съ накинутымъ на одно плечо грубымъ плащемъ—такимъ образомъ, что правая ихъ рука всегда оставалась свободной, чтобы владѣть оружіемъ. Сло-

2) Картина: Битвы древнихъ словянъ.

3) Картина: Типы древнихъ словянъ.

вяне любили, по ихъ словамъ, украшать шею золотыми и серебряными обручами, а въ одно ухо продѣвали серьгу. Женщины ихъ вѣшали себѣ на грудь множество нитокъ бусъ, въ особенности зеленыхъ, тогда составлявшихъ предметъ привоза, именно изъ Аравіи; кромѣ того,—ряды цѣпочекъ и ножъ на серебряномъ, или желѣзномъ кольцѣ, придѣланномъ къ золотой коробочкѣ. На рукахъ носили они запястья, а на ногахъ—обножья. Вдаваясь въ подробности быта и одеждъ словянъ, арабы,—по предписанію Корана, совершавшіе нѣсколько разъ въ день омовенія,—съ отвращеніемъ говорятъ про ихъ нечистоплотность, согласуясь съ отзывами на этотъ счетъ о словянахъ и византійскаго лѣтописца—Прокопія. Всѣ безъ различія лѣтописцы представляютъ словянъ народомъ добродушнымъ, гостепріимнымъ и щедрымъ. Они относились крайне ласково къ посѣщавшимъ ихъ чужестранцамъ и тщательно оберегали ихъ безопасность въ своемъ отечествѣ. Если случится, что чужестранецъ потерпитъ вредъ, то сосѣди виновнику такой случайности объявляли войну, чтобы отмстить ему за оскорбленіе гостя. Прямой отказъ въ гостепріимствѣ жестоко наказывался среди словянъ. Чтобы угостить пріѣзжаго, они не считали грѣхомъ даже украсть что-нибудь у сосѣда. Объ этомъ пространно пишетъ одинъ изъ императоровъ византійскихъ—Маврикій, царствовавшій съ 582-го до 602-го года, когда онъ былъ свергнутъ съ престола мятежными войсками. Онъ называетъ тутъ же словянъ вѣроломными; но вѣроломство ихъ заключалось въ томъ, что они дѣйствовали всегда врозь, не поддаваясь никакому общему соглашенію. Слѣдствіемъ этого было частое нарушеніе мира со стороны то одного, то другого словянскаго племени. Это была та сло-

вянская рознь, отъ которой всегда страдали и доселѣ страдаютъ всѣ словянскія племена. Тогда уже она составляла одну изъ выдающихся главныхъ чертъ всего словянства. — «Между словянами», говоритъ Маврикій, «постоянно царитъ раздоръ. Всѣ они питаютъ другъ къ другу вражду, и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому». Арабскій писатель Массуди къ этому добавляетъ: «Словяне—народъ столь могущественный и страшный, что если бы они не были раздѣлены на множество племенъ, то не помѣрился бы съ ними въ силѣ ни одинъ народъ въ мірѣ!» Мы и теперь могли бы принять къ своему свѣдѣнію это печальное для насъ, но вѣрное замѣчаніе о недостаткѣ среди русскихъ единомыслія и тѣсной сплоченности въ ихъ совмѣстныхъ дѣйствіяхъ для общенародной пользы.

О внутреннемъ управленіи и бытовомъ устройствѣ словянъ византійскіе писатели говорятъ, что у нихъ въ обычаѣ собираться для совѣщанія о всякихъ дѣлахъ въ опредѣленномъ мѣстѣ, а во главѣ племенъ ихъ стоитъ много князей и царьковъ. Общинное начало получило широкое примѣненіе у всѣхъ словянъ, въ особенности—восточныхъ. Этимъ началомъ опредѣлялись у нихъ важнѣйшія выраженія ихъ сельскаго и городского быта. Община владѣла землей и распредѣляла ее между своими членами, т. е. представителями отдѣльныхъ семей, изъ которыхъ она слагалась. Члены ея сходились на сходъ и на немъ обсуждали дѣла, касавшіяся общины. Жизнь ея между тѣмъ складывалась и развивалась подъ очень разнообразными внѣшними и внутренними вліяніями. Свойство почвы и климата, уровень мѣстности, близость торговыхъ путей, отношенія къ сосѣдямъ и составъ общины во время ея возникновенія,—все это опредѣляло есте-

ственный ея складъ и развитіе. Въ городѣ, конечно, господствовали совсѣмъ другія условія. Но городская жизнь установилась гораздо позже и о ней послѣ... Скажемъ только, что императоръ Константинъ Багрянородный въ IX столѣтіи зналъ уже о существованіи на Днѣпрѣ богатаго, многолюднаго города Кіева, Новгорода на Волховѣ у озера Ильменя, а кромѣ нихъ еще Чернигова, Смоленска, Любеча, Вышгорода и Витичева. Города начали возникать преимущественно изъ потребностей развивавшейся торговли и появлялись первоначально при самыхъ бойкихъ, широкихъ торговыхъ путяхъ. Такими путями являлись съ древнѣйшихъ временъ, конечно, рѣки и рѣчные волоки, намѣчавшіе самые пути разселенія словянской народности дальше на сѣверо-востокъ и сѣверъ. Самый важный по историческому значенію своему былъ знаменитый торговый путь: изъ «Варягъ въ Греки», соединявшій Балтійское море съ Чернымъ. Въ древнія времена пути по водѣ были, конечно, удобнѣй и легче передвиженія по сушѣ. Позднѣе,—по мѣрѣ проникновенія племенъ далѣе въ глубь страны,—стали купцы пролагать для себя пути и по лѣснымъ дебрямъ, и по степямъ. Они имѣли, однако, въ исторіи русской народности и въ развитіи ея государственной жизни значеніе второстепенное.

Коснемся теперь религіозныхъ вѣрованій словянъ до распространенія между ними ученія христіанскаго. У словянъ западныхъ и прибалтійскихъ были вполнѣ опредѣленныя божества, воплощаемыя цѣлымъ рядомъ различныхъ идоловъ, жреческое сословіе и строго выработанный порядокъ богослуженія. Зато словяне восточные не имѣли ясныхъ, опредѣленныхъ и многосложныхъ образовъ божества. Ихъ религіозныя представленія были очень смутны, и мы встрѣчаемъ у нихъ

4) Картина: Жертвоприношеніе древнихъ словянъ.

простое, первобытное поклоненіе главнымъ силамъ природы. Нашъ лѣтописецъ Несторъ упоминаетъ только отрывочно о громовержцѣ Перунѣ и о богѣ скота—Волосѣ: о томъ, что ихъ имена употреблялись въ клятвахъ и при заключеніи договоровъ. Судя по извѣстіямъ византійскихъ писателей, между словянами было больше распространено вѣрованіе въ единое, Верховное существо, правящее всѣмъ міромъ. Имя этому существу было: Сворогъ. Оно являлось олицетвореніемъ свѣта и неба, посреди котораго Сворогъ властвовалъ, повелѣвая громомъ и молніей. Соотвѣтствующимъ Сворогу божествомъ женскаго пола была Мать-Земля, производящая все видимое человѣку и его питающая. Сыновьями Сворога считались: солнечный свѣтъ и огонь. Арабскіе писатели потому предполагали и утверждаютъ въ лѣтописяхъ своихъ, что словяне будто бы поклонялись только одному «Красному Солнышку», какъ оживляющему всю природу своими лучами и пробуждающему ее отъ зимняго сна. Ему дѣйствительно посвящались особыя празднества, сопровождавшіяся у словянъ пѣніемъ, пляской и прославлявшія благодѣянія солнца играми. Его просили о ведрѣ и урожаѣ.

5) Картина: Водяной.

Уваженіе словянина къ домашнему очагу выражалось почитаніемъ имъ огня. Огню приписывалось словянами нѣчто вѣщее и священное. Но не менѣе важною, нежели онъ, и святой стихіей представлялась словянамъ также вода. Ставя земныя воды въ тѣсную связь съ водами небесными, они высоко чтили рѣки, ручьи и озера. Воображеніе словянина кромѣ того населило лѣса и воды особыми существами, выродившимися позже въ полу-сказочныхъ лѣшихъ, русалокъ и домовыхъ, но сохранившимися однако въ народномъ вѣрованіи и послѣ принятія

6) Картина: Домовой.

христіанства. Различныя обстоятельства ежедневной жизни ставились словянами въ тѣсную связь съ этими существами. Они старались умилостивить ихъ, принося жертвы «кладезямъ, источникамъ и рощеніямъ». Съ свойствомъ воды и огня—поглощать и умерщвлять соединяли словяне свое представленіе о смерти и о загробной жизни. Тѣни усопшихъ въ видѣ русалокъ весной по водѣ приплывали и выходили на землю полюбоваться оживившеюся природой. Мы уже знаемъ, что огню предавались тѣла усопшихъ въ томъ твердомъ убѣжденіи, что этимъ имъ облегчается переходъ въ иной, невѣдомый міръ,—въ царство мертвыхъ. Мертвецы сожигались на высокихъ кострахъ; а потомъ надъ костями и пепломъ ихъ, собранными въ глиняную посудину, насыпался высокій холмъ. Иногда же эту посудину ставили на столбѣ, гдѣ-нибудь у перепутья. Способъ сожженія, сохранившій намъ на днѣ могилъ всю обстановку быта древняго населенія нашей родины, былъ такой: сначала приготовлялась насыпь съ округлымъ основаніемъ, и на этой насыпи устраивали громадный костеръ. На кострѣ полагали тѣло покойника въ одеждѣ и украшеніяхъ, а около него разныя вещи: оружіе, сбрую, домашнюю утварь, монеты, зерновой хлѣбъ и заколотыхъ на его могилѣ животныхъ,—съ цѣлью ему доставить въ загробномъ существованіи тѣ же удобства, какими онъ пользовался при жизни. Послѣ сожженія пепелище закрывали слоемъ земли, отъ двухъ четвертей до пяти аршинъ толщиною. Поверхъ этого слоя въ центрѣ кургана ставили сосудъ съ костями жертвеннаго животнаго, а затѣмъ весь курганъ прикрывали новымъ слоемъ земли отъ двухъ до шести аршинъ толщиною. Сожженію предшествовалъ и за сожженіемъ слѣдовалъ у словянъ, какъ бывало у

6 б) Картина: Русалки.

7 а) Картина: Полетъ души въ загробномъ мірѣ согласно представленію древнихъ словянъ.

7 б) Картина: Погребальное сожженіе знатнаго словянина.

(См. Картину № 13 въ Выпускѣ 3-емъ).

скиѳовъ, пиръ, сопровождавшійся играми въ честь усопшаго и борьбою. Женщины въ знакъ печали царапали себѣ ножомъ лицо и руки,—обычай тоже въ подобныхъ случахъ упоминавшійся уже нами, когда мы вели рѣчь о скиѳахъ. Такіе пиры или тризны ежегодно въ день смерти покойнаго совершались его родственниками и друзьями, на мѣстѣ сожженія тѣла.

Новѣйшія раскопки въ различныхъ краяхъ Россіи, преимущественно въ губерніяхъ Кіевской, Полтавской, Черниговской, Курской и Харьковской, подтверждая всѣ, приведенныя нами выше, извѣстія о бытѣ древняго населенія нашего юга, къ нимъ прибавляютъ многія новыя, существенныя подробности. Между прочимъ онѣ доказываютъ, что мертвецовъ зарывали иногда просто въ землю, кладя съ ними въ могилу разныя вещи и украшенія,—даже запасы пищи.

Въ народномъ сознаніи сталкивались, какъ и нынѣ, различныя воззрѣнія на смерть и загробное существованіе; изъ нихъ образовались разнообразныя религіозныя наслоенія, вытѣсненныя наконецъ міросозерцаніемъ христіанскимъ.

Въ связи съ религіозными вѣрованіями словянъ находится и большое количество, дошедшихъ до насъ, заклинаній, заговоровъ, шептаній и даже пѣсенъ ихъ. Они до сихъ поръ еще сохранились въ народѣ, какъ отголоски язычества.

По свидѣтельству Ибнъ-Даста, словяне были одарены большими способностями къ музыкѣ, и у нихъ были въ употребленіи различные музыкальные инструменты. На степень умственнаго развитія словянской народности указываетъ то, что у нихъ были уже свои письмена и своя азбука, даже свои знаки для

8) Картина: Свв. Кириллъ и Меѳодій обучаютъ грамотѣ словянскихъ дѣтей.

счета,—до появленія между ними просвѣтителей христіанскихъ: Кирилла и Меѳодія.

Нельзя *) не обратить вниманія на названіе протекавшаго по землѣ полянъ большого праваго притока Днѣпра—рѣки Рось, такъ какъ она получила первенствующее значеніе въ ихъ исторической жизни. Въ нее впадаютъ почти одноименныя съ нею рѣчки: Роська, Росьво, Роставица, Рутекъ. Теперь уже мало кто дѣйствительно вѣритъ сказочному преданію, будто въ 862 году изъ-за Балтійскаго моря пришли править свободолюбивыми, независимыми словянами по ихъ собственному призыву — три брата - скандинава изъ племени: Русь, которые такъ размножились въ нѣсколько лѣтъ и получили такую силу, что покрыли собою сразу всѣ словяно-чудскія племена отъ Балтійскаго моря вплоть до Чернаго и Азовскаго, передавъ на Днѣпрѣ всему населенію и даже впадающимъ въ него притокамъ свое чужеземное имя. Такая выдумка настолько же не согласна съ естественнымъ ходомъ исторіи, съ законами постепеннаго размноженія и преобладанія народовъ, насколько со здравымъ смысломъ стояло бы въ противорѣчіи называть ручей—океаномъ. А потому будемъ продолжать свое повѣствованіе, не считаясь съ устарѣлыми баснями.

Заселивъ до тѣхъ поръ безплодныя мѣстности Кіевской области, поляне, какъ надо думать, дали названіе и рѣкамъ, въ ней протекающимъ, по именамъ, имъ знакомымъ уже въ Карпатахъ. Дѣйствительно, по склонамъ Карпатскихъ горъ, въ Верхней Вислѣ, въ Краковскомъ воеводствѣ течетъ рѣка Росса. Словяне, выселившіеся изъ Карпатъ къ сѣверо-вос-

*) Профессоръ Хойновскій: «Краткія свѣдѣнія о древнихъ словянахъ и Руси».

току, къ рѣкѣ Волковы, притоку Нѣмана, назвали рѣки въ Волковскомъ уѣздѣ: Рось, Россіенка, и тамъ поставили городъ Россіены. Потѣсненные отъ рѣки Волковы къ сѣверу литовцами и мазовшанами, словяне пошли дальше на сѣверъ къ Ильменю, но лѣсную возвышенность въ новой, занятой ими, мѣстности назвали Вольковскимъ лѣсомъ; а большую рѣку, вытекающую изъ озера Ильменя, прозвали отъ рѣки Волковы—Волховъ. На ней построили городъ Новгородъ,—и съ тѣхъ поръ это словянское племя получило названіе новгородцевъ или просто: словянъ. Тутъ же былъ прежде маленькій ручеекъ, уже давно не существующій, но пришельцами названный: Русса.

Приведенныя выше свѣдѣнія о причинахъ обозначенія словянскими выходцами изъ Карпатъ различныхъ рѣкъ и городовъ во вновь занятыхъ ими странахъ тѣмъ или другимъ именемъ, согласно уже привычнымъ для ихъ произношенія, раньше знакомымъ имъ именамъ,—даютъ возможность съ достаточной достовѣрностью предположить, что ни кто иной какъ поляне назвали Росью рѣку, впадающую справа въ Днѣпръ, а ея притоки—Россавой, Росською, Россовицею... а никакъ не алане, позже сюда пришедшіе, сравнительно въ небольшомъ числѣ; и никакъ уже не скандинавы или норманы. Поляне заняли сѣверную часть Кіевской области по рѣку Рось, причемъ роды, жившіе въ мѣстности, прилегающей къ этой рѣкѣ и ея притокамъ, изъ него выдѣлились со временемъ подъ особымъ именемъ: «россовъ». Мы уже видѣли, какое понятіе даетъ намъ Несторъ о еще дикихъ племенахъ выходцевъ изъ Карпатъ, кромѣ полянъ, что «всѣ они—древляне, родимичи и вятичи—живяху въ лѣсахъ яко же всякій звѣрь и ядуще все нечисто». Поляне же, по его словамъ, стояли гораздо

выше по своему общественному развитію, а потому естественно подчинили себѣ мало-по-малу сосѣднія племена. Изъ извѣстныхъ намъ торговыхъ сношеній съ греками мы тоже видимъ, что поляне производили хлѣбъ на продажу, сплавляли по Днѣпру въ греческій городъ—Ольвію кожи пушныхъ звѣрей, рыбу и доставляли грекамъ янтарь, получая взамѣнъ шелковыя ткани, вина и пряности,—между тѣмъ какъ сосѣдніе дикари полянамъ обмѣнивали на соль только произведенія звѣринаго и пчелинаго своего промысла. Вотъ прямая причина преобладанія полянъ надъ другими словянскими племенами. Купцы ихъ составляли издавна хорошо вооруженныя дружины — сначала лишь для защиты своихъ каравановъ съ товарами отъ нападенія кочевниковъ южныхъ степей,—какъ при сплавѣ ихъ внизъ по Днѣпру, такъ и при перевозѣ обратно сухимъ путемъ: на телѣгахъ, волами, а также на верблюдахъ, когда караваны шли по направленію къ рѣкамъ Ингулу и Тясьмину.

Но какъ только замерзалъ Днѣпръ, эти вооруженныя дружины торговыхъ людей ходили за пріобрѣтеніемъ новыхъ товаровъ въ разныя племена словянъ.

Позднѣе, когда племя полянъ выбрало себѣ князя, то онъ съ дружиною началъ облагать данью слабѣйшихъ сосѣдей и самъ ходилъ зимою въ разныя стороны за сборомъ дани. Читая Нестора, мы получаемъ стройный разсказъ о постепенномъ подчиненіи Кіеву всѣхъ словянскихъ и чудскихъ племенъ, образовавшихъ Русское государство. Можно легко предположить, что примѣсь съ полянами воинственныхъ, предпріимчивыхъ россаланъ-сарматовъ и незамѣтное даже позже присутствіе ихъ среди нихъ, внесло въ миролюбивый, осѣдлый и земледѣльческій

нравъ полянскаго племени—боевой духъ и развившуюся въ нихъ страсть къ военнымъ походамъ. Когда сарматскіе роксалане или въ началѣ «ракосы» отъ рѣки Роксъ или Ра, т. е. Волги, въ своемъ движеніи къ сѣверо-западу, отъ ея устья,—достигли верховьевъ Днѣпра, то частью спустились естественно внизъ по его теченію и попали въ область словянъ-земледѣльцевъ по рѣкѣ Роси. Они не могли не осѣсть, хотя сравнительно въ небольшомъ количествѣ въ столь богатой и плодородной странѣ, надѣленной природой самыми выгодными условіями, для пропитанія и торговли. Но такъ какъ здѣсь уже издавна господствовало могучее и предпріимчивое поляно-словянское племя Рось, а роксаланамъ, уже отжившимъ время своей широкой, боевой славы, небольшой горстью чужихъ пришельцевъ было, само собою разумѣется, не подъ силу одолѣть ихъ,—то они мирно смѣшались съ россами и вошли полнымъ составомъ въ раздольную, дѣятельную жизнь туземцевъ, какъ нельзя болѣе подходившую къ собственнымъ ихъ наклонностямъ. Имя ихъ «роксалане» тогда естественно измѣнилось въ «россаланъ», перейдя незамѣтно на всѣхъ остальныхъ ихъ соплеменниковъ, въ своемъ движеніи по Россіи, уже давно въ большой мѣрѣ смѣшавшихся со словянами. Когда же храбрый народъ россаланъ, вообще, совсѣмъ безвозвратно пропалъ изъ исторической жизни Россіи въ потокѣ другихъ племенъ,—то ихъ остатокъ на рѣкѣ Росѣ и по всему Днѣпру, конечно, принялъ общее съ остальными полянами этой мѣстности имя россовъ.

Мы уже говорили, что какъ одна часть передового сарматскаго племени аланъ остановилась временно, подъ именемъ роксаланъ, на нижней Волгѣ, такъ другая, направившись къ ея верховьямъ, заняла полосу между

словянскими племенами и чудью, къ которой принадлежали эсты. Они не безъ борьбы проходили по областямъ, на западѣ населеннымъ чудью, и водворились среди чудскихъ народцевъ, какъ мещера, мурома, меря и т. п. Волжскіе роксаланы, двинувшись также въ сѣверо-западномъ направленіи, дошли до земли вятичей, т. е. крайняго на востокѣ словянскаго племени, сѣвшаго на верховьяхъ Оки. Алане такимъ образомъ шли къ пограничной чертѣ двухъ, указанныхъ нами, народовъ: словянъ и чуди—тогда, вѣроятно, мало еще заселенными областями земель Войска Донского, черезъ нынѣшнія губерніи: Воронежскую, Тульскую, Калужскую и Московскую, до сѣверо-западнаго края Тверской губерніи. Одинъ древній историкъ римскій Марціанъ-Гераклитъ еще въ 410 г. послѣ Рождества Христова упоминаетъ о роксаланахъ, подъ ихъ собственнымъ именемъ, въ этой мѣстности: между словянами и уральской чудью. Позже они смѣшались съ мѣстнымъ кореннымъ населеніемъ словянъ и финновъ, причемъ утратили свое обособленное названіе,—но ихъ вліяніе и кровь сказались въ позднѣйшихъ великоруссахъ. Кто видѣлъ великорусскихъ женщинъ—какъ онѣ пашутъ, косятъ, молотятъ хлѣбъ и исполняютъ вообще всѣ мужскія, полевыя работы, тотъ кстати вспомнитъ объ амазонкахъ, сарматъ, обладавшихъ выносливостью въ трудѣ, равной съ мужчинами, и порождавшихъ такое же крѣпкое, предпріимчивое потомство, какими мы видимъ теперь великороссовъ.

Значитъ, словянское племя полянъ, съ древнѣйшихъ временъ обитало на плодородныхъ поляхъ Кіевской губерніи. Несомнѣнно, что только изъ Кіева, въ землѣ полянъ, князья завоевали племена не одни лишь словянскія, но и—уральской чуди. Кіевъ одинъ

былъ главнымъ ядромъ, вокругъ котораго разросталось Русское государство до нашествія на него татаръ.

Русская исторія Кіевской мѣстности началась въ 650 году, когда поляне платили дань хазарамъ. Со временемъ византійцы прозвали жителей той обширной страны, гдѣ протекала со своими притоками Рось—россами; между тѣмъ какъ поляне, жившіе между горъ, окружающихъ притокъ Днѣпра—Кіянку, названы были кіянами, а потомъ—кіевлянами. Рѣка Рось протекаетъ по южной части Кіевской области съ запада на востокъ и сѣверо-востокъ, беря начало въ Черемошенскомъ лѣсу, Бердичевскаго уѣзда, у села Ордынецъ, изъ водораздѣла между притоками Днѣпра и Буга. Она впадаетъ въ Днѣпръ при селѣ Пекаряхъ, выстроившемся на мѣстѣ древней крѣпости—Родни. На пространствѣ между Бѣлой Церковью и Днѣпромъ Рось описываетъ въ южномъ направленіи полукругъ. Въ нее впадаютъ многочисленные притоки и между ними съ правой южной стороны—рѣчка Роська, а съ лѣвой—Ростовица и Рутекъ. Значительная часть русла ея и береговъ—скалисты. Площадь лѣвой, сѣверной ея стороны, покрытая горами,—возвышеннѣе правобережья и господствуетъ надъ южною стороной. Тамъ же величественно рисуются курганы крупныхъ размѣровъ. Это—мѣстный, мирно трудящійся на своихъ пашняхъ и торговый, народъ, чтобы обезпечить себя отъ внезапныхъ набѣговъ хищниковъ, устроилъ себѣ помимо естественныхъ горъ второй рядъ защиты, насыпавъ земляной валъ, извѣстный въ народныхъ преданіяхъ подъ именемъ «змѣинаго вала» и сохранившійся частью до нашихъ дней. Онъ начинается на обрывѣ Днѣпра у села Пекарей и тянется далеко къ западу, прерываемый позднѣйшей распашкой,—черезъ лѣса и горы, около Богуслава,

черезъ Бѣлую Церковь и рѣчку Каменьку. Сѣверный берегъ, особенно на юго-востокѣ, очень богатъ лѣсами изъ дуба и ясеня съ примѣсью хвойныхъ деревьевъ. Кромѣ большихъ кургановъ, вездѣ разсыпанныхъ по этой мѣстности, осталось до нашихъ дней много городищъ, обведенныхъ двойными и тройными валами, гдѣ словянскій народъ защищалъ свою независимость въ древнія времена.

9) Картина: Древняя русская крѣпость.

Древнѣйшимъ изъ укрѣпленій всей этой мѣстности считается Родня близъ села Пекарей, при впаденіи Роси въ Днѣпръ. Она въ началѣ образованія древней Руси была на Днѣпрѣ крайнимъ сторожевымъ постомъ, откуда отрядъ дружины кіевскаго великаго князя слѣдилъ за купеческими судами, плававшими по Днѣпру, и за печенѣгами, впослѣдствіи сюда пришедшими изъ-за Волги и кочевавшими на южной сторонѣ Роси, т. е. на западномъ ея берегу. Здѣсь въ особенности гористая мѣстность, покрытая густыми лѣсами, и быстрая, по камнямъ бѣгущая, Рось облегчали жителямъ возможность прятаться передъ набѣгами дикарей внутри городищъ, окружавшихъ крѣпость Родню. Теперь это мѣсто зовется «Княжей горой». Въ ней много найдено каменныхъ, первобытныхъ орудій и вещей того времени, когда люди еще не имѣли понятія о металлахъ. Они указываютъ на глубокую древность мѣстнаго заселенія. Въ красивой мѣстности пороговъ Роси,—тамъ, гдѣ она течетъ стремительными водопадами и гдѣ сейчасъ расположено по обоимъ ея берегамъ мѣстечко Стеблево,—стоялъ по преданіямъ, въ очень древнія времена Руси, большой торговый городъ, гдѣ жили греческіе купцы и гдѣ вели съ ними торговлю россы, т. е. обитатели этихъ мѣстъ, между рѣкою Росью и ея притокомъ Россавой. Греческіе купцы приходили къ Стеблеву

10) Картина: Ѣзда на верблюдахъ.

изъ Ольвіи сухопутьемъ: вверхъ по теченію рѣкъ Ингула и Тясмина, перевозя товары свои на волахъ и верблюдахъ. Съ началомъ христіанства, когда Римъ овладѣлъ Ольвіей и побережьемъ Чернаго моря, простой обмѣнъ товаровъ перешелъ въ куплю и продажу ихъ за деньги, и потому на этомъ пути при раскопкахъ почвы находятъ много монетъ греческихъ и римскихъ.

Другая значительная рѣка описываемой мѣстности кромѣ Роси—это ея лѣвый притокъ, Россова. Въ своемъ теченіи она принимаетъ въ себя воду изъ многихъ, хотя незначительныхъ, рѣчекъ. На ея берегахъ тоже видны остатки древнихъ валовъ и городищъ. Крестьяне мѣстечка того же названія—Россовы находятъ по сосѣдству съ собою, въ окруженномъ курганами городищѣ, куски желѣза, предметы домашней утвари и погребенія. Между рѣками Россовой и Росью, среди высокихъ горъ и лѣсовъ, пріютилось мѣстечко Таганчи, а въ 3-хъ верстахъ отъ него—село Пишки, что̀ значитъ на малороссійскомъ нарѣчіи: ходить пѣшкомъ. Оно расположено на такихъ крутыхъ оврагахъ, что жители совсѣмъ не могутъ ѣздить въ повозкахъ и принуждены сообщаться между собою пѣшкомъ. Понятно, что столь неприступная для кочевниковъ область въ древности послужила убѣжищемъ земледѣльческому, осѣдлому населенію отъ нападенія дикихъ ордъ и сильныхъ, грозныхъ сосѣдей. Въ такой природной крѣпости укрывались предки словянъ и охраняли свою независимость. Дальше къ сѣверо-западу мѣстность становится уже безлѣсной и ровной. Но какъ въ гористой странѣ, такъ и на равнинахъ, раскинуты всюду курганы, хотя большинство изъ нихъ и сравнено теперь съ землею вспашками подъ свекловицу. Народъ,

жившій въ области Роси и Россовы, вслѣдствіе плодородія почвы своей страны и торговой дѣятельности, сталъ очень давно извѣстенъ арабскимъ и византійскимъ писателямъ подъ именемъ «россовъ»; между тѣмъ какъ германцы и римляне называли мѣстное населеніе «рутенами», отъ другого, довольно значительнаго притока рѣки Рось: Рутъ или Рутекъ, соединяющагося съ Росью у нынѣшней Бѣлой Церкви. Извѣстность рутеновъ еще расширилась, когда вооруженныя дружины купцовъ изъ страны россовъ начали грабить прибережные византійскіе и малоазіатскіе города. Словянское племя полянъ, заселявшее всю эту страну, сначала жило отдѣльными родами и управлялось начальниками родовъ, называвшимися «старшинами», «володарями» или «жупанами». Поляне, жившіе въ южной части Кіевской области или Пороссьи, т. е. при рѣкахъ—Росси, Россовѣ, Роськѣ и Рутекѣ, стали позднѣе называться какъ соплеменниками своими, такъ и пріѣзжими купцами и всѣми сосѣдями: «Росью». О вѣтви полянъ, жившей въ Пороссьѣ, говорятъ русскіе лѣтописцы: «Поляне, яже нынѣ зовомая Русь». Своими воинственными и торговыми способностями россы вскорѣ начали преобладать надъ остальнымъ племенемъ полянъ, а затѣмъ—надъ всѣми другими сосѣдними племенами. Перейдя отъ родового начала управленія населеніемъ къ началу областному,—позднѣе въ смутныя времена нападенія сильныхъ враговъ, россы начали избирать между собою, подобно другимъ словянамъ, наиболѣе храбраго и достойнаго воеводу, чтобы руководить защитой. Власть его постепенно все расширялась, и онъ наконецъ получилъ названіе у арабскихъ и византійскихъ историковъ—каганъ или князь. Со времени завладѣнія россами всею землею полянъ, они перенесли мѣсто своего главнаго

управленія изъ торговаго сосредоточія въ Таганчахъ и Стеблевѣ—въ болѣе удобный для этой цѣли городъ Кіевъ на рѣкѣ Кіянкѣ.

Сохранивъ свою самобытность послѣ нашествія скиѳовъ, сарматовъ, готовъ, гунновъ и аваръ, словянскіе переселенцы въ Кіевской области начали разселяться и далѣе къ сѣверо-востоку, гдѣ болѣе или менѣе мирно смѣшивались съ чудскими племенами. Они такимъ образомъ, какъ мы уже говорили, дошли до Дона, причемъ ословянили инородцевъ. Это движеніе съ обрусѣніемъ занимаемыхъ областей продолжается и до нашихъ дней, въ Сибири, по направленію къ устью рѣки Амура вплоть до Камчатки. Такое разселеніе и одновременно прочное установленіе военными, купеческими дружинами торговыхъ сношеній россовъ съ арабами и Византіей, а позднѣй нападеніе дружинъ россовъ на прибережные города морей Чернаго и Азовскаго—сдѣлали, раньше начала Русскаго государства въ 862 году, извѣстнымъ имя россовъ, какъ народа изъ мѣстъ средняго Приднѣпровья.

Теперь раньше, чѣмъ говорить о древнемъ Болгарскомъ царствѣ на рѣкѣ Камѣ и Волгѣ, туда послѣдовавъ черезъ землю буртасовъ за арабскимъ путешественникомъ X вѣка — Ибнъ-Фодланомъ, вернемся еще къ аварамъ и гуннамъ—болгарамъ на югѣ древней Россіи, какъ кутургурамъ, между Днѣпромъ и Дунаемъ, такъ и утургурамъ на берегахъ Азовскаго моря. Посмотримъ, что̀ сталось съ ними.

Глава II.

Нападеніе аваръ на Царьградъ съ суши и съ моря въ союзѣ съ словянами. Исчезновеніе аваръ и господство хазаръ на Таврическомъ полуостровѣ. Возстаніе Херсонеса (или Корсуни) противъ византійскаго императора Юстиніана Безносаго. Гоненіе на иконы Льва Исаврiянина. Іоаннъ Дамаскинъ. Дальнѣйшее существованіе Хазарскаго царства *).

Въ 626 году аварскій каганъ, уже подчиненный опять хазарамъ,—при помощи словянскихъ моряковъ и въ союзѣ съ персидскимъ ханомъ Хозроемъ,—осадилъ самый Царьградъ. Одна часть словянскаго войска, въ латахъ, дѣйствовала съ сухого пути, а другая на многочисленныхъ лодкахъ-однодревкахъ должна была, по данному знаку, напасть на столицу съ моря. Лодки словянъ заполнили собою весь заливъ у Царьграда, тогда называвшійся, «Гератской Пазухой»;—но вдругъ налетѣвшая буря здѣсь разметала словянскій флотъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ греки, предупредивъ нападеніе враговъ, разгромили суда ихъ. Аварскій каганъ, въ досадѣ на неудачу и подозрѣвая измѣну, велѣлъ перерѣзать всѣхъ, въ живыхъ оставшихся, мореходовъ. Тогда, провѣдавъ объ этомъ звѣрствѣ, сухопутное войско словянъ ушло домой, а вслѣдъ за нимъ вынужденъ былъ отступить отъ стѣнъ Царьграда и аварскій каганъ. Хотя лѣтописцы точно не говорятъ, откуда прибылъ словянскій флотъ, но называютъ участниками похода помимо аваръ и скиѳовъ, т. е. придунайскихъ словянъ,—еще таврoскиѳовъ. Мы помнимъ, что когда сарматы заполнили Скиѳію, то уцѣлѣвшая небольшая часть этой древ-

*) И. Е. Забѣлинъ: «Исторія Русской жизни». Д. И. Иловайскій: «Изысканія о Древней Руси». Профессоръ: М. И. Давнаръ-Запольскій: «Русская Исторія въ очеркахъ и статьяхъ».

ней народности подъ одновременнымъ натискомъ сарматовъ съ востока, а готовъ съ запада, отступая отъ Дона и Днѣстра, сосредоточилась въ степяхъ Херсонской губерніи, у Крымскаго полуострова, называвшагося прежде Таврикой. Это пространство ихъ населенія называлось Малой Скиѳіей, а обитавшіе на немъ скиѳы получили соотвѣтствующее положенію этой области наименованіе «Тавро-Скиѳіи». Лѣтописецъ Манассія прибавляетъ, что въ это время на грековъ были крайне возбуждены всѣ племена, обитавшія вблизи Тавра, причемъ князья неистовыхъ тавро-скиѳовъ, собравъ корабли съ несмѣтнымъ количествомъ воиновъ, покрыли море своими ладьями. Персъ былъ подобенъ колючему скарпію, злобный скиѳъ—ядовитому змію, а тавро-скиѳъ—саранчѣ, что̀ ходитъ и летаетъ (т. е. плаваетъ) на парусахъ.

Для VII столѣтія тавро-скиѳы означали бы, очевидно, болгарскія племена кутургуровъ, жившія надъ самымъ Чернымъ моремъ и привычныя къ мореплаванію, — но Манассія писалъ гораздо позже, въ XII вѣкѣ, когда византійцы тавро-скиѳами называли вообще южно-русскихъ словянъ,—приднѣпровскихъ по преимуществу, одновременно называемыхъ въ арабскихъ лѣтописяхъ неизмѣнно: «руссами». И такимъ образомъ, хотя косвенно, мы имѣемъ свѣдѣнія, что однодревки принадлежали днѣпровскимъ словянамъ, иначе племени россовъ.

Этотъ аварскій походъ на Византію уже былъ послѣднимъ. Въ 630 году вождь карпатскихъ словянъ Самонъ прогналъ аваръ изъ Панноніи (нынѣшней Венгріи), гдѣ они утвердились; а затѣмъ царь болгаръ кутургуровъ Кубратъ, въ союзѣ съ императоромъ византійскимъ Ираклiемъ, свергнулъ аварское иго надъ словянскими племенами, подчинилъ

аваръ своей власти, и скоро самое имя когда-то страшныхъ азіатскихъ пришельцевъ исчезло на страницахъ исторіи. Освободившіеся болгары заняли въ 678 году всю страну на востокъ отъ Дуная до Балканскихъ горъ, населенную семью разными словянскими племенами. Болгары объединили ихъ и своимъ говоромъ измѣнили нѣсколько мѣстный языкъ словянскій, родственный съ языкомъ болгарскимъ.

Что касается до Волжско-Каспійской турецкой орды, вернувшей подъ свою власть бѣглецовъ-аваръ и обложившей данью тѣхъ самыхъ приволжскихъ аланъ, что̀ не хотѣли пускать къ себѣ вооруженныхъ турокъ, сопровождавшихъ византійскаго посла къ Дизавулу Земарха,—то мы уже знаемъ, что она окончательно отдѣлилась отъ Золотой горы и на мѣстѣ нынѣшней Астраханской губерніи почти до рѣки Куры на Кавказѣ и до земель русско-словянскихъ племенъ на западѣ основала самостоятельное Хазарское царство, съ главнымъ городомъ Итиль, вблизи устья Волги, и прежней своей столицею: Семендеромъ, у подножья Кавказа. При столкновеніи съ образованными народами эти турки-хазары не замедлили обнаружить быструю воспріимчивость къ болѣе мягкимъ нравамъ и къ началамъ гражданственности. Смѣшавшись съ ними, они утратили свою свирѣпость. Непосредственныя сношенія были у нихъ съ Византіей, Крымомъ и Персіей. Отличаясь, какъ намъ извѣстно, вѣротерпимостью, хазары повидимому задавались вопросомъ: «гдѣ истина?» такъ какъ они отправили къ византійскому императору пословъ съ просьбой прислать свѣдущихъ людей для споровъ съ мусульманскими и еврейскими проповѣдниками. Въ Хазарію былъ отправленъ св. Кириллъ, изучив-

шій хазарскій языкъ во время пребыванія своего въ Херсонесѣ таврическомъ, и его проповѣдь тамъ привлекла къ христіанству до 200 человѣкъ.

11) Картина: Св. Кириллъ между хазарами.

Между тѣмъ, вслѣдствіе неудачныхъ переговоровъ въ 579 году византійскаго посла Валентина съ ханомъ Туркосанфомъ, византійцы-римляне должны были еще отправиться дальше на Золотую гору,—къ верховному хану, родственнику Туркосанфа, Тарду. А въ это время войска хазаръ, въ соединеніи съ покоренными ими болгарскими утургурами, напали на греческіе города восточной части Тавриды и разорили ихъ. Существуетъ извѣстіе объ осадѣ ими въ 582 году Херсонеса или Корсуни,—но безуспѣшной. Пантикапея же пала, не смотря на крѣпость стѣнъ, возведенныхъ вокругъ нея Юстиніаномъ. Кромѣ гвардіи самаго кагана въ распоряженіи правительства находилось всегда до 10.000 всадниковъ, снабженныхъ знаменами, бронями, копьями, луками и саблями. Всѣ зажиточные люди, сообразно съ размѣрами своего имущества и успѣшностью промысловъ, должны были поставлять извѣстное количество всадниковъ. Это была государственная повинность. Духъ повиновенія въ хазарской арміи былъ очень развитъ. Воины, бѣжавшіе съ поля сраженья, наказывались смертной казнью.

Посольство Валентина было отпущено, наконецъ, домой послѣ долгихъ скитаній и униженій. Приазовскіе утургуры, не смотря на печально окончившуюся попытку ихъ князя Гудаса перенести христіанство изъ Византіи въ свою страну, — въ лицѣ другого своего князя въ 617 году снова выказали желаніе просвѣтить себя истинами Евангелія, и этотъ князь со всею своей семьей и приближенными пріѣхалъ креститься въ Царьградъ, гдѣ самъ императоръ Ираклій былъ его

воспріемникомъ; а воспріемниками знатныхъ гунновъ-болгаръ утургуровъ съ ихъ женами—были знатные византійцы. Новокрещенные гунны-утургуры вернулись на родину одаренные византійцами, получивъ отъ нихъ, кромѣ цѣнныхъ вещей, высокія римскія званія. Съ тѣхъ поръ христіанство распространяется между таврическими болгарами и существуетъ прочно среди язычниковъ.

Въ 702 году къ хазарамъ бѣжалъ изъ заточенія въ Херсонесѣ—народнымъ переворотомъ сверженный за свою жестокость съ престола и туда сосланный съ отрѣзаннымъ носомъ — императоръ византійскій Юстиніанъ Безносый. Херсониты хотѣли его убить. Но хазарскій каганъ принялъ его съ честью и женилъ на своей сестрѣ, принявшей крещеніе подъ именемъ Ѳеодоры. Однако подкупленный замѣстителемъ Юстиніана на византійскомъ престолѣ—Тиверіемъ, онъ собирался подослать къ нему убійцъ. Юстиніанъ, предупрежденный женою, ихъ задушилъ веревкой и спасся къ царю Дунайскихъ болгаръ, которые ему помогли вернуть себѣ престолъ. Тогда онъ началъ страшно мстить городу Херсонесу и, снарядивъ туда флотъ, приказалъ произвести безпощадное избіеніе жителей во всей Корсунской области. Херсонесцы обратились за помощью къ хазарскому кагану, и хазарское войско остановило торжество Юстиніана, начавшаго разрушать противъ него возставшій, за одно съ сооруженнымъ имъ флотомъ, греческій городъ. Заплативъ хазарамъ за помощь деньгами, херсониты провозгласили своимъ императоромъ предводителя перешедшаго на ихъ сторону флота, Вардана, а тотъ, убивъ Юстиніана, самъ занялъ его мѣсто на византійскомъ престолѣ.

12) Картина: Удушеніе Юстиніаномъ подосланныхъ къ нему убійцъ.

Въ томъ, что касается болгаръ-утургуровъ, то

они находились тогда въ полной зависимости отъ хазаръ, и хазарскіе намѣстники жили по обѣ стороны Босфора Киммерійскаго, т. е. Керченскаго пролива. Въ слѣдующемъ (VIII) столѣтіи, нами уже указанномъ, какъ время высшаго расцвѣта Хазарскаго царства, почти весь Таврическій полуостровъ подпалъ подъ власть хазарскаго кагана, кромѣ Корсунской области.

Во второй половинѣ VII вѣка Персидское государство было побѣждено арабами. Новые эти завоеватели въ закаспійскихъ странахъ пришли въ столкновеніе съ хазарами, и тогда союзы Византіи съ хазарскимъ ханствомъ въ защиту отъ арабовъ,—по временамъ нарушаемые войною на Таврическомъ полуостровѣ,—сдѣлались продолженіемъ прежнихъ союзовъ ихъ противъ Персіи.

Послѣ Юстиніана Безносаго императоръ Левъ Исаврiянинъ (царствовавшій съ 717 до 761 г.) женилъ своего сына Константина Компронима на дочери кагана. Эта хазарская принцесса, въ крещеніи Ирина, во время иконоборства горячо отстаивала поклоненіе иконамъ, между тѣмъ какъ ея мужъ и сынъ, Левъ, прозванный по матери «хазаромъ», были извѣстными гонителями иконъ. Отчасти думая устранить препятствіе къ обращенію въ христіанство магометанъ и іудеевъ, смотрѣвшихъ на внѣшнее изображеніе Божества, какъ на идолопоклонство, отчасти и самъ считая несогласнымъ съ духомъ христіанской вѣры почитаніе иконъ, переходившее у простого народа въ суевѣрное обоженіе, — Левъ возбудилъ большое волненіе въ народѣ, приказавъ вынести изъ церквей иконы и противъ поклоненія имъ издавъ грозные, запрещавшіе его, указы. Но большинство духовенства вступилось за иконы и

подняло весь народъ на ихъ защиту. Ученый монахъ св. Іоаннъ Дамаскинъ, жившій сначала въ арабскомъ городѣ Дамаскѣ, при дворѣ самого халифа, написалъ оттуда въ Царьградъ нѣсколько краснорѣчивыхъ посланій противъ гоненія на иконы.

Святой Іоаннъ Дамаскинъ родился въ Дамаскѣ, столицѣ Сиріи, отъ родителей знаменитыхъ древностью рода, славой своихъ гражданскихъ заслугъ и благочестіемъ христіанскимъ. Одинъ изъ его предковъ, Мансуръ, былъ правителемъ города Дамаска во время осады и взятія этого города послѣдователями Магомета въ 635 году. Отецъ же Іоанна, Сергій Мансуръ исправлялъ при дамасскомъ халифѣ Абдъ Альманликѣ (685—705) должность главнаго казначея, но близость свою къ халифу и все вліяніе свое при его дворѣ употреблялъ ко благу Церкви Христовой, раздавая свое имущество страждущимъ и неимущимъ братьямъ своимъ, христіанамъ. Онъ очень заботился о томъ, чтобы своего сына Іоанна сдѣлать добрымъ, истиннымъ христіаниномъ, и отдалъ его на воспитаніе спасенному имъ отъ плѣна морскихъ разбойниковъ—ученому иноку и священнослужителю, нѣкоему Косьмѣ. Инокъ этотъ обладалъ обширными, разнообразными свѣдѣніями, и всѣ познанія свои съ успѣхомъ передалъ даровитому ученику своему Іоанну,—въ особенности христіанское богословіе. Халифы магометанскіе отличались своимъ уваженіемъ къ образованію и дарованіямъ просвѣщенныхъ наукою христіанскихъ мужей. Халифъ Велида (705—715) заводилъ у себя въ странѣ училища и, обративъ вниманіе на выдающійся умъ юноши Іоанна (обладавшаго кромѣ того поэтическимъ даромъ сложенія чудныхъ пѣсенъ), по смерти его отца, далъ ему при своемъ дворѣ должность

еще высшую передъ той, которую занималъ его отецъ. Іоаннъ сталъ ближайшимъ совѣтникомъ халифа. Но онъ болѣе всего почиталъ истины христіанской Церкви и неохотно принялъ почетное, не отвѣчавшее его сердечнымъ склонностямъ, званіе при иновѣрномъ владыкѣ Аравіи. Когда онъ вступилъ на горячую, краснорѣчивую защиту иконъ, неистово и жестоко преслѣдуемыхъ Львомъ Исаврiяниномъ въ его упорномъ, кощунственномъ заблужденіи, и своимъ вдохновеннымъ посланіемъ въ Царьградъ утвердилъ сердца его жителей въ почитаніи святыхъ иконъ, императоръ Левъ рѣшилъ коварнымъ и недостойнымъ поступкомъ отомстить Іоанну за столь безстрашное, дерзкое противодѣйствіе его волѣ. Велѣвъ поддѣлать почеркъ его, онъ отправилъ халифу подложное письмо, будто бы полученное имъ отъ Іоанна, призывающее византійцевъ овладѣть Дамаскомъ при помощи предательства его,—Іоанна, располагавшаго полнымъ довѣріемъ къ себѣ халифа. Въ своемъ личномъ письмѣ императоръ Левъ отвергалъ якобы съ негодованіемъ предложеніе измѣнника и увѣрялъ халифа въ своей искренней дружбѣ. Халифъ, не разобравши дѣла, въ порывѣ гнѣва велѣлъ отрубить Іоанну правую руку. Тогда Іоаннъ, приложивъ къ плечу отсѣченный членъ, повергся передъ образомъ Божіей Матери и долго молилъ ее уврачевать его руку, пока въ изнеможеніи не погрузился въ сонъ. Во время этого сна явилась передъ нимъ Божія Матерь и чудесно уврачевала руку его.

13) Картина: Іоаннъ передъ халифомъ.

14) Картина: Изувѣченный Іоаннъ.

Оправданный такимъ образомъ во славу Христа Божіимъ Промысломъ, Іоаннъ не захотѣлъ однако остаться въ своей прежней должности. Ему опротивѣли до такой степени блескъ и пышность двора халифа, что онъ, не внимая его обѣщаніямъ еще

бо́льшихъ милостей, упелъ въ монастырь св. Саввы, находившійся среди голыхъ скалъ вблизи Мертваго моря. Тамъ онъ смиренно просилъ старца-игумена принять его простымъ послушникомъ въ число братіи. Игуменъ съ радостью принялъ знатнаго человѣка, въ міру обладавшаго властью и золотомъ, но не смотря на то пожелавшаго стать трудящимся нищимъ инокомъ, раздѣлить съ ними ихъ посты и лишенія.

15) Картина: Іоаннъ Дамаскинъ проситъ принять его въ обитель св. Саввы.

Въ Хазаріи въ это время сошлись съ разныхъ сторонъ всѣ вѣроисповѣданія, причемъ ни одно не преобладало тамъ, какъ мы уже говорили. Пришедшіе изъ-за Каспійскаго моря огнепоклонники турки чтили, помимо видимыхъ силъ природы, единое верховное божество — Творца вселенной и приносили ему въ жертву животныхъ. Христіанская проповѣдь не нашла для себя почвы въ турецкомъ народѣ,—но исламъ былъ внесенъ въ ихъ страну арабами, подъ конецъ VII столѣтія, силой меча. Арабскій халифъ Маслинъ принудилъ многія тысячи хазаръ принять магометанскую вѣру, имъ нанеся однажды тяжелое пораженіе. Хотя магометанство болѣе подходило къ дикимъ турецкимъ нравамъ, нежели ученіе христіанское, но тѣмъ не менѣе и оно не достигло широкаго развитія. Хазары стали, какъ мы уже это знаемъ,—въ лицѣ кагановъ своихъ—приверженцами іудейства. Евреще до Рождества Христова распространившись изъ реи, Палестины и Месопотаміи по ближайшимъ къ Передней, т. е. Малой Азіи, южнымъ странамъ Европы,—какъ народъ промышленный, особенно рано встрѣчаются въ торговыхъ греческихъ городахъ и между прочимъ на Босфорѣ Киммерійскомъ, гдѣ особенно многочисленная еврейская община процвѣтала въ Фанагоріи, то-есть въ краю позже занятомъ гун-

нами-утургурами и завоеванномъ въ VII вѣкѣ хазарами. Изобиліе въ этихъ мѣстахъ еврейскаго населенія, имѣвшаго въ своей средѣ многихъ ученыхъ людей, объясняетъ успѣхъ іудейской проповѣди между турко-хазарами. Мы видимъ, что въ Хазарскомъ царствѣ, какъ рѣдкое исключеніе въ міровой исторіи, является цѣлая хазарская династія, исповѣдующая религію Моисея. Однако, арабскій писатель Ибнъ-Фадланъ настойчиво поясняетъ, что только царь и его дворъ исповѣдуютъ іудейство, а остальной народъ состоитъ изъ мусульманъ, христіанъ и язычниковъ. Такое различіе въ вѣроисповѣданіи между царемъ и его подданными и соревнованіе разныхъ ученій, конечно, не могло содѣйствовать образованію одной цѣлой народности. Также и раздвоеніе вышеописанной высшей власти надъ государствомъ способствовало его внутреннимъ смутамъ, упадку и разложенію. Но тѣмъ не менѣе прочное внутреннее управленіе Хазарскаго царства, опираясь съ одной стороны на сильное войско, съ другой указывало несомнѣнно на рѣдкое развитіе среди нихъ свободной гражданственности. Даже просвѣщенныхъ арабовъ X вѣка до крайности изумляла вѣротерпимость хазаръ и равноправіе всѣхъ въ ихъ царствѣ передъ судомъ.

Война съ арабами не пошатнула могущества Хазарскаго царства, но появленіе съ востока изъ-за Уральскихъ горъ печенѣговъ, а съ запада приднѣпровскихъ русскихъ — вынудило ихъ при помощи византійцевъ построить на Дону крѣпость Саркелъ или Бѣлую Вежу, какъ называется она въ нашихъ лѣтописяхъ.

Глава III.

Крайній сѣверъ древней Россіи. Біармія и Югра. Болгарское царство на рѣкѣ Камѣ. Арабская лѣтопись о странѣ камскихъ болгаръ и о нравахъ руссовъ *).

Поселенія словянскія,—слѣдуя вверхъ по теченію и по притокамъ рѣки Днѣпра, на сѣверъ и сѣверо-востокъ, въ область рѣки Волги,—клиномъ врѣзались въ самое сердце финскихъ селеній. Вѣроятно, финскія племена отъ Урала распространялись въ Россіи съ такою же постепенностью, какъ и словяне Карпатъ, т. е. въ продолженіе многихъ столѣтій, съ собой разнося свои обычаи, свой языкъ и вѣрованія, а также бронзу и золото съ Уральскихъ горъ. Нашъ лѣтописецъ Несторъ очень опредѣленно разсказываетъ, какія племена онъ считаетъ финскими,—по славянски чудью: меря, мурома, весь, мордва, пермь, печера, ямъ,—пишетъ онъ,—суть свой языкъ имуща, происхожденія отъ колѣна Іафетова и живущія въ полунощныхъ, т. е. сѣверныхъ, странахъ. На верховьяхъ Камы, вблизи Урала, существовала въ древнія времена очень богатая и промышленная страна Біармія, съ которою прикаспійскія юго-восточныя земли вели оживленный торгъ. Во времена Геродота, за 450 лѣтъ до Рождества Христова, къ Біарміи направлялся за золотомъ греческій торговый путь. Геродотъ говоритъ, что золото получалось именно отсюда, т. е. съ дальняго сѣвера, гдѣ его стерегли чудовища съ львинымъ туловищемъ и орлиною головой. Рядомъ съ золотомъ изъ Біарміи вывозились также и другіе металлы, драгоцѣнные камни и сѣвер-

*) П. Полевой: «Очерки Русской Исторіи въ памятникахъ быта». И. Е. Забѣлинъ: «Исторія Русской жизни».

ные мѣха. Съ этого древняго времени должно считать и начало здѣшней горной промышленности оставившей по себѣ на Уралѣ до сихъ поръ очень замѣтные памятники горныхъ работъ, а также первобытныхъ жилищъ по Камѣ и по притокамъ рѣки Урала.

Геродотъ говорилъ собственно только о южной части Біарміи и называлъ, если мы вспомнимъ, (см. Выпускъ 1) здѣшній народъ ѳиссагетами, а также исседонами отъ рѣки Исети, текущей съ Уральскихъ горъ къ востоку, въ азіатскую рѣку Тоболъ, — между тѣмъ какъ рѣка Чусовая съ того же мѣста течетъ на западъ, впадая въ Каму выше нынѣшней Перми. По этимъ рѣкамъ происходило промышленное сообщеніе между Азіей и Европой. Въ старинныхъ скандинаво-германскихъ пѣсняхъ упоминается о славномъ финскомъ царствѣ, лежавшемъ между Волгою, Бѣлымъ моремъ и Уральскими горами. При устьѣ Сѣверной Двины, на мѣстѣ нынѣшнихъ Холмогоръ, находилась столица этого царства, именовавшаяся Біармією,—съ храмомъ высшаго божества біармійцевъ, Юмалы. Біармія простиралась почти на всемъ пространствѣ нынѣшнихъ сѣверныхъ русскихъ губерній: Архангельской, Вологодской, Вятской и Пермской. О древней жизни этой далекой русской окраины мы обладаемъ только отрывочными извѣстіями изъ красивыхъ скандинавскихъ былинъ о постоянныхъ набѣгахъ витязей скандинавскихъ на берега Біарміи... Во второй половинѣ IX вѣка норвежецъ Отеръ, временно поступившій на службу въ Англію, разсказываетъ любознательному англійскому королю о своихъ странствованіяхъ въ Біарміи. По его словамъ, на всемъ пути, вдоль сѣверныхъ береговъ Европы къ Бѣлому морю, онъ видѣлъ только унылую, незаселенную пустыню, гдѣ бродили

Собственность Т. П. Мятлевой.

Казнь въ Камской Булгаріи воровъ и разбойниковъ. *(Къ 126 стр.)*

Собственность Т. П. Мятлевой.

Хазарскій пехъ передъ каганомъ. *(Къ 61 стр.)*

одни дикія финскія племена. Но въ устьѣ Сѣверной Двины Отеръ нашелъ осѣдлыя поселенія народа, себя величавшаго біармійцами, по языку схожаго съ финнами. Біармійцы приходили къ нему на суда и много разсказывали о своей странѣ,—а также о тѣхъ странахъ, что̀ были смежны съ Біарміей. Отеръ нашелъ біармійскія земли хорошо обработанными, привезъ на родину мѣха и моржевые клыки, вымѣненные у біармійцевъ. Вскорѣ послѣ того слухъ о новой странѣ распространился по всей Скандинавіи и побудилъ скандинавскихъ князьковъ къ цѣлому ряду походовъ туда, на большихъ судахъ. Прибывъ въ Біармію, они сначала мирно мѣнялись товарами съ ея жителями, а потомъ, увлекшись возможностью легкой наживы, бросались грабить страну и уплывали домой съ богатой добычей. Объ этихъ походахъ и жаркихъ схваткахъ съ туземцами складывались въ Скандинавіи сказанія и пѣсни. Скандинавія, это—страна, лежащая по сосѣдству съ Россіей на другомъ берегу Балтійскаго моря. Особенную извѣстность получилъ походъ одного изъ придворныхъ короля Олафа, знатнаго Корка и его брата—Гунштейна. Къ нимъ присоединился еще богатырь скандинавскій Тореръ-Хундъ съ 80-ью человѣками своей дружины, посаженной имъ на большой корабль. Эти молодцы, запасшись товарами, по приказанію короля отправились попытать счастье въ Біармію. Они проплыли благополучно въ устье Сѣверной Двины и получили хорошій барышъ отъ своей торговли. Но этого имъ было недостаточно. Они достовѣрно узнали, что недалеко отъ устья рѣки Двины, тогда называвшейся рѣкою «Винъ», около самаго храма высшаго божества біармійцевъ—Юмалы, въ дремучемъ лѣсу, находится священное мѣсто, гдѣ хоронили въ землѣ,

вмѣстѣ съ каждымъ умершимъ біармійцемъ, третью долю его наслѣдства, а надъ могилой ссыпали высокій холмъ. И вотъ задумали скандинавы туда пробиться, чтобы завладѣть скрытыми въ землѣ сокровищами. Часть ихъ осталась стеречь корабли, а другая подъ вечеръ направилась къ лѣсу, обозначая свой путь корою, сдираемой со стволовъ деревьевъ. Послѣ полуночи они пришли на прогалину, гдѣ находился храмъ, окруженный высокимъ тыномъ съ крѣпко запертыми воротами. Онъ охраняемъ былъ ночью шестью туземцами – сторожами, другъ друга смѣнявшими по двое въ теченіе ночи. Князья скандинавскіе ухитрились напасть на храмъ какъ разъ во время замедлившейся по чему-то смѣны этой бдительной стражи. Они захватили такъ много серебра, что болѣе невозможно было имъ унести, но чрезмѣрная жадность погубила смѣлыхъ разбойниковъ. Они набросились на самого идола бога Юмалы, стоявшаго посреди ограды, едва завидѣли на его шеѣ драгоцѣнную золотую цѣпь и на колѣняхъ чашу изъ серебра, полную до краевъ серебряными монетами. При этомъ Коркъ, срывая цѣпь, рубнулъ Юмалу по головѣ и, снявъ ее сильнымъ ударомъ съ плечъ, такъ нашумѣлъ, что привлекъ вниманіе подошедшихъ къ этому времени сторожей, и они затрубили въ роги...

16) Картина: Разореніе скандинавами храма Юмалы.

Въ лѣсу поднялась тревога... Біармійцы сбѣжались на защиту своего храма и окружили скандинавскихъ князей, не успѣвшихъ укрыться въ лѣсъ со своею добычей. Имъ пришлось пробиваться мечомъ къ своимъ судамъ, и они едва не погибли въ борьбѣ съ вооруженными, разсвирѣпѣвшими на оскорбленіе своей святыни, туземцами.

Такимъ образомъ уже въ древнія времена, между

VII и IX вѣками, не только на Волгѣ и Камѣ, но и гораздо далѣе, на крайнемъ сѣверѣ, существовали болѣе или менѣе опредѣлившіеся устои общественной жизни, торговля, промышленность и какъ бы то ни было проложенные торговлей пути для взаимныхъ сношеній съ сосѣдями. Пути эти, хотя не совсѣмъ удобные и безопасные, привлекали къ себѣ невольно предпріимчиваго сосѣда, такъ какъ вели въ края, одаренные щедро природой. Вслѣдъ за скандинавами и болгарами уже упомянутаго, хотя еще не описаннаго нами, Болгарскаго царства на рѣкахъ Волгѣ и Камѣ, и не смотря на ихъ устрашающіе разсказы, въ сѣверо-двинскія земли проникли ватаги новгородскихъ промышленниковъ,—послѣ чего со временемъ русско-словянскія поселенія, конечно, гораздо позже упрочились на отдаленномъ берегу Бѣлаго моря. Однако, Камскимъ болгарамъ относительно ихъ сношеній съ Біармією, а особенно еще дальше на сѣверо-востокъ съ областями Печерскаго края, между рѣкой Печорой и Уральскимъ хребтомъ, называвшимся тогда Югрою,—не нужно было прибѣгать къ вымыслу или клеветамъ на мирныя финскія племена, какъ мордва и весь. Простой, правдивый разсказъ о тѣхъ трудностяхъ и препятствіяхъ, какія приходилось преодолѣвать путешественнику, отправлявшемуся въ эти далекія страны, уже способенъ былъ внушить трепетъ каждому жителю юга и населить его пылкое воображеніе самыми чудовищными представленіями. Такъ, напримѣръ, арабскій писатель Ибнъ-Батура съ изумленіемъ и страхомъ разсказываетъ о пути въ Югру: «Эта страна мрака лежитъ въ сорока дняхъ пути отъ болгаръ и путешествія туда совершаются въ небольшихъ повозкахъ, на собакахъ. Почва этой степи мерзлая. Нога человѣка или ло-

17) Картина: Ѣзда на собакахъ.

шади не можетъ на ней устоять, почему и употребляютъ собакъ, у которыхъ есть когти. Путешествія предпринимаютъ только богатые купцы, такъ какъ каждый изъ нихъ отправляетъ до ста повозокъ съ нужнымъ запасомъ пищи, питья и дровъ, потому что тамъ нѣтъ ни дерева, ни камня, ни земли. Путеводителемъ служитъ собака, бывшая уже нѣсколько разъ въ этой странѣ. Такія собаки очень дороги и за нихъ даютъ до тысячи золотыхъ. Ее запрягаютъ въ повозку впереди, а позади ея трехъ другихъ, слѣдующихъ за первою, какъ за вожакомъ. Она остановится, и тѣ тоже. Никогда не ударитъ и не выбранитъ ее хозяинъ. Скорѣе съ нею, чѣмъ съ человѣкомъ, подѣлится своей пищей. Не сдѣлай онъ этого, собака разсердится, убѣжитъ и тѣмъ самымъ пропадетъ вся ея цѣна. Послѣ сорока дней пути такой степью, ѣдущіе останавливаются въ странѣ мрака; выкладываютъ привезенные товары и уходятъ на мѣсто своей стоянки. На другое утро они возвращаются туда, гдѣ оставили товары, и находятъ тамъ для обмѣна соболей, бѣлокъ и горностаевъ. Если торговецъ доволенъ мѣной, то беретъ ее тотчасъ съ собой, въ противномъ случаѣ оставляетъ ее на мѣстѣ съ своимъ товаромъ. Тогда на слѣдующій день жители дѣлаютъ прибавку къ своимъ мѣхамъ. Такимъ образомъ происходитъ ихъ купля и продажа. Бывающіе тамъ не знаютъ, съ кѣмъ собственно они ведутъ торговлю? Они никого не видятъ въ лицо».

Этотъ разсказъ намъ важенъ не только по описанію древняго способа ѣзды на собакахъ, существующаго и донынѣ во всѣхъ полярныхъ странахъ, но также—нѣмого торга Камскихъ болгаръ съ Югрою, какъ первобытнѣйшаго пріема торговли, который устанавливается всегда вначалѣ, между племенемъ дикимъ

и болѣе образованнымъ, но еще не знакомымъ съ языкомъ дикарей. Свидѣтельство арабовъ о нѣмомъ торгѣ съ Югрой подтверждается и роднымъ нашимъ лѣтописцемъ Несторомъ. Онъ говоритъ о нѣкоемъ Юріи Торговичѣ, богатомъ новгородцѣ, пославшемъ съ торговыми цѣлями въ Югру своего сына. Торговля производилась мѣновая, повидимому въ одномъ изъ ущелій Урала. «Въ горѣ той»—повѣствуетъ лѣтопись, повторяющая дословно разсказъ новгородца,—«просѣчено малое оконце, и оттуда говорятъ, но не понять ихъ языка, помаваютъ рукой, прося желѣза, или ножъ, или сѣкиру,—и тому отдаютъ за желѣзо мѣхами». Этимъ извѣстіемъ выясняется, что главную статью торговли съ Югрою составляло желѣзо и грубыя изъ него издѣлія,—за что пріѣзжіе купцы получали въ обмѣнъ мѣха. Нѣтъ основанія предполагать, что этотъ торгъ съ Югрою, поддерживаемый въ теченіе долгаго времени, постоянно оставался нѣмымъ, точно такъ, какъ нѣтъ основанія думать, что сношенія Камскихъ болгаръ съ Югрой и Біарміей производились только зимой на собакахъ. Напротивъ того, между Болгаріей и этими отдаленными областями существовали, благодаря счастливымъ природнымъ условіямъ, постоянные пункты сообщенія при помощи рѣкъ и рѣчныхъ волоковъ. Изъ Камы черезъ рѣки Колву, Вишеру и Вишурку суда болгаръ могли входить въ Вогулку, а оттуда черезъ волокъ Пустозерскій (4 версты) въ Печору. Другой водный путь черезъ тѣ же рѣки, посредствомъ Камы и Вычегды, соединялъ черезъ Бухорнинскій волокъ, въ $1^1/_2$ версты шириною, Каму съ Сѣверной Двиной. До нашихъ временъ сохранились нѣкоторые слѣды сношеній Камскихъ болгаръ съ далекимъ сѣверомъ. Тамъ около Гердыни на рѣкѣ Колвѣ су-

18) Картина: Мѣновая торговля.

ществуютъ остатки древняго городища, а въ могильныхъ насыпяхъ около него найдено много древнѣйшихъ арабскихъ монетъ. Такіе же клады были отысканы по верховьямъ Сѣверной Двины на берегахъ Печоры и Камы, куда конечно серебро съ далекаго азіатскаго юга могло быть занесено не иначе, какъ посредствомъ торговли. Еще развалины древняго городища, извѣстнаго подъ названіемъ «Чортова городища», встрѣчаемъ мы въ Елабугѣ Вятской губерніи. На Бухорнинскомъ же волокѣ замѣтны донынѣ остатки моста или наката, очевидно, нѣкогда для облегченія переправы судовъ черезъ волокъ. Такимъ образомъ цѣпь торговыхъ сношеній арабовъ шла непрерывно изъ Азіи на далекій сѣверъ и черезъ Болгарское царство на крайній сѣверо-востокъ Европы къ Уральскимъ горамъ, отдѣляющимъ отъ Сибири нынѣшнюю Россію. Крайними точками торговыхъ складовъ при этомъ были устья Сѣверной Двины и Печоры.

19) Картина: Чертово городище.

Посмотримъ теперь, что̀ намъ разсказываетъ знаменитый арабскій писатель и путешественникъ Ибнъ-Фадланъ о Болгарскомъ царствѣ на рѣкѣ Камѣ при впаденіи ея въ Волгу *).

На переѣздъ отъ Итиля до столицы Бо́лгарскаго царства «Великіе Бо́лгары» арабы употребляли около мѣсяца караваннаго пути, а когда поднимались туда на судахъ противъ теченія, то плыли цѣлыхъ два мѣсяца. Однако, для торговыхъ сношеній съ болгарами существовала кратчайшая дорога, шедшая изъ Средней Азіи степью. Этой дорогой ѣхалъ и знаменитый Ибнъ-Фадланъ, посѣтившій столицу Камскихъ бол-

*) Источники: П. Полевой: «Очерки Русской исторіи». И. Е. Забѣлинъ: «Исторія Русской жизни». Профессоръ Давнаръ-Запольскій: «Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ».

гаръ весною 922 года и оставившій намъ описаніе своего путешествія. Мы не знаемъ, какую религію исповѣдывали приволжскіе болгары до X вѣка, но Ибнъ-Фадланъ ихъ застаетъ уже усердными послѣдователями Магомета. Онъ называетъ ихъ, однако, словянами. По всей вѣроятности, болгарское царство здѣсь основано было подвинувшейся сюда съ юга, небольшой частью болгаро - словянскаго племени. Оторванная послѣдующими народными передвиженіями отъ своихъ соплеменниковъ, эта горсть словянъ мало-по-малу смѣшалась съ туземными обитателями финскаго и тюркскаго происхожденія—чувашами и черемисами, надолго ожививъ край своимъ предпріимчивымъ словянскимъ духомъ. Рѣку Бѣлую, притокъ Камы, предполагаютъ границей Болгаріи на востокѣ. Ибнъ-Фадланъ ѣздилъ къ царю приволжскихъ болгаръ посланникомъ отъ халифа и былъ потому имъ встрѣченъ съ большимъ почетомъ, Съ тѣхъ поръ, какъ болгарскій царь принялъ съ народомъ своимъ мусульманскую вѣру, весь этотъ край вступилъ въ дѣятельныя сношенія съ мусульманской Азіей. Въ Болгарію (Булгарію) пріѣзжали не только арабскіе купцы, но и ремесленники, и зодчіе, помогавшіе болгарамъ строить дворцы, мечети и городскія стѣны. Сосредоточіемъ Камской Болгаріи, какъ мы уже знаемъ, былъ городъ «Великіе Бо́лгары», лежавшій на небольшомъ волжскомъ притокѣ, на мѣстѣ нынѣшняго села Тетюши, недалеко отъ устья Камы. Здѣсь жилъ булгарскій царь, стоявшій во главѣ всей болгарской земли. Ему подвластны были владыки, правившіе отдѣльными племенами. Доходы царя состояли изъ податей, уплачиваемыхъ лошадьми и кожами, а также изъ опредѣленной доли военной добычи. Куньи мѣха у Камскихъ болгаръ

замѣняли монету. Отъ царя же зависѣло разрѣшеніе браковъ, и каждый вступающій въ бракъ былъ обязанъ царю платить за право свое на женитьбу. Съ каждаго купеческаго судна, приходившаго въ Булгарію для торговли, взималась въ пользу страны одна десятая его товаровъ. Камскіе булгары, по арабскимъ извѣстіямъ, были народъ земледѣльческій и воздѣлывали всякій зерновой хлѣбъ, преимущественно просо. Занимались они также скотоводствомъ. У нихъ сохранились еще остатки пастушескаго кочевого быта: такъ, лѣтомъ они выселялись въ степь и жили въ кибиткахъ изъ войлока. Въ пищу употребляли конину; конскими шкурами платили дань своему хану, и верховой конь служилъ для нихъ главнымъ способомъ передвиженія. Но тѣмъ не менѣе въ годы неурожая Булгарія являлась житницей всего Верхняго Поволжья, и зимою булгары жили въ деревянныхъ домахъ. Сочетаніе этихъ домовъ образовало не мало городовъ. По свѣдѣніямъ араба Эль-Балхи, въ Бо́лгарахъ—столицѣ болгарской страны, было до 10.000 жителей. Онъ говоритъ, однако, что главное значеніе Бо́лгаръ состояло въ его торговомъ положеніи, и самымъ важнымъ занятіемъ народа булгарскаго все-таки была торговля. Торговлю они вели обширную и сносились для этого, какъ мы видѣли, съ самымъ далекимъ сѣверомъ, а также съ словяно-финскими племенами на западѣ. Главнымъ предметомъ вывоза изъ Булгаріи въ Азію были мѣха: собольи, бобровые, куньи, бѣличьи (подъ которыми разумѣли и горностаевые), выдровые, а въ особенности лисьи, цѣнившіеся выше всѣхъ. Не маловажное мѣсто въ вывозной торговлѣ занимала кость огромнаго, исчезнувшаго теперь, звѣря изъ слоновой породы: мамонта, и моржевые клыки, называвшіеся «рыбьимъ зубомъ»

въ нашихъ старинныхъ русскихъ былинахъ. Съ береговъ Варяжскаго моря въ Азію шелъ Волжскимъ путемъ, черезъ Бо́лгары, янтарь, считавшійся какъ мы знаемъ, въ прежнія времена большой драгоцѣнностью. Арабскіе писатели упоминаютъ еще о другихъ отрасляхъ своей торговли съ Камской Булгаріей, кромѣ сейчасъ упомянутыхъ дорогихъ товаровъ, именно: ревенѣ, орѣхахъ, кожахъ, дешевыхъ коврахъ и невольникахъ. Въ обмѣнъ на это арабы привозили въ Бо́лгары драгоцѣнные камни и зеленый бисеръ, покупавшійся чуть не на вѣсъ золота русскими женщинами. Кромѣ того арабами доставлялись, серебряныя и золотыя издѣлія ихъ фабрикъ: цѣпочки различной величины, запястья, кольца, булавки, бляхи для украшенія одежды и конской сбруи; булатные клинки, гарпуны и багры для рыбной ловли; шелковыя, шерстяныя и бумажныя ткани; наконецъ, овощи, пряности и вино. Но всѣ эти статьи привоза были не болѣе какъ предметами роскоши и далеко по стоимости своей уступали мѣхамъ, очень высоко цѣнившимся въ Азіи. Вотъ почему, сверхъ привозимыхъ товаровъ, арабы и персіяне должны были булгарамъ приплачивать еще наличными деньгами. Притокъ этихъ денегъ былъ весьма значителенъ, судя по множеству кладовъ съ восточной серебряной монетой, открываемыхъ всюду на всемъ протяженіи путей торговли съ востокомъ.

20) Картина: Торгъ въ Великихъ Бо́лгарахъ между арабами, персіянами и руссами.

Въ X вѣкѣ болгары сами стали чеканить серебряную монету по образцу арабской, съ именами своихъ царей. У нихъ были монетные дворы въ городахъ ихъ: Бо́лгарахъ и Суварѣ. Городъ Бо́лгары въ X вѣкѣ, какъ сосредоточіе всей сѣверо-восточной торговли, пользовался громкой славой на всемъ востокѣ. Въ столицу Камскихъ булгаръ стекались во

множествѣ люди всякихъ народовъ. До насъ дошло, по арабскимъ извѣстіямъ, довольно подробное описаніе этого города. Дома строились здѣсь искуснѣе, чѣмъ въ Итилѣ. Мазанокъ въ родѣ хазарскихъ — не было. Ихъ замѣняли деревянныя избы, построенныя изъ пихты. Онѣ складывались изъ большихъ бревенъ, скрѣпленныхъ шипами, т. е., по объясненію арабскаго лѣтописца, деревянными гвоздями. Съ распространеніемъ въ Булгаріи мусульманской вѣры, въ началѣ X вѣка, совпадаетъ развитіе тамъ каменной архитектуры. Булгарскій ханъ Альмусъ просилъ арабскаго халифа прислать ему мастеровъ, которые ему могли бы поставить каменныя мечети и другія зданія.

Арабскіе мастера научили булгаръ обжигать кирпичъ и обтесывать камень для облицовки зданій. Чтобы понять все значеніе этого начала каменной стройки въ Волжской Булгаріи, надо принять во вниманіе, что Русь того времени не знала иныхъ построекъ, кромѣ деревянныхъ, и впослѣдствіи съ водвореніемъ христіанства въ области Ростово-Суздальской, туда для постройки храмовъ вызывались каменщики изъ Волжской Булгаріи. Бо́лгары были обнесены стѣной изъ дубоваго дерева. Кибитки и юрты полу-кочевого населенія составляли тоже значительную часть города.

Сверхъ того, руссы, приплывавшіе внизъ по Волгѣ въ Бо́лгары для торговли, строили себѣ на берегу, вблизи того мѣста, гдѣ они бросали якорь, большіе деревянные сараи, нѣчто въ родѣ тѣхъ деревянныхъ бараковъ, какіе теперь еще строятъ пріѣзжіе купцы на ярмаркахъ. Тамъ они помѣщались по 20-ти или 12-ти человѣкъ въ каждомъ баракѣ съ своими женами, рабынями и привезенными съ собой для продажи товарами.

Тутъ же около ихъ бараковъ находилась та роща, гдѣ были поставлены вытесанные изъ дерева: идолы руссовъ. Передъ ними они, по разсказамъ Ибнъ-Фадлана, повергались ницъ ранѣе, чѣмъ начать торговлю, и приносили сюда своимъ богамъ приношенія изъ хлѣба, мяса, лука и молока. По серединѣ стоялъ самый высокій деревянный болванъ съ лицомъ, похожимъ на человѣчье, а вокругъ него размѣщались другіе—мелкіе, какъ бы его семья. Русскіе купцы просили сначала главнаго бога, чтобы имъ бойко и выгодно продать все, что̀ они хотятъ, а затѣмъ и второстепенныхъ, если молитва ихъ не была услышана. Послѣ удачнаго торга богамъ приносилось въ жертву нѣсколько штукъ овецъ и рогатаго скота. Въ баракѣ у каждаго купца была своя скамья или «лавка», гдѣ онъ раскладывалъ привезенные имъ товары. Торговали руссы и молодыми плѣнницами. Развалины древняго города Великіе Бо́лгары находятся въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи—въ 125-ти верстахъ отъ Казани и въ 6-ти верстахъ отъ Волги. Сохранившись до нашего времени, онѣ еще лѣтъ 70—80 тому назадъ представляли собой довольно много любопытныхъ остатковъ старыхъ строеній. Теперь же отъ нихъ къ сожалѣнію остались однѣ лишь стѣны, съ обвалившимися сводами и углами, да поросшіе травою бугры. Но государь Петръ Великій и нѣкоторые изъ ученыхъ нашихъ XVIII столѣтія видѣли еще въ Бо́лгарахъ Большую и Малую башни магометанскаго минарета, замѣняющаго при мусульманскихъ мечетяхъ высокія колокольни христіанскихъ церквей. Они оставили намъ описанія Судейскаго дома, или такъ называемой Черной палаты и Бѣлой палаты, т. е. Царскаго дома. Но даже и въ настоящемъ видѣ своемъ, полузасыпанныя вся-

21) Картина: Поклоненія руссовъ идоламъ.

22) Картина: Башня Малаго минарета.

кимъ мусоромъ, основанія зданій, остатки стѣнъ и башенъ, вмѣстѣ съ поросшими травой буграми, служатъ весьма краснорѣчивымъ памятникомъ той оживленной торговой дѣятельности, какая кипѣла нѣкогда на этомъ мѣстѣ Поволжья. Нѣкоторые ученые изыскатели и любители древностей успѣли здѣсь составить себѣ большія собранія разныхъ рѣдкихъ старыхъ вещей и монетъ, ими вырытыхъ прямо изъ земли. Отрываніе древностей обратилось даже въ весьма выгодный промыселъ мѣстнаго населенія. Одинъ русскій путешественникъ, посѣтившій Бо́лгары въ 1856 году, между прочимъ пишетъ: «Послѣ каждаго дождя лѣтомъ здѣсь деревенскія дѣти отправляются на поиски и на всемъ окрестномъ пространствѣ постоянно находятъ монеты или разныя золотыя, серебряныя и бронзовыя украшенія. Пріѣзжающему черезъ это знаменитое историческое село стоитъ только кличъ кликнуть, чтобы ему нанесли крестьяне груды браслетовъ, серегъ, перстней, обломковъ зеркалъ изъ металла,—бусъ, замковъ и старинныхъ бронзовыхъ принадлежностей сбруи. Къ сожалѣнію много такихъ, научно чрезвычайно драгоцѣнныхъ, предметовъ древней исторіи распродается крестьянами, не понимающими ихъ значенія, — на сторону, неизвѣстнымъ лицамъ, или серебряникамъ,— почему пропадаетъ безслѣдно для русскаго общества и для учебныхъ изслѣдователей отечественной старины. Одинъ казанскій купецъ самъ сознавался, что на своемъ вѣку переплавилъ не менѣе восьми пудовъ серебряныхъ монетъ и вещей, купленныхъ имъ въ Бо́лгарахъ. Въ окрестностяхъ города Билярска въ случайно разрытой древней могилѣ найдено было шесть деревянныхъ ложекъ, изъ которыхъ одна особенно отличалась изяществомъ своей отдѣлки, съ выгнутой фи-

гурно-обточеной ручкой, и поперечно-овальной формы. Такія ложки до сихъ поръ употребляются мѣстными инородцами для расхлебыванья жертвеннаго бульона, получаемаго отъ варки жертвеннаго животнаго. Арабы сообщаютъ, что у булгаръ приволжскихъ были въ употребленьи столики, на которыхъ ставились передъ каждымъ отдѣльнымъ гостемъ кушанья.

Мы видимъ, что Булгарское царство было не настолько славно своей военной силой, сколько своимъ предпріимчивымъ, промышленнымъ духомъ. Войско у булгаръ было конное. Они имѣли полное вооруженіе и носили кольчуги. Вовсе не всѣ предметы вывоза булгарской торговли, отмѣченные арабами, должны быть отнесены къ мѣстнымъ произведеніямъ Волжской Булгаріи. Она производила сама только воскъ, кожу, медъ и тѣ дешевые ковры, упоминаемые арабскими лѣтописцами, въ которыхъ нѣкоторые наши ученые склонны видѣть просто цыновки. Янтарь и невольники доставляемы были Волжскимъ путемъ съ запада при посредствѣ руссовъ такъ же, какъ вооруженіе и предметы бытовой обстановки. Большая часть мѣховъ, мамонтовая кость и моржевые клыки шли въ Булгарію съ далекаго сѣвера. Въ пору появленія на Камѣ булгаръ—желѣзо было насущной потребностью финновъ, что̀ мы уже видѣли изъ разсказа о томъ, какъ жители Уральскихъ горъ просили его въ обмѣнъ на мѣха у пришлыхъ купцовъ. Крайнимъ предѣломъ булгарской торговли желѣзомъ на сѣверо-востокѣ была Югра, а на сѣверо-западѣ финское племя—меря, что̀ видно по наконечникамъ стрѣлъ и топорикамъ, сходнымъ съ булгарскими и находимымъ въ мерянскихъ могилахъ. Неизвѣстно, выдѣлывали ли булгары желѣзный товаръ на мѣстѣ, или онъ былъ у нихъ привозный изъ

Средней Азіи. Можно только сказать, что желѣзнодѣлательная промышленность сильно была развита среди тюркскихъ племенъ; но несомнѣнно мѣстнымъ производствомъ была обработка мѣди и различныхъ бронзовыхъ сплавовъ.

Не смотря на обиліе орѣховыхъ лѣсовъ въ Булгаріи, жители не умѣли извлекать изъ нихъ масло. Его замѣнялъ имъ одинъ рыбій жиръ. Среди булгарскихъ деревьевъ арабы остановили свое вниманіе на дотолѣ невиданной ими березѣ. Изъ ея ствола весною,—продѣлывая въ немъ дыру,—булгары извлекали сладкій и опьяняющій сокъ, похожій на медъ. Какъ хитрые торговцы, булгары не допускали предпріимчивыхъ арабовъ до прямыхъ сношеній даже съ ближайшими своими сѣверными сосѣдями, представляя ихъ то людоѣдами, пожирающими путешественниковъ, то ненавистниками всего чужеземнаго, а потому убивающими безпощадно каждаго къ нимъ заѣхавшаго чужеземца. Арабы не мало удивлялись короткимъ ночамъ булгарскаго сѣвера въ началѣ лѣта. Не успѣвали они произнести вечернюю мусульманскую молитву при солнечномъ закатѣ,—какъ приходилось читать уже утреннюю при его восходѣ.

Также они замѣтили тамъ очень частыя грозы,—причемъ, если молнія ударяла въ чей-либо домъ, то послѣ того уже никто къ нему не приближался, считая, что на немъ почіетъ гнѣвъ Божій. Любимой пищей Камскимъ болгарамъ служила конина.

Воровъ и распутниковъ казнили въ Булгаріи страшной смертью. Ихъ распинали на четырехъ шестахъ за ноги и за руки на вѣсу и разсѣкали сѣкирою пополамъ вдоль тѣла. Въ случаяхъ же убійства, булгары,—по свидѣтельству араба Ахмедъ-туби,—запирали убійцу въ деревянный сундукъ и вѣшали на

23) Картина: Казнь въ Камской Булгаріи воровъ и распутниковъ.

высокомъ столбѣ, оставляя его умирать отъ холода или зноя. Чтобы добиться отъ обвиняемаго признанія, его били палкой по головѣ. Булгары жили родами или аулами, а судебная власть принадлежала хану.

Въ томъ, что касается одежды булгаръ,—можно о ней говорить только лишь по догадкѣ и по сравненію съ современной одеждой чувашъ, черемисъ, мордвы и вотяковъ. Такимъ образомъ мы видимъ украшенный серебряными монетами женскій головной уборъ у замужнихъ въ видѣ широкой повязки съ ремнемъ, спускающимся на спину, а также полотенца съ расшитыми краями; плечевая перевязь (чалма) украшена монетами и обшита по краямъ раковинами, а также покрыты вышивками рубахи и лѣтніе холщевые кафтаны. Узоръ этихъ шелковыхъ и бисерныхъ вышивокъ происхожденія персидскаго.

Булгары изготовляли для сѣверныхъ финновъ украшенья изъ мѣди, бронзы и серебра, какъ въ настоящее время русскіе крестьяне Рыбной слободы Чистопольскаго уѣзда Казанской губ. изготовляютъ ихъ по вкусу потомковъ древняго мѣстнаго населенія: чувашей, черемисъ, татаръ и вотяковъ. Главное значеніе булгаръ для сѣверо-восточной Руси и Поволжья заключается въ томъ, что они расширили и оживили торговый обмѣнъ, чѣмъ развили самодѣятельность племенъ, съ которыми соприкасались. Они оказали глубокое вліяніе на умственный уровень волжско-камскихъ финновъ и ихъ общественный строй.

Арабы хорошо знали, что страна къ западу отъ булгаръ населена словяно-россами и что Волга—рѣка тоже словяно-русская. Они разсказываютъ, что русскіе купцы по словянской рѣкѣ, т. е. Волгѣ, спускаются до хазарской столицы, а иногда на верблюдахъ привозятъ товары

23 б) Картина: Русскіе купцы на верховьяхъ Тигра и Евфрата.

свои въ Багдадъ. Дѣйствительно, въ IX вѣкѣ русскіе торговцы, какъ добрые гости, могли высаживаться, гдѣ имъ было угодно на самомъ торговомъ, юго-восточномъ берегу Каспійскаго моря, и съ этого берега привозили свои товары въ Багдадъ. Понятно, что, близко здѣсь познакомившись съ ними, любознательные арабы старались собрать побольше новыхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній о торговомъ, сильномъ словянскомъ народѣ, живущемъ гдѣ-то на сѣверѣ, по рѣкѣ Днѣпру. Между VII и IX столѣтіями арабы считаютъ словянъ большимъ европейскимъ народомъ и ставятъ ихъ наравнѣ съ греко-римлянами. По арабскимъ извѣстіямъ видно, что вся торговля арабовъ на востокѣ и югѣ въ IX и X-мъ вѣкахъ производилась при посредствѣ словянъ, а мѣховые товары шли непосредственно изъ словянскихъ странъ: съ дальнѣйшаго конца словянской земли, — причемъ самые превосходные изъ нихъ доставляла Русь, получавшая ихъ отъ своихъ сосѣдей «съ неизвѣстнаго дальняго сѣвера». Арабы про словянъ говорятъ, что это самая сѣверная народность, уходящая еще на западъ; что ихъ обширная, ровная страна изобилуетъ водами и лѣсами, гдѣ много пушныхъ звѣрей.

«На границѣ словянской земли находится городъ Кіевъ»,—говоритъ Ибнъ-Дастъ,—«путь въ эту страну идетъ по степямъ, по мѣстамъ бездорожнымъ, черезъ ручьи и дремучіе лѣса. Словяне больше всего сѣютъ проса. Во время жатвы они берутъ ковшъ съ просянымъ зерномъ и, поднимая его къ небу, взываютъ къ своему Богу: «Ты, который даешь намъ пищу, пошли ее намъ и теперь въ изобиліи!» «Словяне»,—продолжаетъ Ибнъ-Дастъ,—«народъ музыкальный. У нихъ есть разнаго рода гусли, свирѣли и лютни. Оружіе и боевые кони составляютъ соб-

ственность князя и раздаются войску только на случай похода». Словянскія племена, уже объединенныя на востокѣ къ IX вѣку подъ однимъ общимъ именемъ россовъ,—не только спускались по Волгѣ къ устью ея въ Итиль, гдѣ отчасти жили подъ властью хазарскаго кагана, но, какъ мы видѣли, поднимались также и вверхъ до Камскихъ булгаръ. Въ заключеніе нашей рѣчи о Камскихъ булгарахъ скажемъ, что впослѣдствіи удары, нанесенные имъ въ XII и XIII вѣкѣ русскими, а потомъ татарскимъ нашествіемъ, смели окончательно съ лица земли Булгарское царство, торговые рынки его запустѣли, каменныя строенія не поддерживались. Булгаринъ-мусульманинъ незамѣтно сталъ мелкимъ торгашемъ-татариномъ, а булгаринъ-язычникъ выродился въ непригляднаго современнаго намъ финна-чувашина.

Однако, въ нашемъ повѣствованіи мы какъ-будто совсѣмъ забыли о покинутыхъ нами въ состояніи далекой древности словянахъ западныхъ и прибалтійскихъ. Между тѣмъ въ это время у нихъ шла жестокая борьба за существованіе по ту сторону Вислы съ германской саксонской народностью, ихъ оттѣснившей къ Нѣману и за Нѣманъ, во главѣ со своимъ отважнымъ воинственнымъ королемъ Генрихомъ Птицеловомъ. Обратимся теперь хотя въ немногихъ словахъ къ безнадежной картинѣ этой борьбы на западѣ, сѣверо-западѣ и юго-западѣ отъ Карпатскихъ горъ, окончившейся побѣдой нѣмцевъ и пораженіемъ словянъ, до областей позднѣйшаго Польскаго королевства.

Глава IV.

Западные словяне. Велико-Моравское королевство. Кириллъ и Меѳодій. Прибалтійскіе словяне или варяги *).

Первымъ словянскимъ народомъ запада, устроившимся въ государство съ единой властью, были выходцы изъ Хорватіи, разселившіеся въ Панноніи и Прикарпатской Богеміи по теченію сѣвернаго притока Дуная: Марусъ. Это были потомки даковъ, позже моравы, чехи и словаки. Въ 830 году весь этотъ словянскій край раздѣленъ былъ на области, называвшіяся жупаньями, и находился подъ управленіемъ жупановъ. По разсказу императора византійскаго Константина Багрянорднаго, въ X столѣтіи Придунайскіе болгары безжалостно разорили Сербскую область; но сербскій жупанъ Чеславъ, прогнавъ ихъ изъ своей страны, сталъ независимымъ королемъ въ 934 году.

Въ началѣ IX вѣка въ Панноніи образовалось объединенное подъ однимъ родомъ князей Велико-Моравское государство. Но Людовикъ, король германскій, напалъ на него въ 846 году и, свергнувъ съ престола правившаго страной моравскаго короля, отдалъ власть въ руки его племянника Ростислава. Ростиславъ, вступивъ въ тѣсный союзъ съ чехами и придунайскими болгарами, возмутился противъ зависимости словянъ отъ нѣмцевъ и прогналъ въ 855 г. Людовика изъ Моравіи. Онъ обратился затѣмъ къ византійскому императору съ просьбою прислать въ столицу Моравіи—Велеградъ, наставниковъ въ христіанской вѣрѣ на словянскомъ нарѣчіи. Императоръ Михаилъ III прислалъ имъ Кирилла и Меѳодія. Эти знаменитые про-

24) Картина: Св. Кириллъ подноситъ византійскому императору Михаилу изобрѣтенную имъ словянскую азбуку.

*) Источники: Профессоръ Хойновскій: «Краткія свѣдѣнія о словянахъ и Древней Руси». И. Е. Забѣлинъ: «Исторія Русской жизни».

повѣдники христіанства на югѣ Россіи принесли съ собою въ Моравію первое Евангеліе на словянскомъ языкѣ. Тогда единая христіанская Церковь не успѣла еще распасться: на восточную-православную и западную-католическую; почему высшее духовное лицо въ древней столицѣ Италіи, Римѣ,—папа Николай I, подозрѣвая ересь (т. е. уклоненіе отъ христіанскихъ истинъ) въ Евангеліи Кирилла, вызвалъ обоихъ братьевъ къ себѣ. Но онъ въ скоромъ времени умеръ, не дождавшись ихъ, а его преемникъ, болѣе снисходительный, разрѣшилъ сейчасъ же христіанское богослуженіе на словянскомъ нарѣчіи. Кириллъ скончался въ Римѣ, въ церкви св. мученика Климента, мощи котораго онъ обрѣлъ на Таврическомъ полуостровѣ и привезъ въ Римъ. Меѳодій же былъ посвященъ въ Вельградѣ епископомъ Моравіи и Паннонiи въ 870 году. Богослуженіе на словянскомъ языкѣ быстро распространилось при немъ въ Чехіи, въ Краковской области и въ Моравіи.

25) Картина: Св. Кириллъ и Меѳодій проповѣдуютъ христіанство среди западныхъ словянъ.

26) Картина: Торжественная встрѣча Кирилла и Меѳодія въ Римѣ съ мощами св. Климента.

27) Картина: Папа Адріанъ II возлагаетъ на престолъ переведенныя св. Кирилломъ и Меѳодіемъ богослужебныя книги на словянскомъ языкѣ.

Ростиславу наслѣдовалъ его племянникъ—Святополкъ, могущественный властитель, но равнодушный къ вопросамъ вѣры и потому вновь допустившій въ своей странѣ вліяніе германскаго духовенства. Онъ женился на дочери короля чеховъ, послѣ чего чехи его самого охотно признали законнымъ своимъ королемъ.

28) Картина: Св. Кириллъ на смертномъ одрѣ умоляетъ своего брата Меѳодія не покидать словянъ.

Велико-Моравское королевство было наверху своей славы съ 873 до 882 года. Тогда по всему теченію рѣки Эльбы, отъ города Гамбурга до Адріатическаго моря, успѣшно отстаивая отъ нѣмцевъ свою независимость, жили свободныя, сильныя словянскія племена. Однако, неуваженіе Святополка къ церкви, его богохульная дерзость и крутой нравъ привели скоро къ крупному столкновенію между

29) Картина: Возвращеніе св. Меѳодія изъ Рима въ Паннонію.

нимъ и св. Меѳодіемъ. Однажды, выѣхавъ на охоту, онъ запретилъ начинать обѣдню до своего возвращенія,—но запоздалъ; такъ что св. Меѳодій, подождавъ короля до полдня, затѣмъ приступилъ къ богослуженію. Подъѣхавъ къ церкви, уже подъ конецъ обѣдни, верхомъ, окруженный сопровождавшими его всадниками,—Святополкъ такъ разсердился на ослушаніе архіепископа, что на конѣ ворвался въ церковь и проскакалъ до ступеней алтаря. Народъ смотрѣлъ въ ужасѣ на оскорбленіе святыни, но, между тѣмъ какъ остальные священнослужители обратились въ бѣгство, св. Меѳодій безтрепетно выступилъ предъ лицомъ Святополка и его предалъ со всѣмъ потомствомъ его проклятію. Оно не замедлило возъимѣть надъ Святополкомъ свое роковое дѣйствіе. Вскорѣ послѣ кончины св. Меѳодія германскій императоръ Карлъ Великій захватилъ земли южныхъ словянъ и основалъ въ Паннониі нѣмецкую область, положившую собою начало Австрійскому государству. Другой императоръ Германіи—Арнульфъ, съ цѣлью ослабить Великую Моравію, призвалъ туда изъ степей южной Россіи угровъ или маджаръ: кочевой народъ, пришедшій отчасти вмѣстѣ съ хазарами, отчасти бывшій вѣтвью гунновъ и обитавшій сначала въ Приволжскомъ краѣ, но подвигавшійся постепенно уже въ VII и VIII столѣтіяхъ къ берегамъ Дуная. Угры, заполнивъ Паннонію подъ предводительствомъ храбраго своего вождя Арпада, заняли всю страну и здѣсь образовали Венгерское королевство. Святополкъ, король Велико-Моравскій, разбитый венграми и лишенный престола, скрылся въ монастырѣ въ 890 году. Чехія же послѣ разгрома Моравіи уграми,—раздѣлившая сначала ея судьбу,—въ 895 году образовала особое королевство.

30) Картина: Святополкъ Моравскій верхомъ врывается въ церковь во время служенія тамъ обѣдни св. Меѳодіемъ.

31) Картина: Предсмертное прощаніе св. Меѳодія съ учениками.

Мы помнимъ, что карпатскіе выходцы, разселившіеся по ровнымъ полямъ Познани, въ верховьяхъ рѣки Вислы и на востокъ отъ средняго ея теченія, вокругъ нынѣшнихъ городовъ: Кракова, Люблина, Варшавы и Плоцка, образовали для обороны отъ нѣмцевъ, со временъ знаменитаго германскаго императора Карла Великаго (784—814 г.) особое воеводство,—выбравъ себѣ воеводу изъ среды лучшихъ лехитовъ, т. е. знатныхъ, богатыхъ земельныхъ владѣльцевъ, составлявшихъ вооруженное, на собственный счетъ, конное польское войско.

Три воеводы одного имени: Лешекъ I, II и III собрали землю леховъ въ одну и увеличили власть воеводы.—Названіе «лехъ» перешло скоро на всю страну, и ея жители стали извѣстны руссамъ подъ именемъ: леховъ. Въ этой землѣ западныхъ полянъ, или поляковъ, около .города Гнѣзно, обосновалась объединившая здѣсь словянскія племена, — сначала княжеская, а потомъ королевская власть.

Князь Зимовитъ изъ рода Пястовъ, ставъ во главѣ западныхъ—великихъ и малыхъ полянъ, успѣлъ подчинить себѣ и другія окрестныя племена, въ 860 году. Одинъ изъ его преемниковъ, князь Мечиславъ, женившись въ 955 году на дочери чешскаго короля — христіанкѣ, принялъ крещеніе, а по его примѣру и весь народъ началъ сокрушать идолы. Натискъ нѣмцевъ съ запада въ особенности обрушился на словянъ полабскихъ, и польскіе воеводы не могли ихъ отстоять отъ захвата саксонскимъ королемъ Генрихомъ Птицеловомъ (919—939 годъ). Онъ началъ въ границахъ словянъ отстраивать укрѣпленные городки, такъ называемые Мархіи, — ограждая ихъ стѣнами и населяя нѣмецкой, передовой дружиной, пріученной имъ къ управленію конемъ

32) Картина: Генрихъ Птицеловъ.

по примѣру венгровъ. Съ тѣхъ поръ служба въ пѣхотѣ утратила все свое достоинство, и появились нѣмецкіе всадники—рыцари, какъ благородное, высшее воинское сословіе, наполнившее своими подвигами и военнымъ блескомъ нѣсколько славныхъ столѣтій такъ называемаго Средневѣковья. Въ короткое время Генрихъ побѣдилъ всѣхъ словянъ, жившихъ между рѣками: Лабой, т. е. Эльбой, и Одеромъ. Тяжкимъ молотомъ падала тоже саксонская рука на прибалтійскихъ венедовъ,—пока не размозжила ихъ окончательно. Жестокость ихъ обращенія съ побѣжденными и насилія, невыносимыя для свободолюбивыхъ словянъ, вызвали ихъ возстаніе. Въ 929 году нѣмцы страшно избили словянъ, причемъ, догнавъ отступавшихъ, потопили ихъ въ озерахъ. До ста тысячъ словянъ погибло въ сраженіи, а всѣ военноплѣнные были казнены. Потомъ нѣмцы водворили въ окончательно покоренной ими странѣ, между Эльбой и Одеромъ,—свой языкъ, религію и обычаи.

Сынъ Мечислава, Болеславъ I Храбрый, первый польскій король, короновавшійся въ 1.000-мъ году по Рождествѣ Христовомъ, всю свою жизнь положилъ, стараясь соединить западныхъ словянъ для общей ихъ борьбы противъ нѣмцевъ,—такъ какъ онъ понялъ своимъ свѣтлымъ умомъ всю опасность натиска этихъ себя-любивыхъ, грубыхъ сосѣдей германской крови на словянскія племена, и все-таки далъ ненавистнымъ нѣмцамъ жестокій отпоръ. Но съ его смертью сѣверо-западные словяне вновь потеряли всякую силу сопротивленія противъ настойчивой германизаціи ихъ,—съ уничтоженіемъ всѣхъ словянскихъ обычаевъ, вѣры и языка,—нападавшими на нихъ нѣмцами.

33) Картина: Сѣверо-западные словяне преслѣдуютъ нѣмецкаго рыцаря.

Мы уже говорили, что Балтійское море въ древнихъ русскихъ лѣтописяхъ называется Варяжскимъ

моремъ, и потому все населеніе береговъ его, безъ различія народностей, называлось часто просто варягами. Между тѣмъ только его сѣверное и западное побережье было населено норманами, т. е. данами и скандинавами; южный же берегъ, по свидѣтельству Нестора, былъ заселенъ племенами словянскими, граничившими на востокѣ съ эстами и остальною чудью. Западнѣй ляховъ, по устью Одера, жили уже нами упомянутые оботриты; на противолежащемъ островѣ Рюгенѣ—рюгенцы; а въ самомъ юго-западномъ углу—вагры, или варины. Всѣ эти поморяне Варяжскаго Поморья носили, конечно, общее имъ всѣмъ названіе «варяговъ». Въ лѣтописи своей Несторъ всѣ чуждыя словянской народности племена варяговъ опредѣляетъ ихъ обособленными именами: англянъ, нѣмцевъ, дановъ и т. п. Говоря же просто: «варяги»,—безъ дальнѣйшаго поясненія ихъ народности, онъ, внѣ сомнѣнія, подразумѣваетъ всегда только однихъ словянъ, собственно о нихъ ведя все повѣствованіе свое въ видѣ цѣлаго ряда записей. Мѣстами онъ называетъ словянъ-варяговъ: Русью,—отчасти отъ созвучія съ именемъ Ругіи или Русіи, полученнымъ всей прибалтійской словянской областью отъ стоявшихъ въ древности во главѣ ея жителей острова Рюгена; отчасти и главнымъ образомъ—потому, что онъ привыкъ на своей родинѣ, въ Кіевской области, разумѣть подъ славнымъ именемъ «полянской Руси» всю совокупность словянъ, ею предводимыхъ. Подъ варягами Несторъ подразумѣваетъ, конечно, то хорошо знакомое Кіевской Руси братское ей племя на побережьѣ Балтійскаго моря, съ которымъ она находилась въ столь постоянныхъ сношеніяхъ, что тогда по крайней мѣрѣ не требовалось никакихъ поясненій въ томъ, что̀ касалось исключительной принадлежности этихъ, упо-

минаемыхъ имъ, варяговъ къ населенію словянъ. Новгородцы вели съ ними постоянный торгъ, и только словяне-варяги были тамъ въ собственномъ смыслѣ тѣ свои, домашніе люди, въ землю которыхъ можно было ходить, какъ домой, и призывать оттуда себѣ на помощь варяжское, т. е. прибалтійско-словянское войско. О другихъ варягахъ въ Новгородѣ не сохраняется ни малѣйшей памяти. Въ томъ, что̀ касается инородцевъ, то словянскія связи всегда тянули больше на западъ къ нѣмецкимъ землямъ, нежели къ норманамъ-шведамъ. Если согласно шведскимъ народнымъ сказаніямъ, шведы и даны состояли на службѣ у первыхъ русскихъ князей,—то это ничего не доказываетъ, такъ какъ русскимъ князьямъ служили вообще храбрые люди всякихъ народностей. Нѣмцы, послѣ того какъ они окончательно истребили прибалтійскихъ словянъ, уже въ XII-мъ столѣтіи появляются для торговли въ Новгородѣ безъ имени варяговъ,—да и вообще съ тѣхъ поръ имя варяжской народности въ нашей лѣтописи исчезаетъ. «Скажемъ разъ навсегда, не въ обиду другимъ сложившимся мнѣніямъ»,—говоритъ нашъ почтенный историкъ Забѣлинъ, слова котораго я привожу сейчасъ во всемъ, что̀ касается сѣвернаго словянства,—«что нашему первому лѣтописцу Нестору были извѣстны только варяги-словяне, обитатели богатой, торговой страны по южнымъ берегамъ Балтійскаго моря, и что во всякомъ случаѣ онъ «только ихъ» подразумѣваетъ, разсказывая намъ о сношеніяхъ съ варягами Новгорода и Кіева. Ильменскіе словяне и руссы никогда не вели съ ними войны, а при ссорѣ въ торговыхъ дѣлахъ выражали свое неудовольствіе тѣмъ лишь, что не пускали къ нимъ своихъ пословъ и гостей. Тогда варяги ходили въ Новгородъ просить мира и

снова устанавливали старыя отношенія, дорожа своей, выгодной имъ, торговлей съ ильменскими словянами. Ходили варяги въ Новгородъ сухимъ путемъ, иначе—«горою», по древне-русскому выраженію, и этимъ извѣстіемъ нашей лѣтописи подтверждается само собой ихъ словянство, такъ какъ для шведовъ такой путь былъ невозможенъ. Не нуждаясь въ шведскихъ товарахъ, словяне никогда сами въ страну ихъ не ѣздили. Скандинавы же занимались больше разбойнымъ промысломъ по Балтійскому морю, нежели правильною торговлей. Однако, они сами иногда ѣздили въ Новгородъ за покупкой необходимыхъ имъ азіатскихъ и византійскихъ товаровъ. Въ общемъ же у новгородцевъ больше было вражды съ ними, нежели мира. Вражда поднималась часто у новгородцевъ изъ-за владычества надъ сосѣдними бѣдными финскими племенами, попавшими среди двухъ огней,—между словянами и скандинавами, называемыми иначе «свеями». Такимъ образомъ никогда новгородцы надъ собой не призвали бы княжить изъ-за Балтійскаго моря своихъ первыхъ враговъ,—хотя у нихъ дѣйствительно было въ обычаѣ, по своеволію ихъ, часто мѣнять своихъ князей и призывать къ себѣ въ городъ новыхъ,—однако, само собой разумѣется, изъ родного словянскаго племени, а никакъ не изъ чужестранцевъ.

Вагры, или варины, были самымъ крайнимъ на западѣ словянскимъ племенемъ. Западные писатели говорятъ, что въ ихъ странѣ жили самые храбрые люди. Дѣйствительно, вагры принимали на себя первые всѣ, направленные противъ словянъ, удары воинственныхъ и разбойныхъ своихъ сосѣдей, нѣмцевъ, англянъ и дановъ. Хотя тѣ ранѣе ихъ приняли христіанство, но предавались все-таки грабежу, — осо-

34) Картина: Вагры на берегу моря.

бенно на морѣ,—что́ вынуждало и вагровъ предпринимать морскіе походы съ цѣлью разбоя. Кто не умѣлъ нападать и защищаться,—того считали безславнымъ и глупымъ. Словянамъ легко было укрыться на ихъ ладьяхъ въ глубокихъ изгибахъ датскаго берега. Они отличались въ войнѣ своими засадами и оттуда внезапными нападеніями на врага. Вагръ по скандинавски собственно значитъ—воръ, разбойникъ. Однако, западныя свидѣтельства объ ихъ свирѣпости и разбояхъ преувеличены. Попросту храбрые, сильные вагры умѣли себя защитить во всѣхъ углахъ Балтійскаго моря и не прощали врагамъ обиды. Они занимались также земледѣліемъ, и главный промыселъ ихъ былъ совсѣмъ не разбой, но торговля. Вести же торговлю посреди скандинавскихъ разбойниковъ, нельзя было иначе, какъ сдѣлавшись самому разбойникомъ. Мы уже знаемъ, что въ прежнія времена купецъ повсюду былъ тоже вооруженнымъ воиномъ для огражденія своего товара отъ грабежа. При изученіи древней исторіи прибалтійскихъ словянъ, мы видимъ, что не было на сѣверномъ берегу Европы страны, лучше воздѣланной для обработки полей, чѣмъ у вагровъ. У нихъ земледѣліе стояло въ разумной и благотворной связи съ содержаніемъ луговъ для пастбищъ. Поморскій, христіанскій проповѣдникъ, святой Оттонъ, придя въ Венедскую землю, не находилъ достаточно словъ для ея прославленія. «Въ морѣ, рѣкахъ и озерахъ невѣроятное количество рыбы»,—говоритъ онъ,—«всѣ области населены дичью, буйволами, оленями и вообще великимъ числомъ звѣрей всякаго рода». Вездѣ было обиліе коровьяго масла, овечьяго молока, бараньяго жира, а также меда, пшеницы, проса, мака и овощей. Рабочихъ лошадей множество. Поморье словянское такимъ образомъ слу-

35) Картина: Разбойничій набѣгъ на Балтійскомъ морѣ.

жило житницей для всего Варяжскаго, т. е. Балтійскаго моря, такъ же, какъ русскій югъ нашъ хлѣбомъ своимъ питалъ Византію. Море открывало словянамъ-венедамъ свободный путь на сѣверъ, востокъ и западъ; а по рѣкѣ Одеру для нихъ протягивалось сообщеніе къ Карпатамъ и Черному морю. До XII столѣтія главнымъ мѣстомъ поморской словянской торговли былъ уже упомянутый нами городъ Волгинъ. Западный лѣтописецъ Адамъ Бременскій разсказываетъ, что это была знаменитая, торговая пристань словянскихъ язычниковъ и грековъ, т. е. впослѣдствіи русскихъ христіанъ греческаго исповѣданія. Здѣсь мы впервые встрѣчаемъ рознь между христіанствомъ Запада и Востока. Жители Волгина, по своему тѣсному родству съ русскими, допускали у себя въ городѣ только греческіе обряды христіанскаго богослуженія. Адамъ Бременскій говоритъ, что они были честны, гостепріимны и добродушны. Въ 14 дней отъ Волгина можно было достигнуть Новгорода. Такимъ образомъ балтійскіе словяне, согласно свидѣтельству своихъ современниковъ, были не только храбрыми воинами, искусными мореходами и разбойниками, но также первыми земледѣльцами, посредниками торговли Европы съ финскимъ и скандинавскимъ сѣверомъ, съ русско-словянскимъ востокомъ и европейскимъ югомъ.

Начало торговаго промысла прибалтійскихъ словянъ относится еще къ тѣмъ далекимъ временамъ до Рождества Христова, когда берега Балтійскаго моря славились добываніемъ янтаря особенно хорошаго качества.

Позже,—узнавъ, что словяне же обитаютъ на озерѣ Ильменѣ и на Днѣпрѣ, что ихъ страна изобильнѣй товарами, чѣмъ Скандинавія, а въ особен-

ности богата мѣхами,—и что къ нимъ можно легко попасть черезъ любую рѣку, сначала моремъ, потомъ по Вислѣ, Нѣману и Западной Двинѣ, или съ верховьевъ Вислы и Одера подлѣ Карпатскихъ горъ,—поморскіе венеды рано вступили съ ними въ сношенія и проложили себѣ прямую дорогу къ богатствамъ русскаго сѣвера, начали открывать дальнѣйшіе пути къ прибыли на востокѣ и заселять его своими торговыми дружинами. Въ VI вѣкѣ мы застаемъ словянскую народность, собой заняѣшую огромное пространство—отъ береговъ Балтійскаго моря до рѣки Дона далеко на сѣверъ и на Дунайскій югъ. Уже готскій историкъ, извѣстный намъ епископъ Іорнандъ, указываетъ, что торговля мѣхами сѣвера съ Римомъ шла черезъ руки словянъ. Мы тоже имѣемъ извѣстіе, что варяги усердно рубили и строили города. Названіе острова Рюгена передѣлано позже нѣмцами на свой ладъ. По-словянски онъ назывался Рогъ или Ругъ, такъ какъ его сѣверный конецъ, далеко выдающійся въ морѣ, имѣетъ очертаніе рога. Съ рогомъ вообще у балтійскихъ словянъ было связано представленіе религіозное и священное, такъ что одинъ изъ храмовъ ихъ былъ воздвигнутъ на основаніи изъ роговъ различныхъ звѣрей. Языческій истуканъ острова Рюгена, Святовидъ держалъ въ рукѣ рогъ въ видѣ сосуда. Въ его храмѣ собраны были самые рѣдкіе рога звѣрей, удивительные и по своей отдѣлкѣ. Кромѣ того по-славянски «рогомъ» звался всякій край чего-либо, уголъ или крыло, какъ напримѣръ въ военномъ строѣ,—и съ нимъ соединялось понятіе о преимуществѣ, силѣ и крѣпости.

36) Картина: Видъ острова Рюгена.

37) Картина: Идолъ бога Святовида на островѣ Рюгенѣ.

Хотя теперь прошло уже 700 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Балтійское словянство было истреблено въ самый корень нѣмцами, но все же словянскія имена

разныхъ мѣстностей о немъ сохраняютъ еще широкую память, свидѣтельствуя о томъ, что Варяжское море, съ юга и запада, было когда то заселено варяго-словянами; а между ними руги, рузи или же Русь была сильнѣйшимъ и почтеннѣйшимъ племенемъ. Странно, что Рюгенскій край западными писателями назывался также и Русью, тогда какъ настоящая, Кіевская Рось здѣсь по своей религіи именовалась Греціей. Но кромѣ Рюгенской Руси, на Балтійскомъ поморьѣ, существовала и еще Русь, при устьѣ пограничной нашей съ нынѣшней Германіей рѣки Нѣмана; такъ какъ ея сѣверный рукавъ, при впаденіи въ Балтійское море, назывался Русью, по имени литовскаго князя-богатыря Русса, отчего вся окрестность затѣмъ—ранѣе завоеванія ея германцами—получила названіе Поруссья, а потомъ Пруссіи.

Послѣ надлежащихъ изслѣдованій съ достовѣрностью можно было предположить, что этотъ руссъ былъ словянинъ съ острова Рюгена, такъ какъ еще во II-мъ столѣтіи послѣ Рождества Христова древній географъ Птоломей устье Нѣмана называетъ Венедскимъ, т. е. словянскимъ, заливомъ; слѣдовательно, здѣсь обитали словяне, и самое названіе рѣки Нѣмана—словянское, отличавшее этимъ именемъ—«нѣмыхъ», т. е. говорившихъ на непонятномъ для словянъ языкѣ, «сосѣднихъ» нѣмцевъ. Весьма вѣроятно, что новгородскій Рюрикъ призванъ былъ Новгородомъ со своею дружиною на княженіе именно изъ этой Нѣманской, небольшой русской области. Оттуда ведетъ наша исторія, по всѣмъ указаніямъ древности, затемненную разными искаженіями правды память о славномъ варяжскомъ, будто бы скандинавскомъ, племени: Русь. Здѣсь дольше всѣхъ уцѣлѣли послѣдніе словяне Балтійскаго моря, хотя окруженные плотно побѣдонос-

нымъ нѣмецкимъ племенемъ, упорно тѣснившимъ ихъ съ запада на новгородскій востокъ, куда остатокъ нѣмцами истребленныхъ поморскихъ словянъ съ устья Нѣмана и перешелъ, наконецъ, какъ въ родную землю братской, словянской народности. Словянскіе варяги, какъ одни изъ первыхъ поселенцевъ съ торговой цѣлью нашего дальняго сѣвера, изъ городовъ финской чуди тянули всѣ къ единокровному, родному Новгороду, тогда какъ Новгородъ тянулъ къ морю, тоже къ своимъ дѣдамъ и прадѣдамъ. Исторія упоминаетъ о варягахъ—варинахъ, съ I по VI-ое столѣтіе и на Днѣпровскомъ югѣ, при Черномъ морѣ, со всѣми свойствами нравовъ и быта, присущими, по извѣстіямъ западныхъ лѣтописцевъ, Несторскимъ балтійскимъ варягамъ, или венедамъ, согласно именованію ихъ нѣмцами. Но, больше всего промышляя на русскомъ сѣверѣ, варяги сидѣли и укрѣплялись, какъ промышленные хозяева, въ отстроенныхъ ими городахъ. Ильменская страна съ Новгородомъ и Ладогой, была сосредоточіемъ, такъ сказать, крѣпкимъ гнѣздомъ всего варяжскаго промысла.

Но здѣсь эти пришельцы съ Балтійскаго моря, вполнѣ слившіеся съ мѣстнымъ населеніемъ въ погонѣ за торговыми выгодами, вмѣстѣ съ Новгородомъ принуждены были долго платить варяжскимъ мореходамъ, разбойникамъ запада, дань для мира. Съ цѣлью сбросить съ себя зависимость отъ ихъ внезапныхъ набѣговъ и обезпечить себѣ спокойствіе производства своихъ торговыхъ дѣлъ, — ильменскіе словяне рѣшили въ Новгородѣ содержать на свой счетъ дружину изъ храбрыхъ наемныхъ варяжскихъ воиновъ; но и это ихъ не освободило совсѣмъ отъ варяжской силы, пока нѣмцы не истребили словянскія племена при Балтійскомъ морѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(Источникъ—В. Ключевскій: Курсъ Русской Исторіи. Часть I).

Стр. 43. Въ VI вѣкѣ южные и Карпатскіе славяне-анты составили между собой большой военный союзъ подъ предводительствомъ царя дулебовъ, жившихъ по верховьямъ Южнаго и Западнаго Буга. Этотъ союзъ ихъ вызвала продолжительная война съ Византіей, сомкнувъ тогда временно въ нѣчто цѣлое юго-западное славянство. Арабскій писатель Массуди оставилъ достаточно полное извѣстіе объ этомъ. Прекращеніе затѣмъ, отъ VII до X вѣка, этихъ вторженій славянъ въ Византію объясняется отливомъ въ то время славянскихъ племенъ съ Карпатъ, вызваннымъ отчасти аварскимъ нашествіемъ. Авары, какъ бы, дали толчокъ движенію славянъ съ Карпатскихъ склоновъ въ разныя стороны. Въ V и VI вѣкѣ въ восточной и средней Европѣ очистилось много мѣстъ, покинутыхъ германской народностью готовъ,—когда гунны двинули ихъ на западъ, въ римскія области. VII вѣкъ былъ временемъ, когда, до извѣстной степени, въ связи съ появленіемъ аваровъ (иначе—обровъ), начали возникать славянскія государства: Болгарское, Чешское и Хорватское, впослѣдствіи Галицкое княжество.

Стр. 51. Авары—обры главнымъ образомъ покорили жившихъ по Бугу дулебовъ. Дулебы въ то время являлись, повидимому, господствующимъ племенемъ среди антовъ. О нихъ говоритъ арабскій писатель X вѣка—Массуди въ своемъ сочиненіи «Золотые луга», называя ихъ «волынянами». Военный союзъ славянъ представлялъ изъ себя ополченіе боевыхъ людей, выдѣлявшихся изъ различныхъ родовъ и племенъ на время похода, по окончаніи котораго уцѣлѣвшіе товарищи расходились, возвращаясь въ среду своихъ родичей. Подобнымъ образомъ и впослѣдствіи племена восточныхъ славянъ участвовали въ походахъ русскихъ князей на грековъ. Когда, съ нашествіемъ аваръ, прекратились славянскіе набѣги на Византію, и началось разселеніе славянъ, этотъ союзъ долженъ былъ самъ собою распасться.

Стр. 57. Хазары вмѣстѣ съ Камскими булгарами стали посредниками живого торговаго обмѣна между Балтійскимъ сѣверомъ и Арабскимъ востокомъ,—приблизительно съ половины VIII столѣтія, когда столица арабовъ перемѣстилась изъ Дамаска въ Багдадъ.

Стр. 59. Покоренныя хазарами славянскія племена сначала произвели на нихъ впечатлѣніе народа мирнаго, не воинственнаго; но и хазарское иго для Приднѣпровскихъ славянъ было не очень чувствительно; лишивъ ихъ на время внѣшней независимости, оно доставило имъ большія торговыя выгоды. Съ тѣхъ поръ для послушныхъ данниковъ хазаръ стали открыты степныя и рѣчныя дороги, которыя вели къ черноморскимъ и каспійскимъ торговымъ рынкамъ. Жители Приднѣпровья начали бойкую торговлю здѣсь подъ покровительствомъ хазарскаго кагана. Арабскій писатель IX вѣка Хордадбе разсказываетъ, что русскіе купцы возятъ товары изъ отдаленныхъ мѣстъ своей страны къ Черному морю, въ греческіе города, гдѣ платятъ византійскому императору торговую пошлину; а также по Дону и Волгѣ спускаются къ хазарской столицѣ—Итилю, гдѣ хазарскій каганъ съ нихъ беретъ десятину, и черезъ Каспійское море проникаютъ на его юго-восточные берега, провозя на верблюдахъ оттуда товары свои до Багдада, гдѣ видѣлъ

ихъ Хордадбе (картина). Эта восточная торговля славянъ, имъ описываемая въ 846 году, должна была завязаться, по крайней мѣрѣ, лѣтъ за сто до этого арабскаго лѣтописца. Въ области Днѣпра найдено множество кладовъ съ древними арабскими монетами: серебряными диргемами. Большая часть ихъ относится, конечно, ко времени наибольшаго развитія торговли Руси. Однако, существуютъ клады съ монетами, хотя очень рѣдкими, но восходящими до VII столѣтія. Значитъ, уже въ VIII вѣкѣ упрочилась торговля Приднѣпровскихъ славянъ съ хазарскимъ и арабскимъ востокомъ. Этотъ вѣкъ былъ какъ-разъ временемъ утвержденія хазаръ въ южно-русскихъ степяхъ. Хазары и были посредниками въ торговлѣ между славянскими землями и востокомъ. Прямымъ послѣдствіемъ этой успѣшной торговли Руси съ Востокомъ явилось возникновеніе, изъ значительныхъ уже древнихъ ея поселеній, такихъ крупныхъ городовъ, какъ Кіевъ, Переяславль, Черниговъ, Смоленскъ, Любечъ, Новгородъ, Ростовъ и Полоцкъ.

Стр. 135. Кіевскіе славяне полянскаго племени назывались собственно россами, а не руссами, отъ названія, какъ мы уже объясняли подробно, притока Днѣпра—Роси, омывавшей область Поросья на пограничной чертѣ южныхъ степей. Но измѣненіе одной буквы въ такомъ, за исключеніемъ ея, одинаково звучащемъ названіи двухъ народностей,—юга и сѣвера,—той же славянской расы, совершилось, конечно, само собою, настолько легко, что Русь или Рось стали писаться и произноситься, какъ однозначущія названія, съ буквою у или о—безразлично.

Стр. 141. Названіе славянской народности «славяне» черезъ «а», по общепринятому правописанію, отъ французскаго — slave, замѣняется въ этомъ выпускѣ буквою о,—согласно выраженному на этой страницѣ мнѣнію о происхожденіи названія «нѣмецъ» отъ понятія о нѣмомъ,—т. е. говорящемъ на языкѣ, для взаимнаго объясненія недоступномъ иноплеменнымъ сосѣдямъ. Въ противоположность нѣмцу, словянинъ значитъ словесный, т. е. тотъ, съ кѣмъ можно свободно разговаривать—обмѣниваться словами. Общее названіе «словянъ» получили именно племена сѣверныхъ склоновъ Карпатъ: Ильменскіе словяне; сосѣди нѣмцевъ,—тогда какъ южные стали извѣстны подъ различными именами, по разнымъ мѣстностямъ ихъ поселенія, или подъ греческимъ названіемъ «антовъ». Правописаніе словянинъ, черезъ «о», имѣетъ еще свое оправданіе въ Прикарпатскомъ племенномъ названіи: «словакъ».

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧТЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Глава I.

Стран.

Великое переселеніе разныхъ народовъ черезъ южно-русскія степи. Побѣда гунновъ надъ готами. Бѣгство западныхъ готовъ въ Римское государство. Готскій король Аларихъ. Атила. Словяне 5

Картины: 1) Лагерь готовъ. 2) Становище гунновъ. 3) Ванитаръ распинаетъ на крестахъ антскаго князя Богша съ его сыновьями и народными старшинами. 4) Враждебная встрѣча древнихъ народовъ въ южно-русскихъ степяхъ. 5) Жилище древнихъ германцевъ. 6) Смерть Стиликона. 7) Картины разоренія Рима Аларихомъ. 8) Похороны Алариха. 9) Послѣдній натискъ. 10) Бюстъ Аэція. 11) Германцы, преслѣдующіе зубра. 12) Германскія женщины, по ихъ обычаю принимающія вмѣстѣ съ мужьями дѣятельное участіе въ битвѣ. 13) Каталаунская битва. 14) Готы провозглашаютъ королемъ своимъ Торисмунда на поляхъ Каталаунскихъ. 15) Атила въ своемъ шатрѣ. 16) Подношеніе Атилѣ его женою кушанья и питья передъ его жилищемъ. 17) Пиръ у Атилы. 18) Поклоненіе Перуну. 19) Лѣшій. 20) Заклинаніе кудесника. 21) Праздникъ Купалы. 22) Погребеніе словянина. 23) Бытъ древнихъ словянъ. 24) Польскій лехъ.

Глава II.

Финскія племена Уральскихъ горъ. Гунны-Утургуры и Кутургуры. Набѣги Кутургуръ, впослѣдствіи Придунайскихъ болгаръ, и южно-словянскихъ племенъ на Византію, при императорѣ Юстиніанѣ. Паденіе Рима. Сношенія Византіи съ Утургурами. Христіанство на Таврическомъ полуостровѣ. Нашествіе Забергана. Авары. Посольство Юстина II къ турскому хану Дизавулу 33

Картины: 25) Погоня за ланью гуннскихъ охотниковъ. (См. выпускъ I). 26) Разрушеніе Рима дикарями германцами: воинами Одоакра. 27) Теодорикъ Великій получаетъ себѣ во владѣніе зависимую отъ Византіи западную часть, уничтоженной Одоакромъ Римской имперіи,—

Стран.

отъ византійскаго императора Зенона. 28) Обрядъ христіанскаго погребенія въ катакомбахъ. 29) Убійство язычниками Утургурами своего князя Гордаса за его попытку обратить народъ въ христіанство. 30) Гунны Утургуры подъ предводительствомъ своего князя Сандильха, по наущенью грековъ, разоряютъ приднѣпровскія жилища своихъ сородичей, уводя въ плѣнъ ихъ семьи. 31) Бани въ Византіи. 32) Велизарій. 33) Аварскій посолъ передъ императоромъ Юстиніаномъ. 34) Жестокія насилія аваръ надъ словянами. 35) Пріемъ византійскихъ пословъ Дизавуломъ.

Глава III.

Хазары. Господство аваръ въ степяхъ южной Россіи. Войны ихъ съ Византіей. Аравія и ея могущество. Буртасы . 54

Картины: 36) Караванъ. 37) Бозаръ на востокѣ. 38) Проѣздъ хазарскаго кагана. 39) Хазарскій пехъ передъ каганомъ. 40) Гордый отказъ карпатскихъ словянъ платить дань аварамъ и убійство пословъ ихъ, требовавшихъ покорности. 41) Посолъ византійскаго императора Тиверія—Валентинъ у туранскаго властелина Туркосанфа. 42) Бедуины въ пустынѣ. 43) Арабскій конь. 44) Карта Аравіи. 45) Камень Кааба. 46) Видъ Медины. 47) Мекка—городъ великой пустыни. 48) Плѣнные въ Аравійской пустынѣ. 49) Арабскій халифъ. 50) Лагерь бедуиновъ. 51) Гарунъ-аль-Рашидъ въ своемъ дворцѣ. 52) Караванъ въ пустынѣ. 53) Конные бедуины. 54) Древняя карта Руси отъ V до XI вѣка.

ЧТЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Глава I.

Словянскіе выходцы восточныхъ склоновъ Карпатскихъ горъ. Византійская и арабская лѣтописи о словянахъ. Еще о религіи и домашнемъ бытѣ словянъ 76

Картины: 1) Словяне на охотѣ. 2) Битвы древнихъ словянъ. 3) Типы древнихъ словянъ. 4) Жертвоприношеніе древнихъ словянъ. 5) Водяной. 6) Домовой. 7) Погребальное сожженіе словянина. 8) Свв. Кириллъ и Меѳодій обучаютъ грамотѣ словянскихъ дѣтей. 9) Древняя русская крѣпость. 10) Ѣзда на верблюдахъ.

Глава II.

Нападеніе аваръ на Царьградъ съ суши и съ моря въ союзѣ съ словянами. Исчезновеніе аваръ и господство хазаръ на Таврическомъ полуостровѣ. Возстаніе Херсонеса (или Корсуни) противъ византійскаго императора Юстиніана Безносаго. Гоненіе на иконы Льва Исаврiянина. Іоаннъ Дамаскинъ. Дальнѣйшее существованіе Хазарскаго царства . 101

Картины: 11) Св. Кириллъ между хазарами. 12) Удушеніе Юстиніаномъ подосланныхъ къ нему убійцъ. 13) Іоаннъ передъ халифомъ. 14) Изувѣченный Іоаннъ. 15) Іоаннъ Дамаскинъ проситъ принять его въ обитель св. Саввы.

Стран.

Глава III.

Крайній сѣверъ древней Россіи. Біармія и Югра. Болгарское царство на рѣкѣ Камѣ. Арабская лѣтопись о странѣ камскихъ болгаръ и о нравахъ руссовъ 111

Картины: 16) Разореніе скандинавами храма Юмалы. 17) Ѣзда на собакахъ. 18) Мѣновая торговля. 19) Чертово городище. 20) Торгъ въ Великихъ Булгарахъ между арабами, персіянами и руссами. 21) Поклоненія руссовъ идоламъ. 22) Башня Малаго минарета. 23) Казнь въ Камской Булгаріи воровъ и распутниковъ.

Глава IV.

Западные словяне. Велико-Моравское королевство. Кириллъ и Меѳодій. Прибалтійскіе словяне или варяги . . . 130

Картины: 24) Св. Кириллъ подноситъ византійскому императору Михаилу изобрѣтенную имъ словянскую азбуку. 25) Св. Кириллъ и Меѳодій проповѣдуютъ христіанство среди западныхъ словянъ. 26) Торжественная встрѣча Кирилла и Меѳодія въ Римѣ съ мощами св. Климента. 27) Папа Андріанъ II возлагаетъ на престолъ переведенныя св. Кирилломъ и Меѳодіемъ богослужебныя книги на словянскомъ языкѣ. 28) Св. Кириллъ на смертномъ одрѣ умоляетъ своего брата Меѳодія не покидать словянъ. 29) Возвращеніе св. Меѳодія изъ Рима въ Паннонію. 30) Святополкъ Моравскій верхомъ врывается въ церковь во время служенія тамъ обѣдни св. Меѳодіемъ. 31) Предсмертное прощаніе св. Меѳодія съ учениками. 32) Генрихъ Птицеловъ. 33) Сѣверо-западные словяне преслѣдуютъ нѣмецкаго рыцаря. 34) Вагры на берегу моря. 35) Разбойничій набѣгъ на Балтійскомъ морѣ. 36) Видъ острова Рюгена. 37) Идолъ бога Святовида на островѣ Рюгенѣ.

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
16	8 сверху	населенія	поселенія
16	13 снизу	исторіи	исторіи,
22	16 сверху	разсмотрѣніи	размѣщеніи
22	7 снизу	словянъ карпатскихъ	словяно-карпатскихъ
29	5 снизу	о народахъ, уже хорошо извѣстныхъ	о народѣ, уже хорошо извѣстномъ
68	13 сверху	религіей	религіями
84	14 снизу	всѣ словяне	словяне
118	11 сверху	очевидно нѣкогда	очевидно устроеннаго нѣкогда

Просвѣтительныя чтенія по исторіи Русской страны, примѣненныя къ широкой возможности пояснять ихъ картинами для волшебнаго фонаря, соотвѣтственно съ наиболѣе яркими мѣстами чтеній, но составляющія и помимо такого рода картинъ общедоступную книгу обо всемъ прошломъ нашего дорогого отечества.

Часть I.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ
САМОБЫТНОЙ РУССКОЙ НАРОДНОСТИ
и
РОССІЯ ВЪ СТАРОДАВНІЯ ВРЕМЕНА
ДО ОБРАЗОВАНІЯ РУССКАГО ГОСУДАРСТВА.

Выпускъ III.

Составлено Т. П. Мятлевой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Сѵнодальная Типографія.
1911.

Feci, quod potui; faciant meliora potentes!

(Сдѣлалъ, что могъ; пусть, кто можетъ, дѣлаетъ лучше!)

Трудъ этотъ посвящается авторомъ

Его Императорскому Высочеству

Наслѣднику Цесаревичу

и

Великому Князю

Алексѣю Николаевичу.

ЧТЕНІЕ ПЯТОЕ.

Глава I.

Сношенія южно-русскихъ словянъ съ прибалтійскими. Ильменское словянство. Ростовско-Суздальскій край. Зарожденіе казачества въ южно-русскихъ степяхъ *).

Россія въ своей средней полосѣ, съ запада на востокъ, дѣлится двумя возвышенностями — Алаунскою, или Волжскою, и Донскою на двѣ, рѣзко отличныя между собою части: сѣверную—лѣсную и южную—полевую. Въ полевой, не исключая на этомъ пространствѣ и Волги, всѣ рѣки текутъ на югъ, за собою увлекая естественно и людскую жизнь, расположившуюся въ долинахъ, къ богатому, благодатному югу. Въ лѣсной рѣки текутъ на сѣверъ; и только та же Волга течетъ здѣсь съ запада на востокъ, привлекая къ себѣ, въ томъ же направленіи, свои притоки. Избытокъ словянскаго, южно-русскаго населенія тѣснился съ Днѣпра къ Дунаю,—и здѣсь исторія русскаго юга тяготѣла тоже на западъ Европы. Однако, теченіе мѣстныхъ рѣкъ шло навстрѣчу этому тяготѣнію: къ Днѣпру и Черному морю; почему здѣсь большой рѣчной дороги на западъ не было. Выше стѣной стояли, между востокомъ и западомъ, Карпат-

---

*) Источникъ: И. Е. Забѣлинъ: «Исторія Русской жизни». (Выписки).

скія горы; но по верховьямъ рѣкъ, берущихъ въ нихъ начало, существовалъ перевалъ сухимъ путемъ, изъ русскихъ рѣчныхъ областей въ рѣчныя области западнаго словянства. Намъ уже извѣстно, что Карпатскій хребетъ представлялъ изъ себя сосредоточіе всѣхъ словянскихъ племенъ. Съ него рѣки текутъ частью на юго-востокъ въ Черное море, частью на сѣверо-западъ въ Балтійское; причемъ верховья Днѣпра и Буга очень близко подходятъ къ верховьямъ притоковъ Вислы; а рядомъ съ нею на западѣ течетъ въ Балтійское море—Одеръ. Это двѣ важнѣйшія, словянскія рѣки Прибалтійскаго сѣверо-запада. На перевалѣ этомъ самой природой связанъ узелъ общей словянской жизни. На Черномъ морѣ хорошо знали, что въ Прибалтійскомъ краѣ живутъ свои же родные братья. Балтійскіе же поморяне имѣли, конечно, свѣдѣнія о томъ, что̀ происходитъ на дальнемъ словянскомъ юго-востокѣ, и не могли съ другой стороны не знать Балтійской дороги къ словянскому сѣверу. Мы такимъ образомъ получаемъ опредѣленный круговоротъ словянской жизни: Вислой и Одеромъ отъ Карпатъ къ Балтійскому морю; отгуда въ Нѣманъ на Западную Двину;—въ Неву на Волховъ и озеро Ильмень.

Сѣверная половина Русской страны, въ западномъ своемъ углу, представляетъ изъ себя область большихъ озеръ и морскихъ заливовъ. Здѣсь словянское населеніе сосредоточилось въ особую силу на озерѣ Ильменѣ: въ серединномъ мѣстѣ всего этого края. Какъ Кіевъ находится, такъ сказать, на устьѣ множества притоковъ Днѣпра, впадающихъ около него въ Днѣпръ: такъ и озеро Ильмень служитъ какъ бы однимъ широкимъ устьемъ для множества рѣкъ (по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ до 300-тъ), въ него

вливающихся. Естественно, что всѣ эти рѣки, притекавшія къ одному устью, связали и все мѣстное населеніе въ одно цѣлое, носившее собственно имя «словянъ». Надо думать, что здѣсь, на сѣверо-западѣ, оно получило свое начало, въ сосѣдствѣ съ нѣмцами, [какъ мы сказали уже,—«словесный» въ отличіе отъ «нѣмого»]. Новгородское словянство въ значительной долѣ включило въ себя, по всему вѣроятію, и поморскихъ словянъ, съ устьевъ Вислы и Одера, тѣснимыхъ съ запада саксонскимъ королемъ Генрихомъ Птицеловомъ (прозваннымъ такъ за свою страсть къ охотѣ на птицъ). Ихъ привлекала сюда также торговля мѣхами. Ильменская область, вмѣстѣ съ областью кривичей на Западной Двинѣ, тяготѣла естественно къ Балтійскому морю, а черезъ него—въ Западную Европу. Но этотъ путь къ западу былъ настолько тѣсенъ, извилистъ и неудобенъ, что былъ скорѣй не путемъ, а волокомъ въ Западную Европу, какъ бы окномъ, скоро совсѣмъ забитымъ для новгородскихъ словянъ ихъ западными врагами. Однако, для тѣхъ этотъ путь былъ тоже необходимъ, такъ какъ они черезъ посредство Ильменскихъ словянъ получали товары изъ внутреннихъ областей восточно-словянской, или иначе Русской страны. Въ Старой Ладогѣ, древнѣйшемъ поселеніи нашихъ словянъ, у входа въ Балтійское море, купцы европейскаго сѣвера не только получали мѣха, но сюда привозились и товары съ востока и съ юга, изъ Византіи, особенно—дорогія, цвѣтныя ткани и индійскія пряности.

1) Картина: Старая Ладога.

Въ Новгородѣ такіе товары могли появляться только посредствомъ его сношеній по Волгѣ—съ дальнимъ востокомъ и по Днѣпру — съ греческими городами.

Великій путь «изъ Варягъ въ Греки» существо-

валъ уже несомнѣнно въ VI столѣтіи: черезъ Западную Двину, или изъ Нѣмана черезъ Вилію (притокъ Вислы) въ Березину, со временъ Геродота долго считавшуюся началомъ рѣки Днѣпра. Но во II-мъ столѣтіи по Рождествѣ Христовѣ открытъ былъ дѣйствительный его истокъ съ Волжской, или Алаунской возвышенности.

Значитъ, по крайней мѣрѣ уже съ этого времени сталъ извѣстенъ путь съ озера Ильменя въ Византію. Онъ былъ проложенъ, а послѣ наторенъ, какъ уже привычная, постоянная тропа торговли между югомъ и сѣверомъ, ни кѣмъ инымъ какъ словянами, жившими по сторонамъ этого пути. Они повезли товары изъ Греціи и съ востока, — на потребу скуднаго, скандинавскаго сѣвера. Отсюда становится вполнѣ понятной тѣсная связь Новгорода и Кіева, существовавшая гораздо ранѣе новгородскаго князя Рюрика.

Кіевъ, возникшій на порубежной чертѣ Лѣса и Поля, дѣля собой Днѣпръ пополамъ между югомъ и сѣверомъ и составляя жизненный узелъ всего Днѣпровскаго семейства рѣкъ,—естественно долженъ былъ сдѣлаться складочнымъ мѣстомъ товаровъ, для торговаго сѣвера, изъ Кіева смотрѣвшаго уже прямо на югъ. Кіевъ доставлялъ сѣверу хлѣбъ, въ которомъ онъ сильно нуждался такъ же, какъ греческіе города на югѣ.

Путь отъ Ильменской стороны, не смотря на дальній обходъ по немъ, получилъ преобладающее значеніе передъ стариннымъ кратчайшимъ путемъ: Березинскимъ,—что̀ указываетъ на способность промышленнаго населенія дальнихъ озеръ и непроходимыхъ трясинъ къ веденію дѣла мирныхъ, торговыхъ оборотовъ.

Новгородъ, подобно Кіеву, является такимъ же

жизненнымъ узломъ рѣкъ, текущихъ съ Днѣпровской стороны къ сѣверу. Эти двѣ рѣчныя области отдѣляются другъ отъ друга только Волховскимъ лѣсомъ и Алаунской возвышенностью. Здѣсь открывалась нашимъ предкамъ-словянамъ прямая дорога по Волгѣ—на востокъ. Они двигались по ней, вѣроятно, въ очень давнія времена и съ верховьевъ ея—изъ Волховского лѣса; а съ юга отъ Днѣпровской Десны—по Окѣ, текущей въ среднюю Волгу, въ одномъ направленіи съ ея верхнимъ теченіемъ: на сѣверо-востокъ. Въ этомъ углу, между двухъ притоковъ: Оки и Волги,—рано образовалась область Ростовская. Названіе «Ростовъ» указываетъ на родство съ Днѣпровской Росью и ея притокомъ—Ростовицею. Такимъ образомъ русло Волги и Оки съ незапамятныхъ временъ сдѣлалось поприщемъ для предпріимчивости словянъ. Въ началѣ русской исторіи словяне, какъ намъ извѣстно, были уже свои люди и въ Камской Болгаріи, и въ устьяхъ Волги на берегахъ Каспійскаго моря. Ни гдѣ, какъ на Волгѣ, промышленныя силы народа не могли найти лучшаго мѣста для своихъ дѣйствій. Природа здѣсь, хотя не столь благодатная какъ на югѣ, но обезпечиваетъ вполнѣ всякій трудъ, особенно—промысловый. Естественныя богатства всего края: лѣсомъ, рыбою, лыкомъ и т. п.—самыя разнообразныя, а возможность скораго сбыта имъ предоставлена открытыми во всѣ стороны, многочисленными водными путями.

Въ очень давнюю пору здѣсь произошло смѣшеніе племенъ словянскихъ и части сарматскихъ россаланъ съ финскими племенами: веси, мери, муромы и мещеры—въ одно новое племя, которое впослѣдствіи стало именоваться «великорусскимъ». Позже пришедшіе сюда вятичи съ рѣки Оки, родимичи съ Сожи

и кривичи съ Западной Двины, вмѣстѣ съ словянами-новгородцами, составили одинъ народъ, претворившій мало-по-малу въ словянство все финское населеніе страны.

Такъ какъ въ Приволжскихъ мѣстахъ на земледѣліе надежда была небольшая,—не то что на югѣ, въ полѣ,—то весь умъ народный здѣсь обратился на обработку всякихъ другихъ даровъ природы, на все, въ чемъ нуждалось волжское населеніе. Цѣлыми деревнями здѣсь появились плотники, кузнецы, сапожники, огородники, мельники, лапотники, сундучники и другіе промышленники. Они кормились своей работой, и здѣсь сама собою образовалась для русскаго словянства такая школа, гдѣ могъ научиться всякому ремеслу тотъ, кто имѣлъ способныя руки. Торговая предпріимчивость возбуждалась накопленнымъ знаніемъ разнаго мастерства и заготовкой товара. Рабочія и купеческія артели мирно странствовали въ постоянныхъ поискахъ за работою и товаромъ, почему населеніе пріобрѣло особенную подвижность. Оно уходило изъ дому, въ силу необходимости, на какую-либо работу, торгъ или промыселъ. Такой образъ жизни и способъ кормленія развивалъ въ людяхъ, помимо особой ловкости и смѣтливости въ дѣлахъ, потребность порядка въ жизни и правильнаго устройства домашняго хозяйства. Эта, отъ Кіева отдаленная, русская область, получила названіе «Суздальской», по имени своего главнаго города, лежащаго на полъпути между Окою и Волгой, Суздаля. Какъ мы увидимъ дальше, Суздальская земля въ нашей исторіи, очень рано, безъ всякихъ воинственныхъ, грозныхъ походовъ, становится очень сильной и господствуетъ надъ остальными, сосѣдними княжествами, такъ что впослѣдствіи городъ Владиміръ въ ней провозгла-

шается однимъ изъ русскихъ великихъ князей,—хотя и на короткое время, до татарскаго ига,—столицей всего Русскаго государства. Сила Суздальской земли была силою промысла и работы, взявшая верхъ надъ владычествомъ одного меча.

Рядомъ съ Суздальской землей образовалось тоже въ давнія времена и другое словянское сосредоточіе на перевалѣ изъ средней Оки къ верхнему Дону: это была богатая и плодородная земля Рязанская, снабжавшая греческій югъ дарами своей природы. Хотя, при владычествѣ въ нашей странѣ мороза, зимою и умирала вся растительная жизнь страны, но зато во многихъ ея углахъ, особенно ближе къ сѣверу, оживали новою дѣятельностью люди. При морозѣ открывалась прямая дорога въ мѣста, до тѣхъ поръ недоступныя. Въ Новгородской области, напримѣръ, съ успѣхомъ нельзя было воевать иначе, какъ только во время крѣпкихъ морозовъ, въ глубокую осень, или въ теченіе зимы. Самый сборъ дани, начинаясь съ ноября, продолжался всю зиму. Тогда же открывались и ближайшіе торговые пути въ сѣверные, глухіе углы.

2) Картина: Ночью въ степи.

Такъ какъ въ степи все открыто и всякое движеніе видно, какъ на ладони,—то для кочевника единственнымъ способомъ спасенія отъ непріятельскаго преслѣдованія и обороны было нестись, скакать во весь духъ на конѣ, и конь былъ потому его лучшимъ другомъ. Кочевникъ считалъ беззаконіемъ запрягать хотя бы самаго плохого коня въ повозку. На это опредѣлены были издавна волы—друзья земледѣльца. Не даромъ мы постоянно находимъ въ могилахъ кочевыхъ народовъ коня, похороненнаго рядомъ съ своимъ владѣльцемъ.

Лѣса въ степи росли только на днѣ овраговъ и

проваловъ почвы, иначе—балокъ. Они покрывали собою низины широкихъ устьевъ Днѣпра, и на лѣвомъ его берегу здѣсь находилось мѣсто, сплошь покрытое лѣсомъ, а потому называвшееся по-гречески: Гилея; по-русски же: Олѣсье или Олешье. Такъ какъ въ знойныхъ степяхъ лѣсъ порождался влагою отъ разливовъ рѣкъ, то слово «лугъ» относилось къ нему на югѣ въ томъ же значеніи, какое имѣетъ на сѣверѣ, наоборотъ, совершенно открытое мѣсто, заливаемое водой. Пространство днѣпровскихъ разливовъ ниже пороговъ этой рѣки, еще теперь покрытое густымъ лѣсомъ, называлось: «Великій Лугъ». Тамъ образовалась позже Запорожская Сѣчь. Это лѣсное мѣсто вблизи устья Днѣпра съ незапамятныхъ временъ являлось какъ бы природнымъ казацкимъ гнѣздомъ. Оно безпрерывно возобновлялось постояннымъ приливомъ разныхъ людей со всѣхъ сторонъ, искавшихъ счастья, или защиты отъ жизненныхъ неудачъ. Опасность внезапныхъ набѣговъ среди чистаго поля дѣлала невольно воиномъ каждаго жителя этихъ мѣстъ, и онъ промышлялъ войной такъ же, какъ древніе степняки-кочевники. Южно-словянскіе земледѣльцы должны были жить всегда наготовѣ для встрѣчи врага, для защиты пашни своей и родной земли отъ хищныхъ кочевниковъ-инородцевъ. Очень естественно, что южно-русское населеніе, за неимѣніемъ никакихъ природныхъ преградъ, или предѣловъ для задержки врага, на иныхъ, наиболѣе бойкихъ мѣстахъ выставляло живую преграду изъ безшабашныхъ людей, всю свою жизнь отдавшихъ войнѣ среди чистаго поля. Въ иныхъ мѣстахъ населеніе, въ силу необходимости, становилось, такъ называемыми, казаками, т. е. почти такими же степняками-разбойниками, отъ которыхъ оно защищало болѣе сѣверныхъ мир-

3) Картина: На-сторожѣ.

ныхъ тружениковъ. Такъ появились на нашемъ югѣ дружины удальцовъ, собственно не принадлежавшихъ ни къ земледѣльцамъ, ни къ пастухамъ-кочевникамъ. Названіе свое эти дружины заимствовали отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они скоплялись. Такъ и образовались казаки Днѣпра, Дона, Кубани и Урала-Яика. Причемъ казаки за Днѣпровскими порогами само собою прозвались «запорожцами».

4) Картина: Позднѣйшіе запорожцы.

Прикарпатское населеніе очень рано сложилось въ дружины, по бытовому началу своему во многомъ уже походившія на запорожскихъ казаковъ. Война, какъ выгодный промыселъ, являлась первой основою для развитія казацкаго быта.

По описанію римскаго историка Плутарха, бастарны, обитавшіе на описанномъ уже нами пространствѣ юго-восточныхъ склоновъ Карпатъ, во II-мъ столѣтіи по Рождествѣ Христовѣ жили какъ истинные казаки.

Въ VI столѣтіи ихъ замѣнили словяне-анты, своимъ образомъ жизни очень похожіе на бастарновъ, такъ какъ его порождали условія данной мѣстности. По Черноморскому нашему югу,—отъ Днѣстра до Дона,—особенно же при устьѣ Днѣпра, постоянно скоплялись казацкія дружины, вслѣдствіе невозможности жить иначе, какъ только военнымъ промысломъ. Если въ горахъ пропитанія не давала сама земля, то въ степи не позволяла нигдѣ укрыться полная беззащитность отъ нападенія дикихъ кочевниковъ и всякихъ чужихъ пришельцевъ вообще. Спрятаться можно было здѣсь только при устьѣ Днѣпра и Дона, среди ихъ болотъ и лѣсовъ. Тутъ-то образовались, какъ мы сказали уже, сѣчи или осѣки казаковъ—Донскихъ и Запорожскихъ. Земледѣльческія словянскія племена, изъ себя выдѣляли избытокъ своего населенія, искавшій

5) Картина: Казаки, собирающіеся въ походъ.

корма и дѣла гдѣ-нибудь внѣ домашняго крова. Этотъ избытокъ спускался ближе къ морю, въ широкія степи; охотился за звѣремъ и вступалъ въ борьбу со степными врагами, ему преграждавшими путь къ рыбной ловлѣ или къ приморскимъ солянымъ промысламъ. Здѣсь образовались особыя рыболовныя и охотничьи станицы, въ силу необходимости выставлявшія казацкія дружины для безопасности своихъ промысловъ. Промыслы эти къ себѣ привлекали со всѣхъ сторонъ много всякихъ людей, и вокругъ нихъ самъ собою образовался казацкій, крѣпкій, дружинный бытъ. Соединяясь въ союзы, казацкія дружины дѣлались грозными для сосѣдей. Промыселъ рыболовный и охотничій превращался легко въ промыселъ хитраго и внезапнаго нападенія на богатыя приморскія страны для разбойной добычи золота и выгодныхъ, ради выкупа, плѣнниковъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, собою казаки все-таки защищали мирныхъ промышленниковъ и земледѣльцевъ; дѣлали, благодаря военной силѣ своей, возможными спокойный трудъ при ловлѣ рыбы и добываніи соли на берегахъ Азовскаго моря. Византійцамъ казацкія дружины, конечно, всегда казались ордой кочевниковъ. Между тѣмъ, хитрости и опасности войны воспитали въ нашей приморской южной Украйнѣ совсѣмъ особые нравы, пороки и добродѣтели, такъ что здѣшнее населеніе отъ нихъ получило обликъ совсѣмъ особенный, не похожій на обликъ другихъ словянъ. Въ немъ развилась выдающаяся, беззавѣтная храбрость; искусство ловить людей живьемъ, спрятавшись ловко въ травѣ или кустарникѣ; изворотливость въ хитрыхъ способахъ обмануть врага и т. д. Высылая дружину за дружиною черезъ Дунай въ Византію, прикарпатское, черноморское племя словянъ, сильно ее тѣснившее подъ именемъ антовъ и гун-

новъ Кутургуровъ отъ конца V-го до VII вѣка,—въ концѣ VII столѣтія садится на постоянное поселеніе въ греческихъ земляхъ, гдѣ образуетъ нѣсколько словянскихъ царствъ: Булгарское, Сербское и Хорватское.

Такимъ образомъ отъ Новгородскаго сѣвера до Черноморскаго и Каспійскаго юга, на западъ отъ Уральскихъ горъ до границы Германіи, наша равнина съ глубокой древности была заселена—гдѣ гуще, гдѣ еще рѣдко,—словянами, въ себѣ претворившими здѣсь чужую, инородную примѣсь людей другой, не словянской крови. Погромъ Великой Моравіи былъ большимъ несчастьемъ для словянскаго міра. Водвореніе инородцевъ посреди словянскихъ земель раздвоило соединенныя силы словянъ на двѣ части и тѣмъ ослабило мощь ихъ сопротивленія нѣмцамъ, а впослѣдствіи овладѣвшимъ Византіею туркамъ. Съ возникновеніемъ Венгерскаго королевства на мѣстѣ древней Панноніи, историческая жизнь словянскихъ земель разошлась въ двухъ разныхъ направленіяхъ: южные сербы, болгары, черногорцы и Русь примкнули въ своемъ государственномъ и религіозномъ развитіи къ Византіи; а юго-западные словаки, хорваты, моравцы и сѣверо-западные словяне, по рѣкѣ Эльбѣ чехи и прибалтійскіе поморяне — венеды, съ Польшей,—на себѣ испытывали вліяніе римско-германской образованности. Подъ предлогомъ введенія христіанства нѣмцы къ себѣ отъ словянъ оттянули обширныя страны, искоренивъ тамъ совсѣмъ словянскій языкъ и словянскіе обычаи. Въ областяхъ сѣверныхъ словянъ, составлявшихъ прежде часть Польши, выросло Прусское королевство съ его столицей Берлиномъ.

Глава II.

И. Е. Забѣлинъ *) о родовомъ бытѣ древнихъ русскихъ словянъ. Начало волости, городства, княжеской власти, бояръ и дружины. Начало хозяйственной собственности и завоеваній новыхъ земель. Сборъ дани. Богатыри.

Главною и самою существенною основою древняго русскаго быта было—владѣніе родомъ и жизнь родомъ, т. е. каждый жилъ особо со своимъ родомъ, на своихъ мѣстахъ, и каждый владѣлъ родомъ своимъ особо, причемъ выраженіе «княжить» значило не болѣе, какъ исполнять родовую волю, т. е. дѣлать то, что̀ повелѣвали уставы, обычаи и порядки рода. Родъ—это совсѣмъ не то же самое, что̀ семья. Семья составляетъ только корень каждаго рода; затѣмъ она исчезаетъ во многихъ своихъ развѣтвленіяхъ и становится родомъ въ смыслѣ рожденія, колѣна, племени. Въ наше время, при сильномъ развитіи быта общественнаго и государственнаго, въ дѣйствительности существуютъ только семья и общество; родичи же совсѣмъ теряются, уходя отъ семьи въ общество. Теперь люди, интересующіеся своимъ родомъ, его ищутъ, собираютъ и возстановляютъ въ семейныхъ книгахъ, отъ перваго его корня. Лѣтопись же наша совсѣмъ не знала ни общества, ни семьи, какъ для исторіи незамѣтной, малой частицы рода; она знала только лишь цѣлый, отдѣльный родъ, какъ единственную основу древняго общежитія. Подумавъ о беззащитности первобытнаго человѣческаго существованія и разнообразныхъ его напастяхъ, грозившихъ со всѣхъ сторонъ обособленному лицу,—легко понять, что всѣ

*) Забѣлинъ: «Исторія Русской жизни». (Выписки).

Собственность Т. П. Мятлевой.

Священный дубъ на островѣ св. Георгія. *(Къ 47 стр.)*

Собственность Т. П. Мятлевой.

Хазары при помощи греческихъ мастеровъ строятъ крѣпость Саркелъ на Дону. *(Къ 40 стр.)*

родичи тѣсно соединились въ единую общину родной крови, дабы имъ стать жизненной силой, способной защитить членовъ одного рода отъ окружающихъ ихъ опасностей и одолѣть тѣ великія трудности, которыми въ древности былъ обставленъ со стороны людей и природы каждый шагъ человѣка. Только лишь подъ охраною сплоченнаго между собою цѣлаго рода, — отдѣльная личность въ древности могла себя чувствовать самостоятельной, независимой и, слѣдовательно, свободной. Тѣ обезпеченія, коими человѣкъ пользуется теперь, подъ кровомъ государства и общества, въ древнія времена сосредоточивалъ въ себѣ только родъ, какъ бы являясь естественнымъ первообразомъ государства. Но это былъ только еще животный обликъ низшихъ, себялюбивыхъ, природныхъ чувствъ, безъ руководства высшаго разума и развитыхъ душевныхъ потребностей. Вотъ почему правдивый нашъ лѣтописецъ Несторъ и говоритъ о всѣхъ племенахъ словянскихъ, кромѣ полянъ, болѣе мягкихъ нравами, — что они жили по-скотски, звѣринымъ образомъ, убивали другъ друга и, вмѣсто обставленныхъ по-людски, узаконенныхъ, хотя по-языčески, браковъ, сходились на игрища для плясанія и всякихъ бѣсовскихъ пѣсенъ,—по выраженію лѣтописца,—чтобы похищать здѣсь себѣ по нѣскольку женъ послѣ взаимнаго совѣщанія. Кромѣ того, за недостаткомъ женщинъ въ замкнутомъ кругу рода, — ихъ уводили особенно охотно въ плѣнъ такъ же, какъ и дѣтей. При такихъ дикихъ условіяхъ жизни на родовомъ корню, конечно, не могло образоваться семьи, какъ мы ее понимаемъ. Тогда добродѣтели и пороки опредѣлялись требованіями рода и отличались отъ добродѣтелей нашихъ на пользу общества или же своего

внутренняго совершенства. Объ этомъ свидѣтельствуетъ донынѣ существующій у дикихъ племенъ обычай кровавой мести за смерть каждаго члена одного рода. Родовой бытъ словянъ не надо смѣшивать съ такъ называемымъ и напримѣръ выступившимъ на первое мѣсто въ библейскихъ нравахъ патріархальнымъ бытомъ. Въ ней патріархъ, праотецъ,—какими являлись Ной, Авраамъ, Іаковъ,—имѣлъ во всемъ родѣ высшее законодательное значеніе и единоличную власть, уничтожавшую значеніе рода. Словяне же, въ древнихъ преданіяхъ о первыхъ строителяхъ своего быта, начинаютъ ихъ не съ одного обожествляемаго на азіатскомъ востокѣ лица—отца (патріарха), а всегда—съ «трехъ братьевъ», чѣмъ выражается явно, что въ ихъ понятіяхъ господствуетъ надъ родовою жизнью не одинъ древній родоначальникъ, а только родъ, въ его цѣломъ. Такъ наша лѣтопись, говоря о первоначальномъ бытѣ полянъ, разсказываетъ, что они жили, каждый родомъ своимъ, на своихъ мѣстахъ,—и начинаетъ повѣствованіе о трехъ братьяхъ: Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, причемъ каждый братъ сидѣлъ на особой горѣ Кіевской мѣстности. Во имя старшаго брата Кія, на его горѣ, они построили городокъ Кіевъ.

Преданіе новгородское о началѣ Русской земли тоже приводитъ въ своемъ основаніи трехъ братьевъ: Рюрика, Синеуса и Трувора. Значитъ, словянскій родъ, въ древнѣйшемъ корнѣ своемъ, былъ родомъ братьевъ, а не отца, почему въ древнемъ русскомъ престолонаслѣдіи мы замѣчаемъ, что званіе великаго князя Кіевскаго по праву должно было переходить всегда не къ старшему сыну его, а къ брату; къ дядѣ, а не къ племяннику. До сихъ поръ сохранилась въ народѣ пословица: «Одинъ сынъ—не сынъ; два

сына—полъ сына; три сына—сынъ». По этому видно, что три сына, три брата составляли основное понятіе словянъ о родѣ. Четвертый сынъ становился уже на ряду со старшимъ племянникомъ, т. е. первенцомъ брата. Самое слово «племянникъ» показываетъ, что эта степень потомства уже переходила изъ семьи въ племя. Имѣвшій большое значеніе среди русскихъ знатныхъ людей и очень строгій у нихъ разсчетъ почетныхъ мѣстъ за княжеской трапезой велся такъ, что три старшіе сына трехъ старшихъ братьевъ изъ поколѣнія въ поколѣніе между собою были на ряду братьевъ, тогда какъ младшіе братья назывались вообще всѣ, въ такомъ же порядкѣ, племянниками. Такъ что всѣ родовыя колѣна являлись въ сущности колѣномъ братьевъ. Въ старшемъ порядкѣ были они: отцы, дядья. Въ младшемъ же: сыновья, племянники. Старшій братъ,—родоначальникъ, въ своемъ домашнемъ быту, у своего семейнаго очага, съ двумя нисходящими поколѣніями жившихъ еще при немъ сыновей и внуковъ, подъ кровомъ имъ же устроеннымъ,—имѣлъ полную власть отца; но внѣ дома становился въ ряды другихъ домохозяевъ, какъ простой, равноправный братъ. Хотя самый старшій братъ во всемъ роду и пользовался почетомъ и пріобрѣталъ значеніе отца для остальныхъ родовыхъ старшихъ братьевъ, значеніе старшаго дяди для племянниковъ; но тѣмъ не менѣе онъ оставался все-таки по отношеніямъ родства—братомъ и дядей, слѣдовательно,—никогда не единовластнымъ и своевольнымъ отцомъ, патріархомъ. Другіе братья постоянно стремились всячески ограничить преобладающее значеніе его первенства и выдвигали впередъ свое братское равенство. Такимъ образомъ старшій братъ-родоначальникъ отецъ въ своихъ распоряженіяхъ и предпрія-

тіяхъ всегда зависѣлъ отъ общаго совѣта братьевъ, если и не всѣхъ родичей, включая младшихъ племянниковъ. Отсюда возникли вѣчи, т. е. общія сходки всѣхъ членовъ рода при представительствѣ братьевъ. Здѣсь обнаруживалась обыкновенно очень бурно и рѣзко родовая вражда съ борьбою разныхъ понятій о родовомъ имуществѣ, порождая острые споры о мелочахъ повседневной жизни. По праву братскаго равенства братскій родъ въ иныхъ случаяхъ старшинство надъ собою передавалъ не старшему въ родѣ, а способнѣйшему быть старшимъ, т. е. охранять порядки, обычаи и выгоды рода. Хотя владѣніе землей со всѣми ея угодьями принадлежало всему роду вообще, но дѣйствительными распорядителями земли являлись владѣвшіе ею по ровну братья. Племянники пользовались землей по волѣ и произволу дядей. Таковъ былъ общій, земскій порядокъ жизни. Собраніе членовъ рода на какой-нибудь праздникъ называлось «братчиною», круговая чаша съ виномъ на славянскихъ пиршествахъ—«братиною», а тѣсная дружба между двумя словянами—«побратимствомъ». Тутъ мы видимъ союзъ не позднѣйшаго людского общества, состоящаго изъ отдѣльныхъ, обособленныхъ семей и самостоятельныхъ личностей, а родственниковъ по крови и одному общему происхожденію. Каждая личность находится въ полной зависимости отъ рода, причемъ родовая степень опредѣляетъ ея достоинство, ея право и обязанности. Личность, не связанная ни съ кѣмъ родствомъ, личность безродная называлась въ родовомъ союзѣ «сиротою» и за неимѣніемъ родового корня занимала самую низменную, послѣднюю степень словянскаго общежитія. Такимъ образомъ вся словянская земля состояла изъ отдѣльныхъ родовыхъ круговъ, соединен-

ныхъ лишь племеннымъ единствомъ, такъ какъ каждый жилъ со своимъ родомъ на своемъ мѣстѣ, не подчиняясь кромѣ своего родового союза никакимъ инымъ связямъ, или союзамъ. Однако, новая ступень развитія человѣческаго общественнаго устройства, способная вывести на новое поле дѣйствій, не заставила себя ждать.

Лѣтописецъ говоритъ, что три кіевскіе брата сидѣли каждый на своей горѣ, но что потомъ во имя старшаго брата они построили городокъ. Повѣствуя о разселеніи словянскихъ племенъ, наша лѣтопись употребляетъ всегда одно выраженіе: «пріидоша, сѣдоша»—по Днѣпру, по Деснѣ, около озера Ильменя и т. д. А затѣмъ: «сдѣлали себѣ городъ». Значитъ, сначала сѣли по мѣстамъ, т. е. поселились деревнями и селами; послѣ чего уже поставили себѣ городъ.

Городъ въ основномъ смыслѣ означаетъ собственно гору вокругъ жилья, или земляной валъ. Такой смыслъ съ первоначальнаго землянаго вала, земляныхъ стѣнъ, или насыпи, перенесенъ былъ на стѣны деревянныя. Городъ былъ деревянный, или же каменный. Прежде всего онъ являлся крѣпкимъ гнѣздомъ, гдѣ родовая жизнь находила себѣ охрану отъ всякихъ внѣшнихъ враговъ. Число, а также скученность городковъ въ той или другой мѣстности зависѣли вполнѣ отъ дробности родовыхъ союзовъ, раздѣльности въ ней племенъ инородцевъ. Каждый людской союзъ при ихъ враждебности и несогласіи въ древнія времена, а у словянъ въ особенности, отгораживался отъ другихъ сѣтью городковъ, или остроговъ. Такимъ образомъ по остаткамъ древнихъ городищъ можно легко обозначить предѣлы древнѣйшихъ областей Русской земли. Уже одно начало

родовой независимости необходимо требовало, чтобы независимость эта была охранена и защищена на самой родовой землѣ прочнымъ окопомъ. Окопъ этотъ собой выражалъ ясно внутренній смыслъ и содержаніе родовой жизни. Въ немъ каждый родъ-племя находилъ полное удовлетвореніе своимъ потребностямъ и земельнымъ нуждамъ. Необходимость устроить на мѣстѣ поселенія городокъ являлась въ то время, когда отдѣльный родъ распространялся въ цѣлый союзъ родовыхъ семей и получалъ значеніе земельной единицы по занимаемому имъ пространству земли. Тогда городокъ выстраивался для общихъ родовыхъ нуждъ, съ такой же цѣлью, съ какой отдѣльная семья основывалась въ избѣ и образовывала собою дворъ. Она, отъ себя отдѣляя новыя семьи, дѣлалась постепенно союзомъ семей и вмѣстѣ съ тѣмъ появлялось, связанное родствомъ, собраніе дворовъ, выражавшихъ хозяйственную самостоятельность каждаго ихъ владѣльца на равныхъ братскихъ правахъ съ остальными членами рода. Такъ получался поселокъ, или деревня. Если онъ расположился на мѣстѣ пустомъ, еще никѣмъ не занятомъ, и никакой опасности отъ врага не угрожало въ сосѣдствѣ,—то для защиты такого поселка отъ дикихъ звѣрей достаточно было его окружить обыкновеннымъ тыномъ, или плетнемъ. Шагъ за шагомъ, обособлявшіеся члены рода шли въ разныя стороны избранной ими мѣстности, ища для новаго поселенія удобныхъ и свободныхъ земель. Поселки, соединенные неразрывно своей принадлежностью къ одному родовому корню, дѣлались союзомъ селъ, и такимъ образомъ родною кровью опредѣлялись предѣлы владѣній одного рода. Въ этихъ предѣлахъ земля получила названіе волости, какъ подчиненная одной власти родоначальника, т. е.

старшаго брата, въ самомъ старомъ, впервые пришельцами заселенномъ, поселкѣ. Поселки, какъ люди по своему населенію, не смотря на братское равенство ихъ въ хозяйственномъ отношеніи, могли быть старшіе или великіе,—гдѣ жили старики,—и младшіе, вновь образованные молодыми родичами.

Въ волости, какъ въ совокупности многихъ отдѣльныхъ поселковъ, необходимо долженъ былъ существовать такой поселокъ, который служилъ бы сосредоточіемъ и охраной жизни всѣхъ остальныхъ. Въ такомъ старшемъ поселкѣ, подъ руководствомъ старѣйшинъ, происходили не только вѣча, т. е. общія сходки, но и годовыя собранія для отправленія общихъ языческихъ празднествъ. Къ нему не только лишь за судомъ и правдой тянулись родичи со всѣхъ сторонъ, но единеніе рода на одномъ корнѣ связывало въ одинъ узелъ и потребность общей защиты отъ нашествія инородцевъ, а также отъ внутреннихъ, родовыхъ неурядицъ. Потому на случай опасности волость общими силами строила «городокъ». Если же первоначальная семья занимала мѣстность въ чужомъ, враждебномъ краю, то она, конечно, спѣшила сейчасъ же, въ возможно скоромъ времени, укрѣпить свою землю городомъ,—и тогда это крѣпкое мѣсто перваго поселенія становилось настоящимъ родоначальникомъ для всѣхъ другихъ поселеній того же края. Волость потому называлась волостью, что въ средѣ ея населенія ходила одна власть, въ широкомъ смыслѣ принадлежавшая всему роду, но сосредоточенная въ рукахъ старшихъ его представителей.

Всякая власть необходимо требуетъ твердой защиты для обезпеченія своихъ незыблемыхъ правъ и въ огражденіе свободы своихъ независимыхъ дѣйствій, крѣпкое и сохранное мѣсто противъ вторженія враговъ,

6) Картина: Старый русскій городъ-крѣпость.

или буйствъ собственныхъ родичей. А потому городокъ вообще представлялъ изъ себя въ общемъ щитъ, или защиту, сосредоточенную въ рукахъ волостныхъ людей. Т. е. въ городѣ жилъ родовой князь: старшій братъ великаго поселка, великій князь со своими думцами и сторожа, т. е. охранители города, защитники той страны, гдѣ построился городъ. Они составляли между собою военный союзъ, или дружину.

Единственный первобытный способъ спасенія отъ врага состоялъ во временномъ бѣгствѣ съ насиженнаго поселенія въ мѣста, самой природою защищенныя отъ враждебнаго нападенія, какъ-то: лѣса, болота и крутизны среди овраговъ. Но скоро мирные жители сообразили, что гораздо надежнѣе прятаться въ мѣстѣ, заранѣе избранномъ и приспособленномъ собственно для обороны такъ же, какъ для сохраненія своего имущества. И тогда начали сооружать укрѣпленія въ скрытыхъ и неприступныхъ мѣстахъ. Такія мѣста назывались у финновъ твердями и осѣками. Но они людямъ служили только въ минуту опасности, и не было въ нихъ постоянной стражи. Городокъ тѣмъ отличался отъ тверди, что охраняемъ былъ постоянной стражей. Когда словяне встрѣчались съ финнами, разселяясь по всей Россіи съ плугомъ, сохой и косою, то тѣ уступали имъ свои земли почти безъ сопротивленія, во-первыхъ, не будучи вовсе воинственными, а во-вторыхъ, легко мѣняя мѣста своего поселенія, какъ бродячіе, безпріютные звѣроловы. Потому для удержанія за собой финскихъ земель словянамъ требовались городки далеко не въ томъ количествѣ, въ какомъ мы встрѣчаемъ ихъ по всей исконно-русской странѣ. Промыселъ и торговля больше всего нуждались въ защитѣ и охранѣ своихъ добычъ, а потому бѣжали подъ защиту городка

скорѣе другихъ и селились вблизи него. Извѣстно, что накопленное богатство требуетъ постоянной заботы объ его охраненіи. Богатство торговаго человѣка заключалось въ его товарѣ. Товары больше всего нуждались въ крѣпкомъ, сохранномъ мѣстѣ, и торговые люди, тѣснясь вокругъ него, естественно его держали всегда готовымъ къ оборонѣ. Земледѣльцы, имѣющіе свое богатство въ нивѣ, засѣвши отъ враговъ въ городкѣ и выдержавъ осадное время, потомъ уходили, конечно, снова къ своему полевому труду. Помимо того каждый размножившійся родъ, родовая волость, постройкою городка придавали себѣ особенное значеніе въ глазахъ сосѣдей и своихъ собственныхъ. Каждый отдѣлившійся родовой участокъ изъ нѣсколькихъ поселковъ, поставившій себѣ свой особый городъ, пріобрѣталъ тотчасъ же самостоятельное положеніе передъ своимъ родовымъ корнемъ. Скученность городковъ по нѣкоторымъ мѣстамъ объясняется больше всего именно отдѣленіемъ новыхъ вѣтвей отъ коренной волости—матери. Вотъ почему понятіе о городѣ всегда совпадало съ понятіемъ о волости, и города безъ волости не существовало такъ же, какъ волость едва ли могла бы существовать безъ своего особаго городка. Однако, нарождавшіеся въ нѣдрахъ матери своей—старшей родовой волости родовые участки, устраивая свои новые городки, по молодости не пользовались равнымъ съ нею значеніемъ, именуясь не городами, а пригородами, иначе сказать—дѣтьми старшаго города.

Такимъ образомъ нарожденіе новыхъ волостей и новыхъ городовъ не измѣняло общаго понятія о волости. Однако, такія большія, сильныя волости, конечно, дѣлались цѣлыми областями. Такъ какъ городокъ строился главнымъ образомъ для помѣщенія

въ немъ во время опасности женщинъ, дѣтей и стариковъ, для сохраненія скота и всего имущества,—то потому его объемъ и просторъ зависѣлъ отъ многолюдства всей родовой округи. Однако, онъ не занималъ пространства болѣе, чѣмъ въ полторы десятины. Совершенно неправильно мнѣніе, будто древній русскій городъ былъ ни что иное, какъ огороженная деревня. Деревня имѣла свое особое, строго опредѣленное назначеніе—пашни, сѣнокоса, двора, т. е. избы, огороженной со своими хозяйственными пристройками по-деревенски плетнемъ, заборомъ,—и въ своей обстановкѣ служила всегда однимъ только выраженіемъ своего чисто сельскаго быта; тогда какъ деревня, строющая для себя земляной окопъ, стѣны и выбирающая для этого особое мѣсто со всѣми выгодами крѣпкой защиты, такая деревня влечется къ новому дѣлу, совсѣмъ съ иными задачами жизни. Она возводитъ естественно деревенскій бытъ въ новый порядокъ людскихъ отношеній, для новыхъ цѣлей—защиты. А городъ, какъ ея главное сосредоточіе, становится въ силу этого сосредоточіемъ жизни совсѣмъ иной, чѣмъ жизнь деревни.

Когда вѣтви одного рода, поставившаго себѣ городокъ, не были еще очень многочисленны, то защитниками его явились люди, другъ другу близкіе. Но когда родъ съ размноженіемъ своихъ вѣтвей становился большою волостью и родичи отъ началъ своего рожденія расходились далеко въ разныя стороны, такъ что родовая, кровная связь выражалась лишь въ братскомъ равенствѣ всѣхъ поселковъ,—то защитники родовой твердыни представляли изъ себя хотя и происшедшихъ отъ одного общаго корня, но разнородныхъ по своему образу жизни людей, вдали другъ отъ друга ставшихъ почти чужими. Горожане

такого города, какъ и ратные люди, собирались, конечно, уже не по степенямъ своего родства, а отъ всѣхъ поселковъ родовой волости, составившей городъ для собственной своей защиты, съ выборомъ только способнѣйшаго къ ратному дѣлу воина, или защитника; такъ же, какъ при постройкѣ города каждый поселокъ долженъ былъ отъ себя поставить умѣлаго и опытнаго работника. Въ городѣ, стало быть, встрѣчались между собою люди разныхъ поселковъ,—не свои, а «другіе» для каждаго горожанина, и такимъ образомъ здѣсь сошелся союзъ друзей, товарищей, потому получившій наименованіе дружины, а отношенія родства замѣнились общественными отношеніями, т. е. вмѣсто «рода», далеко разошедшіеся и съ корнемъ своимъ порвавшіе всякія близкія связи равноправные члены его, соединенные въ городѣ одинаковыми, но совершенно новыми, не родовыми цѣлями, — въ силу вещей составили уже общество. Понятіе о другомъ, о «другѣ», не допускало уже никакихъ степеней родства и крови; дружина не раздѣлялась на старшихъ и младшихъ въ родовомъ смыслѣ. Однако, какъ сосредоточіе дружиннаго быта, городъ необходимо долженъ былъ въ точности опредѣлить положеніе и мѣсто каждаго лица, приходившаго на его защиту. Боевые ряды послужили здѣсь основаніемъ для рядовъ дружинныхъ и раздѣлили людей уже по сословіямъ. На боевомъ полѣ первымъ лицомъ былъ князь, такъ какъ онъ строилъ полки и велъ ихъ въ битву. Потому первымъ лицомъ являлся онъ и въ городѣ. Въ глубокой древности словомъ «князь» обозначалась родоначальная власть, но въ IX-мъ вѣкѣ оно уже получило болѣе общій, широкій смыслъ. Только съ устройствомъ города князь начинаетъ княжить въ полномъ

значеніи этого слова. Въ каждомъ городѣ былъ свой князь, какъ творецъ суда и расправы, первый защитникъ отъ всякихъ враговъ. За нимъ слѣдовали «передніе мужи», составлявшіе на боевомъ полѣ передніе ряды самыхъ надежныхъ людей совершеннаго возраста: смѣлыхъ и опытныхъ. Они показывали другимъ примѣръ отваги и первыми бросались въ бой, были собственно людьми «боя»—боярами. Имѣя такимъ образомъ въ своихъ рукахъ самое важное по тому времени боевое дѣло защиты земли,—очень естественно, что бояре стали передовыми людьми и во всѣхъ другихъ житейскихъ отношеніяхъ. Тѣмъ болѣе, что это званіе пріобрѣталось только личной заслугой, личною доблестью, а не наслѣдственно. За передними мужами, людьми совершеннаго возраста, или отцами по родовому устройству, конечно, шли дѣти ихъ, родовая молодежь, за собой удержавшая названіе отроковъ, а также «пасынковъ», что̀ указываетъ уже не на кровное, а лишь союзное родство. Весь составъ младшей дружины въ позднѣйшее время зовется «дѣтьми боярскими», и дѣйствительно наши далекіе предки съ отроческихъ лѣтъ начинали свою боевую жизнь. Князья съ 12-ти лѣтъ самолично водили полки въ битву. Далѣе мы увидимъ тому примѣры. Дѣти бояръ, т. е. первыхъ, доблестныхъ мужей города, пользуясь славой своихъ отцовъ, сами должны были составить особый знатный слой военной дружины среди остального населенія города. И они назывались гридною. На княжескомъ дворѣ была особая комната—«гридница», гдѣ собирались «гридни», т. е. княжескіе тѣлохранители, значитъ, какъ бы «придворные» или «дворяне». Однако, этотъ второй слой военной дружины шелъ всегда вмѣстѣ, хотя бы и впереди, со слоемъ купцовъ и самое слово

«гридь» обозначаетъ городовую военную общину, городовую дружину. Гридницею называлась также обширная горница, гдѣ собирались горожане для совѣщанія суда, или праздничныхъ пиршествъ, даваемыхъ всей дружинѣ княземъ. Она была нѣчто въ родѣ нынѣшней мірской сборной, иначе судной, деревенской избы...

Мы помнимъ, что въ числѣ первыхъ причинъ, побудившихъ волость поставить себѣ городокъ, стоялъ торгъ и промыселъ, крайне нуждавшійся въ охранѣ своихъ товаровъ. Потому рядомъ съ первыми людьми боевого поля въ городѣ стали первые люди мирнаго торга и промысла. Къ тому же они въ древнія времена часто соединялись въ однихъ и тѣхъ же лицахъ. Купеческое сословіе въ каждомъ городѣ составляло великую силу, нисколько не меньшую передъ силой боярства и всей военной дружины. Торговый, промышленный людъ, селившійся подъ защитою города, конечно, долженъ былъ нести тягости городовой защиты, и кто селился въ городѣ, тотъ становился обязательно ратникомъ.

Всѣ горожане, купцы и промышленники по отношенію воинской своей повинности дѣлились на десятки и сотни, — какъ по числу отдѣльныхъ хозяевъ, такъ и по роду занятій. Въ этомъ мы видимъ явную перемѣну счетовъ родства на счеты общества. Десятскій былъ старшимъ, или же старостой надъ своимъ десяткомъ; сотскій—надъ сотнею.

Когда же съ размноженіемъ населенія выросла необходимость особаго старшинства надъ сотскими и десятскими, то такимъ старшиною явился тысяцкій, въ смыслѣ не точнаго, но вообще наибольшаго количества населенія. Въ своемъ настоящемъ значеніи онъ былъ собственно воевода—старшій изъ бояръ:

градодержатель и представитель всего гражданства въ полномъ его составѣ. Расширеніе малаго городка въ большой городъ, конечно, во-первыхъ, зависѣло отъ условій мѣстности, гдѣ онъ сначала выстроился. Въ глухомъ углу онъ такъ и оставался потаенной твердыней, какую себѣ сооружало древнѣйшее словянство. Но городокъ, поставленный на перекрестномъ пути для всего окружнаго населенія на верховьяхъ сколько-нибудь значительной рѣчной области, или при устьѣ большихъ судоходныхъ рѣкъ, дѣлаясь неизбѣжно сосредоточіемъ торговыхъ связей всего прилежащаго населенія, самъ собой становился преобладающимъ надъ сосѣдними городками,—большимъ многолюднымъ городомъ, такъ какъ въ себѣ собиралъ силы цѣлаго племени.

7) Картина: Старый русскій городъ въ X вѣкѣ.

Когда построенный на выгодномъ мѣстѣ маленькій городокъ привлекалъ къ себѣ промышленныхъ людей со всѣхъ сторонъ, то вокругъ его стѣнъ сейчасъ образовывались слободки, т. е. ряды избъ, стоявшихъ на волѣ среди поля и населенныхъ людьми свободными отъ городского тягла, т. е. не обязанными никакою службою городу. Впослѣдствіи такія слободки, конечно, примыкали къ самому городу и, составляя его концы, начали называться посадами, т. е. сплошнымъ сидѣньемъ вокругъ города. Тогда вблизи тѣсно замкнутаго военнаго гнѣзда развивалась дѣйствительная гражданственность, т. е. тогда какъ въ стѣнахъ городка военное ремесло было обязательнымъ для каждаго гражданина, въ посадѣ военная жизнь занимала второе мѣсто и подчинялась требованіямъ посада. Въ городѣ все-таки собирались жители одной и той же волости, слѣдовательно—одного рода; въ посадѣ же соединялось населеніе смѣшанное въ широкомъ смыслѣ, что было необходимо для

8) Картина: Древній русскій воинъ.

могущественнаго развитія торговаго и промышленнаго городского быта. Тотъ городъ, гдѣ смѣшеніе населенія было сильнѣй и многообразнѣе, скорѣе становился могущественнымъ и богатымъ, распространяя свое могущество на всю страну. Такими первыми городами въ Россіи явились: Кіевъ и Новгородъ. Такимъ образомъ посадъ возлѣ военнаго гнѣзда разводилъ гнѣздо торговое и промышленное. Боярство въ общемъ смыслѣ военной дружины и купечество въ общемъ смыслѣ дружины торговой и промышленной послужили естественными основами для дальнѣйшаго развитія городского быта, гдѣ родовое начало жизни вполнѣ уступило мѣсто началу общественному.

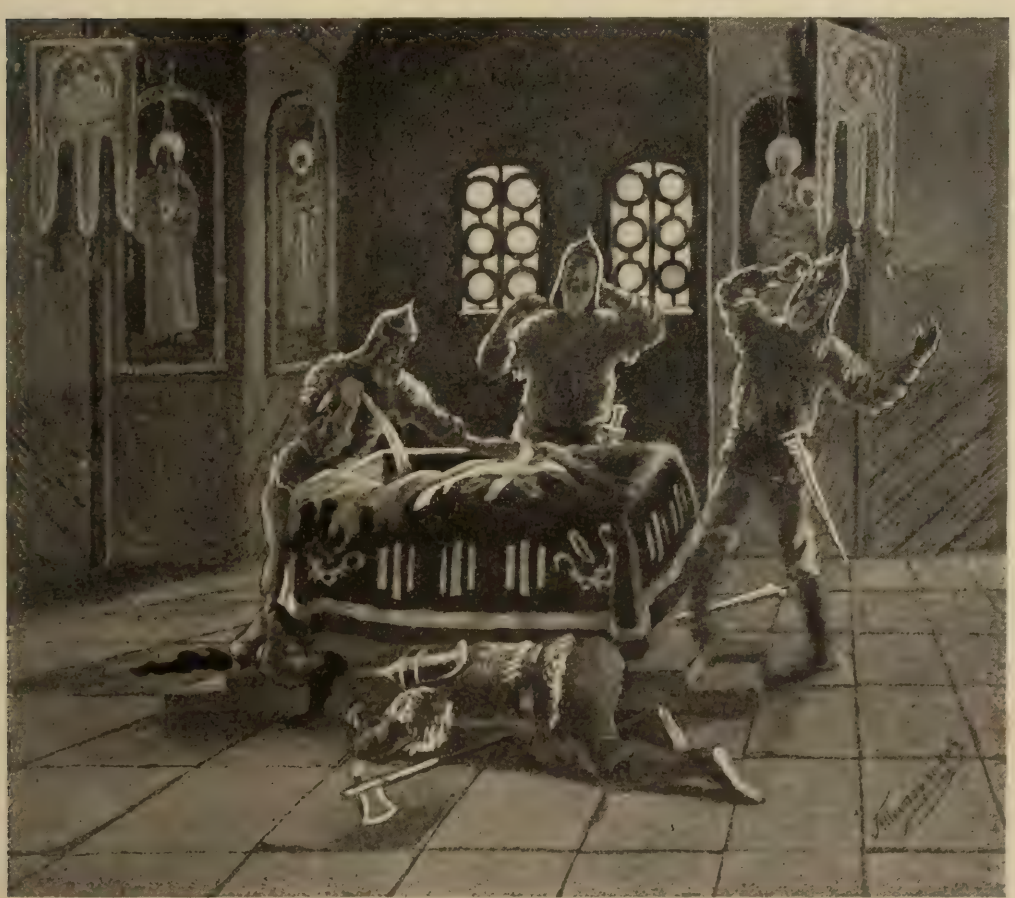
Такъ какъ городокъ былъ необходимой потребностью родовой волости, то понятно, что собравшуюся въ немъ дружину должна была кормить и поддерживать такъ же волость,—такъ же, какъ она должна была строить и во всѣхъ отношеніяхъ поддерживать военное свое гнѣздо. Здѣсь лежитъ основаніе права позднѣйшаго кормленія городовъ принадлежавшими къ нимъ волостями и землями,—такъ же, какъ и обязанности совершать городскія постройки волостными людьми. Построеніе городовъ князьями всегда отвѣчало существеннымъ потребностямъ волостной жизни.

Мы знаемъ, что каждое отдѣльное хозяйство первоначальной семьи, селившейся на пустомъ, раньше никѣмъ не занятомъ, пространствѣ степи и представлявшей собою корень цѣлаго рода, своимъ дворомъ, обнесеннымъ плетнемъ, образовывало уже село. Но это слово значило: сидѣнье на одномъ мѣстѣ, съ одною заботой о широкой распашкѣ поля; тогда какъ названіе подобнаго же двора «деревнею» — означало,

что поселеніе создалось не среди ровной степи, а среди деревьевъ, въ лѣсу, который надо было еще расчищать, взодрать подъ пашню и подъ покосъ. «Дорога» есть собственно продранное въ лѣсу пространство, какъ необходимый путь отъ пашни до пашни, отъ сѣнокоса до сѣнокоса, или въ одну изъ сторонъ, куда заводилъ поселенца лѣсной его промыселъ за пищей, звѣремъ или пчелою. Такими путями обозначались предѣлы владѣнія деревни. Они прокладывались поселенцемъ въ глухихъ, непроходимыхъ лѣсахъ, съ великимъ трудомъ, требовавшимъ не мало настойчивости и времени. А вслѣдствіе того право на тотъ или другой уголъ земли, естественно, принадлежало тому, кто первый проникъ въ него топоромъ, отмѣтивъ имъ на деревьяхъ знаки своей работы и своего законнаго обладанія пройденнымъ имъ путемъ. Чтобы обозначить рубежъ, т. е. предѣлъ своего неотъемлемаго владѣнія, въ старину выражались: «куда топоръ ходилъ». Эти слѣды топора, рубежи на чужомъ пути уважались словянами въ древности при разселеніи ихъ, какъ священныя письмена и свидѣтельства неоспоримой собственности. Пренебречь ими было нельзя безнаказанно, не навлекая на себя грознаго обычая кровавой мести общими силами рода. Съ такимъ же сознаніемъ своего права на тотъ или иной участокъ земли словяне говорили: «куда ходила коса, или соха», обозначая этимъ, до какой черты работа рукъ его отдала въ его личную собственность извѣстное пространство луга или же пашни. Дорога топоромъ прорубалась не только колесная для проѣзду съ одного мѣста на другое, но и—для пѣшаго ходу на птицу или звѣря. Эти пути назывались «силовыми» и «пасными» путиками. Путь за пчелами назывался «бортнымъ ухожьемъ». Прокла-

Собственность Т. П. Мятлевой.

Новгородскіе плотники строятъ суда-однодревки для сплава ихъ внизъ по Днѣпру. *(Къ 43 стр.)*



Собственность Т. П. Мятлевой.

Русскіе воины, пораженные внезапной немощью у гробницы Св. Георгія. *(Къ 56 стр.)*

дывая путикъ, охотникъ обрубалъ болѣе частыя вѣтви и по особымъ примѣтамъ вѣшалъ на сучьяхъ силки для птицъ, прилаживая у корней западни для звѣря. Каждый зналъ безошибочно свою тропу и никогда не путалъ ея съ чужою. Въ то далекое время чувство чести и уваженія къ чужой собственности, прирожденное всякому неиспорченному человѣку, было еще настолько живо и сильно, что никто даже не думалъ осматривать чужіе путики съ ихъ добычей, хотя бы они не одинъ разъ пересѣкали другимъ намѣченный путь. Воровъ и разбойниковъ руссы вздергивали на деревья и оставляли висѣть, пока не сгніютъ.

Такимъ образомъ каждая деревня себѣ прорубала право собственности на окрестную землю. Межи клались не на землѣ, а топоромъ прорубались отъ одного дерева къ другому. Земляную, естественную межу составляли только ручьи, овраги или болота. Такіе путики могли принадлежать не только одной деревнѣ, или поселку,—но иные, самые значительные изъ нихъ составляли иногда собственность цѣлой волости. Тогда весь союзъ поселковъ могъ ими пользоваться,—какъ, напримѣръ, какимъ-нибудь мѣстнымъ островомъ, или озеромъ. Такой путь или та собственность, естественно, отходили къ городу, какъ къ главному узлу волости, иначе—мѣстной власти. Первобытное деревенское понятіе о пути, какъ о дорогѣ промысла или дохода, легло въ основаніе тоже и городской дѣятельности,—такъ какъ городъ являлся только сосредоточеннымъ отраженіемъ порядковъ жизни и всѣхъ стремленій его породившихъ отдѣльныхъ поселковъ волости. Впослѣдствіи городъ, какъ военная дружина, сталъ называть «путемъ» всякій военный походъ и проложенную имъ дорогу въ завоеванную страну, гдѣ собиралась дань въ пользу

завоевателя. Какъ селянинъ-пахарь въ деревнѣ дѣйствовалъ топоромъ, пролагая для себя путики, такъ городская дружина ихъ прорубала себѣ мечемъ, указывая: «куда мечъ ходилъ»,—съ такимъ же чувствомъ права на собственность, съ какой поселянинъ говорилъ: «куда соха ходила», «куда топоръ ходилъ». Распространяя, подобно деревнѣ, свои пути во всѣ стороны, городъ себѣ зарубалъ свой собственный округъ, почему и предѣлы такого округа назывались въ Россіи: «рубежомъ». Князья со своею дружиною такимъ образомъ помогали городамъ, съ развитіемъ ихъ земскихъ силъ, распространить новый промыселъ: даней, податей и оброковъ. Они дѣйствительно мало чѣмъ отличались сначала по существу своей дѣятельности отъ простыхъ промышленниковъ, когда отправлялись сами собирать дань и оберегали отъ грабежа на Днѣпрѣ караваны грековъ. Князь былъ какъ бы первый работникъ и хозяинъ своего города, своей волости и всей, ему принадлежавшей, земельной области. Военное дѣло его было только охраной его хозяйственнаго быта. Постоянно воюя между собою, отдѣльные роды непремѣнно должны были отвоевывать другъ отъ друга земли и города. Осиливалъ, конечно, тотъ, у кого дружина была отважнѣй и многочисленнѣй. Опаснымъ сосѣдомъ для другихъ городовъ становился городъ, къ себѣ привлекавшій по своему мѣстоположенію больше народу и обладавшій грозной сильной дружиной. Вотъ почему важнѣйшими владѣтельными городами русскихъ племенъ оказались лежащіе на великихъ распутьяхъ Кіевъ, Черниговъ, Новгородъ и нѣкоторые другіе. Эти нѣсколько городовъ къ началу русской исторіи владѣли уже большими волостями одноплеменнаго населенія,—были уже главными городами цѣлыхъ племенъ. Они не могли иначе объ-

единить разрозненные роды, какъ послѣ борьбы съ обособленными волостями и послѣ завоеванія окрестныхъ маленькихъ городковъ. Такіе города могли пролагать свои пути очень далеко: Новгородъ собиралъ дань съ приморскихъ земель Бѣлаго моря и съ Печорскаго края. Для укрѣпленія проложенныхъ имъ путей, владѣтельный городъ, вмѣсто зарубокъ на деревѣ, строилъ новые городки по всѣмъ ихъ направленіямъ и по теченію рѣкъ. Деревянныя стѣны города возводились съ башнями и укрѣплялись острогомъ, т. е. острымъ тыномъ. Изо всей рати по вольному голосу набирались охотники остаться жить тамъ, а изъ сторонніхъ въ него собирали «гулящихъ людей», отнюдь не снимая съ мѣстъ хлѣбопашцевъ. Изъ этихъ людей устраивалась городовая дружина. Начальниковъ ей выбирали добрыхъ и умныхъ, дабы они творили правый судъ надъ подвластнымъ имъ населеніемъ и его защищали отъ нападеній враговъ; кромѣ того, собирали бы дань и старались бы еще новыя волости подвести подъ высокую руку своего князя. Дань собиралась большей частью зимой: на саняхъ и на лыжахъ. Гдѣ же снѣга и топь были велики, тамъ—лѣтомъ. Малыми отрядами за нею ходить было опасно. Для обезпеченія отъ избіенія посланныхъ, городъ держалъ у себя лучшихъ людей покоренныхъ участковъ заложниками. Всѣмъ дружинникамъ-горожанамъ раздавались подгородныя земли, чтобы они засѣвали ихъ хлѣбомъ, и городъ могъ бы такимъ образомъ самъ собою кормиться. Въ самомъ городѣ необходимо было держать стражу у стѣнъ и воротъ, а кромѣ того сторожевые разъѣзды вблизи него и на высокихъ мѣстахъ давали тотчасъ же въ городъ вѣсть о приближеніи опасности. Когда охрана была крѣпка, а судъ и расправа города—праведны, тогда

данники сами привозили дань въ городъ и начинали даже торговать съ нимъ скотомъ и припасами. Ласка и кроткое обращеніе съ данниками дѣлали ихъ всегда друзьями завоевателей. Позднѣйшее покореніе Ермакомъ Сибири было въ сущности лишь продолженіемъ поступательнаго движенія восточныхъ славянъ къ сѣверо-востоку, которое началось издавна, со временъ незапамятныхъ. Самый мечъ въ русскихъ рукахъ былъ только пособникомъ промысла, и какъ только военное дѣло оканчивалось, начиналось сейчасъ же устройство торговыхъ сношеній и обработка полей. При слишкомъ жестокихъ насиліяхъ, такъ называемыхъ, «волковъ» промышленниковъ и князей, инородческое населеніе возставало все поголовно, такъ что пришельцамъ солоно приходилось. Потому временное дружинное неистовство русскій человѣкъ сейчасъ же старался исправить водвореніемъ порядка и справедливости.

Наши древніе русскіе богатыри были тоже вѣрными слугами нуждъ земельныхъ и совершали трудные подвиги, необходимые для земли,—какъ, напримѣръ, Микула Селяниновичъ, изъ ряда, такъ называемыхъ, старшихъ богатырей, встрѣченный въ чистомъ полѣ другимъ старшимъ богатыремъ: Вольгою Святославовичемъ,—который превращался, согласно древней былинѣ, по мѣрѣ надобности, то въ свирѣпаго льва, то въ хищную птицу, то въ большую щуку, то въ пташку малую, то въ сѣраго волка и т. п. и вотъ, когда однажды «молодой Вольга Святославовичъ *), со своею дружинушкой хороброю поѣхалъ къ городамъ за получкою (данью), онъ услышалъ въ чистомъ полѣ ратая (пахаря), но не могъ три дня до ратая доѣхати. Наконецъ, наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая. Оретъ

*) Источникъ: «Древнія русскія былины».

9) Картина: Богатырь Вольга Святославичъ и Микула Селяниновичъ.

въ полѣ ратай, понукиваетъ, съ края на край бороздки пометываетъ. Въ край онъ уѣдетъ, другого не видать; коренья, каменья вывертываетъ» и т. д. Говорилъ Вольга таковы слова: Богъ тебѣ въ помощь оратаюшка,— орать да пахать, да крестьянствовати, съ края на край бороздки пометывати, коренья, каменья вывертывати». А потомъ: «Ай же оратай, оратаюшко, поѣдемъ со мною въ товарищахъ». Поѣхали; но забылъ оратай, Микула Селяниновичъ, сошку свою въ бороздкѣ и проситъ: «какъ бы сошку съ земельки повыдернути, изъ омѣшиковъ земельку повытряхнути и бросить бы сошку за ракитовъ кустъ». Но вся дружина Вольги Святославовича сошку за обжи вокругъ вертитъ, не можетъ сошки съ земельки повыдернути. Подъѣхалъ оратай оратаюшко на своей кобылкѣ соловенкой, къ этой-то сошкѣ кленовоей; бралъ-то онъ сошку одной рукой, сошку съ земельки повыдернулъ, изъ омѣшковъ земельку повытряхнулъ, бросилъ сошку за ракитовъ кустъ». А потомъ далеко опережаетъ Микула Селяниновичъ Вольгу Святославовича на своей кобылкѣ соловенькой. Говоритъ Вольга Святославовичъ: «Ай же ты, ратай ратаюшко, какъ тебя именемъ зовутъ? какъ величаютъ по отчеству?» Говоритъ оратай таковы слова: «Ай же Вольга Святославовичъ, а я ржи напашу да во скирды сложу; во скирды складу, домой выволочу, да дома вымолочу; драни надеру, да и пива наварю; пива наварю, да и мужичковъ напою. Станутъ мужички меня покликивати: «молодой Микулушка Селяниновичъ...»

Земля придавала этимъ богатырямъ силу и ставила передъ ними свои государственныя задачи. Вотъ почему всѣ русскія завоеваня новыхъ странъ и земель обыкновенно продолжали или заканчивали изстари начатое русскимъ народомъ дѣло. Они шли всегда по слѣ-

дамъ первыхъ смѣлыхъ промышленниковъ, уже завоевавшихъ своими средствами сношенія съ инородцами и ихъ принудившихъ къ уплатѣ дани. Сначала великое княжество, а потомъ государство собирало лишь единичныя, малыя предпріятія въ свои всенародныя руки, и какъ бы простою, частной промышленностью городовой дружины; ея обычнымъ способомъ добывать кормленіе себѣ и городу создалось Русское государство въ своемъ могучемъ словянскомъ ростѣ. Несомнѣнно, что наибольшая смѣсь населенія, обусловленная мѣстоположеніемъ на перепутьи большой дороги, послужила первой основой преобладающаго, особеннаго развитія народныхъ силъ и вліянія Кіева на Днѣпрѣ такъ же, какъ Новгорода на Ильменѣ.

Потребность перваго городства—защищать свой городъ и землю, очищать пути далекіе отъ враговъ,—породили особый разрядъ людей, отдававшихъ всѣ свои силы только подвигамъ земской защиты и вообще всякой службѣ родному городу. Эти-то подвиги, разукрашенные поэтическими сказаніями, сохранили потомству, воспѣли и описали народныя наши былины, въ родѣ только что приведенной. Онѣ—еще достовѣрнѣй, чѣмъ самая наша лѣтопись. Содержаніе былинъ со всѣми ихъ подробностями заключаетъ въ себѣ глубокія, несомнѣнныя черты русской древности, русскаго перваго, доисторическаго городства и его быта. Эта дѣятельность богатырей обрисовываетъ въ полной мѣрѣ дѣятельность первой городовой дружины. Богатыри, служа князю, собираются къ нему думу думать; «выхаживаютъ» для него дань; ѣздятъ въ послахъ,—и за службу князь имъ даетъ города съ пригородами, села съ приселками, жалуетъ ихъ золотой казной.

Видя постоянное несогласіе между собой князей и непримиримую ихъ вражду другъ къ другу, сопровождавшуюся безпрерывно кровопролитными распрями, богатыри русской земли сошлись на совѣтъ и рѣшили служить только единому великому князю Кіевскому, матери городовъ русскихъ—Кіеву. Мелкіе города и волости, конечно, старались туда примыкать, гдѣ видѣли больше силы и также умѣніе править хозяйскимъ разумомъ въ тишинѣ и покоѣ. Князь, конечно, старался себя окружать сильной дружиною и собиралъ ее подъ свою руку со всѣхъ сторонъ. Также и городъ самъ, крѣпко державшій подъ своей властью окрестныя земли, лишь при защитѣ своей дружины во главѣ съ княземъ, призывалъ въ стѣны свои такихъ богатырскихъ ратныхъ людей, — защитниковъ. Случалось, что князь вдругъ оказывался неугоднымъ большинству въ городѣ. Тогда со стороны призывали новаго. Такіе случаи чаще всего бывали въ буйномъ Новгородѣ, а потому преданіе о томъ, что новгородцы призвали себѣ,—какъ мы сказали уже,—вѣроятно, изъ прибалтійскихъ словянъ варяговъ, отъ устьевъ Нѣмана трехъ князей-братьевъ для управленія ими среди ихъ неурядицъ,—не представляетъ изъ себя ничего особенно выдающагося въ исторіи Русскаго государства и не кладетъ вовсе ему начала въ годъ такого призванія своевольнымъ Новгородомъ на княжескій свой столъ Рюрика въ IX вѣкѣ.

Глава III.

Постройка хазарами крѣпости Саркела на Дону въ защиту отъ нападенія россовъ. Словяне и россы въ IX вѣкѣ: по византійскимъ и арабскимъ извѣстіямъ. Водный путь россовъ къ Азовскому и Каспійскому морямъ. Черные болгары и Тьмутараканская Русь. Борьба россовъ съ хазарами на Таврическомъ полуостровѣ *).

По византійскимъ извѣстіямъ въ 835 году каганъ хазарскій прислалъ пословъ къ императору византійскому Ѳеофану, съ просьбой—дать ему рабочихъ и мастеровъ для постройки крѣпости на Дону. Ѳеофанъ отправилъ для этой постройки на Донъ, водою, нѣкоего грека Петрона. На плоскодонныхъ судахъ, удобныхъ для плаванія по Азовскому морю и Дону, Петронъ изъ Херсонеса прибылъ съ греческими мастерами къ мѣсту, ему назначенному по этой рѣкѣ. Здѣсь они сами изготовили кирпичи и воздвигли крѣпость—Саркелъ, или по русскимъ лѣтописямъ—Бѣлую Вѣжу, гдѣ съ этихъ поръ постоянно стоялъ на стражѣ хазарскій гарнизонъ въ 300 человѣкъ. Кто же тревожилъ тогда съ рѣки Дона Хазарское царство и возбуждалъ въ хазарахъ настолько сильныя опасенія за свои земли, что они вздумали оградить себя съ этой сѣверо-западной стороны вновь построенной крѣпостью? Саркелъ поставленъ былъ на судовомъ ходу изъ Азовскаго моря въ Каспійское, очевидно, чтобы стеречь этотъ важный путь на мѣстѣ сближенія теченій Дона и Волги, гдѣ, оставляя Донъ, караваны волокомъ перетаскивались на Волгу. Турко-хазары не были мореходами и не имѣли флота, а потому, это мѣсто служило имъ

10) Картина: Хазары съ греческими мастерами строятъ на Дону крѣпость Саркелъ.

*) Источники: Д. И. Иловайскій. «Изысканія о Древней Руси». П. И. Полевой: «Очерки Русской Исторіи» и И. Е. Забѣлинъ: «Исторія Русской жизни».

главнымъ средствомъ защиты противъ судовой рати, спускавшейся внизъ по Дону, а также противъ дикихъ кочевниковъ Приволжской степи, пришедшихъ вмѣстѣ съ ними изъ Туркестана въ Европу. Среди нихъ тогда печенѣги тѣснили сѣверные предѣлы Хазарскаго царства. И тутъ,—на узкомъ пространствѣ между двумя рѣками, когда онѣ зимою не замерзали,—хазарамъ легче всего было преградить путь на югъ въ ихъ владѣнія печенѣжской конницѣ. Съ этой цѣлью они, вѣроятно, поставили, кромѣ Саркела, еще цѣлый рядъ укрѣпленій на промежуткѣ суши, отъ Дона на Волгу. Однако, ихъ обращеніе за содѣйствіемъ къ Византіи въ 835 году для постройки Саркела указываетъ, что они нуждались въ особенно твердомъ, крѣпкомъ оплотѣ на самомъ Дону, отъ враговъ болѣе западныхъ. Позднѣйшая лѣтопись арабскаго историка X вѣка Массуди намъ освѣщаетъ этотъ вопросъ очень ясно. Во-первыхъ, онъ называетъ Азовское море: «Русскимъ»—по той причинѣ, что, кромѣ Приднѣпровскихъ словянъ поляно-русскаго племени, по немъ никто не плавалъ и что они имѣли свои поселенія на берегахъ его; а во-вторыхъ, описываетъ походъ этого племени—Руси—уже въ 913 году, на 500 судахъ, съ цѣлью грабежа, къ берегамъ Каспійскаго моря, ими называемаго «Хазарскимъ». Къ тому времени печенѣги ушли на западъ, въ Черноморскія степи, и мѣсто ихъ въ Поволжьи на страхъ хазарамъ заняли узы торки, а потомъ половцы, или кумане».

Въ началѣ IX вѣка впервые въ западныхъ, арабскихъ и византійскихъ лѣтописяхъ для опредѣленія словянской народности мы встрѣчаемъ названіе Рось, связанное съ самой цвѣтущей и плодородной областью судоходной части рѣки Днѣпра. Тогда это племя

является первенствующимъ среди всего восточно-словянскаго населенія,—по своему общественному и умственному развитію, преобладающему своему вліянію на сосѣднія словянскія племена и своимъ военнымъ силамъ. Съ именемъ «Руси» и «русскихъ», византійскіе писатели начали съ этихъ поръ постоянно связывать свое понятіе о большомъ Русскомъ государствѣ и сильномъ русскомъ народѣ. Такъ какъ русскій народъ, заявившій особенно ярко о существованіи своемъ въ IX вѣкѣ и обратившій тогда на себя вниманіе всѣхъ сосѣдей своимъ могуществомъ, былъ извѣстенъ гораздо раньше подъ общимъ словянскимъ именемъ, то, конечно, онъ имѣлъ въ своихъ нравахъ и обычаяхъ много тождественнаго съ остальными словянами. Частые набѣги словянъ на византійскія земли въ VII столѣтіи заставили византійскихъ писателей отнестись къ нимъ съ исключительнымъ любопытствомъ. Утомленные нѣгой и великолѣпіемъ своей утонченной, внѣшней и умственной жизни, такъ же, какъ высшимъ познаніемъ своей передовой образованности, византійцы съ особеннымъ увлеченіемъ изображали простую, не тронутую искусственнымъ воспитаніемъ природу дикихъ людей, какими тогда являлись—въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ ними—словяне. Странно, что древніе греко-римскіе мудрецы будто завидовали въ своихъ описаніяхъ словянской бѣдности и ее ставили корнемъ всѣхъ отмѣчаемыхъ ими и поражавшихъ ихъ добродѣтелей грубыхъ, невѣжественныхъ инородцевъ. Они отдавали имъ справедливость въ томъ, что, не смотря на всю свою дикость, они во многомъ стояли выше ихъ, просвѣщенныхъ римлянъ. «Черноморскіе скиѳы», (т. е. словяне-руссы), писали византійцы,—въ одеждѣ и пищѣ умѣрены, не знаютъ дорогихъ тканей, но покрываются звѣриными

шкурами. Правосудіе напечатлѣно у нихъ въ умахъ, а не въ законахъ. Воровство почитаютъ они важнѣе всѣхъ преступленій, а золото и серебро отъ души презираютъ. Неизвѣстность пороковъ гораздо у нихъ благотворнѣе, нежели у грековъ знаніе добродѣтели».

Судя по тѣмъ подробностямъ вполнѣ выработаннаго судостроенія, какія намъ сообщалъ византійскій императоръ Константинъ Багрянородный, разсказывая про плаваніе словянъ по Днѣпру и Черному морю, мы имѣемъ основаніе предположить, что мореходство у нихъ развилось гораздо раньше X вѣка. При императорѣ этомъ въ Византію уже приходили суда съ товарами изъ Новаго города, Любеча, Чернигова и Вышегорода. До насъ дошло описаніе этихъ судовъ, не ладно скроенныхъ, но крѣпко сшитыхъ изъ могучихъ деревьевъ, распластанныхъ на двое. Это—такъ называемыя: «однодревки». «Словяне ильменскіе, кривичи и другія сѣверныя словянскія племена»,—сообщаетъ императоръ,—«въ зимнее время у себя въ горахъ нарубаютъ лѣсъ для постройки такихъ судовъ, и лишь только ледъ стаетъ, сплавляютъ ихъ въ ближнія озера, а потомъ въ Днѣпръ до Кіева, гдѣ продаютъ ихъ руссамъ. Но тѣ покупаютъ однѣ ладьи, а весла, уключены и всѣ снасти дѣлаютъ сами».

11) Картина: Новгородскіе плотники строятъ суда-однодревки для сплава ихъ внизъ по Днѣпру.

Арабскіе писатели съ изумленіемъ и ужасомъ разсказываютъ намъ о дальнихъ походахъ и опустошительныхъ набѣгахъ руссовъ на Черноморскія и Азовскія побережья. Они появлялись даже на берегахъ Каспійскаго моря, по рѣкѣ Дону и волокомъ перебираясь на Волгу,—Волгою, черезъ Хазарское царство, врывались въ области Персіи и Кавказа. Арабы больше всего встрѣчали руссовъ на водѣ, въ устьѣ Волги, а потому у нихъ сложилось понятіе, что россы—народъ исключительно мореходный и всѣ походы свои

12) Картина: Русскіе купцы волокомъ перебираются съ Дона на Волгу.

производитъ на корабляхъ. Они разсказываютъ, что русскіе купцы доставляютъ мечи и мѣха изъ сѣверныхъ странъ Славоніи и по словянской рѣкѣ (т. е. Волгѣ) спускаются до хазарской столицы Итиль, а иногда на верблюдахъ привозятъ товары свои въ Багдадъ. Между VIII и IX вѣкомъ арабы считаютъ словянъ большимъ европейскимъ народомъ и ставятъ его наравнѣ съ греко-римлянами.

Ибнъ-Фадланъ обрисовываетъ въ особенности Русь Кіевскую, какъ военную дружину и вмѣстѣ съ тѣмъ торговый народъ. Онъ разсказываетъ, что когда у кого на Руси родится сынъ, то отецъ новорожденнаго кладетъ передъ дитятею обнаженный мечъ и говоритъ: «не оставлю въ наслѣдство тебѣ никакого имущества, будешь имѣть только то, что̀ пріобрѣтешь себѣ этимъ мечомъ». Мечи у руссовъ прекрасной работы: широкіе, волнообразные. Всѣ они постоянно носятъ это оружіе при себѣ потому, что не довѣряютъ другъ другу. Если кому удастся пріобрѣсти хоть малое имущество, тому уже начинаетъ завидывать даже и родной братъ. Судитъ ихъ тяжбы царь, а если они рѣшеніемъ царя не довольны, то рѣшаютъ его поединкомъ. «Русскіе ростомъ высоки, какъ пальмовыя деревья»,—говоритъ лѣтописецъ,—«красивы собою, мужественны и велики ростомъ. Они весьма преданы крѣпкимъ напиткамъ; пьютъ вино днемъ и ночью, такъ, что иной умираетъ отъ пьянства съ кружкой въ рукѣ».

Ибнъ-Фадланъ самъ присутствовалъ при погребеніи одного знатнаго русса. Покойника на десять дней сначала закопали въ могилу, съ нимъ положивъ туда пьяный напитокъ, хлѣбъ и балалайку. За десять дней приготовили ему лодку и ее поставили на четыре столба — подпоры, тутъ же во-

кругъ размѣстивъ деревянныхъ идоловъ. Поставленную въ лодку скамью старая женщина, называемая «ангеломъ смерти», устлала коврами и греческими золотыми тканями; положила подъ изголовье подушки изъ той же ткани, и тогда мертвеца вынули изъ могилы, со всѣми находившимися при немъ предметами, чтобы его облечь въ роскошный погребальный нарядъ, нарочно для него сшитый подъ руководствомъ «ангела смерти», а потомъ посадить, подперевъ подушками, въ ладью подъ шатромъ, надъ нею устроеннымъ. Туда принесли ему хлѣба, луку и цѣлую груду мяса различныхъ домашнихъ животныхъ, разрѣзанныхъ на куски, свалили передъ нимъ въ лодку. Оружіе же кладется туда же сбоку. Та же старая, страшная женщина совершаетъ въ ладьѣ закланіе добровольной жертвы—жены, или невольницы, обреченной на сожженіе вмѣстѣ съ умершимъ. Ближайшій родственникъ покойнаго идетъ къ лодкѣ задомъ, держа въ рукѣ пылающій кусокъ дерева и зажигаетъ первый костеръ. Затѣмъ уже туда другіе кидаютъ горящія лучины съ дровами. Скоро огонь охватываетъ шатеръ и лодку съ лежащими на ней мертвецами.

13) Картина: Погребеніе знатнаго русса.

Магометанину Ибнъ-Фадлану, привыкшему къ мусульманскимъ религіознымъ обрядамъ, къ частымъ, соединеннымъ съ молитвою омовеніямъ за день,—руссы, не совершавшіе этихъ магометанскихъ уставовъ, казались ужасно грязными. Онъ почиталъ большою нечистоплотностью, что они моются всѣ изъ одной лохани.

Необходимо замѣтить, что плаваніе по воднымъ путямъ въ тѣ далекія времена было сопряжено съ громадными трудностями и опасностями. Это особенно ясно видно изъ описанія Константиномъ Ба-

грянороднымъ движенія каравановъ съ товарами по пути изъ такъ называемыхъ: «Варягъ», т. е. областей при Балтійскомъ морѣ,—въ «Греки». А именно: снарядивъ суда въ іюнѣ мѣсяцѣ, словяне спускались до города Витичева по Днѣпру. Пробывъ тутъ два, три дня и выждавъ, пока соберутся всѣ суда, входящіе въ составъ каравана, они продолжали плыть внизъ по рѣкѣ, но встрѣтивъ препятствіе въ первомъ, бурномъ Днѣпровскомъ порогѣ, не осмѣливались плыть прямо черезъ него, но останавливались по близости и высаживали людей, оставляя въ лодкахъ одну поклажу. Потомъ часть пловцовъ босыми ногами ощупывала дно, чтобы не наткнуться на камень,—между тѣмъ какъ другая часть толкала судно впередъ при помощи веселъ. Съ великимъ трудомъ одолѣвъ этотъ первый порогъ между берегомъ рѣки и утесами, словяне такимъ же образомъ перебирались черезъ второй и третій. Передъ большимъ четвертымъ порогомъ всѣ суда причаливали. Люди выходили на берегъ, выдѣляя изъ себя, во-первыхъ, охранную стражу отъ степныхъ хищниковъ того времени печенѣговъ,—между тѣмъ какъ остальные вытаскивали изъ судовъ поклажу и тянули волокомъ лодки, или же ихъ несли на плечахъ,—пока, миновавъ порогъ, ихъ не спускали на рѣку снова, грузили—и плыли дальше. Такихъ пороговъ имъ приходилось преодолѣть на Днѣпрѣ—семь. Потомъ они добирались до Карійскаго перевоза, гдѣ переправлялись черезъ Днѣпръ херсонцы, возвращавшіеся изъ Руси, и печенѣги, шедшіе на Херсонъ. Печенѣги подстерегали здѣсь русскихъ, такъ какъ стрѣла, пущенная въ этомъ мѣстѣ съ крутого берега, попадала прямо въ переѣзжавшихъ. Миновавъ счастливо это мѣсто, словяне приставали къ острову св. Георгія, гдѣ при-

14) Картины: Руссы перебираются со своими ладьями черезъ пороги Днѣпра.

носили передъ большимъ дубомъ жертвы языческимъ своимъ богамъ, вѣруя, что это они избавили ихъ отъ опасностей. Однако, затѣмъ имъ предстояло еще переплыть Днѣпровскій заливъ и бурное море; а у Салинскаго рукава Дунайскаго устья имъ приходилось вновь быть готовыми къ печенѣжской засадѣ. Не разъ приходилось словянамъ, высаживаясь на берегъ со всѣхъ судовъ,—соединенными силами отбиваться отъ печенѣговъ. Понятно, что среди подобныхъ препятствій торговля не могла быть исключительно мирнымъ занятіемъ и военное ремесло неразлучно шло рядомъ съ торговлей, такъ что человѣкъ отправлялся въ торговое плаваніе съ головы до ногъ вооруженнымъ; торговое же сословіе должно было состоять изъ отважныхъ удальцовъ, на все готовыхъ. Чѣмъ предпріимчивѣй и храбрѣй оказывался торговецъ, тѣмъ лучше онъ разумѣлъ торговое дѣло и тѣмъ отважнѣе пускался вдаль съ твердой увѣренностью въ свою мощь и удаль. Случалось, что соблазненный возможностью легкой наживы, подобный воинъ-купецъ начиналъ грабить тамъ, гдѣ торговалъ вчера. Торгъ такимъ образомъ иногда кончался войною; война, же наоборотъ, приводила къ установленію мирныхъ торговыхъ сношеній и къ проложенію для торговли новыхъ путей. На сѣверномъ концѣ пути «изъ Варягъ въ Греки» осѣли ильменскіе словяне и кривичи. Они захватили въ свои руки торговлю, шедшую этимъ путемъ, не только съ сѣвера на югъ и съ юга на сѣверъ, но и—на западъ, и на востокъ.

15) Картина: Дубъ, которому поклонялись словяне, на островѣ св. Георгія.

16) Картина: Конный печенѣгъ.

Помощь, оказанная хазарамъ греками при постройкѣ Саркела для защиты владѣній ихъ отъ россовъ и печенѣговъ, побудила впервые русскаго князя войти въ непосредственныя сношенія съ императоромъ Византіи, искать съ нимъ союза. Съ этой цѣлью

мы видимъ русскихъ пословъ при византійскомъ дворѣ императора Ѳеофана въ 835 году.

Приводя въ связь это извѣстіе съ построеніемъ Саркела, мы приближаемся къ уясненію историческаго единства между Росью Днѣпровскою и тѣмъ краемъ, что̀ выдѣляется позже подъ именемъ Тьмутараканскаго княжества. До прихода печенѣжскихъ ордъ въ Черноморскія степи, словянскія племена антовъ и болгаръ-утургуровъ жили почти сплошь отъ Днѣпра до Азовскаго моря. Море это еще долго потомъ, почти до самаго нашествія татаръ, имѣло на своихъ сѣверо-западныхъ берегахъ словяно-русскія поселенія и словяно-болгарскія съ юго-востока. Раньше обыкновенно думали, что Рось Кіевская сообщалась съ Тьмутараканскою и ходила въ Азовское море Днѣпромъ черезъ море Черное, т. е. вокругъ Крымскаго полуострова. Но мы уже знаемъ съ какими трудностями было сопряжено плаваніе внизъ по Днѣпру черезъ пороги; такъ какъ же оно могло совершаться вверхъ противъ теченія?! Невѣроятно, чтобы россы свои ладьи переволакивали сухопутьемъ на разстояніи больше чѣмъ въ 70 верстъ. Когда императоръ Константинъ Багрянородный описываетъ движеніе по Днѣпру изъ Кіева въ Византію торговаго русско-словянскаго каравана, то говоритъ, что словяне не вытаскивали большею частью лодокъ своихъ на берегъ, а проводили ихъ бичевой у самаго берега, или спускали внизъ по быстринѣ. А какъ плылъ флотъ въ нѣсколько сотъ ладей къ берегамъ Чернаго и Каспійскаго морей, объ этомъ не упомянуто. Очевидно, что существовалъ другой, болѣе удобный путь изъ Кіева въ Азовское море. Именно тотъ, по которому запорожское войско возвращалось обратно изъ походовъ своихъ по Черному морю, т. е. — черезъ древній Киммерійскій

Собственность Т. П. Мятлевой.

Русскіе купцы волокомъ перебираются съ Дона на Волгу. *(Къ 43 стр.)*

Собственность Т. П. Мятлевой.

Русскіе купцы чинятъ свои ладьи при устьѣ Днѣпра для морского плаванія. *(Къ 59 стр.)*

проливъ, Азовскимъ моремъ и рѣкою Міусомъ, теперь уже не судоходной. Тогда же русскіе изъ Міуса, притока Калки, волокомъ перебирались въ другую, обмелѣвшую нынѣ рѣку, носившую прежде названіе: «Волчьи воды». Изъ нея попадали въ Самару, а изъ Самары—въ Днѣпръ *).

Въ былое время пространство между Днѣпромъ, Самарою и Міусомъ изобиловало лѣсами, а потому въ рѣкахъ этого края могла скопляться значительная масса водъ. Весьма вѣроятно, что во время разлива даже и волокъ между притоками Міуса и Волчьей водой бывалъ залитъ имъ. Все тотъ же царственный лотописецъ Константинъ Багрянородный въ одномъ изъ сочиненій своихъ говоритъ, что «къ сѣверу печенѣги имѣютъ рѣку Днѣпръ, откуда россы направляются въ «Черную» Болгарію и Хазарію». Онъ только, естественно, не имѣлъ объ этой дорогѣ свѣдѣній настолько же точныхъ, какъ о Великомъ пути словянъ съ сѣвера по Днѣпру—въ Греки. Ясно, что «Черной» Болгаріей Константинъ называетъ болгаръ приазовскихъ, Томанскаго полуострова, сосѣднихъ съ хазарами. Подобное объясненіе согласуется съ описанными арабскими лѣтописцами походами россовъ изъ Азовскаго моря—Дономъ и Волгой—къ Каспійскому морю.

Такимъ образомъ для насъ понятной становится связь Кіевской Руси съ Тьмутараканью, названной императоромъ Константиномъ Черной Болгаріей. Кромѣ судового сообщенія было, конечно, еще сухопутное, существовавшее, особенно въ зимнее время, и необходимое для конныхъ дружинъ. Мы имѣемъ въ виду примѣры въ дальнѣйшей русской исторіи; а если

*) Д. Иловайскій: «Изысканія о Древней Руси».

послѣ X вѣка дружины русскія хорошо знали пути къ Азовскому морю, то тѣмъ болѣе эти пути были имъ извѣстны въ древнѣйшія времена, когда кочевыя орды не успѣли еще оттѣснить ихъ отъ моря. Если бы не свидѣтельство арабскаго лѣтописца Массуди о томъ, что Русь живетъ на берегахъ Азовскаго моря и на немъ господствуетъ, то трудно было бы объяснить ея морскіе походы и предпріятія, какъ торговыя, такъ и военныя. Извѣстія о нихъ сохранились въ лѣтописяхъ до XII вѣка включительно, т. е. до того времени, когда Рось была совершенно оттерта отъ морского берега. Иначе какимъ бы образомъ могла Рось объединить подъ своимъ господствомъ такія словянскія племена, какъ Таманскихъ черныхъ болгаръ, обитавшихъ за моремъ? Исконныя связи Кіевской земли съ берегами Азовскаго моря не даютъ мѣста вопросу: когда начались сношенія Днѣпровской Руси съ Азово-Таманскими черными болгарами? Еще Прокопій, современникъ византійскаго императора Юстиніана II, въ своихъ записяхъ говоритъ, что на сѣверъ отъ гунновъ-утургуровъ, иначе приазовскихъ болгаръ, живутъ племена антовъ, т. е. словянъ, объединенныхъ мало-по-малу главенствомъ Кіевской Роси надъ всѣми ихъ племенами. Значитъ, въ VI уже вѣкѣ словяне-болгары были сосѣдями Роси. Между VI и IX-мъ столѣтіями въ Тьмутараканскомъ, иначе приазовскомъ словянскомъ краѣ, такъ же, какъ и на всемъ пространствѣ отъ рѣки Днѣпра до Азовскаго моря, не произошло большихъ перемѣнъ. Движеніе черезъ эти земли аваръ и угровъ не осадило на нихъ много словянству чуждаго, инородческаго населенія; такъ какъ и тѣ и другіе быстро прошли дальше на западъ къ Дунаю. Многочисленный болгаро-гуннскій народъ, своей западной половиной ушедшій, какъ мы

уже видѣли, въ этомъ же направленіи (гунны-кутургуры), оставилъ значительную часть своихъ племенъ на югѣ Россіи: между Дунаемъ и Азовскимъ моремъ. Мы уже говорили, что Несторъ ихъ называетъ въ пространствѣ между Днѣпромъ и Приазовьемъ тиверцами, и угличами между Днѣпромъ и Дунаемъ. Въ записяхъ византійскаго историка X вѣка Льва Дьякона россы являются еще подъ именемъ тавроскиѳовъ. Онъ замѣчаетъ при этомъ, что на своемъ родномъ языкѣ они себя называютъ Рось, причемъ, очевидно, подразумѣваетъ подъ ними азовскихъ болгаръ, смѣшивая ихъ съ господствовавшимъ тогда надъ ними племенемъ Рось.

Хотя, какъ мы видимъ, связь между собственно Росью и словяно-болгарами при Азовскомъ и Черномъ моряхъ существовала издавна; но сила русскаго вліянія у этихъ болгаръ сказалась только въ началѣ IX вѣка.

Построеніе хазарами крѣпости Саркела съ цѣлью защиты своихъ владѣній отъ Роси и печенѣговъ, а одновременно посольство русскаго князя въ Царьградъ 838—839 г. свидѣтельствуютъ о томъ, что Днѣпровская или Полянская Рось около этого времени значительно подвинула впередъ дѣло объединенія восточныхъ словянъ и выступила въ міровой исторіи такъ широко, что ея имя сдѣлалось знаменитымъ въ Европѣ и въ Азіи.

Слѣдующее за посольствомъ 839 года византійское извѣстіе о Руси въ «Бесѣдахъ» патріарха Фотія относится уже къ нападенію ея на Царьградъ подъ предводительствомъ кіевскихъ великихъ князей: Аскольда и Дира. Въ исторически-знаменитомъ нападеніи этомъ тоже выражается ясно тѣсный союзъ между Росью и болгарскими племенами Босфора Ким-

мерійскаго. Иначе было бы невозможно возвращеніе русскаго флота на родину.

Къ этому времени, т. е. къ половинѣ IX вѣка, хазарское могущество начинаетъ падать. Съ юга хазаръ сильно тѣснятъ арабы, съ сѣвера—печенѣги, а съ запада—россы. Въ X столѣтіи, по свидѣтельству императора Константина, отъ нихъ отпали всѣ племена кавказскихъ аланъ и причиняли имъ сильный вредъ, препятствуя ихъ свободному сообщенію съ Чернымъ моремъ и отвлекая ихъ боевыя силы отъ крѣпости Бѣлой Вѣжи. Азовскимъ чернымъ болгарамъ было однако труднѣе освободиться отъ хазарской зависимости, чѣмъ аланскимъ горцамъ, соединеннымъ подъ властью одного государя; но къ нимъ на помощь явились соплеменные имъ россы. Русскія лѣтописи тѣхъ временъ повѣствуютъ о цѣломъ рядѣ войнъ Руси съ хазарами. Окончательное освобожденіе черныхъ болгаръ изъ-подъ хазарскаго ига и присоединеніе ихъ послѣ того къ Руси совершилось при кіевскомъ великомъ князѣ Олегѣ и его племянникѣ Игорѣ, между 911 и 945 годами: тогда-то явилось еще одно особое Русское княжество, или удѣлъ Тьмутараканскій. Въ договорѣ между великимъ княземъ Игоремъ и византійскимъ императоромъ того времени уже стоитъ условіе, чтобы русскій великій князь не пускалъ черныхъ болгаръ нападать на греческій приморскій городъ (Херсонь). Но почему византійцы даютъ азовскимъ болгарамъ неоднократно прозвище «черныхъ»? Мы найдемъ этому объясненіе, когда вспомнимъ, что на Азовскомъ морѣ, у Босфора Киммерійскаго, поселились гунны,—они же болгары утургуры,—придя отъ устьевъ рѣки Кубани, или, по древнему именованію ея, Кубиса. Сѣверный рукавъ этой рѣки и до сего времени называется Черной Протокой; во времена же Кон-

стантина Багрянороднаго онъ назывался Каргулъ, что̀ то же самое означаетъ. Одинъ изъ лѣвыхъ притоковъ Кубани и нынѣ носитъ названіе: Киро-Кубань. Киро же по-русски: черный.

Арабскія лѣтописи X вѣка рядомъ съ главными русскими городами Новгородомъ и Кіевомъ упоминаютъ еще третью отдаленную отъ Приднѣпровья область Руси, живущей на лѣсистомъ, болотистомъ и нездоровомъ островѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что это именно Тьмутаракань. Толкователи древнихъ лѣтописей въ большинствѣ случаевъ привыкли все, что̀ арабскіе лѣтописцы сообщаютъ намъ о болгарахъ, относить только къ болгарамъ Камскимъ, или Дунайскимъ, позабывая вовсе о существованіи еще болгаръ Азовскихъ, или Кубанскихъ. Напримѣръ, долгое время всѣхъ приводило въ недоумѣніе сообщеніе нами уже упомянутаго араба Массуди, что большой городъ болгаръ лежитъ на берегу Азовскаго моря. Но дѣло будетъ просто, если понять, что тутъ очевидно подразумѣвается столица черныхъ болгаръ: Тамутарха, выросшая на мѣстѣ древней греческой Фанагоріи. Дальше Массуди говоритъ, что болгары воюютъ съ греками и хазарами. Но Дунайскіе болгары, очевидно, не имѣли причинъ воевать съ далекими отъ нихъ хазарами, такъ же, какъ Камскіе съ греками. Очевидно, что рѣчь идетъ о болгарахъ черныхъ. Массуди продолжаетъ затѣмъ сбивать съ толку своихъ, связанныхъ узкой, предвзятой мыслью, читателей, говоря, что болгары—язычники, не имѣющіе священныхъ книгъ. Между тѣмъ какъ въ то время среди болгаръ на Дунаѣ уже процвѣтала христіанская письменность, а булгары Камскіе были магометане. Только большинство черныхъ болгаръ коснѣло еще въ язычествѣ. Черные болгары имѣли съ россами въ обы-

чаяхъ много общаго, находясь съ ними въ тѣсныхъ сношеніяхъ. У нихъ одинаковые обряды при погребеніи и всѣ покупки свои они оплачивали, вмѣсто монеты, домашнимъ скотомъ. Наконецъ, въ достовѣрныхъ источникахъ ясно сказано, что Болгарія составляла область Хазаріи и что мусульмане-арабы на нее нападали при халифѣ Османѣ.

Въ одномъ мѣстѣ лѣтописи своей Массуди черныхъ болгаръ означаетъ большимъ, сильнымъ племенемъ «волынянъ», процвѣтавшихъ нѣкогда подъ властью единаго царя. Въ древней Россіи Каспійское море звалось Хвалынскимъ или Волынскимъ, и, очевидно, рѣчь идетъ о гуннахъ-киммерійцахъ, когда позднѣйшій гунно-болгарскій народъ, не раздѣляясь, жилъ въ юго-восточной Европѣ, страшный своимъ сосѣдямъ, и не разсѣялся еще по Европѣ. Можно предположить, что наши западные волыняне составляютъ вѣтвь болгаро-словянскаго, не чисто русскаго, племени. Они, подобно южнымъ словяно-болгарскимъ племенамъ, именуемымъ византійцами: тавро-скиѳами,—тиверцамъ и угличамъ, всегда оказывали извѣстное противодѣйствіе первенству и вліянію Руси Кіевской. Можетъ быть, тутъ и послѣдовало раздѣленіе нарѣчія великорусскаго-кіевскаго съ малорусскимъ. Но тѣмъ не менѣе въ арабскихъ извѣстіяхъ черные болгары всегда именуются частью Руси. Арабскія лѣтописи X вѣка дѣлятъ ее на три, ясно опредѣленныя, части: Кіевскую, Словянскую, или Новгородскую, и Азово-Черноморскую, или Русь Тьмутараканскую. Имя Руси тогда сдѣлалось уже славнымъ и громкимъ на всемъ востокѣ послѣ походовъ ихъ къ Каспійскому морю и нанесенныхъ ими ударовъ Хазарскому царству. Въ X-мъ вѣкѣ,—въ нѣсколько позднѣйшее время княженія въ Кіевѣ русскаго великаго

князя Игоря, Черная Болгарія или Артанія была объединена, подъ именемъ Тьмутараканскаго княжества, съ Кіевской Русью и принадлежала къ числу владѣній княжескаго верховнаго ея рода, сидѣвшаго на столѣ Кіевскомъ. Изъ Артаніи вывозились черные соболи и черныя лисицы. Черноморская Рось получала ихъ, вѣроятно, отъ своихъ сѣверныхъ соплеменниковъ.

Въ 839 году мы имѣемъ извѣстія о жестокой борьбѣ руссовъ съ хазарами; причемъ на Таврическомъ полуостровѣ съ русскими соединились противъ хазаръ и потомъ ушедшихъ въ Паннонію степныхъ угровъ азовскіе болгары. Когда эти войны кончились освобожденіемъ черныхъ болгаръ отъ хазарскаго ига,—они должны были промѣнять его на нѣкоторую зависимость отъ русскихъ князей. Руссы, во-первыхъ, прогнали хазарскіе военные постои изъ Тьмутаракани, замѣнивъ ихъ своими дружинами. Въ другихъ же мѣстахъ племена черныхъ болгаръ еще продолжали самостоятельно управляться своими князьками и вѣчами. Одновременно хазаръ съ сѣвера все сильнѣе и сильнѣе тѣснили печенѣги, а съ юга—арабскіе халифы. Какъ мы уже говорили, и прикавказскіе алане вернули себѣ свою независимость. Эти черкесскія племена, или касоги, давно уже тяготились игомъ Каспійско-Волжскихъ каганов. Хазарское же владычество на Таврическомъ полуостровѣ больше всего держалось черкесскими дружинами, и здѣсь именно съ ними по преимуществу вели борьбу греки, русскіе и болгары. Черкесы-хазары засѣли во многихъ мѣстахъ нагорной части Крыма и, съ помощью угровъ, оттуда старались себѣ вернуть отвоеванныя у нихъ русскими земли. До появленія Руси, владычество на Таврическомъ полуостровѣ раздѣлилось между греками и

17) Картина: Угорскій пастухъ.

хазарами. Но Русь внѣдрилась между ними и, одолѣвъ хазаръ, напала на грековъ. Мы встрѣчаемъ извѣстіе о Руси на Таврическомъ полуостровѣ въ житіяхъ св. Георгія и св. Стефана Сурожскаго. А именно: русскіе воины какъ-то вторглись въ христіанскій храмъ, гдѣ покоились мощи св. Георгія, и начали раскапывать его гробъ, думая тамъ найти сокровища; но были охвачены внезапной немощью и остались какъ бы связанными невидимыми для нихъ узами. Русскій князь, пораженный подобнымъ чудомъ, тогда раскаялся въ своей жестокости и отпустилъ христіанскихъ плѣнниковъ. Тогда усердными ихъ молитвами руссы были исцѣлены.

18) Картина: Русскіе воины, пораженные внезапной немощью у гробницы св. Георгія во время ея ограбленія.

Затѣмъ какой-то другой русскій князь, полонивъ всю страну отъ Корсуня до Босфора, съ великою силою приступилъ къ городу Сурожу. Онъ вломился въ него послѣ десятидневной битвы и, устремившись въ храмъ св. Софіи, гдѣ покоились мощи св. Стефана, хотѣлъ ограбить священный гробъ, сорвавъ покрывавшія ихъ драгоцѣнныя ткани,—послѣ того какъ уже овладѣлъ золотыми сосудами храма. Но едва онъ прикоснулся къ мощамъ, какъ упалъ съ лицомъ, искаженнымъ сильнымъ удушьемъ, и пѣна хлынула у него изо рта. Онъ услыхалъ голосъ святого, ему сказавшій: «если ты въ семъ храмѣ не крестишься,—то изъ него не изыдешь». Князь тотчасъ приказалъ возвратить въ храмъ все похищенное и, крестившись, получилъ исцѣленіе. Послѣ онъ далъ свободу всѣмъ своимъ плѣнникамъ и отошелъ съ миромъ отъ города. Все это было въ началѣ IX-го столѣтія. А вскорѣ послѣ морского похода Аскольда и Дира въ 864 году подъ стѣны Царь-града,—что будетъ нами сейчасъ описано,—руссы въ Кіевской области начали принимать христіанство.

19) Картина: Русскій князь у мощей св. Стефана Сурожскаго.

Глава IV.

Походъ на Царьградъ кіевскаго великаго князя Аскольда. Призваніе Новгородомъ на княженіе къ себѣ варяжскаго князя Рюрика. Убіеніе родственникомъ его Олегомъ принявшаго христіанство князя Аскольда и его брата Дира въ Кіевѣ. Олегъ—великій князь Кіевскій *).

О Руси въ первый разъ громко заговорили византійскіе и западные писатели со времени разрушительнаго морского ея набѣга, большими силами, на Царьградъ. Такой набѣгъ сталъ возможенъ только послѣ того, какъ Русь распространила свое преобладающее вліяніе на берега Азовскаго моря и вообще объединилась настолько, что собрала всѣ свои главныя вѣтви подъ первенствующей властью великаго князя Кіевскаго, уже подчинившаго себѣ ближайшихъ сосѣдей и положившаго основаніе строго-государственному укладу своихъ владѣній. Укрѣпившись сначала въ собственной своей странѣ, Русь получила возможность избытокъ силъ своихъ обратить на внѣшнія предпріятія и снарядить сама по себѣ цѣлый флотъ въ нѣсколько сотъ кораблей, чтобы постоять за свои права въ Византіи. Поводомъ къ нападенію на Царьградъ послужила обида греками какихъ-то русскихъ торговцевъ. Важный по своему торговому значенію городъ Корсунь, или Херсонесъ Таврическій, является при Черномъ морѣ пограничнымъ городомъ Византійской имперіи съ «сѣверными дикарями», какъ греки называли русскихъ. По всей вѣроятности, Русь здѣсь имѣла ранѣе столкновеніе съ греками,—а въ 864 году сочла себя достаточно сильной для нападенія на Царьградъ и, вѣроятно, до этого морского похода уже была доста-

*) Источники: Д. Иловайскій: «Исторія Россіи. Періодъ Кіевскій и Владимірскій».—Забѣлинъ: «Исторія Русской жизни».

точно хорошо знакома съ водами Чернаго моря и съ его побережьями. Дѣло въ томъ, что греческое правительство нарушило какимъ-то образомъ свои торговые договоры съ русскими, проживавшими для торговли въ предмѣстьѣ Царьграда, около монастыря св. Мамы, нарочно греками отведенномъ для ихъ житія. Изъ-за какого-то небольшого долга между русскими купцами и греками произошла крупная ссора,—причемъ греки себѣ позволили избить русскихъ купцовъ, пренебрегая Русью, такъ какъ считали ее до тѣхъ поръ за народъ ничтожный, невѣжественный и бѣдный. Русь тщетно требовала удовлетворенія за обиду. Византійцы не обращали на это требованіе ровно никакого вниманія. Они еще тогда мало знали ее внѣ торговыхъ сношеній съ нею и не подозрѣвали въ ней новое, уже въ достаточной мѣрѣ окрѣпшее, государство. Намъ приходилось здѣсь наблюдать отличительную способность именно русско-полянскаго племени среди словянъ, вообще слишкомъ подвижныхъ и впечатлительныхъ, а потому неустойчивыхъ,—постепенно, но неуклонно объединять вокругъ своей Кіевской области всѣ восточно-словянскія, широко раскинувшіяся, вѣтви. Оно превосходно пользовалось для этого замѣчательно благопріятной здѣсь для удобнаго сообщенія рѣчной сѣтью и, подвигаясь на сѣверъ по притокамъ Днѣпра, подчинило себѣ на востокѣ,—кромѣ ближайшихъ къ Кіеву сѣверянъ-черниговцевъ,—еще родимичей на Сулѣ и Сеймѣ, дряговичей на западѣ. При верховьяхъ Днѣпра русскіе утвердились въ Смоленскѣ, главномъ городѣ кривичей. А подвигаясь еще далѣе къ сѣверу, перешли волоки до Ловати, идя вдоль по которой, не замедлили овладѣть озеромъ Ильменемъ съ знаменитымъ Новгородомъ при устьѣ Волхова. Отсюда уже

20) Картина: Греки наносятъ побои русскимъ у монастыря св. Мамы.

Русь по Волхову и Ладожскому озеру себѣ открыла путь къ прибалтійскимъ варягамъ и въ Скандинавію. Но не довольствуясь только днѣпровскими и ильменскими словянами, она проникла съ своимъ господствующимъ вліяніемъ далѣе на Оку и верховья Волги,—гдѣ укрѣпилась среди финскихъ племенъ, въ Муромѣ и Ростовѣ. Встрѣтивъ успѣшное сопротивленіе властолюбію своему на юго-западѣ, со стороны словянскихъ племенъ другой болгарской отрасли: тиверцевъ, угличей и волынянъ,—Рось на юго-востокѣ за то, какъ мы уже видѣли, подчинила своей зависимости болгаръ приазовскихъ—черныхъ, освобожденныхъ ею отъ хазарскаго ига. Владѣя здѣсь берегами пролива между Азовскимъ и Чернымъ моремъ, русскіе могли развивать свободно свое судоходство на Черномъ морѣ и посѣщать его берега въ качествѣ хищниковъ, или торговцевъ. Для прямого сношенія съ Византіей и дунайскими болгарами, существовалъ у словянъ изстари не разъ упомянутый и уже описанный нами путь изъ Варягъ въ Греки, внизъ по Днѣпру до самаго его устья, черезъ огромные пороги Днѣпра, одолѣваемые неустрашимой предпріимчивостью словянъ. Въ весеннее половодіе къ Кіеву собирались торговцы со всѣхъ русскихъ городовъ: изъ Новгорода, Смоленска, Чернигова и др.

Въ Днѣпровскомъ заливѣ или лиманѣ руссы дѣлали остановку передъ выходомъ въ море, чинили мачты и паруса, вообще приготовляли свои ладьи для морского плаванія. Изъ лимана они направлялись, не удаляясь отъ берега, къ устью Днѣстра, потомъ Дуная,—и такъ достигали Царьграда. Здѣсь взамѣнъ мѣха, воска, кожи и меда они получали въ греческихъ областяхъ для обратнаго вывоза ткани, вино, плоды, дорогое оружіе, посуду и металлическія издѣ-

21) Картина: Русскіе торговцы чинятъ свои ладьи при устьѣ Днѣпра, для морского плаванія.

лія. Такъ же, какъ русскіе князья дорожили торговлею своего народа съ греками,—такъ же и греческое правительство цѣнило мирныя сношенія съ Русью, и они заключали между собою, какъ видно изъ повода нападенія на Царьградъ руссовъ въ 864 году, обоюдные договоры еще гораздо раньше второй половины IX вѣка. Изъ дошедшихъ до насъ договоровъ X вѣка мы узнаемъ слѣдующія условія пребыванія русскихъ гостей или торговцевъ въ Царьградѣ. Въ предназначенномъ для ихъ жительства предмѣстьѣ монастыря св. Мамы греческіе полицейскіе чины записывали ихъ имена. Въ самый городъ они могли входить только особыми воротами въ количествѣ не болѣе 50 человѣкъ, обязательно безоружныхъ. Они могли даромъ мыться въ публичныхъ баняхъ. Въ теченіе года имъ выдавали помѣсячно опредѣленное количество хлѣба, мяса и овощей. Въ столицѣ русскіе гости могли покупать все безъ пошлины. Убійца, грекъ или руссъ, одинаково подлежалъ смертной казни на мѣстѣ преступленія. Воръ обязанъ былъ возвратить втрое бо́льшую сумму, противъ украденной имъ, а оказавшаго сопротивленіе не воспрещалось и лишить жизни. Далѣе предусматривались въ договорѣ всякія мелочи и могущія быть случайности. По тому же условію руссы вольны были наниматься на службу къ греческимъ императорамъ,—и дѣйствительно въ греческомъ войскѣ и флотѣ этого времени мы встрѣчаемъ руссовъ. Договоры скрѣплялись взаимной присягой сторонъ соблюдать ихъ, причемъ императоры цѣловали крестъ, а русскій князь и его дружина клялись своимъ оружіемъ и языческими богами. Обычай кровавой мести обязывалъ руссовъ отомстить не внимавшимъ ихъ жалобамъ грекамъ за смерть и оскорбленіе своихъ соплеменниковъ въ Византіи,—и вотъ

22) Картина: Византійскія бани.

они, ловко выбравъ удобное время ддя нападенія, когда молодой императоръ Михаилъ III воевалъ за моремъ съ сарацинами, нагрянули подъ предводительствомъ великаго князя кіевскаго Аскольда, на 200 ладьяхъ, съ моря, подъ стѣны Царьграда—въ 862 году. День,—тоже по преднамѣренному разсчету руссовъ,—склонялся къ вечеру, когда многочисленные корабли ихъ вошли въ заливъ полуострова, называемаго Золотымъ Рогомъ, гдѣ была расположена великолѣпная греческая столица. Бѣглецы изъ приморскихъ загородныхъ селеній принесли въ наслаждавшуюся безпечно своей обычной, роскошной жизнью Византію страшную вѣсть. Михаилъ III, не признававшій съ юности ничего важнѣе конскаго бѣга на цирковомъ византійскомъ ристалищѣ, но вдругъ пожелавшій славы военныхъ подвиговъ, увелъ тогда противъ сарацинъ (арабовъ) почти всѣ полки византійскіе, столицу свою оставивъ на попеченіе одного вельможи, нѣкоего Никиты Орифа. Тотъ поспѣшилъ запереть городскія ворота, разставилъ на башняхъ имѣвшуюся въ распоряженіи у него стражу—и послалъ гонцовъ къ императору. Византійцы пришли въ неописуемое смятеніе и побросали въ ужасѣ всѣ свои забавы; забыли мелочныя, пустыя заботы своей ежедневной, распутной жизни. Высокомѣріе ихъ и презрѣніе къ ничтожнымъ дикарямъ-руссамъ смѣнились страхомъ плѣна и смерти. Они наполнили толпами храмы, плакали и молились,—между тѣмъ какъ наступившая бурная ночь еще усилила тревогу въ городѣ. Когда мракъ разсѣялся, жители Византіи увидѣли вереницу русскихъ судовъ, обступившихъ ихъ городъ. Потрясая широкими, обоюдоострыми лезвіями своихъ мечей, свѣтлокудрые, статные, русскіе воины на судахъ испускали воинственный грозный крикъ. Самые знат-

23) Картина: Конскіе бѣга въ Византіи.

24) Картина: Суда князя кіевскаго Аскольда подъ стѣнами Царь-Града.

ные между ними отличались бритыми подбородками и длинными усами. Ихъ чубатыя подстриженныя кругомъ головы были покрыты остроконечными шлемами. Плащи, наброшенные поверхъ кольчуги, сходились на правомъ плечѣ углами, пристегнутыми большой пряжкой. Длинные щиты, узкіе книзу, собой покрывали почти все тѣло. Высадившись на берегъ, руссы начали насыпать по военному своему обычаю земляной валъ вдоль стѣнъ, защищавшихъ столицу съ суши,—чтобы легче овладѣть ею, а вмѣстѣ съ тѣмъ начали грабить окрестные монастыри и селенія.

Византія была спасена въ это страшное для нея время высшимъ духовнымъ своимъ лицомъ, патріархомъ Фотіемъ. Онъ смѣнилъ строгаго, благочестиваго патріарха Игнатія, возведеннаго на патріаршій престолъ матерью императора, императрицею Ѳеодорою, извѣстной защитницей иконопочитанія, — но неугоднаго юному, распутному Михаилу III за свои смѣлыя обличенія его недостойной жизни и потому лишеннаго сана. Его замѣститель—Фотій, хотя и не отличался такими же добродѣтелями, какъ его предшественникъ, но зато обладалъ громадной ученостью и получилъ извѣстность своими письменными трудами. Онъ не былъ однако признанъ въ санѣ своемъ римскимъ папою Николаемъ (тѣмъ самымъ, что̀ усмотрѣвъ ересь, т. е. отступничество,—въ переводѣ на словянскій языкъ богослужебныхъ книгъ,—вызвалъ къ себѣ въ Римъ Кирилла и Меѳодія). Это и положило начало непримиримому съ тѣхъ поръ раздѣленію христіанской церкви на двѣ,—большей частью враждебныя: западную, Римско-католическую, и восточную—Православную, Византійскую. Въ Римѣ духовнымъ главой былъ папа, а въ Византіи—патріархъ. Пониманіе

ихъ существенныхъ положеній христіанскаго вѣроученія вообще было неодинаковое.

Когда въ отчаяніи своемъ византійцы отъ постоянныхъ пиршествъ обратились вдругъ къ покаянію, посту и молитвѣ, били себя въ грудь, стоя на колѣняхъ, и со слезами взывали къ милосердію Бога,—патріархъ Фотій показалъ себя вполнѣ достойнымъ своего сана и обнаружилъ рѣдкую силу слова. Въ прекрасномъ соборѣ византійскомъ, во имя св. Софіи, куда стеклась самая густая толпа молящихся,—онъ обратился къ нимъ съ укоризненной, потрясающей рѣчью, ярко изобразивъ нашествіе дикихъ россовъ, какъ наказаніе, посланное на Византію Богомъ за тяжкія беззаконія во грѣхахъ погрязшаго населенія. Чтобы подчеркнуть болѣе рѣзко стыдъ и униженіе Византіи, онъ отзывался о россахъ съ пренебреженіемъ, но тѣмъ не менѣе признавалъ ихъ обиженными неправедными поступками съ ними грековъ, а гнѣвъ ихъ—вполнѣ понятнымъ и справедливымъ. Онъ упрекаетъ грековъ за то, что они своихъ русскихъ рабочихъ-молотильщиковъ за малый долгъ безчеловѣчно сдѣлали своими рабами, даже убили нѣсколькихъ,—тогда какъ сами недобросовѣстно нарушали свои договоры съ ними. Онъ признавалъ, что россы пришли не грабить, а мстить, совершить надъ византійцами кару, достойную злодѣянія ихъ. Значитъ, русскіе воины подъ стѣнами Царьграда въ 862 году явились не разбойниками, грабителями,—а незамѣтно для Византіи окрѣпшимъ, сильнымъ народомъ, себя не дающимъ врагамъ въ обиду. Жители Византіи, подъ вліяніемъ страха и краснорѣчиваго воззванія къ нимъ патріарха, каялись помимо своихъ обыденныхъ личныхъ грѣховъ и въ нарушеніи договора съ руссами, въ обидѣ, имъ причиненной. Они клялись впе-

25) Картина: Отчаяніе и покаяніе византійцевъ въ стѣнахъ Царьграда, осажденнаго руссами.

редъ соблюдать обѣты свои чистосердечно. Гордые смирились; ростовщики, копившіе деньги, ихъ раздавали бѣднымъ.

Между тѣмъ русскіе не снимали осады. Видя, что валъ, насыпанный ими, все возрастаетъ, и скоро они съ его вершины будутъ имѣть возможность ворваться въ городъ,—патріархъ Фотій воскликнулъ: «Настало время, возлюбленные, прибѣгнуть къ Матери Божіей. Она—единое наше прибѣжище и надежда! Къ Ней возопіемъ о спасеніи града нашего и Ее сдѣлаемъ мы свидѣтельницей обѣтовъ нашихъ!»...

Въ сѣверо-западномъ углу Византіи, въ части города, называвшейся почему-то Влахернами, находился храмъ Влахернской Богородицы. Въ этомъ храмѣ хранилась риза, т. е. часть одежды Матери Божіей и Ея поясъ. Жители Византіи особенно почитали эту святыню, а Богородицу прославляли главной заступницей и покровительницей своего города. Патріархъ поднялъ ризу Пресвятой Богородицы и изъ Влахернскаго храма обнесъ ее крестнымъ ходомъ, сопровождаемый всѣмъ народомъ, вокругъ стѣнъ Византіи. Между тѣмъ къ этому времени до руссовъ, предававшихся опустошенію всей окрестной страны и безпощадно осуществлявшихъ свое мщеніе византійцамъ, дошелъ слухъ о томъ, что императоръ Михаилъ, со всѣми военными своими силами и кораблями, уже находится на обратномъ пути въ Царьградъ, что онъ спѣшитъ на выручку своей столицы. Руссамъ на 200 ладьяхъ оставаться въ виду города, обладавшаго огромнымъ флотомъ, было немыслимо, и, захвативъ на берегахъ Византіи несмѣтную добычу, совершивъ все, чего требовалъ законъ мести, руссы рѣшили благоразумно скрыться съ тою же быстротой, съ какой появились передъ глазами испуганныхъ гре-

ковъ изъ морской дали. Они всѣ сѣли опять на свои ладьи и къ великому ликованію своихъ враговъ уплыли отъ стѣнъ Царьграда въ море. Греки весьма опасались за судьбу городовъ своихъ на Таврическомъ полуостровѣ по сосѣдству съ руссами,—въ особенности Корсуни, но скоро здѣсь дѣло уладилось мирно, благодаря христіанской проповѣди. Греческіе проповѣдники уговорили часть россовъ принять св. крещеніе по примѣру значительной доли черныхъ болгаръ, и россы, два года спустя послѣ своего нападенія на Царьградъ, сами послали туда пословъ просить грековъ о мирномъ условіи съ ними, чтобы можно имъ было жить безъ вражды въ Царьградѣ и вести тамъ торговлю. Фотій оповѣщаетъ въ 866 году восточныхъ епископовъ, что не только племя болгарское, но и высокомѣрное, кровожадное племя русское перемѣнило свое языческое нечестіе на христіанскую вѣру. Однако, прежде всего византійскому императору, Василію Македонянину, смѣнившему въ 867 году убитаго имъ Михаила III-го, удалось богатыми дарами золота и шелковыхъ тканей склонить къ миру русскихъ вождей и съ ними возобновить торговые договоры. Благочестивый изгнанникъ Игнатій тогда снова былъ водворенъ на патріаршемъ престолѣ. Онъ для крещеной части Руси назначилъ особаго архіепископа. Тогда крещеные таврическіе болгары уже имѣли Евангеліе и нѣкоторыя другія священныя книги на своемъ родномъ языкѣ. Отъ нихъ-то, по всей вѣроятности, знаменитые православные проповѣдники, братья Кириллъ и Меѳодій, заимствовали церковно-словянское письмо вмѣстѣ съ начатками переводовъ Св. Писанія, которое послѣ они перенесли къ Дунайскимъ словянамъ. То же церковно-славянское письмо облегчило путь христіанской проповѣди въ среду русскаго народа, къ

этому времени утвердившагося на берегахъ Азовскаго моря чрезъ своихъ выходцевъ съ Днѣпра. Ко времени нападенія на Царьградъ руссовъ, въ 860 году въ Кіевѣ съ торговыми цѣлями жило много прибалтійскихъ словянъ—варяговъ, тѣснимыхъ за Вислу и Нѣманъ германцами. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что ихъ знаменитые мореходы входили въ составъ всенародной, русско-словянской дружины, осадившей Царьградъ.

Въ концѣ IX вѣка тюркское кочевое племя печенѣговъ, потѣсненное въ степяхъ между Волгою и Ураломъ союзниками хазаръ, степными узами или торками, заняло своими восемью ордами огромное степное пространство на югѣ Россіи, между устьемъ Дуная и берегами Дона. Изъ степей приазовскихъ и приднѣпровскихъ оно выгнало угровъ къ сѣверу отъ Дуная, въ Паннонію, гдѣ угры,—какъ мы уже знаемъ, въ союзѣ съ нѣмцами образовали Венгерское королевство, разрушивъ державу Велико-Моравскую западнаго словянства. Изобилуя скотомъ, печенѣги въ мирное время продавали Руси большее количество быковъ, овецъ и лошадей; помогали ея торговымъ сношеніямъ съ Корсунской областью, нанимаясь перевозить товары. Но зато, при враждебныхъ отношеніяхъ, печенѣги много мѣшали сообщеніямъ Руси съ ея Азовскими и Таврическими владѣніями, а также—съ греками. Особенно пользовались они Днѣпровскими порогами, чтобы нападать на русскіе караваны и грабить ихъ; а кромѣ того, лихіе наѣздники, они врывались порой и въ самую область Кіева для грабежа и хищенія. Кіевскіе князья принуждены были—или вступать въ упорную борьбу съ печенѣжскими ордами, или же ихъ привлекать къ своему союзу въ случаѣ войны съ сосѣдями. Иногда торки нападали съ

востока на печенѣговъ, чѣмъ отвлекали силы ихъ въ другую сторону, открывая свободный путь Кіевской Руси къ берегамъ морей: Чернаго и Азовскаго.

Заключеніе I-ой части.

Мы прошли мысленно длинный путь другъ друга смѣнявшихъ столѣтій, за долго до и послѣ Рождества Христова,—отмѣченныхъ въ жизни разныхъ племенъ, прочно обосновавшихся на всемъ пространствѣ Россіи, переворотами и событіями, которые создавали въ новомъ мірѣ Европы судьбу всѣхъ ее населившихъ народовъ и отводили имъ, въ силу слагавшихся обстоятельствъ, а также ихъ природныхъ особенностей, то или другое мѣсто. Наше вниманіе къ себѣ все время приковывала нынѣшняя Россія, въ связи съ ея сосѣдними странами, — насколько онѣ вліяли на ходъ русской исторіи и успѣли наложить на современный намъ русскій народъ, — при неизбѣжномъ близкомъ соприкосновеніи съ нимъ,—свой собственный отпечатокъ. Мы видѣли, что настоящая, исконная наша Русь,—Русскій народъ и Русское государство создались вокругъ города Кіева, среди полянскаго племени,—по среднему теченію рѣки Днѣпра. Выводить начало Руси и первыхъ русскихъ князей изъ Скандинавіи—тѣмъ болѣе странно, что Скандинавія въ первые вѣка по Рождествѣ Христовомъ еще была пустынной страной, кое-гдѣ обитаемой финнами. По берегамъ ея только что зародились германскіе выселки съ Балтійскаго моря. Подъ Русской землей въ лѣтописяхъ преимущественно подразумѣвается югъ, а не сѣверъ Россіи,—и Кіевъ, не Новгородъ, названъ матерью всѣхъ русскихъ городовъ. Море Азов-

ское и даже Черное въ нихъ называется Русскимъ, Балтійское же—Варяжскимъ. Лѣтопись арабовъ намъ подтверждаетъ, что восточная часть словянъ отличала себя передъ иноземцами именемъ Руси. Имя же просто словянъ оставалось за словянами Новгородскими и Дунайскими, не считая гунновъ-болгаръ. Только одно преданіе о призваніи чужеземныхъ князей въ Русскую землю относится исключительно къ Новгороду.

Въ буйномъ и своевольномъ Новгородѣ, какъ мы сказали уже, призываніе князей было обычнымъ дѣломъ,—а когда во второй половинѣ XI вѣка, съ появленіемъ половецкихъ ордъ въ южно-русскихъ степяхъ,—южная Русь была оттѣснена постепенно съ береговъ Чернаго моря, причемъ ея торговыя сношенія съ Византіей все болѣе затруднялись, между тѣмъ какъ лишь съ сѣвера Руси въ XII и XIII вѣкахъ свободно въ нее проникалъ свѣтъ европейскаго просвѣщенія,—позднѣйшіе лѣтописцы наши, уже вполнѣ утратившіе воспоминаніе о порванной связи русскихъ людей съ берегами Чернаго моря, легко усвоили это преданіе, сочиненное мѣстной гордостью самостоятельныхъ новгородцевъ, и передали его потомству подъ видомъ жизненнаго, историческаго начала Русскаго государства. Однако, Новгородъ несомнѣнно до татарскаго ига находился въ прямой зависимости отъ Кіевскаго великаго князя, хотя всегда стремился къ самостоятельности. Константинъ Багрянородный называетъ его въ числѣ подвластныхъ Кіеву городовъ. Обыкновенно, каждый народъ начинаетъ свою исторію какимъ-нибудь разукрашеннымъ воображеніемъ его вымысломъ, причемъ очень часто разсказываетъ о трехъ братьяхъ, пришедшихъ Богъ вѣсть откуда.

Дѣло въ томъ, что одинъ изъ древнихъ князей, или просто премудрый старѣйшій мужъ среди новгородскихъ гражданъ, болѣя сердцемъ о своей родинѣ и видя непримиримую рознь въ землѣ Новгородской, гибнувшей безъ единой стойкой княжеской власти, предложилъ Новгороду призвать къ себѣ для управленія обширною Новгородскою областью, въ князья и защитники вождя одной изъ воинственныхъ сильныхъ варяго-словянскихъ дружинъ, съ сосѣдняго устья Нѣмана. Утомленные своими распрями новгородцы, не зная, какъ водворить у себя тишину и порядокъ, должны были согласиться, что имъ безъ главы, безъ князя, не смотря на ихъ своеволіе, все же никакъ обойтись нельзя,—и во избѣжаніе взаимной зависти, помимо военной славы варяжскихъ дружинъ,—призвали къ себѣ на княжество Рюрика, изъ племени Русь. Тотъ приплылъ въ Новгородъ по морю и черезъ озеро Ильмень, — конечно всѣмъ своимъ родомъ, какъ это всегда бывало, и со своей дружиною. Кромѣ него мы знаемъ по именамъ двухъ его полу-баснословныхъ братьевъ: Синеуса и Трувора, а также ближайшаго его родственника знаменитаго князя Олега, пустившагося искать для себя лично земель на благодатномъ югѣ, внизъ по Днѣпру, къ столь же, по слухамъ, богатому, какъ Царьградъ, городу Кіеву, гдѣ тогда княжилъ Аскольдъ, — въ св. крещеніи Николай,—со своимъ братомъ, Диромъ. Чтобы придать, должно быть, нѣкоторую законность своимъ захватамъ, Олегъ взялъ съ собою въ далекій путь и малолѣтняго сына Рюрика: Игоря. Рюрикъ послалъ, по преданію, одного брата своего Синеуса княжить въ Изборскъ, а другого Трувора на Бѣлоозеро, а самъ остался въ Новгородѣ.

26) Картина: Прибытіе въ Новгородъ варяжскаго князя Рюрика на ладьѣ.

27) Картина: Рюрикъ выходитъ съ братьями на Новгородскій берегъ, встрѣченный новгородскими гражданами.

28) Картина: Видъ древняго города Изборска.

29) Картина: Убіеніе Аскольда и Дира княземъ Олегомъ.

Съ этого 862 года, вѣрнѣе—съ захвата Олегомъ Кіева и коварнаго убіенія имъ тамъ Аскольда съ Диромъ, начинается правильное и вполнѣ достовѣрное историческое развитіе Русскаго государства въ послѣдовательномъ порядкѣ его дальнѣйшихъ событій. Тутъ мы закончимъ первую часть нашего труда о древнѣйшей Русской странѣ, переходя ко второй: съ вокняженія варяго-словянскаго князя Олега въ Кіевѣ, т. е. съ начала образованія обособленнаго чисто-русскаго великокняжества.

Заключимъ эту первую часть нашего повѣствованія яркой картиной вѣроломнаго появленія Олега подъ Кіевомъ и мученической гибелью Аскольда, великаго князя кіевскаго, и его брата—Дира.

Въ Печерской части нынѣшняго Кіева, около версты разстоянія отъ Кіево-Печерской Лавры, находится первоклассный мужской монастырь во имя святителя Николая, извѣстный еще въ глубокой древности подъ именемъ Пустынно-Никольскаго или Столпова монастыря. Монастырь этотъ—древнѣйшій среди нынѣ существующихъ въ Кіевѣ.

30) Картина: Видъ Аскольдовой могилы.

На мѣстѣ нижней части его, гдѣ сейчасъ располагается надъ Днѣпромъ живописное кладбище, называемое Аскольдовой могилой, былъ убитъ кіевскій князь Аскольдъ, предводитель морского похода русскихъ въ 860 году на Царьградъ,—принявшій въ св. крещеніи имя Николая. Его обманулъ приплывшій въ Кіевъ изъ Новгорода князь Олегъ, съ цѣлью захвата великокняжескаго престола. Онъ укрылъ воиновъ своихъ въ ладьяхъ, имъ оставленныхъ на берегу Днѣпра, у воротъ Кіева, и велѣлъ объявить великому князю Аскольду съ его братомъ Диромъ, будто варяжскіе купцы, по пути въ Грецію, хотятъ его видѣть. Не подозрѣвая опасности, князья довѣр-

чиво вышли къ нему и пали отъ мечей его воиновъ. Тѣло Аскольда было погребено на мѣстѣ его мученической кончины. Гораздо позже великая княгиня Ольга,—супруга Игоря, наслѣдовавшаго кіевскій столъ послѣ смерти прочно на немъ утвердившагося Олега,—здѣсь построила церковь, во имя Мурликійскаго чудотворца святителя Николая, по христіанскому имени князя Аскольда.

Могила Аскольда въ древности окружена была дремучимъ лѣсомъ. Въ 1128 году кіевскій великій князь Мстиславъ Владиміровичъ, охотясь поздно вечеромъ въ той мѣстности, гдѣ сейчасъ находится Пустынно-Никольскій монастырь, заблудился въ лѣсной непроходимой чащѣ. Разыскивая въ ней дорогу, онъ вдругъ увидѣлъ яркій свѣтъ, исходившій отъ иконы св. Николая. Икона эта стояла на высокомъ пнѣ дерева, у той самой дороги, которую искалъ князь. Въ память этого знаменательнаго событія Мстиславъ Владиміровичъ учредилъ здѣсь мужской монастырь имени св. Николая. «Столповымъ» монастырь этотъ прозванъ былъ потому, что тамъ, гдѣ стоитъ сейчасъ монастырская церковь, находилась прежде каменная часовня, имѣвшая видъ столпа, а въ ней помѣщался образъ св. Николая, какъ знакъ и образъ монастыря.

Окончаніе I-ой части.

ПРИМѢЧАНІЕ.

(Источникъ—В. Ключевскій: Курсъ Русской Исторіи, часть I).

Стр. 21-я. До сихъ поръ уцѣлѣли остатки старинныхъ укрѣпленныхъ дворовъ, какими селились въ древности восточные славяне по Днѣпру и его притокамъ. Дворы окапывались земляными валами, вѣроятно, съ частоколомъ для защиты отъ враговъ, а, особенно, для обороны скота отъ дикихъ звѣрей. Такими однодворными деревнями населялось впослѣдствіи верхнее Поволжье. Изъ этихъ одинокихъ дворовъ выдѣлявшихся мало-по-малу родовыхъ семей выросъ и городъ Кіевъ. Въ странѣ частнаго общежитія старинный «русскій дворъ», т. е. большая семья домохозяина съ женой, дѣтьми и ближайшими родственниками, служилъ переходной ступенью отъ древняго рода къ новѣйшей простой семьѣ. Онъ являлся уже разрушеніемъ родового союза, при распаденіи его на семьи. Въ то же время пріемы лѣсного и земледѣльческаго хозяйства, развившіеся на Приднѣпровьи, уничтожали уже мысль о нераздѣльности родового имущества. Лѣсъ приспособлялся къ промысламъ, и поле расчищалось трудомъ отдѣльныхъ семействъ, и потому отдѣльные лѣсные и полевые участки получали значеніе имущества не родового, въ широкомъ старинномъ смыслѣ этого слова, а уже семейнаго. Родичи чтили общаго родового дѣда; хранили еще родовые обычаи и преданія, но въ правовыхъ, житейскихъ отношеніяхъ обязательная законная связь между родичами распадалась. Тѣмъ не менѣе, большое развитіе получило и долго, крѣпко держалось среди славянскихъ племенъ почитаніе предковъ. Обоготворенный предокъ чествовался подъ именемъ щура, или чура. Понынѣ еще сохранилось въ народѣ названіе пращуръ и заклинаніе отъ нечистой силы или опасности: «чуръ меня», т. е. храни меня, дѣдъ. Придорожные столбы, на которыхъ стояли сосуды съ прахомъ предковъ,—это межевые знаки, охранявшіе предѣлы родной усадьбы. Отсюда произошелъ суевѣрный страхъ, овладѣвавшій русскимъ человѣкомъ на перекресткахъ: здѣсь человѣкъ какъ бы чувствовалъ себя на чужбинѣ, внѣ предѣловъ мощи своихъ охранителей «чуровъ». Первоначальные однодворки, т. е. сложныя большія семьи, какими разселялись восточные славяне, съ теченіемъ времени разростались въ родственныя селенія, помнящія о своемъ общемъ происхожденіи. Они образовались изъ обломковъ рода и раздробились изъ отдѣльныхъ дворовъ прежнихъ семей. Съ развитіемъ торговли, среди этихъ однодворовъ, сначала рѣдкихъ, возникли сборныя мѣста промышленнаго обмѣна, куда звѣроловы и бортники (пчеловоды) сходились для торговли или гостьбы, какъ въ старину выражались. Такія мѣста получили названіе «погостовъ». Впослѣдствіи, съ принятіемъ христіанства, на этихъ сельскихъ рынкахъ, какъ въ мѣстахъ привычнаго стеченія народа, прежде всего ставились христіанскіе храмы. При церквахъ хоронили покойниковъ: отсюда слово «погостъ» начало означать кладбище. Мелкіе сельскіе рынки тянули къ болѣе крупнымъ, возникавшимъ на особенно бойкихъ торговыхъ путяхъ. Изъ этихъ крупныхъ рынковъ, служившихъ посредниками между промышленниками мѣстными и чужеземными, въ VIII столѣтіи, начали выростать древнѣйшіе торговые города по широко проторенному пути изъ «Варягъ въ Греки».

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧТЕНІЕ ПЯТОЕ.

Глава I.

Стран.

Сношенія южно-русскихъ словянъ съ прибалтійскими. Ильменское славянство. Ростово-Суздальскій край. Зарожденіе казачества въ южно-русскихъ степяхъ 5

Картины: 1) Старая Ладога. 2) Ночью въ степи. 3) На-сторожѣ. 4) Позднѣйшіе запорожцы. 5) Казаки, собирающіеся въ походъ.

Глава II.

И. Е. Забѣлинъ о родовомъ бытѣ древнихъ русскихъ славянъ. Начало волости, городства, княжеской власти, бояръ и дружины. Начало хозяйственной собственности и завоеваній новыхъ земель. Сборъ дани. Богатыри 16

Картины: 6) Старый русскій городъ-крѣпость. 7) Старый русскій городъ въ X вѣкѣ. 8) Древній русскій воинъ. 9) Богатырь Вольга Святославичъ и Микула Селяниновичъ.

Глава III.

Постройка хазарами крѣпости Саркела на Дону въ защиту отъ нападенія россовъ. Славяне и россы въ IX вѣкѣ: по византійскимъ и арабскимъ извѣстіямъ. Водный путь россовъ къ Азовскому и Каспійскому морямъ. Черные болгары и Тьмутараканская Русь. Борьба россовъ съ хазарами на Таврическомъ полуостровѣ 40

Картины: 10) Хазары съ греческими мастерами строятъ на Дону крѣпость Саркелъ. 11) Новгородскіе плотники строятъ суда однодревки для сплава ихъ внизъ по Днѣпру. 12) Русскіе купцы волокомъ перебираются съ Дона на Волгу. 13) Погребеніе знатнаго русса. 14) Руссы перебираются со своими ладьями черезъ пороги Днѣпра. 15) Дубъ, которому поклонялись славяне, на островѣ св. Георгія. 16) Конный

Стран.

печенѣгъ. 17) Угорскій пастухъ. 18) Русскіе воины, пораженные внезапной немощью у гробницы св. Георгія во время ея ограбленія. 19) Русскій князь у мощей св. Стефана Сурожскаго.

Глава IV.

Походъ на Царьградъ кіевскаго великаго князя Аскольда въ 860 г. Призваніе Новгородомъ на княженіе къ себѣ варяжскаго князя Рюрика. Убіеніе родственникомъ его Олегомъ, принявшаго христіанство, князя Аскольда и его брата Дира, въ Кіевѣ. Олегъ—великій князь Кіевскій 57

Картины: 20) Греки наносятъ побои русскимъ у монастыря св. Мамы. 21) Русскіе торговцы чинятъ свои ладьи при устьѣ Днѣпра, для морского плаванія. 22) Византійскія бани. 23) Конскіе бѣга въ Византіи. 24) Суда князя кіевскаго Аскольда подъ стѣнами Царь-Града. 25) Отчаяніе и покаяніе византійцевъ въ стѣнахъ Царь-Града, осажденнаго руссами. 26) Прибытіе въ Новгородъ варяжскаго князя Рюрика на ладьѣ. 27) Рюрикъ выходитъ съ братьями на Новгородскій берегъ, встрѣченный новгородскими гражданами. 28) Видъ древняго города Изборска. 29) Убіеніе Аскольда и Дира княземъ Олегомъ. 30) Видъ Аскольдовой могилы.

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
9	11 сверху	притоковъ	потоковъ
9	16 снизу	ни гдѣ	нигдѣ
36	6 снизу	и вотъ	И вотъ
38	18 сверху	породили	породила
40	*)	П. И. Полевой	П. Н. Полевой
41	4 сверху	Среди нихъ	Оттуда
43	7 сверху	сообщалъ	сообщаетъ
54	5 снизу	Руси	русскихъ
61	5 сверху	862	860

151036

DK 71 .M5 1911 IMS
Miatleva, T. P.
Proiskhozhdenie samobytnoi
russkoi narodnosti i Rossiia
47094156

PONTIFICAL INSTITUTE
OF MEDIAEVAL STUDIES
59 QUEEN'S PARK
TORONTO 5, CANADA